

№ 1 (172) 2014
Выпуск 29

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:
НИУ «БелГУ».

Издательский дом «Белгород».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-21121 от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

О. Н. Полушин,
ректор НИУ «БелГУ», доктор
политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И. С. Константинов,
проректор по научной
и инновационной работе НИУ «БелГУ»,
доктор технических наук, профессор

Ответственные секретари:

В. М. Московкин,
профессор кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ», доктор географических наук

О. В. Шевченко

зам. начальника УНИД НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Главный редактор серии

В. А. Шаповалов,
проректор по качеству, заочному
обучению и дополнительному
образованию НИУ «БелГУ»,
доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Н. Н. Болгов,
заведующий кафедрой всеобщей истории
и зарубежного регионоведения НИУ
«БелГУ», доктор исторических наук,
профессор

И. Т. Шатохин,

профессор кафедры российской истории
НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

В. Н. Шилов,

профессор кафедры культурологии
и политологии НИУ «БелГУ»,
доктор философских наук, профессор

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

История Политология Экономика
Информатика

**Belgorod State University
Scientific Bulletin**

**History Political science Economics
Information technologies**

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Традиционные категории инвентаря понтийских некрополей VI-II вв. до н. э. **М. И. Венцова 5**

Категория «труд» в античной нарративной традиции: семантический анализ **В. А. Дюкарев, Е. А. Семичева, Л. В. Фирсова 12**

Терміни на позначення вищих посадових осіб у Марка Туллія Ціцерона **Х. В. Віпрів 16**

Банковские книги древнеримских банкиров **М. Н. Сайко 20**

К проблеме появления черняховских погребений с западной ориентацией **С. В. Ярцев 28**

Законодательные основы гендерного положения женщины в поздней античности **Д. Г. Эюпова 36**

Игровой компонент в культуре шляхты белорусских земель XVII-XVIII в. **И. Г. Углик 41**

Феодализм британского капитализма: политэкономия «Хайлендской проблемы» Великобритании в первой половине XVIII в. **С. Г. Малкин 47**

Лахорская резолюция 1940 г. и сикхи Панджаба **А. А. Золотарева 52**

Арабский Восток: принципы сосуществования (1945 – нач. 1950-х гг.) **Ц. М. Чикаидзе 59**

Образ Тихоокеанской войны в фильме Джона Форда «Сражение за Мидуэй» (1942) **С. О. Буранок 66**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Законодательное регулирование деятельности губернских канцелярий в Российской империи в XVIII веке **А. А. Колотушкин 74**

Эволюция религиозных взглядов князя А. Н. Голицына **Е. Ю. Назаренко 82**

Сбор волов для нужд регулярной армии в Пензенской губернии в 1812 году **С. В. Белоусов 89**

Дворяне: воззрения на характер помещичьей власти в Европейской России в дореформенный период **И. А. Шеенко 94**

Динамика изменений численности городского населения Харьковской губернии во второй половине XIX ст.

Ю. А. Никитин 102

Коммерческие профессиональные учебные заведения России в системе подготовки специалистов для промышленности и тор-

Ответственный секретарь

Онопrienko И. Г.,
доцент кафедры документоведения
НИУ «БелГУ», кандидат
исторических наук, доцент

Члены редколлегии:

М. Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор (Магнитогорский государственный университет)

В. И. Бортников, доктор политических наук, профессор (Восточно-Европейский национальный университет им. Леси Украинки, г. Луцк, Украина)

А. В. Глухова, доктор политических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

М. Казански, доктор истории (Центр изучения византийской цивилизации, Париж, Франция)

А. В. Коробков, доктор политологии (Университет штата Теннесси, США)

К. Н. Лобанов, доктор политических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Е. А. Молев, доктор исторических наук, профессор (Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского)

Н. Н. Нивитенко, доктор исторических наук, профессор (Институт археологии и источниковедения им. М. С. Грушевского Национальной академии наук Украины, г. Киев)

М. Плувиано, доктор истории (Генуэзский университет, Италия)

С. И. Посохов, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Украина)

И. М. Пушкарёва, доктор исторических наук, старший научный сотрудник (Институт российской истории Российской академии наук)

С. Б. Сорочан, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Украина)

И. М. Тодоров, доктор истории, доцент (Великотырновский университет «Св. Кирилла и Мефодия», Болгария)

Х. Р. Туманс, доктор истории, (Латвийский национальный университет, г. Рига)

Статьи представлены в авторской редакции.

оригинал-макет *И. Г. Онопrienko, В. В. Василенко, Н. А. Гапоненко*
E-mail: vasilenko_v@bsu.edu.ru

Подписано в печать 20.03.2014
Формат 60×84/8
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 24.18
Тираж 1000 экз.
Заказ 88

Подписной индекс в каталоге агентства
«Роспечать» – 18078

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован
в Издательском доме «Белгород»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

говли во второй половине XIX – начале XX века в условиях складывающейся рыночной экономики **Д. А. Терещенко 108**

Доходы бюджетов самоуправления уездных городов Воронежской губернии в конце XIX – начале XX вв. **В. В. Кузнецов, А. В. Перепелицын 115**

Власть и общество на европейском севере России: проблема взаимодействия в области модернизации народной агрикультуры (конец XIX – начало XX в.) **И. Н. Белобородова 120**

Деятельность фабричной инспекции по обеспечению страхования рабочих на предприятиях Тульской губернии в начале XX в. **Е. И. Краюшкина 128**

К вопросу об археологических занятиях Сергея Федоровича Платонова (раскопки 1909 г. в Валуйках)

Е. Ю. Захарова 136

Н.В. Причины деформации рынка труда в советской России периода НЭПа **С. В. Богданов, М. И. Кучеренко 142**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Возможность приложения парадигмальной модели к политической науке **Ю. А. Шейко 150**

Проектирование избирательной системы с использованием избирательной инженерии **О. С. Морозова 154**

Информационно-политическое лоббирование и институционализация лоббирования **В. В. Сумская 162**

Роль молодежного парламентаризма в развитии общественно-политической активности современной российской молодежи **И. Н. Гучкова 169**

Russia`s soft power in 'near abroad' in the polish official and expert discourses **V. V. Vasilenko 175**

К вопросу о геополитической ориентации современной Украины **В. Н. Шилов 169**

Концепция геополитического и национально-культурного развития России-Евразии **М. Б. Закиров 192**

Никколо Макиавелли и складывание основ теории социального протеста **Э. Э. Шульц 198**

Сведения об авторах 202

Информация для авторов 204

№ 1 (172) 2014
Issue 29

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education
«Belgorod National Research University»

Publisher:

Belgorod National Research University,
Belgorod National Research University Press.
The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media
ПИ № ФС 77-21121 May 19, 2005.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O. N. Polukhin,
Rector of Belgorod National Research University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I. S. Konstantinov,
Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of Belgorod National Research University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Assistant Editors

V. M. Moskovkin,
Professor of World Economy Department of Belgorod National Research University, Doctor of Geographical Sciences

O. V. Shevchenko,
Deputy Head of Department of Scientific and Innovative Activity of Belgorod National Research University, Candidate of Historical Sciences

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Editor-in-Chief of the Series

V. A. Shapovalov,
Vice-Rector on Quality Issues, Distance and Supplementary Education Doctor of Historical Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief

N. N. Bolgov,
World History and International Area Studies Department Chair Doctor of Historical Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

I. T. Shatokhin,
Professor of the Russian History Department, Candidate of Historical Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Belgorod State University
Scientific Bulletin
History Political science Economics
Information technologies

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ
Белгородского государственного университета
История Политология Экономика
Информатика

CONTENTS

WORLD HISTORY

- Traditional types of funeral inventory of Pontus cemeteries in VI-II centuries bc **M. I. Ventsova 5**
- Category of «labor» in ancient narrative tradition: semantic analysis...**V. A. Dyukarev, E. A. Semicheva, L. V. Firsova 12**
- Terms are for denotation of higher public servants in Marcus Tullius Cicero **K. V. Vitriv 16**
- The Banking books of ancient Roman bankers **M. N. Sayko 20**
- To the problem of appearance of chernyakhov burials with western orientation **S. V. Yartsev 28**
- Legal basis of gender of women in Late Antiquity **D. G. Eypupova 36**
- Game component in culture shlyakhto belarusian lands XVII-XVIII centuries **I. G. Vuhlik 41**
- Feudalism of the British Capitalism: Political Economy of the «The Highland Problem» Of Great Britain in the first half of the XVIII c. **S. G. Malkin 47**
- Lahore resolution of 1940 and the Sikhs of Panjab **A. A. Zolotaryova 52**
- Arab East: principles of coexistence (1945 – early. 1950s.) **Ts. M. Chikaidze 59**
- The image of the Pacific War in the John Ford's film "The Battle of Midway" 1942 **S. O. Buranok 66**

RUSSIAN HISTORY

- The legislative regulation of activity of the provincial chancelleries in the Russian empire in the XVIII century **A. A. Kolotushkin 74**
- The evolution of religious beliefs Prince A. N. Golitsyn **E. U. Nazarenko 82**
- Gathering of oxen for the needs of the regular army in Penza governorate in 1812 **S. V. Belousov 89**
- House-serf: views on the character of landlord authority in european Russia in the pre-reform period **I. A Sheenko 94**
- The time history of Kharkov province urban population in the second half of XIX century **Yu. A. Nikitin 102**
- Commercial vocational schools in the Russian system of training for industry and trade in the second half of the XIX – early XX century in an emerging market economy **D. A. Tereshchenko 108**
- Revenues of estimates of chief towns of uyezds (districts) of Voronezh province in an end of XIX – incipience XX centuries **V. V. Kuznetsov, A. V. Perepelitzyan 115**

V. N. Shilov, Professor of the Cultural and Political Studies Department, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Editorial Assistant

I. G. Onoprienko, Associate Professor of the Records Management Department, Candidate of Historical Sciences

Members of Editorial Board:

M. G. Abramzon, Doctor of Historical Sciences, Professor (Magnitogorsk State University)

V. I. Bortnikov, Doctor of Political Sciences, Professor (East European National University after Lesya Ukrainka, Lutsk, Ukraine)

N. A. Gavrilyuk, Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of Ukraine)

A. V. Glukhova, Doctor of Political Sciences, Professor (Voronezh State University)

M. Kazanski, PhD in History (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A. V. Korobkov, PhD in Political Science (Middle Tennessee State University, USA)

K. N. Lobanov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Belgorod National Research University)

E. A. Molev, Doctor of Historical Sciences, Professor (Nizhniy Novgorod State University after N. I. Lobachevsky)

N. N. Nikitenko, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archeography and Source Studies n. a. M. S. Grushevsky, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev)

M. Pluviano, PhD in History (University of Genoa, Italy)

S. I. Posokhov, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kharkov National University after V. N. Karazin, Ukraine)

I. M. Pushkareva, Doctor of Historical Sciences, Senior Scientific Worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

S. B. Sorochan, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kharkov National University after V. N. Karazin, Ukraine)

N. P. Telnov, PhD in History (Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of Moldova)

I. M. Todorov, PhD in History, Associate Professor (Velikotyrnovo University «St. Cyril and Methodius», Bulgaria)

H. R. Tumans, PhD in History (Latvian National University, Riga, Latvia)

The articles are given in authors' editing.

dummy layout by *I. G. Onoprienko*,
V. V. Vasilenko,
N. A. Gaponenko
e-mail: vasilenko_v@bsu.edu.ru

Passed for printing 20.03.2014
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 24.18
Circulation 1000 copies
Order 88

Subscription reference
in Rospechat' agency catalogue – 18078

Dummy layout is replicated at Belgorod National Research University Publishing house "Belgorod"
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015

Government and Civil Society on the Russian North: the problems of the interoperability at the field of the traditional agriculture's modernization (the end of XIX – beginning of XX century)

I. N. Beloborodova 120

Factory inspection activity in providing the workers insurance on the factories of Tula region in the beginning of 20th century

E. I. Krayushkina 128

On archaeological work of Sergei Fedorovich Platonov (excavations of 1909 in Valuiki) **E. Yu. Zakharova 136**

N.B. Causes of strain the labor market in soviet Russia NEP period

S. V. Bogdanov, M. I. Kucherenko 142

POLITICAL SCIENCE

The applicability of the paradigm model in political science

I. O. Sheiko 150

De.Sg.Mgofzhelect154 system with use of electoral engineering

Information-political lobbying and institutionalization of lobbying

V. V. Sumskaya 162

The role of youth parliamentarism in the development of social and political activity of modern russian youth **I. N. Gukova 169**

Мягкая сила России в «Ближнем зарубежье» в польских официальном и экспертном дискурсах **B. B. Василенко 175**

To the question on geopolitical orientation of modern Ukraine

V. N. Shilov 184

The concept of geopolitical and national and cultural development of Russia-Eurasia **M. B. Zakirov 192**

Niccolo Machiavelli and formation of the social protest theory fundamentals **E. E. Shults 198**

Information about Authors 202

Information for Authors 204

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(262.538)

ТРАДИЦИОННЫЕ КАТЕГОРИИ ИНВЕНТАРЯ ПОНТИЙСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ VI-II ВВ. ДО Н. Э.

М. И. ВЕНЦОВА*Донецкий национальный университет, Украина**e-mail: mventsova@gmail.com*

В статье рассматриваются керамические сосуды, украшения, орудия труда, оружие как наиболее распространенные категории погребального инвентаря некрополей Пантикапея, Ольвии, Аполлонии VI–II вв. до н. э. На основе суммарной характеристики и сравнительного анализа определены особенности их использования в разных понтийских регионах. Установлено, что сосуды для масла являлись традиционной категорией при захоронении умершего в VI–IV вв. до н. э., а украшения – в IV–II вв. до н. э. В отношении других категорий наблюдаются существенные переплетения отдельных комбинаций. При этом наблюдается сходство между некрополями Пантикапея и Аполлонии.

Ключевые слова: Боспор, некрополь, погребальный инвентарь, керамические сосуды, украшения.

При изучении погребальных памятников одним из сложных для интерпретации является определение семантики погребального инвентаря, функциональное назначение которого может иметь двойственный смысл. Отдельные категории вещей, положенные в погребение, могут выполнять как практическую, так и другие функции – эстетическую, магическую. Погребальный инвентарь также может отражать сословные и имущественные особенности населения. Извлечение информации, которая заключается в нем, является довольно сложной задачей, которая требует комплексного и всестороннего рассмотрения.

Материалы некрополей являются особо актуальными для изучения истории Боспорского царства, так как письменные и эпиграфические источники весьма лаконичны и фрагментарны. Отдельные категории инвентаря в том или ином контексте неоднократно рассматривались в специальных работах. Значительное внимание уделялось вопросу об этнической принадлежности погребенных с некоторыми сопроводительными вещами¹. Исследователи обращались к отдельным категориям погребального инвентаря в связи с характеристикой религиозно-мифологических представлений². На основании изучения погребений рассматривались аспекты военно-политической и социальной истории³. Следует подчеркнуть,

¹ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925. С. 159–580; Кастанаян Е. Г. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н. э. и местные особенности // Материалы и исследования по археологии. 1959. Вып. 69. С. 257–295; Масленников А. А. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э. М., 1981. С. 33–34; Греки и варвары Северного Причерноморья в скифское время. СПб., 2005. С. 211–397 и др.

² Сорокина Н. П., Сударев Н. И. Предметы, связанные с культами и магией из погребений кепского некрополя VI–II вв. до н. э. // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. С. 133–139; Кузина Н. В. Дионисийская символика в погребальной обрядности античных центров Северного Причерноморья // Боспорские исследования. 2007. Вып. XVI. С. 112–127 и др.

³ Завойкин А. А., Сударев Н. И. Погребения с оружием VI–V вв. до н. э. как исторический источник по политической и военной истории Боспора // Древности Боспора. 2006. Вып. 9. С. 101–151; Завойкин А. А., Су-

что в последние десятилетия ученые начали комплексно подходить к рассмотрению отдельных элементов погребального обряда. При реконструкциях социального характера стало учитываться мировосприятие древних греков. Появились работы с применением статистических и математических методов исследования⁴.

На основе изучения погребальных памятников был сделан вывод о том, что необходимо говорить не о погребальном обряде всего Боспора, а о погребальных обрядах разных городов, входивших в его структуру. При этом установленное различие в погребальной практике боспорских полисов является отражением участия различных ионийских центров в колонизации региона, которые имели свои своеобразные черты. Выделены две группы полисов с близкими чертами особенностей захоронения умершего, одну из которых связывают с милетской колонизацией, другую – с «немилетской»⁵. Был сделан акцент на том, что присутствие отдельных категорий погребального инвентаря и их количество могло зависеть от особенностей социально-экономического развития разных территориальных центров, которые в структуре Боспорского образования обладали определенной самостоятельностью и имели свои темпы развития⁶.

Цель данной работы – провести сравнительный анализ понтийских центров Боспора, Ольвии и Аполлонии, основанных выходцами из Милета, и установить особенности использования керамических сосудов, украшений, орудий труда и оружия в погребальной практике. Это позволит поднять вопрос о выделении категорий инвентаря, которые были традиционными при проведении обряда захоронения для благополучного перехода души в потусторонний мир, а также категорий инвентаря, которые могли отражать уровень развития общества, содержать в себе социальные характеристики.

Источниковую базу исследования представляют погребальные комплексы некрополей Пантикапея, Ольвии, Аполлонии. Выборка составляет 1511 комплексов погребений VI–II вв. до н. э., из которых по Пантикапею – 463, по Ольвии – 699, по Аполлонии – 349. Все разнообразие погребального инвентаря представляет собой массовый источник, поэтому для максимального извлечения информации оправдано применение статистических методов исследования. В основу сравнительного анализа положена суммарная характеристика. Это стадия первичной группировки материала по разным показателям. Исходя из поставленной цели работы, на основе имеющихся выборок погребений некрополей Пантикапея, Ольвии, Аполлонии была составлена база данных, в которую внесено все разнообразие форм сосудов, украшений, орудий труда и оружия.

Основываясь на функциональном назначении керамических сосудов, была проведена их группировка и выделены следующие комплексы: погребения с сосудами для жидкости, масла, питья, еды. Сосуды для жидкости представлены амфорами, ойнохоями, кувшинами, пеликами, гидриями, кратерами, ольпами, оксибафами, прохусами, лакримариями. Сосуды для масел представлены лекифами, алабастрами, арибаллами, алабастридами, бальзамариями, лагиносамы, угвентариями, амфорисками, асками, бомбилеями, кольцеобразными сосудами. Сосуды для питья представлены киликами, чашками, скифосами, котилами, канфарами, гутгусами. Сосуды для еды представлены блюдечками, мисками, горшками, блюдами, солонками, патерами, рыбными блюдами.

Весь ассортимент украшений, включенных в исследование, представлен украшениями для головы – венками, головными повязками, спиралевидными подвесками, серьгами, украшениями шеи – ожерельями, наборными украшениями – бусами, подвесками, пронизьями, украшениями рук – кольцами, перстнями, браслетами, украшениями, выступающими составной частью одежды – фибулами, булавками, пуговицами, пряжками, бляшками, медальонами.

дарев Н. И. Погребения с оружием VI-V вв. до н. э. как исторический источник по политической и военной истории Боспора // Древности Боспора. 2006. Вып. 10. С. 263-303; Кашаев С. В. Бронзовые предметы из раскопок некрополя Артющенко-2 // Фидития: Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2013. С. 57 и др.

⁴ Шепко Л. Г., Смирнова Т. В., Смирнова И. Е. Опыт корреляционного анализа некрополей Боспора // Політологічні та історичні дослідження. 2004. №1(19). С. 112–119.

⁵ Сударев Н. И. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н. э. как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 255-256.

⁶ Венцова М. И. Орудия труда и предметы быта в погребальной практике Боспора // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб., 2013. С. 147.

Орудия труда представлены веретенами, пряслицами, иглами, намотками, шильями, грузилами, крючками, оселками/точильными камнями, ножами, зернотерками, растиралками, щипчиками, стержнями, скрепами, спицами. Оружия – наконечниками стрел, копий, дротиков, кинжалами, мечами.

Сформированные на основании имеющегося в распоряжении материала выборки, имеют разновеликие абсолютные показатели. Для того, чтобы уравнивать представленность признаков в выборке, количественные данные были переведены в относительные показатели. Также определена норма распределения, которая показывает своеобразие рассматриваемых массивов. Анализу распределения признаков в отдельной выборке помогает тенденция признака, которая показывает, во сколько раз встречаемость признака в выборке отличается от нормы распределения. Данный метод является действенным средством выявления отличительных признаков отдельных некрополей. Сравнение тенденции признака позволяет провести группировку и дифференциацию их на всеобщие, локальные и частные.

Ко всеобщим признакам относятся те группы погребений, тенденция признака которых находится в рамках $1,0 \pm 0,2$, что отражает самые общие черты погребального обряда, которые не зависят от социальных характеристик индивида. Локальные признаки выступают характерными лишь для части сравниваемых выборок (минимум для двух) и свидетельствуют о поливариантности погребального обряда. Частные признаки характерны лишь одной выборке и отражают ее индивидуальные черты⁷.

Имеющиеся данные рассмотрены в рамках следующих периодов: 1) VI – первая половина V вв. до н. э.; 2) вторая половина V – начало IV вв. до н. э.; 3) IV в. до н. э.; 4) конец IV – начало III вв. до н. э.; 5) вторая половина III–II вв. до н. э. Рассмотрение некрополей по этим периодам позволяет проследить особенности распределения установленных категорий инвентаря в погребальном обряде в течение разного времени. Данные периоды соответствуют существенным изменениям в Боспорском государстве, связанным с его территориальными преобразованиями, политическими и экономическими трансформациями.

Первый период охватывает VI – первую половину V вв. до н. э. Суммарная характеристика, норма распределения и тенденция признака по погребениям с керамическими сосудами, украшениями, орудиями труда и оружием данного времени представлены в табл. 1. Следует отметить, что в некрополе Аполлонии наиболее ранние погребения датируются концом V в. до н. э., поэтому на данном хронологическом отрезке не включены в исследование.

Таблица 1

Суммарная характеристика и тенденция признака по погребениям с сосудами, украшениями, орудиями труда, оружием некрополей Пантикапея, Ольвии, Аполлонии в VI – первой половине V вв. до н. э.

Пункт	VI–перв. пол. V вв. до н. э.	Сосуды				Украшение	Орудия труда	Оружие	Всего
		для жидкости	для масла	для питья	для еды				
Пантикапей	Абс.	28	73	27	9	14	16	9	121
	%	23,1	60,3	22,3	7,4	11,6	13,2	7,4	
	Тенд.	0,5	0,9	0,5	0,5	0,5	0,5	0,8	
Ольвия	Абс.	192	189	160	53	99	98	32	259
	%	74,1	73,0	61,8	20,5	38,2	37,8	12,4	
	Тенд.	1,5	1,1	1,5	1,5	1,5	1,5	1,25	
Аполлония	Абс.	–	–	–	–	–	–	–	0
	%	–	–	–	–	–	–	–	
	Тенд.	–	–	–	–	–	–	–	
	Норма распред.	48,6	66,7	42,1	14,0	24,9	25,5	9,9	380

⁷ Генинг В. Ф., Бунятян Е. П., Пустовалов С. Ж., Рычков Н. А. Формационно-статистические методы в археологии. Киев, 1990. С. 88–90.

Сравнение некрополей Пантикапея, Ольвии VI – первой половины V вв. до н. э. позволяет отнести погребения с сосудами для масла, тенденция признака которых 0,9 и 1,1, соответственно, ко всеобщим. Также с некоторой долей условности ко всеобщим признакам можно отнести погребения с оружием, тенденция признака в некрополе Пантикапея которых 0,8, Ольвии – 1,25. Тенденция признака Пантикапея по погребениям с сосудами для жидкости – 0,5, Ольвии – 1,5, по погребениям с сосудами для питья Пантикапея – 0,5, Ольвии – 1,5, по погребениям с сосудами для еды Пантикапея – 0,5, Ольвии – 1,5, по погребениям с украшениями Пантикапея – 0,5, Ольвии – 1,5, по погребениям с орудиями труда Пантикапея – 0,5, Ольвии – 1,5. Такие численные показатели позволяют отнести их к частным признакам, подчеркивая своеобразие изучаемых памятников.

Второй рассматриваемый период охватывает вторую половину V – начало IV вв. до н. э. Данные суммарной характеристики по погребениям с сосудами, украшениями, орудиями труда, оружием некрополей Пантикапея, Ольвии, Аполлонии, норма распределения, а также тенденция признака этого времени представлены в табл. 2.

Таблица 2

Суммарная характеристика и тенденция признака по погребениям с сосудами, украшениями, орудиями труда, оружием некрополей Пантикапея, Ольвии, Аполлонии во второй половине V – начале IV вв. до н. э.

Пункт	Вт. пол. V – нач. IV вв. до н. э.	Сосуды				Украшение	Орудия труда	Оружие	Всего
		для жидкости	для масла	для питья	для еды				
Пантикапея	Абс.	23	68	26	18	22	10	8	103
	%	22,3	66,0	25,2	17,5	21,4	9,7	7,8	
	Тенд.	0,6	1,0	0,6	1,2	1,5	1,0	1,0	
Ольвия	Абс.	132	98	148	24	37	30	28	192
	%	68,8	51,0	77,1	12,5	19,3	15,6	14,6	
	Тенд.	1,9	0,8	1,9	0,9	1,3	1,7	2,0	
Аполлония	Абс.	13	55	14	8	2	2	0	64
	%	20,3	85,9	21,9	12,5	3,1	3,1	0	
	Тенд.	0,6	1,27	0,5	0,9	0,2	0,3	0	
	Норма распред.	37,1	67,6	41,4	14,2	14,6	9,5	7,5	359

Исходя из полученных результатов, можно отметить, что тенденции признака по погребениям с сосудами для масла некрополей Пантикапея – 1,0, Ольвии – 0,8, Аполлонии – 1,27, по погребениям с сосудами для еды Пантикапея – 1,2, Ольвии – 0,9, Аполлонии – 0,9 относятся ко всеобщим признакам. Показатели тенденции признака по погребениям с сосудами для жидкости некрополя Пантикапея – 0,6, Аполлонии – 0,6, по погребениям с сосудами для питья некрополя Пантикапея – 0,6, Аполлонии – 0,5, по погребениям с украшениями некрополя Пантикапея – 1,5, Ольвии – 1,3, что позволяет отнести их к локальным. Показатели тенденции признака некрополя Ольвии по погребениям с сосудами для жидкости – 1,9, по погребениям с сосудами для питья – 1,9, некрополя Аполлонии по погребениям с украшениями – 0,2 демонстрируют существенные отличия от других сравниваемых памятников, что дает основание отнести их к частным признакам. Также к частным признакам относятся тенденции признаков некрополей Пантикапея, Ольвии, Аполлонии по погребениям с орудиями труда, которые составляют 1,0, 1,7, 0,3 соответственно, и по погребениям с оружием. Численные показатели тенденции признака по погребениям с оружием Пантикапея – 1,0, Ольвии – 2,0. В некрополе Аполлонии данная категория погребального инвентаря не выявлена ни в одном погребении. Это свидетельствует об индивидуальности использования данной категории в погребальной практике.

К третьему рассматриваемому периоду относятся погребения IV вв. до н. э. Численные показатели распределения погребений некрополей Пантикапея, Ольвии, Аполлонии с отдельными категориями инвентаря, нормой распределения, а также тенденцией признака представлены в табл. 3.

Таблица 3

Суммарная характеристика и тенденция признака по погребениям с сосудами, украшениями, орудиями труда, оружием некрополей Пантикапея, Ольвии, Аполлонии в IV в. до н. э.

Пункт	IV в. до н. э.	Сосуды				Украшение	Орудия труда	Оружие	Всего
		для жидкости	для масла	для питья	для еды				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Пантикапей	Абс.	45	133	27	15	42	20	8	165
	%	27,3	80,6	16,4	9,1	25,5	12,1	4,9	
	Тенд.	0,7	1,25	0,5	0,7	1,0	0,9	0,9	
Ольвия	Абс.	61	51	55	10	26	17	8	83
	%	73,5	61,5	66,3	12,1	31,3	20,5	9,6	
	Тенд.	1,8	1,0	1,9	1,0	1,26	1,5	1,8	
Аполлония	Абс.	25	67	27	22	23	12	2	130
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	%	19,2	51,5	20,8	16,9	17,7	9,2	1,5	
	Тенд.	0,5	0,8	0,6	1,4	0,71	0,7	0,3	
	Норма распредел.	40,0	64,5	34,5	12,7	24,8	13,9	5,3	378

Результаты тенденции признака по погребениям с сосудами для масла некрополей Пантикапея – 1,25, Ольвии – 1,0, Аполлонии – 0,8, по погребениям с украшениями некрополей Пантикапея – 1,0, Ольвии – 1,26, Аполлонии – 0,71 позволяют, с определенной долей условности, отнести их ко всеобщим. К локальным признакам можно отнести погребения с сосудами для жидкости некрополя Пантикапея – 0,7, Аполлонии – 0,5, погребения с сосудами для питья некрополя Пантикапея – 0,5, Аполлонии – 0,6, погребения с сосудами для еды некрополя Пантикапея – 0,7, Ольвии – 1,0, а также некрополя Ольвии – 1,0 и Аполлонии – 1,4, погребения с орудиями труда некрополя Пантикапея – 0,9, Аполлонии – 0,7. Тенденция признака некрополя Ольвии по погребениям с сосудами для жидкости – 1,8, по погребениям с сосудами для питья – 1,9, по погребениям с орудиями труда – 1,5 существенно отличается от показателей некрополей Пантикапея и Аполлонии, что дает основание отнести их к частным признакам. Также к частным признакам относятся погребения с оружием всех анализируемых памятников, численные показатели которых в Пантикапее – 0,9, Ольвии – 1,8, Аполлонии – 0,3.

Четвертый период охватывает конец IV – начало III вв. до н. э. Количественное распределений погребений с сосудами, украшениями, орудиями труда, оружием, норма распределения, а также тенденция признака представлены в табл. 4.

Таблица 4

Суммарная характеристика и тенденция признака по погребениям с сосудами, украшениями, орудиями труда, оружием некрополей Пантикапея, Ольвии, Аполлонии в конце IV – начале III вв. до н. э.

Пункт	Кон. IV – нач. III вв. до н. э.	Сосуды				Украшение	Орудия труда	Оружие	Всего
		для жидкости	для масла	для питья	для еды				
Пантикапей	Абс.	20	14	5	2	22	6	2	53
	%	37,7	26,4	9,4	3,8	41,5	11,3	3,8	
	Тенд.	0,9	0,6	0,3	0,4	1,27	0,8	0,6	
Ольвия	Абс.	56	48	56	12	21	19	9	67
	%	83,6	71,6	83,6	17,9	31,3	28,4	13,4	
	Тенд.	2,0	1,6	2,4	1,7	1,0	2,0	2,1	
Аполлония	Абс.	5	31	12	9	22	2	2	88
	%	5,7	35,2	13,6	10,2	25,0	2,3	2,3	
	Тенд.	0,1	0,8	0,4	1,0	0,8	0,2	0,4	
	Норма распредел.	42,3	44,4	35,5	10,6	32,6	14,0	6,5	208

Сравнение тенденции признака по погребениям с украшениями некрополей Пантикапея – 1,27, Ольвии – 1,0, Аполлонии – 0,8 позволяет отнести их ко всеобщим. Результаты тенденции признака по погребениям с сосудами для масла некрополей Пантикапея – 0,6, Аполлонии – 0,8, по погребениям с сосудами для питья Пантикапея – 0,3, Аполлонии – 0,4, по погребениям с оружием Пантикапея – 0,6, Аполлонии – 0,4 позволяют отнести их к локальным признакам и подчеркнуть сходство в использовании данных категорий погребального инвентаря при захоронении умерших. К частным признакам относятся погребения с сосудами для жидкости некрополей Пантикапея – 0,9, Ольвии – 2,0, Аполлонии – 0,1, погребения с сосудами для масла некрополя Ольвии – 1,6, погребения с сосудами для питья некрополя Ольвии – 2,4, погребения с сосудами для еды некрополей Пантикапея – 0,4, Ольвии – 1,7, Аполлонии – 1,0, погребения с орудиями труда некрополей Пантикапея – 0,8, Ольвии – 2,0, Аполлонии – 0,2, погребения с оружием некрополя Ольвии – 2,1.

Пятый период охватывает вторую половину III – II вв. до н. э. Суммарная характеристика погребений с сосудами, украшениями, орудиями труда и оружием, норма распределения и тенденция признака представлены в табл. 5.

Таблица 5

Суммарная характеристика и тенденция признака по погребениям с сосудами, украшениями, орудиями труда, оружием некрополей Пантикапея, Ольвии, Аполлонии в конце III – II вв. до н. э.

Пункт	Кон. III–II вв. до н. э.	Сосуды				Украшение	Орудия труда	Оружие	Всего
		для жидкости	для масла	для питья	для еды				
Пантикапей	Абс.	4	4	7	2	15	2	0	21
	%	19,1	19,1	33,3	9,5	71,4	9,5	0	
	Тенд.	0,6	0,5	1,0	0,8	1,31	0,8	0	
Ольвия	Абс.	72	59	62	19	43	20	12	98
	%	73,5	60,2	63,3	19,4	43,9	20,4	12,2	
	Тенд.	2,1	1,4	1,9	1,6	0,8	1,6	2,7	
Аполлония	Абс.	8	33	1	5	32	5	1	67
	%	11,9	49,3	1,5	7,5	47,8	7,5	1,5	
	Тенд.	0,3	1,2	0,1	0,6	0,88	0,6	0,3	
	Норма распред.	34,8	42,9	32,7	12,1	54,4	12,5	4,6	186

Полученные данные тенденции признака по погребениям с украшениями некрополей Пантикапея – 1,31, Ольвии – 0,8, Аполлонии 0,9 позволяют с определенной долей условности отнести их ко всеобщим. К локальным относится тенденция признака по погребениям с сосудами для жидкости некрополей Пантикапея – 0,6, Аполлонии – 0,3, по погребениям с сосудами для масла некрополей Ольвии – 1,4, Аполлонии – 1,2, по погребениям с сосудами для еды некрополей Пантикапея – 0,8, Аполлонии – 0,6, по погребениям с орудиями труда некрополей Пантикапея – 0,8, Аполлонии – 0,6. К частным признакам относится тенденция признака некрополя Ольвии по погребениям с сосудами для жидкости – 2,1, некрополя Пантикапея по погребениям с сосудами для масла – 0,5, некрополя Пантикапея, Ольвии, Аполлонии по погребениям с сосудами для питья с численными показателями 1,0, 1,9, 0,1 соответственно, некрополя Ольвии по погребениям с сосудами для еды – 1,6, некрополя Ольвии по погребениям с орудиями труда 1,6, некрополей Ольвии, Аполлонии по погребениям с оружием с количественными показателями 2,7, 0,3 соответственно. В некрополе Пантикапея на данном хронологическом отрезке оружие не обнаружено ни в одном погребении.

Проведенное исследование позволило установить, что в разные исторические периоды сосуды для масла (VI–IV вв. до н. э.), сосуды для еды (вторая половина V – начало IV вв. до н. э.) были общераспространенными категориями погребального инвентаря в рассматриваемых некрополях. Это свидетельствует об определенной общности представлений о загробной жизни и близости погребальной обрядности ионийских колонистов. Для периода конца IV – II вв. до н. э. украшения могут быть отнесены ко всеобщим признакам. В

связи с тем, что эта категория вещей выступает элементом погребального костюма, данная закономерность их использования в некрополях Пантикапея, Ольвии, Аполлонии может указывать на установление моды на украшения. Кроме того, повсеместное использование украшений может отражать характер развития местного ремесла, который со времени основания колоний на побережье Причерноморья достиг более высокой степени. Украшения к этому времени стали доступными для большего количества населения. В VI – 1-й половине V вв. до н. э. погребения с оружием в некрополях Пантикапея и Ольвии относятся ко всеобщим признакам, что может свидетельствовать о существовании группы ополчения, что в целом вполне закономерно в условиях освоения территории.

В отношении других категорий инвентаря наблюдается сходство между некрополями Пантикапея и Аполлонии по большинству категорий погребального инвентаря на разных хронологических отрезках времени. В частности, близость установлена по погребениям с керамическими сосудами: по погребениям с сосудами для жидкости во второй половине V – IV вв. до н. э. и во второй половине III – II вв. до н. э., по погребениям с сосудами для масла в конце IV – начале III вв. до н. э., по погребениям с сосудами для питья во второй половине V – начале III вв. до н. э., по погребениям с сосудами для еды во второй половине III – II вв. до н. э. Также близость между двумя этими некрополями определена по погребениям с орудиями труда в IV в. до н. э. и во второй половине III – II вв. до н. э., по погребениям с оружием в конце IV – начале III вв. до н. э. Следует отметить, что также выявлено сходство между некрополями Пантикапея и Ольвии по погребениям с украшениями во второй половине V – начале IV вв. до н. э., а также между некрополями Ольвии и Аполлонии по погребениям с сосудами для еды в IV в. до н. э., по погребениям с сосудами для масла во второй половине III – II вв. до н. э. В остальных случаях наблюдается индивидуальность использования отдельных категорий инвентаря рассматриваемых памятников.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ инвентаря понтийских некрополей позволяет утверждать, что на начальном этапе существования ионийских греков прослеживается приверженность традиции в погребальной практике. Особое место отведено в обряде разнообразным сосудам для масла. Украшения, начиная с IV в. до н. э., находят широкое применение в погребальном обряде. При этом во все периоды большая часть сравниваемых категорий погребального инвентаря имеет локальные и частные характеристики, что отражает индивидуальные конкретно-исторические и бытовые условия жизни населения отдельных регионов Причерноморья. Обращает на себя внимание близость численных показателей некрополей Пантикапея и Аполлонии по большинству сравниваемых категорий погребального инвентаря, существенно отличающихся более низкими данными от Ольвии.

TRADITIONAL TYPES OF FUNERAL INVENTORY OF PONTUS CEMETERIES IN VI-II CENTURIES BC

M. I. VENTSOVA

Donetsk National University

e-mail: mventsova@gmail.com

The article deals with ceramic vessels, jewelry, tools, weapons as the most common types of funeral inventory cemeteries of Panticapaeum, Olbia, Apollonia of VI-II centuries BC. Based on the total performance and comparative analysis, article establishes the features of their use in different regions of Pontus. Ceramic vessels for oil appear to be a traditional category at the burial of the deceased in the VI-IV centuries BC, and decorations – in IV-II centuries BC. In other categories, there are significant interaction between some combinations. Thus there is a similarity between necropolis Panticapaeum and Apollonia.

Keywords: Bosphorus, necropolis, funeral inventory, ceramic vessels and jewelry.

КАТЕГОРИЯ «ТРУД» В АНТИЧНОЙ НАРРАТИВНОЙ ТРАДИЦИИ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

**В. А. ДЮКАРЕВ
Е. А. СЕМИЧЕВА
Л. В. ФИРСОВА**

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Semicheva@bsu.edu.ru

Статья посвящена проблеме исследования прагматических ценностей в античном обществе. Предметом изучения выступает комплекс терминов-обозначений категории «труд» в древнегреческом и древнеримском социуме. В работе проведен терминологический и контекстуальный анализ текстов греко-римской нарративной традиции с целью сопоставления семантической структуры категории «труд» и выявления специфики ее ценностного статуса в античном обществе.

Ключевые слова: античность, нарративная традиция, ценности, труд, термины.

Современные подходы к истории и источниковедению ориентированы на повышение информативности исторических источников, разработку новых методов исследования текста для выявления латентной информа. Большая часть фактографических данных об истории античности строится на основе основного корпуса нарративных источников. И первоочередной задачей долгое время было именно верное отображение фактов, а не точное скрупулезное вчитывание в текст. Однако при исследовании менталитета человека древности важнейшее значение приобретает язык, терминология, контекст использования тех или иных понятий. Отождествление терминов (возможное при фактографическом подходе) приводит в данном случае к недостаточно корректным выводам, ведь к интерпретации социального взаимодействия в данном обществе необходимо подходить в терминах норм и категорий самого этого общества.

Социальные ценности античного социума обозначаются в древнегреческом и латинском языках целым рядом понятий, имеющих различную этимологию, и именно контекст использования того или иного из них позволяет уточнить ценностный статус категории в целом.

Таким образом, наше исследование лежит в русле этнолингвистики – достаточно нового научного направления, лежащего на стыке изучения языка и культуры¹. В данном случае, благодаря использованию междисциплинарных методов и приёмов, посредством изучения повседневного языка, которым изобилуют литературные источники (в отличие от данных философской традиции), возможно выявить сложную связь между использованием того или иного обозначения исследуемой ценности и конкретных обстоятельств его применения.

Предметом изучения выступает комплекс терминов-обозначений категории «труд» в древнегреческом и древнеримском социуме. Новизну определяет проведение терминологического и контекстуального анализа текстов греко-римской нарративной традиции с целью сопоставления семантической структуры категории «труд» и выявления специфики ее ценностного статуса в античном обществе.

Для выявления спектра терминов, которыми обозначалась категория «труд», мы предлагаем взять произведения авторов – выходцев из различных социальных групп, и занимающих разные общественные позиции. Наибольший интерес для нас представляют следующие группы источников:

В греческой нарративной традиции – произведения Аристотеля, Платона, Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Эсхила, Софокла, Еврипида, Аристофана, Менандра.

В римской нарративной традиции – работы Ливия, Светония, Тацита, Горация, Федра, Персия, Петрония, Марциала, Ювенала, Бабрия, Апулея.

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ (проект № 12-31-01009)

¹ Harrison K. D. The Extinction of the World's Languages and the Erosion of Human Knowledge. Boston, 2004. P. 19.

Категория «труд» выбрана нами не случайно. Хозяйственная деятельность — составная часть общественной практики, взаимодействия человека с миром и его творческого воздействия на мир. Она отражает жизненные установки общества, и поэтому реконструкция категории «труд» существенно важна для понимания духовного климата, господствовавшего в этом обществе².

В труде можно видеть проклятье, тяготеющее над человеческим родом, или доблесть, которая выделяет человека из остального мира и делает его господином природы. Поэтому концепция труда, доминирующая в обществе, является неотъемлемой составной частью «модели мира» — она задает императивы поведения, формирует идеалы, которыми руководствуются члены этого общества. Разумеется, понимание труда, преобладающее в обществе, порождается существующей в нем системой производственных отношений, но оно и само входит в эту систему и представляет собой существенный фактор ее функционирования.

Вопреки широко распространенному в исследовательской литературе мнению о неприятии античным гражданином любого физического труда³, нам представляется нецелесообразной экстраполяция суждений Аристотеля о ценности труда «площадного люда» (Arist. Pol. III, 3, 2-8) на все сферы производительной деятельности. Обращение к греческим и латинским текстам позволило определить, что для обозначения категории «труд» античными авторами использовались различные термины, смысловые оттенки которых отражают специфику эмоционально-ценностного отношения как к производительному труду в целом, так и к отдельным его видам.

Рассмотрим выявленную терминологическую структуру категории «труд» более детально.

В наиболее общем и широком смысле исследуемую категорию греки обозначали словом «εργόν» (с др. греч. — труд, дело, действие, занятие и т. д.) (см.: Thuc. VII, 13, 3; Herod. IV, 109; V, 6). Данный аморфный и многозначный термин употребляли исключительно при описании физического труда. У римлян наиболее часто встречается в текстах понятие «labor» — обобщающий термин для обозначения всех видов трудовой деятельности, в том числе умственной (см.: Mart., Epigr. I, 15, 7; Petr., Sat. CII, 22; Hor. Epod., V, 60). В обоих случаях термины могли носить как положительную, так и отрицательную окраску. Например, Геродот применяет данный термин в одном случае для обозначения «достойного труда, как пути преодоления бедности» (Herod. II, 40), а в другом пассаже пишет о «величайшем презрении к «εργάτης» (V, 6). Ювенал использует данное слово для обозначения как «честного ремесла» (Juv., Sat. III, 21-25), так и «наукам противной работы» (Juv., Sat. VII, 17-19).

В римской нарративной традиции мы обнаруживаем термин «opus», обозначающий благородный характер труда, достойного свободного гражданина. Употребление данного термина по отношению к различным видам работ свидетельствовало об их высоком ценностном статусе. Понятие «opus» употребляет для обозначения солдатского дела при описании военных действий Ливий (Liv., III, 2, 7-9), а Ювенал подчеркивает им величественность подобной деятельности:

Дело великой души — не забота купить покрывало,
Но созерцанье коней, колесниц, божественных ликов.

(Juv., Sat. VII, 66-67).

Марциал использует данное обозначение для умственного труда писателей, притом только тех авторов, которые действительно талантливы:

Да издавай же скорей, Фавстин, ты свои сочиненья
И обнародуй труды — плод совершенный ума.

(Martial., Epigr. I, XXV, 1-20).

Для греков наиболее высокое положение в ценностной иерархии занимает земледельческий труд, его носителя они именовали термином «αὐτοῦργος» (или «γεωργός» —

² Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 225.

³ Куманецкий К. История культуры Древней Греции и Рима. М., 1990. С. 124; Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М., 1988. С. 49 и др.

понятие, имеющее более широкий смысл)⁴. Нет необходимости говорить о роли земледелия в жизни античного полиса, об органической связи гражданского статуса с земельной собственностью⁵, чтобы понять отношение греков к сельскохозяйственному труду. *αὐτοῦρος*, представляющий «средний класс» (Eur. Supp. 245) в Афинах, является «спасителем государства» (Eur. El. 385-386). Именно он становится воплощением независимого, свободного гражданина полиса классической эпохи, а земля остаётся самым почётным видом богатства, символом престижа и социальной значимости:

Но вот встаёт оратор – не красавец,
Но крепкий муж: не часто след ноги
На площади Аргосской оставляя,
Свою он землю пашет (*αὐτοῦρος*) – на таких
Теперь страна покоится. Не беден
Он разумом<...> А жизнь он – безупречный муж.

(Eur. Or. 902, 919; см. также: Xen. Oec. V, 1-17; Xen. Hell., II, 5; Eur. El. 385-386).

Труд земледельца и воина в античной традиции рассматривался как более ценный в этико-нравственном смысле, чем, например, труд ремесленника или торговца. Однако, «*αὐτοῦρος*» не является аналогом «*opus*», поскольку латинский термин шире, и связан не столько с конкретным видом труда, сколько с его, безусловно, положительной оценкой.

Чтобы подчеркнуть более низкий статус ремесленных занятий греки использовали понятие «*βάναισσαν*»:

«Я – лучник вольный, – не тружусь за мзду (*βάναισσαν*)» (Soph. Aj. 1150; См. также: Arist. Pol. III, 3, 2-8; Plat. Pol. 1289b, 33; Eur. Phil. 26; Soph. Aj. 1150; Eur. Phoen. 194; Aristoph. Eccles., 255; Aristoph. Lysist., 430; Aristoph. Clouds, 822).

У римлян для таких целей существовал термин «*occupatio*». Оба они обозначают труд по найму, за плату, не на себя. Например, Ливий обозначает им устройство мест для зрителей в цирке, рытье подземных каналов, строительство и другие подобные занятия (Liv., I, 56, 1-3). Эти понятия отражали зависимое положение ремесленника или поденщика: продавая свои изделия или рабочую силу, человек как будто продавал самого себя. В отличие от труда земледельца или воина, где благополучие субъекта труда зависит исключительно от его способностей, ремесленник, торговец или поденщик зависел от заказчика, покупателя или нанимателя. Такие работы чаще всего выполнялись зависимым населением (рабами, иностранцами, наемниками), а статус исполнителя, безусловно, снижал ценность такой деятельности в глазах свободных.

Помимо данных терминов, имеющих несколько уничижительный оттенок, существовали обозначения ремесленного труда, подчеркивающие созидательный характер и общественную значимость отдельных его видов. Так, греческие авторы, употребляли термин «*δέμιουργος*» («работа для других людей, во благо общества») для обозначения людей (в основном граждан), занятых в производстве необходимых для всего социума ремесленных изделий. Поэтому их труд не может получать исключительно негативную оценку (Aristoph. Lysist. 387; Aristoph. Knight. 624). Римским аналогом выступает слово «*opera*», обозначающее труд, направленный на производство каких-либо вещей: чаще всего термин употреблялся при описании ремесленного труда, акцентируя внимание на его созидательном характере. В частности, Ювенал, используя данный термин, особо выделяет «исключительную пользу» таких занятий (Juv., Sat. XII, 126).

В ином контексте использовались греческий термин «*χειροτέχνης*», этимологически восходящий к «*χειρ*» – рука⁶ и его латинский аналог «*agerimna*», которые употреблялись при описании наиболее тяжелого физического труда, преимущественно рабского, и имели выраженный негативный характер:

⁴ Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.perseus.tufts.edu/Oxford>, 1940.

⁵ Garner R. Law and society in classical Athens. London-Sydney, 1987. P. 78-81.

⁶ Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.perseus.tufts.edu/Oxford>, 1940.

Дикарь какой-нибудь, купив меня, заставит
Варить себе похлёбку, дом мести,
У челнока поставит ту, что Гектор
Сестрою звал и столькие... <...>
Нет! Свободными смежу глаза я, тело Аиду отдавая.

(Eur. Нес. 361 слл. Пер. И. Анненского; см. также Трој. Wom. 490; Herod. III, 42; Aristoph. Lisist. 672; Aristoph. Plut. 489).

У Ювенала видим «жестокие труды» и «тяжкие работы Геркулеса» (Juv., Sat. X, 360-361).

Таким образом, и греки, и римляне используют сложную систему терминов для определения степени ценности того или иного вида физического труда. В целом терминологические структуры категории «труд» в греческом и латинском варианте коррелируют. Этимология используемых терминов позволяет сделать вывод, что степень ценности отдельных видов труда определялась несколькими факторами: субъектом труда (социальный и гражданский статус работника), результатом труда (качество и сложность выполняемых действий) и полезностью продуктов данного труда для общества.

Важнейшим критерием в данном случае выступает степень зависимость субъекта труда от другого человека (собственника земли, орудий труда, покупателя). Уже для Гесиода оскорбительно положение наемника, поскольку, в отличие от раба, который не ответственен за свое рабское положение, нанятый чернорабочий преднамеренно хочет сдавать свою свободу и работать под чьим-либо руководством⁷. Классический пример греческого нежелания работать под чьим-либо руководством дает Ксенофонт (Xen. Mem. 2, 8, 1-5). Марциал и Гораций приводят целый перечень недостойных профессий, в которых работник находится в зависимом положении (Martial., Epigr., I, 41, 1-13; Hor. Sat., II, 3, 227-229).

Что касается ремесленного и торгового труда в целом, то авторы не рассматривают его как исключительно унижительный или недостойный гражданина. Даже ручной ремесленный труд имел достаточно высокую оценку, что выражается, в частности, в используемой терминологии.

Земледелие долгое время сохраняло статус наиболее достойного гражданина вида деятельности, именно независимые, самостоятельно обрабатывающие почву земледельцы представляются для ряда авторов опорой государственности.

В целом же, любая работа, выполненная искусно, на совесть и с пользой для государства, обладала значительной ценностью в античном обществе. Кроме того, в латинском варианте мы обнаруживаем специальный термин, обозначающий «благородный» характер труда, достойного свободного гражданина.

CATEGORY OF «LABOR» IN ANCIENT NARRATIVE TRADITION: SEMANTIC ANALYSIS

**V. A. DYUKAREV,
E. A. SEMICHEVA,
L. V. FIRSOVA**

*Belgorod National Research
University*

e-mail: Semicheva@bsu.edu.ru

The article is devoted to research of the problem of axiological systems of the ancient. The subject of the study supports the complex terms-category symbols "work" in ancient Greek and Roman society. In the paper, a terminological and contextual analysis of the texts of the Greco-Roman narrative tradition in order to compare the semantic structure of the category 'labor' and identify its specific value status in ancient society.

Keywords: antiquity, narrative tradition, values, work, term.

⁷ Walcot P. Greek Peasants, Ancient and Modern. New York, 1984. P. 32. См. также классический пример греческого нежелания работать под чьим-либо руководством: Xen. Mem. II, 8, 1-5.

ТЕРМІНИ НА ПОЗНАЧЕННЯ ВИЩИХ ПОСАДОВИХ ОСІБ У МАРКА ТУЛЛІЯ ЦІЦЕРОНА

К. В. ВІТРИВ

ЛНУ ім. Івана Франка

clio@lnu.edu.ua

У статті розглядаються терміни для позначення посадових осіб у творах М. Т. Ціцерона (царі, володарі, правителі, управителі), які займали найвищі державні посади у Стародавньому Римі. В ході дослідження був проведений лексичний і словотвірний аналіз термінів, а також охарактеризована етимологія та частотність їх вживання.

Ключові слова: термін, юридична термінологія, етимологія, словотворення.

ТЕРМИНЫ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ВЫСШИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ У МАРКА ТУЛЛИЯ ЦИЦЕРОНА

К. В. ВИТРИВ

Львовский национальный университет им. Ивана Франка, Украина

e-mail: clio@lnu.edu.ua

В статье рассматриваются термины для обозначения должностных лиц в произведениях М. Т. Цицерона, которые занимали наивысшие государственные должности в Древнем Риме. В ходе исследования проведен лексический и словообразовательный анализ терминов, охарактеризованы этимология и частота их употребления.

Ключевые слова: термин, юридическая терминология, этимология, словообразование.

Правнича термінологія – історично сформована сукупність термінів, яка відбиває систему понять у галузі права й покликана забезпечувати потреби спілкування в царині законодавства, юридичної науки і практики. Юридична та адміністративна лексика в останні роки все більше привертає увагу у дослідженнях вітчизняних та зарубіжних мовознавців. (Т. Вакуленко, Е. Мішина, С. Носик, О. Сербенська, Н. Артикуца, В. Живуліна, М. Брицин, Б. Бікса, Д. Мелінкофа). Проте, в сучасній лінгвістиці на сьогодні відсутні праці, які б давали змогу отримати цілісну картину виникнення та розвитку правничої терміносистеми, зокрема на позначення посадових осіб у Стародавньому Римі.

Отже, актуальність теми нашого дослідження визначена загальними тенденціями лексикологічних досліджень та відсутністю праць у цій сфері, незважаючи на важливість даної тематики.

Об'єктом дослідження є назви посадових осіб, засвідчені у творах М. Т. Ціцерона.

Юридична термінологія є найтісніше пов'язана із загальноживаною лексикою, тому провести чітку межу між терміном і не терміном складно. У своєму дослідженні ми послуговуємося таким визначенням терміна: термін – слово чи словосполучення, що має професійне поняття й застосовується в процесі пізнання та освоєння певного кола об'єктів і відношень між ними – під кутом певної професії¹.

Марк Туллій Ціцерон – адвокат, політичний діяч та письменник, останній визначний ідеолог римського республіканського устрою, видатний майстер красномовства. Епоха, в яку жив і діяв Ціцерон, можна віднести до так званих переломних. Суть і принципове значення історичного періоду, який окреслює собою час життя цієї видатної особистості, полягають у тому, що до цього Рим уже фактично перетворився в світову державу. Окрім цього, відбувся перехід від форм общинної, полісної демократії до тоталітарного режиму імперії. Зрозуміло, що всі ці процеси протікали не в мирних умовах, а у напруженій, іноді навіть смертельній боротьбі. Саме на основі вище згаданих історичних подій були створені філософсько-політичні трактати М. Т. Ціцерона, які єдиним джерелом докласичного римського права і мають важливе значення для правових відносин і судових процесів. Адже римська юриспруденція поклала початок як самостійної науки

¹ Головин Б. И. Термин и слово. Горький, 1982.

про право, так і професійної юридичної освіти. Особливо цінним у контексті дослідження є судові промови «De domo sua», «De Haruspicum responsis», в яких, окрім суто практичних порад та рекомендацій містяться пояснення інститутів римського права. Не менш важливе значення мають і його філософсько-правові трактати. «De re publica», «De legibus», «De officiis», які також містять численні описи інститутів римського права та їх історії.

Проаналізувавши філософсько-політичні трактати М. Т. Ціцерона, можемо виділити наступні тематичні групи термінів на позначення посадових осіб:

- правителі
- жерці
- судові виконавці
- інші державні чиновники.

У дослідженні ми розглядаємо терміни на позначення посадових осіб, які займали найвищі державні посади у Стародавньому Римі. Ці особи подані за частотністю їх вживання у творах Марка Туллія Ціцерона.

У Ціцерона на позначення поняття "цар" вживається лексема "rex", яка характеризується високою частотністю (35 разів) («De re publica» I, 42; I, 43; I, 44; I, 50; I, 54; I, 55; I, 56; I, 58; I, 64; I, 65; I, 66; II, 23; II, 25; II, 27; II, 35; II, 38; II, 39; II, 50; III, 47; VI, 9; «De legibus» I, 17; III, 4; III, 15; «De Haruspicum responsis» 12; «De officiis» III, 38; III, 41; III, 83; III, 86; «De domo sua» 20, 33, 38, 52, 66, 89, 135). На це, можливо, на нашу думку, вплинула періодизація історії Стародавнього Риму, яка ґрунтується на формах правління, що в свою чергу відображали соціально-політичну ситуацію: від царського правління на початку історії до імперії – доміната наприкінці. У вжитку в Стародавніх Римлян лексема "rex" означала: "цар", "повелитель", "наставник"². На основі етимологічного аналізу можемо констатувати, що ця лексема належить до дуже давньої групи релігійно-правових термінів, яка засвідчена в італійській, кельтській та індійській мовах. Зіставлення гр. ορέω – "простягати" і лат. rēgo – "царювати" змушують вважати, що rex – скоріше жрець, ніж цар в сучасному розумінні; чи особа, яка володіє владою окреслити розміщення майбутнього міста чи визначити риси правопорядку. Цікавим є те, що Ціцерон характеризує дану посадову особу прикметниками з позитивною семантикою: aequus – справедливий; sapiens – мудрий; iustissimus – найсправедливіший; tolerabilis – стерпний; amabilis – гідний любові; bonus – добрий; iustus – справедливий; optimus – найкращий. Рідше зустрічаємо прикметники з негативною семантикою: inportūnus – нестерпний; superbus – гордий; graepotēns – свавільний; injūstus – несправедливий.

Близькою до лексеми "rex" в негативному значенні є лексема "tyrannus", а близькими за значеннями в іншому ракурсі є лексеми "rīncers", "imperātor", "rēctor". Слід зазначити, що книжкова традиція називати царями давніх правителів збереглася в українській та російській мовах. В українсько-російському слововживанні XIX ст., особливо простонародному, цим словом часто позначали монарха рівня короля чи хана. Це дає нам змогу говорити про те, що лексема "rex" є не лише юридичним терміном, але і загально-вживаним словом.

Слово tyrannus – тиран, жорстокий правитель, деспот, повелитель³. Утворено від гр. τύραννος (лідійського або фригійського походження). У Давній Греції і середньовікових містах Італії – одноосібний правитель, дії якого ґрунтуються на свавіллі і насильстві. Вперше зустрічається у поета Архілоха. У Ціцерона даний термін визначається значною частотою вживання у значенні "тиран" (22 рази) («De re publica» I, 50; I, 65; I, 66; I, 68; I, 69; II, 34; II, 48; II, 49; III, 23; III, 45; «De legibus» I, 42; II, 66; «De domo sua» 75, 94; «De officiis» I, 112; II, 23; II, 32; II, 80; II, 81; III, 19; III, 29; III, 45;) Цю посадову особу Ціцерон характеризує прикметниками з негативною семантикою: injūstus – несправедливий; taetrius – найогидніший; foedius – наймерзенніший; invisius – найненависніший; crudēlis – жорстокий; immanis – нелюдський. Проте, зустрічаємо також прикметник з позитивною семантикою, який не є характерними для жорстокого правителя: clemens – милосердний.

² Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 2003.

³ Там же.

Слід звернути увагу на антитезу, де лексему "rex" автор характеризує негативними прикметниками – *superbus* – гордий («*De re publica*» I, 58); *praepotens* – свавільний; («*De re publica*» I, 66); *injustus* – несправедливий; («*De re publica*» II, 50; III, 47); *inportunus* – нестерпний; («*De re publica*» I, 50); а лексему "tyrannus" – позитивним – *clemens* – мило-сердний. У процесі дослідження було виявлено, що термін "tyrannus" є синонімом до "диктатор" та гіперонімом до термінів "володар, повелитель."

Слово *princeps* – голова, керівник, державний діяч, принцес, володар. У Ціцерона даний термін є полісемантичним і вживається у значенні "принцес", "найперша людина": («*De re publica*» I, 34; I, 57; I, 62; I, 67; «*De officiis*» I, 25; I, 64; I, 153; II, 14; II, 16; II, 60; II, 65; II, 77; II, 82; III, 40; III 74); у значенні "правитель": («*De re publica*» I, 52); у значенні "верховник": («*De re publica*» I, 43; «*De legibus*» III, 31; III, 32). Загальна частотність вживання становить 19 разів. Спостерігається вживання даного терміна з прикметником *potissimus* – наймогутніший. На основі етимологічного аналізу можемо констатувати, що термін походить від *primus* – "перший" + *carere* – "брати", "отримувати" (яке походить від праїндоевроп. **kar-* схоплювати). Це був офіційний титул римських імператорів в системі принципату. Існують твердження, що від лексеми "принцес" згодом утворилося слово "принц", що означає члена правлячого монархічного роду.

Близьким за значенням до лексеми "rex" є іменник *dominus* (господар, розпорядник, повелитель), утворений від дієслова *domināre* – господарювати, владарювати. У Ціцерона цей термін вживається у різних значеннях: "володар" («*De re publica*» II, 48; III, 46; «*De officiis*» I, 38; III, 83; «*De domo sua*» 90, 107); "власник будинку" («*De officiis*» III, 54); "власник корабля" («*De officiis*» III, 89). Загальна частотність вживання становить 8 разів. Тут, очевидно відбулося переосмислення, бо в первісному значенні *dominus* – господар чи власник (особливо рабів).

У Ціцерона термін *imperator* характеризується незначною частотністю вживання і зустрічається лише 7 разів у значенні "імператор" («*De Haruspicum responsis*» 6; «*De officiis*» I, 35; I, 36; I, 76; III, 79; «*De domo sua*» 90, 128;) Утворений від суфікса діючої особи – *tor* та дієслова *imperare* – "веліти", "управляти", яке виникло із *im* + *pero* – "готую", "організую". Словниковий переклад лексеми *imperator* – повелитель, володар⁴.

У Ціцерона *rector* – це правитель держави; («*De re publica*» II, 51; V, 5; V, 6; VI, 13). Частотність вживання становить 4 рази. Утворено з допомогою суфікса діючої особи – *tor* та дієслова *regere* – "правити". Словниковий переклад лексеми *rector* – правитель, керівник⁵. Термін "rector" вживається у багатьох європейських мовах, проте відношення до юриспруденції немає. В сучасному суспільстві ректор – особа, яка стоїть на чолі вищого навчального закладу.

Prōcūgātor – це чиновник, який у Стародавньому Римі відав доходами імператора, розпорядник. Це слово утворено від агентивного суфікса – *tor* та дієслова *prōcūgāre* – "управляти, турбуватися наперед, проявляти турботу", де *pro* "вперед" і *cūgāre* "турбуватися", яке виникло від від *cūga* (що походить від праїндоевроп. *kois "підкуватися"). У Ціцерона він набуває іншого значення і згадується лише 1 раз як "управитель держави" («*De re publica*» II, 51).

Gubernātor – керманіч, управляючий, керівник. Утворений від суфікса діючої особи – *tor* та дієслова *gubernāre* – "правити, управляти державою", яке в свою чергу виникло із давньогр. κυβερνήτης – "керівник" від κυβερνάω – "керувати, управляти". У Ціцерона згадується лише 1 раз у творі («*De re publica*» II, 51) у значенні "керманіч держави". В сучасному суспільстві лексема *gubernātor* продовжує належати до адміністративної лексики, і в багатьох державах (США, Великобританії, Данії тощо) – це офіційний представник влади, найвища посадова особа в межах територіальної одиниці.

Значення лексеми *socius* у Стародавньому Римі – союзник, спільник. У Ціцерона, очевидно, цей термін набуває іншого значення і згадується лише 1 раз у значенні "співправитель" («*De re publica*» II, 51). Етимологія та семантика цього терміна не засвідчені. Проте, за свідченням античних джерел "співправитель" – титул імператорів, але за рангом у державному правлінні нижчий від імператора.

⁴ Aeg. Forcellini. Totius latinitatis lexicon. Vol. II. Patavii, 1864–1887.

⁵ Там же.

На підставі проведеного словотвірного аналізу серед моделей термінотворення виділяємо афіксальну, а саме суфіксальний та префіксально-суфіксальний способи. Серед словотворчих морфем виділяємо дуже продуктивний в латинській, а пізніше в романських та германських мовах агентивний суфікс *tor/sor* (*nomina agentis*), який використовується для утворення назв чоловічої статі. Даний суфікс походить від двох аблятивних варіантів: **ter* і **tor* із специфічними особливостями вживання у кожній мові; зокрема в лат. – *tor, tōris*; в гр. – *τήρ, τήρος*⁶.

Словотвірна номінація відображена у процесах словоскладання. Цей спосіб надає можливість точно характеризувати предмети та явища за кількома ознаками. Серед лексем досліджуваної термінології засвідчено 1 термін – композит: *prīnceps* < *prīmus* + *capio*.

Отже, проведене дослідження дозволяє зробити висновок, що всі терміни на позначення посадових осіб первісно є загальноновживаними словами. Спільною семою досліджуваної лексико-семантичної групи, яка характеризує найвищий ранг у державі, є "керівник". Аналіз на структурному рівні дозволив визначити, що проаналізовані терміни переважно утворюються шляхом афіксації. Більшість із них утворені з допомогою латинського агентивного суфікса – *tor/sor*, запозиченого іншими європейськими мовами. На основі етимологічного аналізу можемо твердити, що терміни на позначення вищих посадових осіб є власне латинськими. Засвідчений лише 1 термін грецького походження *tyrannus*. Більшість із них мають широко розвинену систему дериватів у багатьох сучасних європейських мовах.

TERMS ARE FOR DENOTATION OF HIGHER PUBLIC SERVANTS IN MARCUS TULLIUS CICERO

K. V. VITRIV

*Lviv National
University, Ukraine*

e-mail: clio@lnu.edu.ua

The article deals with the terms for denotation of public servants in works of M. T. Cicero, which held the greatest state position in Ancient Rome. During research was conducted lexical and word-formation analysis of terms, and also described etymology and frequency of their use.

Key words: term, juridical terminology, etymology, word – formation.

⁶ Lucie Pultrova. The latin nomina agentis in – tor. Listy filologické. Vol. 130, 3-4. 2007. S. 251-264.

БАНКОВСКИЕ КНИГИ ДРЕВНЕРИМСКИХ БАНКИРОВ

М. Н. САЙКО

*Буковинский государственный
финансово-экономический
университет, г. Черновцы,
Украина*

e-mail: mihail.saiko@mail.ru

В статье рассмотрены основные виды банковских книг, которые использовали в своей работе банкиры древнего Рима. Среди них: дневник («*adversaria*»), главная книга («*rationes*»), приходо-расходная книга («*codex accerti et expensi*»), а также долговая книга («*kalendarium*»). Исследованы основные банковские операции, производимые с помощью этих банковских книг: взятие денег на депозит, предоставление займов, безналичные расчеты и перевод денег.

Ключевые слова: Древний Рим, банковские книги, *codex accerti et expensi*, *kalendarium*.

В источниках и литературе описаны две категории банкиров в античном Риме: первая из них, представлена всадниками, профессионально занимающимися кредитными операциями («*feneratores*»), вторая – профессиональными менялами: аргентариями («*argentarii*»), менсариями («*mensarii*») и нуммулариями («*nummularii*»). Представители обеих этих категорий выполняли разнообразные банковские операции, значительная часть из которых осуществляется и современными банками. Римские банкиры хранили деньги клиентов и принимали от них вклады под процент; предоставляли процентные займы и проводили операции с текущими счетами клиентов. Римские банкиры могли открыть кредитную линию и осуществлять выплаты овердрафт, проводили жирорасчеты и перевод денег из одного города в другой, выступали в качестве поручителей, торговых маклеров и проводили аукционы. Для проведения этих операций банкиры использовали различные банковские книги, изучение которых и составляет цель данного исследования.

С помощью банковских книг в античном Риме заключались письменные договоры займа и, поэтому, сущность и функции записей в банковских книгах изучали историки права. Среди работ правового характера отметим соответствующие главы в капитальных учебниках Н. Боголепова¹, С. Муромцева² и К. Чиларжа³, а также небольшое, но содержательное исследование Генриха Шулера⁴. Естественно, что банковские книги римских банкиров привлекли внимание также и историков-античников. Одной из самых ранних работ было небольшое по объему сочинение Э. Пагенштехера, в котором были собраны основные ссылки на источники, которыми пользовались последующие исследователи, а также определены пути дальнейшего исследования поставленной темы⁵. Среди позднейших работ отметим главы в обзорных трудах Г. Блумнера⁶, И. Марквардта⁷ и Ж. Андре⁸, а также исследования И. Бабяка⁹ и Л. Миттейса¹⁰. В книгах В. Боруховича¹¹, И. Фих-

¹ Боголепов Н. Пособие к лекциям по истории римского права. М., 1890. 325 с.

² Муромцев С. Гражданское право древнего Рима. М., 1883. 697 с.

³ Чиларж К. Ф. Учебник институций римского права. М., 1906. 498 с.

⁴ Schüler, Heinrich. Die literarum obligation des älteren römischen Rechts. Breslau, 1842. 98 S.

⁵ Pagenstecher E. Deliterarumobligationeetderationibus, tamdomesticis, quamargentariorum. Heidelbergae, 1851. 79 p.

⁶ Blumner, Hugo. Dieromischen Privataltertumer. Munchen, 1911. XI + 677 S.

⁷ Marquardt, Joachim. Romische Staatsverwaltung. Zweiter Band: Das Finanzwesen. Zweite Auflage. Leipzig, 1884. 621 S.

⁸ Andre, Jean. Banking and business in the Roman World. Translated by Janet Lloyd. Cambridge, 1999. 176 p.

⁹ Babjak I. Contractus litteris und die Bankbuchhaltung der Römer // Revue internationale des droits de l'antiquité. 2001. № 48. P. 11-18; Die wirkung der Buchhaltung, besonders der Bankbuchführung auf das vertragssystem im klassischen römischen Recht // Sectio Juridica et Politica. Miskolc. Tomus XIX. 2001. P. 39-58.

¹⁰ Mittes, Ludvig. Trapezitika. Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte / Romanistische Abteilung. Bd. 19 (32). 1898. S. 198-260.

¹¹ Борухович В. Г. В мире античных свитков. Саратов, 1976. 222 с.

мана¹² и Е. Федоровой¹³ содержатся ценные сведения о внешнем виде банковских книг и характере записей в них.

Среди наиболее значимых источников, без которых совершенно невозможно раскрыть поставленную тему, отметим три больших речи Цицерона. В процессе между Гаем Фаннием Хереей и актером Квинтом Росцием истец представил на рассмотрение суда не приходо-расходные книги, как это предписывалось законом, а дневник («*adversaria*»), что дало повод Марку Туллию, который выступал в процессе доверенным Росция, подробно охарактеризовать в своей речи обе книги, определив основные различия между ними (*Cic. pro Rosc. Com.*). В речи «За Авла Клуенция Габита» Цицерон оперировал данными, почерпнутыми из приходо-расходной книги последнего (*Cic. pro Cluent.*), а в речи «Против Верреса» Цицерон уделил особое внимание фальсификации записей в приходо-расходных книгах фигурантами процесса (*Cic. in Verr.*). Из правовых источников отметим «Дигесты», «Институции» Гая, а также «Сентенции» Юлия Павла. Упоминания о банковских книгах можно встретить в комедиях Плавта, жизнеописаниях Светония, стихотворениях Овидия, Марциала и Проперция, философских трактатах Цицерона и Сенеки, а также в других произведениях античной литературы. Существенные сведения содержатся и в античных надписях, собранных в сборнике Каспара Орелли¹⁴.

Из анализа источников и литературы вытекает и основная задача исследования – попытаться по-новому рассмотреть экономико-правовую сущность и основные функции банковских книг древнеримских банкиров, опираясь, в первую очередь, на сообщения источников.

В Древнем Риме каждый глава семьи вел, по меньшей мере, две хозяйственные книги: главную и приходо-расходную¹⁵. Главная книга («*rationes domesticae*»)¹⁶ представляла собой, фактически, инвентарную книгу, в которой, как отмечал Варрон, должны быть зафиксированы инструменты и все необходимые в хозяйстве предметы (*instrumentum et supellectilem rusticam omnem oportet habere scriptam in urbe et rure dominum*) (*Varro r. r. I, 22, 6*). Катон советовал оставить в этой книге записи о том, какие работы он хочет сделать своими силами, и какие хочет сдать с подряда («*quae opera fieri velit et quae locari velit, uti imperet et ea scripta relinquat*») (*Cato r. r. 2, 5-6*). В приходо-расходной книге домохозяин фиксировал движение капиталов. Об общем распространении таких книг Цицерон высказался в речи «За Фонтея»: «вся Галлия наполнена капиталистами из римских граждан; и ни один из римских граждан в Галлии не выплатит ни единой монеты так, чтобы эта выплата не оставила следа в приходо-расходных книгах римских граждан» («*Referta Gallia negotiatorum est, plena civium Romanorum. Nemo Gallorum sine cive Romano quicquam negoti gerit, nummus in Gallia nullus sine civium Romanorum tabulis commovetur*») (*Cic. pro Font. 5, 11*). Правда, в этом отрывке речь шла о Галлии, но не возникает сомнений, что это замечание верно для всей республики.

Банкиры, как и прочие римские граждане, вели подобные книги, и кроме них, в силу специфики своей деятельности, имели и другие банковские книги. Среди расчетных книг, в первую очередь, отметим «дневник» («*adversaria*»), в который записывались ежедневные прибыли и расходы¹⁷. Этот дневник выполнялся на дощечке, покрытой воском (*adversaria quam tabulae*) (*Cic. pro Rosc. Com. 6*). Дневник служил для черновых и временных записей, и раз в месяц сведения из него переносились в основную бухгалтерскую книгу, а предыдущие записи стирались¹⁸. Цицерон говорил об этом в речи в защиту Квинта Росция: «Почему мы вносим записи в дневники небрежно? Почему тщательно ведем главные книги? . . . Потому что одни служат лишь в течение месяца, другие – всегда; эти немедленно стираются, те благоговейно хранятся» («*Quid est quod negligenter scribamus adversaria? quid est quod diligenter conficiamus tabulas? . . . Quia haec sunt men-*

¹² Фихман И. Ф. Введение в документальную папирологию. М., 1987. 520 с.

¹³ Федорова Е. В. Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982. 256 с.

¹⁴ Orellius C. *Inscriptionum latinarum selectarum. Amplissima collection.* Vol. I. Turici, MDCCCXXXVIII. 567 p.

¹⁵ Blumner. Hugo. *Dieromischen Privataltertumer...* S. 655; Муромцев С. *Гражданское право...* С. 211; Чиларж К. Ф. *Учебник институций...* С. 202.

¹⁶ Babjak I. *Contractus litteris...* S. 11.

¹⁷ Schüler, Heinrich. *Die literarum obligation...* S. 7.

¹⁸ Чиларж К. Ф. *Учебник институций...* С. 202.

strua, illae sunt aeternae; haec delentur statim, illae servantur sancte...») (Cic. pro Rosc. Com. II, 7).

Иногда этот «дневник» называли на греческий манер «ephemerida»)¹⁹. Так об «эфемериде» упомянул Овидий в «Любовных элегиях», написав, что табличкам с отказом от любимой, лучше было бы оставаться «среди дневников скряги, в которых тот ведет ежедневную запись расходов» («inter ephemeridas melius tabulasque iacerent, in quibus absumptas fleret avarus opes» (Ovid. Am. I, 12, 25). Термин «эфемерида» упоминали Проперций (ephemeridas) (Propert. 3, 23, 20), Сенека в своих посланиях («ephemeridem») (Sen. Epistolae. 123, 10), а также Цицерон в речи за Квинта Лигария («ephemeridem») (Cic. pro Quint. 18, 57). Корнелий Непот, характеризуя скромность Аттика, также упомянул об «эфемериде», указав, что «на месячные расходы Атик выделял не более трех тысяч сестерций, что видно из его дневника» («scimus non amplius quam terna milia peraeque in singulos menses ex ephemeride eum expensum sumptui ferre solitum» (Nepot. Att. 13,6).

Adversaria не носила характер официального документа. Как следует из одной фигуры Цицерона в речи «За Квинта Росция», «никто не предъявляет в суд дневников, но представляет приходо-расходную и книгу и свои счета («Itaque adversaria in iudicium protulit nemo; codicem protulit, tabulas recitavit») (Cic. pro Rosc. Com. II, 7). О недопустимости использования дневника в судебном следствии Цицерон говорил и в других местах указанной речи (Cic. pro Rosc. Com. II, 5; II, 6, III, 8).

Раз в месяц сведения из дневника переносились в главную инвентарную книгу, которая в литературе и источниках носит несколько наименований: «rationem»²⁰, «librum rationum»²¹, «rationibus»²², «codicem rationum»²³, «codex rationum»²⁴. В литературе этот документ называют также расчетной или контокоррентной книгой²⁵. Описание того, что должно содержаться в этой книге, дал Ульпиан. По его мнению, счетная книга представляет собой документ, содержащий двусторонние банковские сделки, осуществляемые в своих собственных интересах, по приходу-расходу, даче займы, по заключению и прекращению обязательств («Rationem autem esse labeo ait ultro citro dandi accipiendi, credendi, obligandi solvendi sui causa negotiationem») (Dig. II, XIII, 6, § 3).

Упоминание о расчетных книгах можно встретить в «Сатириконе» Петрония («rationes»). Тут Тримальхион, возмущенный тем, что делопроизводитель не доложил ему своевременно о совершенном приобретении, запретил записывать в книги («rationes») неизвестные ему покупки (Petron. Sat., 53). В жизнеописании Цезаря Светоний заметил, что Цезарь запрещал (стеснялся) записывать в инвентарную книгу (rationibus) сведения о приобретении слишком дорогих рабов («servitia rectiora politioraque in immenso pretio, et cuius ipsum etiam puderet, sic ut rationibus vetaret inferri») (Suet. Caes., 47). О расчетной книге (rationes) упоминал Цицерон в письме Аттику (Cic. ad Att. VII, 3, 7), в речах в защиту Гая Квинция (rationem) (Cic. Pro Quinct. 11, 38) и «Против Верреса» (rationibus) (Cic. In Verr. II, III, LXXV, 175). Упоминали о счетной книге и юристы: Домиций Ульпиан – «rationes» (Dig. II, XIII, 1, § 2; II, XIII, 4 pr.; II, XIII, 4, § 3; II, XIII, 6, pr.; II, XIII, 6, § 1; II, XIII, 6, § 2; II, XIII, 6, § 3; II, XIII, 6, § 9), «rationes argentarii» (Dig., II, XIII, 4, § 1); Юлий Павел – «rationes» (Dig., II, XIII, 9 § 1; II, XIII, 9 § 2; II, XIII, 9 § 3) [7, с. 236], «librum rationum» (Dig., XXVI, VII, 46, § 5); Гай – «rationes» (Dig., II, XIII, 10, § 1), «argentarius rationes» (Dig., II, XIII, 10 pr.); Секст Помпоний – «rationes» (Dig., XV, I, 49, § 2; XXXIX, V, 26); Квинт Муций Сцевола – «rationibus» (Dig., XXVI, VII, 56; XXXIII, VIII, 26; XXXIV, I, 15, § 2; XL, V, 18), «rationes» (Dig., XL, VII, 40, § 4), Каллистрат – «rationes» (Dig., XXXV, I, 82), Алфен Вар – «rationes» (Dig., XL, I, 6).

В своей работе банкиры использовали также и «приходо-расходную» или «кассовую» книгу²⁶. Она могла выполняться на восковых дощечках и тогда именовалась

¹⁹ Blumner, Hugo. Dieromischen Privataltertumer... S. 656.

²⁰ Pagenstecher E. De literarum obligation... P. 9; Чиларж К. Ф. Учебник институций... С. 203.

²¹ Marquardt, Joachim. Romische Staatsverwaltung... S. 68; Blumner Hugo. Dieromischen Privataltertumer... S. 655.

²² Pagenstecher E. De literarum obligation... P. 19.

²³ Blumner, Hugo. Dieromischen Privataltertumer... S. 656.

²⁴ Babjak I. Contractus litteris... S. 11.

²⁵ Marquardt, Joachim. Romische Staatsverwaltung... S. 68.

²⁶ Babjak I. Contractus litteris... S. 14; Чиларж К. Ф. Учебник институций... С. 203.

«*tabulae accepti et expensi*»²⁷, «*tabulae*»²⁸, «*argentarii tabulas*»²⁹. Надписи, как и в предыдущем документе, писали стилем. Сама доска была разделена на две части: над одной надписывалось «*accepti*», над другой была надпись «*expensi*» («доходы» и «расходы»). Плиний Старший, размышляя о роли судьбы, утверждал, что она заполняет оба столбца – расходов и доходов в книге человеческой жизни («*huic omnia expensa, huic feruntur accepta, et in toto ratione mortalium sola utramque paginam facit*») (Plin. Nat. Hist. II, V, 22). Название «*tabula*» по отношению к приходо-расходной книге встречаем в трактате Цицерона «Об ораторе» (Cic. de Orat. II, 23, 97; II, 69, 280), речах «За Клуенция Габита» (Cic. pro Cluent. 12, 34; 14, 40; 30, 82); «За Марка Фонтея» (Cic. pro Font. 5, 11), «За Цецину» (Cic. pro Caecina. 6, 17), «Против Верреса» (Cic. in Verr. II, I, XXIII, 61; II, I, XXXIX, 100; II, I, XXXIX, 101-102; II, I, XLIX, 128). Термин «*acceptitabulas*» – в трактате Цицерона «Об ораторе» (Cic. de Orat. 47, 158) и речи «Против Верреса» (Cic. in Verr. II, I, XXIII, 60); «*tabulae creditoris*» – речи «За Флакка» (Cic. pro Flacco. IX, 20); «*tabulas accepti et expensi*» в речах «За Квинта Росция» (Cic. pro Rosc. Com. 1,2) и «Против Верреса» (Cic. in Verr., II, II, LXXVI, 186). А в упомянутой речи «За Квинта Росция» Цицерон употребил несколько названий: «*tabula*» (Cic. pro Rosc. Com. 1,1; 1,3) «*tabulas accepti et expensi*» (Cic. pro Rosc. Com. 1,2), «*pecunia tabularum*» (Cic. pro Rosc. Com. IV, 13).

Приходо-расходная книга могла выполняться также в виде книги («кодекса») из листков папируса или пергамента, скрепленных в корешке и помещенных в обложку или переплет и, в этом случае, называлась «*codex accepti et expensi*»³⁰. Оба названия, похоже, использовались как синонимы, судя по тому, что в речи «За Квинта Росция» Цицерон называл приходо-расходные книги то «*табула*» (см. выше), то «*кодекс*» («*codices*») (Cic. Pro Rosc. Com. 1,4) или («*codicem accepti et expensi*») (Cic. pro Rosc. Com. II, 5; III, 9). Та же тенденция прослеживается и в речи «Против Верреса» («*codicis*») (Cic. in Verr. II, I, XXXVI, 92).

Записями в приходо-расходной книге фиксировались письменные (литеральные) контракты (*contractus litteralis*)³¹. При предоставлении займа банкир заносил одолженную сумму на имя заемщика в графу «расходы», и одновременно заемщик отмечал получение оговоренной суммы в своей книге в графе «прибыль». Записи сверялись и уточнялись, приобретая форму обоюдной сделки. При погашении долга проводилась обратная операция³². Запись делалась, разумеется, на основании соответствующего соглашения сторон, однако, как отмечал Секст Помпоний, эта запись сама по себе не устанавливала долг, но лишь регистрировала его («*nuda ratio non facit aliquem debitorem*») (Dig. XXXIX, V, 26). Аналогичное мнение высказал и Гай в «Институциях»: «памятные записи не рожают обязательства, а лишь свидетельствуют о том, что обязательство заключено» (*arcaria nomina nullam facere obligationem, sed obligationis factae testimonium praebere*) (Gai. III, 131). Иными словами, заемщик обязан был заплатить деньги займодавцу не потому, что последний записал за ним известную сумму, а потому, что он дал ее³³. Поэтому не случайно, что Гай употребил в вышеприведенной формуле, по отношению к записи в приходо-расходной книге, определение «памятная запись» («*arcaria nomina*»).

С помощью записей в приходо-расходной книге проводились не только заемные, но и другие операции. Гай выделяет два типа таких операций – «от вещи к лицу» и «от лица к вещи» («*vel a re in personam vel a persona in personam*») (Gai. III, 128)³⁴. Запись от вещи к лицу имела место в случае, если долг по купле, найму или товариществу переводился в заемное обязательство («*a re in personam transcriptio fit, velutisi id, quod tu ex emptionis causa aut conductionis aut societatis mihi debeas, id expensum tibi tulero*») (Gai. III, 129). Запись «от лица к вещи» использовалась для облегчения взаиморасчетов и состояла в том, что, по взаимной договоренности, кредитор переводил долг своего клиента на дру-

²⁷ Pagenstecher E. De literarum obligation... P. 13.

²⁸ Schüler, Heinrich. Die literarum obligation... S. 6.

²⁹ Pagenstecher E. De literarum obligation... P. 7.

³⁰ Ibid. P. 13.

³¹ Боголепов Н. Пособие к лекциям по истории римского права. М., 1890. С. 222.

³² Там же; Муромцев С. Гражданское право... С. 211.

³³ Боголепов Н. Пособие к лекциям... С. 223.

³⁴ Муромцев С. Гражданское право... С. 212.

гое лицо, погашая, при этом собственный долг означенному лицу³⁵. Оба участника сделки производили запись в приходо-расходной книге: первый – отмечал сумму в графе «expensi», второй – в графе «accepti» (a persona in personam transcriptio fit, veluti si id, quod mihi Titius debet, tibi id expensum tulero, id est si Titius te pro se delegaverit mihi) (Gai. III, 130). Исходя из этого, банкиры могли осуществлять жирорасчеты, то есть, по поручению клиента, переводить деньги с его личного счета на счет другого лица³⁶.

Как расчетные, так и приходо-расходные книги банкиров, в отличие от дневников, представляли собой документы публичного, а не приватного права³⁷. Очень четко положение о публичном характере деятельности банкиров сформулировал Гай: «отчеты должны предоставлять только банкиры, а не другие лица, поскольку их занятие считается государственным делом и главная их обязанность состоит в тщательном ведении своих записей» («Ideo autem argentarios tantum neque alios ullos absimiles eis edere rationes cogit, quia officium eorum atque ministerium publicam habet causam et haec principalis eorum opera est, ut actus sui rationes diligenter conficiant») (Dig. II, XIII, 10, § 1). Банкиры были обязаны предъявлять свои счета в суде как вещественные доказательства, даже в случае, если они не были одной из сторон процесса («argentarius rationes edere iubetur: nec interest cum ipso argentario controversia sit an cum») (Dig. II, XIII, 10 pr.). Причем, как отметил Павел, отчеты о кредитной деятельности должны были представлять не только аргентарии, но и нуммуларии («nummularios quoque non esse iniquum cogi rationes edere») (Dig. II, XIII, 9 § 2).

Ульпиан разъяснил, что «предъявлять счета» означает либо продиктовать их, либо передать в письменном виде, либо предъявить в приходо-расходной книге («Edi autem est vel dictare vel tradere libellum vel codicem proferre») (Dig. II, XIII, 6, § 7). Чтобы соблюсти конфиденциальность, к исследованию должны быть представлены не все записи, но только те, которые имели отношение к рассматриваемому делу («sed ut ea sola pars rationum, quae ad instruendum aliquem pertineat, inspiciatur et describatur») (Dig. II, XIII, 10, § 2). В записях обязательно должна была указана дата совершения сделки: («rationes tamen cum die et consule edi debent») (Dig. II, XIII, 1, § 2), («argentariae mensae exercitores rationem, quae ad se pertinet, edent adiecto die et consule») (Dig. II, XIII, 4 pr.), («communis enim omnis rationis est praepositio diei et consulis») (Dig. II, XIII, 6, § 6).

Об использовании счетных книг в судебном следствии упомянули также Авл Геллий (Gell. 14, 2, 7) и Цицерон в речах «В защиту Скавра» (Cic. pro Scaur. 18) и «В защиту Флакка» (Cic. pro Flacco, IX, 20). Многочисленные юридические казусы, требующие исследования приходо-расходных книг, приведены в «Дигестах» (Dig. II, XIII, 4, 1; II, XIII, 4, § 3; II, XIII, 4, § 5; II, XIII, 6, § 1; II, XIII, 6, § 2; II, XIII, 6, § 9; II, XIII, 9 § 1; XII, I, 41; XXVI, VII, 46, § 5; XLVII, II, 27, § 1).

Банкиры вели еще и особую книгу учета заемного и предоставленного в ссуду капитала, и которой указывались сроки и объемы выплат и получения процентов³⁸. Она носила название «календарь» («kalendarium») – от слова «календы» (время возврата займа)³⁹. О календаре упоминает Марциал в одной из своих эпиграмм «должник занял сто страниц в календаре» (Martial. 8, 44, 11). В одном из посланий Сенека, характеризует плохого хозяина, который целыми днями «получает счета, топчется по форуму, листая календарь» («rationes accipit, forum conterit, kalendarium versat»), и вследствие этого покидает на произвол судьбы собственное имение и из хозяина превращается в управляющего («fit ex domino procurator») (Sen. Epist. 14, 18). В другом послании Сенека, упоминает о богатом человеке, у которого очень большой календарь («quia magnus kalendari liber volvitur») (Sen. Epist. 87, 7). Сенека вспомнил о календаре и в трактате «О благодеяниях», отметив, что «никто не записывает благодеяний в календарь» («nemo beneficia in calendario scribit») (Sen. de benef. I, 2, 3). Упоминания о календаре можно найти и в Дигестах, где известные юристы разбирали казусы, возникающие в случае, если ведение календаря возлагалось на раба. Несколько раз эту ситуацию разбирал Муций Сцевола (Dig. XXXIII, VIII, 23; XL, VII, 40, § 4), однажды – Секст Африкан (Dig. XII, I, 41).

³⁵ Babjak I. Die wirkung der Buchhaltung... S. 150.

³⁶ Mittes Ludvig. Trapezitika... S. 219.

³⁷ Ibid. S. 240.

³⁸ Чиларж К. Ф. Учебник институций... С. 203.

³⁹ Blummer, Hugo. Dieromischen Privataltertumer... S. 656.

Очень важной функцией банкиров было аукционное дело. Аукцион проводился при продаже ипотечного залога несостоятельных должников, а также при распределении имущества умершего между наследниками (Cic. ad Att. XIII, 45, 3; Gai. IV, 126a; Dig. V, III, 18 pr.). Привлечение банкиров к аукционному делу было вызвано тем, что правила римских аукционов предусматривали, что покупатель на аукционе мог оплатить покупку как наличными, так и в кредит. Продавец же должен был получить деньги сразу после продажи вещи. Ясно, что необходимый для проведения такого аукциона оборотный капитал мог иметь в своем распоряжении лишь банкир. Банкара, специализировавшегося на проведении аукционов, называли банкир-собиратель (*argentarius coactor*). Если верить Светонию, таким коактором был дед императора Веспасиана Тит Флавий Петрон (Suet. Vesp. 1, 2). Аргентарий-коактор упоминается в «Дигестах» (Dig. XL, 7, 40, 8), а также в многочисленных надписях. Приводим одну из них, из сборника Каспара Орелли: «M. Ulpio Aug. Lib. Martiali coactori argentario caesaris n/ostrum/...» Судя по надписи, этот Марк Ульпий Марциал был императорским вольноотпущенником и работал аукционистом на аукционах фиска («caesaris nostrum»)⁴⁰. Коактор брал на себя получение денег от покупателя, и вообще все возникавшие в процессе аукциона споры разрешались между покупателем и банкиром, а не собственником продаваемого имущества. Так вот, при проведении аукционов аргентарии были обязаны составлять аукционные протоколы («*tabulae auctionariae*» или «*tabulae argentarioium*»). Кроме названия, об этом банковском документе больше ничего не известно.

Как было отмечено выше, часть банковских книг исполнялась на восковых деревянных табличках («*tabulis cerae*») (Liv. I, 24, 7)⁴¹. Они изготовлялись из дерева твердых пород (бука, дуба, кипариса), часто из лимонного дерева (*pugillares citrei*) (Martial. XIV, 3). Одна сторона была, как правило, гладкой, а обратная имела небольшое ровное углубление, в которое наливался тонкий слой воска («*cerae et tabellas*»), обычно черного цвета (Plaut. Bacch. 715)⁴². Богатые люди пользовались роскошными табличками, изготовлявшимися из слоновой кости (*pugillares eborei*) (Martial. XIV, 5). Они отделялись золотом, наружная сторона их украшалась барельефом художественной работы⁴³. Отдельные таблички соединялись по две (диптих), три (триптих) или нескольких (полиптих) табличек⁴⁴. Наиболее распространенной формой был триптих (*triplices*), о котором Марциал упомянул в одной из своих эпитаграмм (Martial. XIV, 6).

Светоний в биографии Нерона описал устройство таких табличек: в них проделывали отверстия, трижды пропускали через них нитку, соединяли таблички в диптих или триптих, и после этого они запечатывались («*ne tabulae nisi pertusae ac ter lino per foramina traiecto obsignarentur*») (Suet. Nero, 17). Еще одно описание дал Юлий Павел, который привел постановление сената, в соответствии с которым те таблички, которые содержат текст общественных и частных контрактов, при привлечении свидетелей подписывались так, чтобы, будучи с верхнего края до середины трижды просверлены, они были связаны шнурком, и чтобы на наложенном сверх шнурка воске отгискивались печати, а внутренний текст подтверждал верность внешнего («*...eas tabulas, quae publicivel privati contractus scripturam continent, adhibitis testibus ita signari, ut in summa marginis ad mediam partem perforatae triplici lino constringantur atque impositae supra linum cerae signa imprimantur, ut exteriori scripturae fidem interior servet*»). Павел также упомянул, что таблички, оформленные иначе, не имели законной силы («*Aliter tabulae prolatae nihil momenti habent*») (Paulus. Sent. V, 25, 6).

Более сотни триптихов были найдены в доме помпейанского финансиста Луция Цецилия Юкунда⁴⁵. Помпейские триптихи состояли из табличек, имеющих углубления, заполнявшиеся воском, и предназначенные для письма только на 2, 3 и 5-й страницах. На 2 и 3-й страницах писался главный текст документа, затем первая и вторая таблички

⁴⁰ Orellius C. Inscriptionum latinarum selectarum... № 2901.

⁴¹ Фихман И. Ф. Введение в документальную папирологию... С. 20.

⁴² Там же.

⁴³ Борухович В. Г. В мире античных свитков... С. 24.

⁴⁴ Babjak I. Contractus litteris... S. 11.

⁴⁵ Erman H. Die pompejanischen Wachstafeln // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. Bd. 20 (33). 1899. S. 174.

связывались (так, что вторая и третья страницы триптиха оказывались закрытыми), и в специальном желобке посередине гладкой четвертой страницы пропускался шнурок, причем эта страница воском не покрывалась. Пропущенный в желобке шнурок скреплялся печатями и подписями свидетелей⁴⁶.

По дощечке писали стилем (металлическим стержнем с заостренным концом) (*stilus et pugillares*) (Plin. Epist. I, 6). Противоположный конец стилия имел форму лопаточки, с помощью которой заглаживали написанный текст⁴⁷. Овидий отмечал, что дощечку, как правило, держали в левой руке, а стиль в правой («*dextra tenet ferrum, vacuam tenet altera ceram*») (Ovid. Met. IX, 522). Общеизвестен совет Горация начинающим поэтам чаще оборачивать стиль, чтобы написать нечто достойное внимания читателя («*saepe stilum vertas, iterum quae digna legi sint scripturus*») (Hor. Sat. I, 10, 72).

Для изготовления банковских книг использовался, как было указано выше, также папирус (*chartae maiores*) (Martial. XIV, 10) и пергамент (*membrane*) (Hor. Sat. II, 3)⁴⁸. Причем пергамент использовался как для долговременных записей, так и для черновиков, точно так же, как и восковые дощечки: написанный на кусочке пергамента (*pugillares membrane*) текст многократно стирался и переписывался («*Esse puta ceras, licet haec membrana vocetur: delebis, quotiens scripta novare voles*») (Martial. XIV, 7). Писали перьями («*calamis*») (Martial. XIV, 20), которые помещали в специальный пенал («*graphiarium*») (Martial. XIV, 21). Гораций, описывая финансовую биржу на римском форуме, отметил пеналы и счетные доски, подвешенные к левой руке собравшихся там людей (Hor. Epist., I, 1, 56). Книги могли помещаться в специальный футляр (*manuale*) (Martial. XIV, 84) и храниться в специальных сундуках (*scrinium*) (Martial. XIV, 37).

Архивы восковых табличек, папирусных свитков и пергаментных кодексов хранились в домах знатных римлян в специальном помещении, называвшемся «таблинум»⁴⁹. Это был архивный кабинет хозяина, который находился посередине дома, между атрием и перистилем. О множестве подобного рода табличек, хранящихся в домах знатных римлян, пишет и Плиний в своей «Естественной истории» (*tabulina codicibus implebantur et monumentis rerum in magistratu gestarum*) (Plin. Nat. Hist. XXXV, II, 7). Главную роль мебели этой комнаты составлял большой сундук («*scrinium*»), металлический или деревянный, обитый металлическими пластинками и большими гвоздями; он стоял всегда по правую сторону у стены или пилястра и был крепко заперт и запечатан (Martial. XIV, 37).

Итак, римские банкиры в своей работе использовали четыре основных банковских книги. В дневник («*adversaria*») заносились ежедневные записи, которые ежемесячно переносились в главную (контокоррентную) книгу («*rationes*»). Кроме того, банкиры вели также приходо-расходную книгу («*codex accepti et expensi*») и книгу учета заемного и предоставленного в ссуду капитала («*kalendarium*»). Банкиры, специализировавшиеся на проведении аукционов, использовали также аукционные книги («*tabulae auctionariae*»). Сами книги могли выполняться на навощеных дощечках, папирусе и пергаменте. С помощью означенных книг банкиры могли оформлять различного рода банковские операции: взятие денег на депозит, предоставление займа, безналичные расчеты и перевод денег. Как расчетные, так и приходо-расходные книги банкиров представляли собой документы публичного права, их ведение регламентировалось государством и в случае необходимости, записи в этих книгах использовались в судебном процессе.

Изучение банковских книг римских банкиров и анализ основных операций, осуществляемых с их помощью, дает хорошую основу для понимания реальных условий кредита в античном Риме и будет способствовать дальнейшим исследованиям истории Древнего Рима.

Сокращения

- Cato r. r. – Marcus Porcius Cato. De Re Rustica.
Cic. ad Att. – M. Tullii Ciceronis. Epistulae ad Atticum.
Cic. de Orat. – De oratore.
Cic. in Verr. – In C. Verrem oratio.

⁴⁶ Борухович В. Г. В мире античных свитков... С. 29.

⁴⁷ Там же. С. 19.

⁴⁸ Федорова Е. В. Введение в латинскую эпиграфику... С. 39.

⁴⁹ Муромцев С. Гражданское право древнего Рима... С. 211.

Cic. pro Caecina. – Pro Caecina oratio.
Cic. pro Cluent. – Pro A. Cluentio oratio.
Cic. pro Flacco. – Pro L. Flacco oratio.
Cic. pro Font. – Pro M. Fonteio oratio.
Cic. pro Quint. – Pro P. Quinctio oratio.
Cic. pro Rosc. Com. – Pro Roscio Comodeo oratio.
Cic. pro Scaur. – Pro M. Scauro oratio. CIL. – Corpus Inscriptionum Latinarum.
Dig. – Digestae Justiniani Augusti.
Gai. – Gaius. Institutiones.
Gell. – Aulus Gellius. Nostes atticae.
Hor. Epist. – Quintus Horatius Flaccus. Epistulae.
Hor. Sat. – Sermones.
Juv. Sat. – D. Junius Juvenalis. Satyrae.
Liv. – Livius Titus. Ab Urbe condita.
Martial. – Marcus Valerius Martialis. Epigrammaton.
Nepot. Att. – Nepos Cornelius. Atticus.
Ovid. Am. – P. Ovidius Nasonis. Amores.
Ovid. Met. – Metamorphoses.
Petron. Sat. – C. Petronius. Satiricon.
Paulus. Sent. – Julius Paulus. Sententiarum.
Plaut. Bacch. – T. Maccius Plautus. Bacchides.
Plin. Epist. – C. Plinius Secundus (Minor). Epistulae.
Plin. Nat. Hist. – C. Plinius Secundus (Maior). Naturalis Historia.
Propert. – Sexti Propertium. Elegarium.
Sen. de benef. – L. Annaei Senecae. De Beneficiis.
Sen. Epist. – Epistulae.
Suet. Caes. – Suetonii Tranquilli. Divus Iulius.
Suet. Nero – Nero.
Suet. Vesp. – Divus Vespasianus.
Varro r. r. – Varro Marcus Terentius. Rerum Rusticarum de Agri Cultura.

THE BANKING BOOKS OF ANCIENT ROMAN BANKERS

M. N. SAYKO

*Bukovina State Finance
and Economics University,
Ukraine*

e-mail: mihail.saiko@mail.ru

The main types of Banking books used by bankers of ancient Rome in their work are considered in the article. Among them there are: the diary («adversaria»), general ledger («rationes»), account-book («codex accepti et expensi»), as well as ledger debt («kalendarium»). The basic banking operations performed with the help of these bank books: acceptance money on deposit, loans, non-cash payments and money transfer are investigated.

Key words: Ancient Rome, the Banking book, codex accepti et expensi, kalendarium.

К ПРОБЛЕМЕ ПОЯВЛЕНИЯ ЧЕРНЯХОВСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ С ЗАПАДНОЙ ОРИЕНТАЦИЕЙ

С. В. ЯРЦЕВ

*Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

e-mail: s-yartsev@yandex. ru

В статье исследуются сложные вопросы религиозной жизни населения черняховской культуры. В ходе сложных миграционных и этнических процессов изначальные религиозные представления и обряды варваров значительно трансформировались. К наиболее значимым таким изменениям, можно отнести широкое распространение среди черняховцев греко-римского культа Иисуса. Проникновение в варварскую среду религиозных представлений, связанных с почитанием данного божества, связывается как со спецификой верований северных племен, так и с переселением в Северное Причерноморье выходцев из римских провинций.

Ключевые слова: варвары, религия, ингумация, Исида.

Во II-III в. н. э. миграционные и этнические процессы, охватив значительную часть территории Северной и Восточной Европы, привели к формированию черняховской культуры. Характерной чертой этого сложного культурного образования являлась биритуальность могильников с сожжениями и труположениями. В свою очередь, обряд ингумации на черняховских могильниках также был не однороден. Данные погребения имеют серьезные различия по ориентации умерших на север или на запад с различными отклонениями. Очевидно, что каждая такая ориентировка была идеологически обоснована. Однако из-за малой информативности источников определение религиозной составляющей указанной обрядовой специфики, является трудно решаемой научной задачей¹.

Так, пытаясь прояснить значение погребений с северной ориентировкой, было замечено, что подобное направление характерно и для ингумаций вельбарской культуры². К тому же, северная ориентировка погребенных хорошо вписывается в собственное германо-скандинавское мифологическое мироздание, в котором север ассоциируется с тьмой и смертью. Поэтому не исключено, что эта особенность погребального обряда в черняховской культуре восходит к представлениям северных варваров, в чем-то пересе-

¹ Ščukin M., Kazanski M. et Sharov O. Des les Goths aux hunns: Le nord de la mer noire au Bas – empire et a l'epoque des grandes migrations / Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400-1000 A. D.): Monographs I. British Archaeological Reports International Series 1535. Oxford, 2006. S. 15.

² Магомедов Б. В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья, Киев, 1987. С. 36. Правда, северная ориентация в погребениях была типична также для поздних сармат (См.: Абрамова М. П. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э. — I в. н. э. // Советская археология. 1961. №1. С. 103; Костенко В. И. Сарматы в междуречье Орели и Самары // Курганные древности Северного Поднепровья III-I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1979. Вып. 3. С. 127; Дзиговский А. Н. Сарматские памятники степей Северо-Западного Причерноморья // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 85). В связи с этим предлагалось считать эту черту погребального обряда сарматским вкладом в черняховскую культуру. Наличие в последней явных сарматских элементов: захоронений в катакомбах, могильных ям с подбоями, нишами в стенках и возможно с заплечиками, укрепляло позиции такого предположения (См.: Гей О. А. Черняховская культура // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. — первой пол. I тыс. н. э. М., 1993. С. 164). Тем не менее, сомнения по этому поводу, все же оставались. Дело в том, что многие из характерных признаков погребального обряда в черняховской культуре (помимо северной ориентировки, например, обычай сыпать в могилу угольки и пепел, помещать здесь мел и краску, скрещивать у покойных ноги и т. д.), возможно, имеют не скифо-сарматское происхождение. Все эти особенности в той или иной степени встречаются и на могильниках Северной Европы (См.: Могильников В. А. Погребальный обряд культур III в. до н. э. — III в. н. э. в западной части Балтийского региона // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н. э. — перв. пол. I тыс. н. э. М., 1974. С. 155-159). Черняховский же обычай помещать в могилы с северной ориентировкой мясную пищу, вообще более характерен не для сармат, а для европейской варварской аристократии (См.: Симоненко А. В. Некоторые позднесарматские элементы в черняховских ингумациях // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2004. Вып. VII. С. 209-210). Ведущий специалист по черняховской культуре Г. Ф. Никитина, на своих памятниках, никакого сарматского влияния на черняховский обряд не видит (См.: Никитина Г. Ф. Черняховская культура Поднепровья (по результатам анализа археологических источников). М., 2008. С. 153-154).

кающихся с южной скифо-сарматской традицией³. Труднее объяснить черняховские погребения по обряду ингумации с западной ориентацией. У сарматов предчерняховского времени данная ориентация в погребениях почти отсутствовала⁴. Правда, такая особенность погребального обряда в Северном Причерноморье была характерна для позднескифского населения городищ Нижнего Днепра и Крыма раннеримского времени⁵ и западных групп поздних меотов, исчезнувших к середине III в. н. э.⁶ Однако, принимая во внимание, что западные погребения в черняховской культуре появились относительно поздно⁷, попытку связать их с указанной традицией нельзя назвать успешной⁸. Имеющийся хронологический разрыв между ними так и не нашел приемлемого объяснения. Предположение о том, что местное население только со временем смогло интегрироваться в германскую черняховскую среду, маловероятно⁹.

Для выяснения причин появления в черняховской культуре ингумаций с западной ориентацией, необходимо обратить внимание на то, что данные погребения за редким исключением (как правило, элементов одежды и личного убора: фибулы, пряжки, бусы, подвески), не содержат инвентаря¹⁰. Это вызывает удивление, так как, исходя из некоторых глубоких ям сложной профилировки и иногда многочисленного сопровождающего инвентарю, указанная особенность обряда нередко применялась к людям из привилегированного сословия¹¹. Заметим, что в соседних погребениях с северной ориентацией, вещевой инвентарь присутствует в традиционном для вельбарской культуры составе¹². Гипотеза, объясняющая это интересное явление развитием в черняховской культуре традиций исключительно рядовых степных погребений¹³, не убедительна. Сомнительным выглядит и предположение о том, что в основе западных погребений лежат семейные и локальные особенности неоднородного варварского населения¹⁴. Если такие особенности и имели отношение к исчезновению вещей из могил, то, в первую очередь, речь должна идти о некой религиозной форме, принятие которой и придавало специфику родственным группам.

Запрет на помещение инвентаря в погребениях с западной ориентировкой, безусловно, свидетельствует о распространении среди варваров неизвестной нам идеологии. По мнению Г. Ф. Никитиной, данная часть населения черняховской культуры верила во внеземную, духовную форму существования в потустороннем мире, в отличие от другой группы черняховцев, убежденных в существовании покойного после смерти по аналогии с земной жизнью. Выпадающие же из этой системы факты (такие, как наличие в западных могилах сопровождающего инвентаря), необходимо рассматривать, либо как влияние иноверцев, либо как анахронизм или как следы смешения двух популяций¹⁵. Однако, в поиске идеологии, объясняющей распространение в черняховской культуре погребения

³ Гей О. А. Ук. соч. С. 165.

⁴ Мошкова М. Г. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 192.

⁵ Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001. С. 38.

⁶ Каменецкий И. С. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н. э. – III в. н. э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 240, 246.

⁷ Об этом, например, свидетельствуют данные стратиграфии и факты перекрывания «северных» погребений «западными» (См.: Сымонович Э. А., Кравченко Н. М. Погребальные обряды племен черняховской культуры // Свод археологических источников. Д 1-22. М., 1983. С. 19; Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема... С. 27). Более того, многими исследователями отмечается, что чем позднее черняховский могильник, тем большее количество на нем погребений западной ориентации (См.: Никитина Г. Ф. Ук. соч. С. 105).

⁸ Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 97.

⁹ Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема... С. 39.

¹⁰ Сымонович Э. А., Кравченко Н. М. Ук. соч. С. 16-18; Некрасова А. Н. Памятники черняховской культуры днепровского левобережья // Готы и Рим. Киев, 2006. С. 87-200.

¹¹ Никитина Г. Ф. Ук. соч. С. 116.

¹² Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема... С. 37.

¹³ Он же. С. 39.

¹⁴ Maćzyńska M. West-Ost orientierte Körpergrüber der Cernjachov-Kultur // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь, 1996. Вып. V. С. 338-342.

¹⁵ Никитина Г. Ф. Ук. соч. С. 122, 142.

ний, ориентированных головой на запад (ногами на восток), Г. Ф. Никитина, вслед за Э. А. Сымоновичем¹⁶, склоняется к версии о проникновении в эту среду христианства¹⁷.

Такое предположение вступает в серьезное противоречие с источниками. Насколько можно судить по письменным свидетельствам, после проповедей Ульфила среди придунайских готов Фритигерна и, возможно, Атанариха (Socrat. Hist. eccl. IV. 3; Sozom. Hist. eccl. VI. 37), в 341-348 гг.¹⁸, тотчас начались гонения на готов, принявших христианство. Авксентий Доростольский, в связи с этим, упоминает мучеников из Готии (Auxent. 72, 21). Все, кто не стал отступать от своей новой веры с разрешения императора Констанция, бежали на территорию империи в Нижнюю Мёзию (Iord. Get. 267; Philostorg. Hist. eccl. II, 5). В дальнейшем Атанарих целенаправленно продолжал преследование христиан на своей земле¹⁹. Эрманариха, силой оружия заставлявшего всех повиноваться «своим законам» (Iord. Get. 116), также трудно заподозрить в симпатиях к христианам²⁰. Все это делает крайне сомнительной попытку связать феномен появления в черняховской культуре погребений, в которых умершие лежали головой к западу (вплоть до самых отдаленных от Северного Причерноморья областей)²¹, с распространением среди варваров христианства. Заметим также, что вещи из могил христиан должны были исчезать далеко не сразу после принятия новой веры, процесс уменьшения количества вещей в христианских погребениях обычно длится несколько веков²². Это хорошо демонстрирует одно из черняховских захоронений, где обнаружен медальон с изображением св. Даниила. При этом погребение было ориентировано на север и снабжено богатым инвентарем²³. Вторичное ритуальное разрушение погребений по обряду ингумации, когда могила вскрывалась (это притом, что в могилах западной ориентировки, как правило, нечего было брать), кости разламывались и разбрасывались²⁴, связать с христианством вообще практически невозможно.

По мнению М. Е. Левады, специфика западных могил (в том числе и антропологическая)²⁵, может быть связана с переселением в Причерноморье пленных из римских провинций²⁶. В целом, такое решение проблемы, выглядит достаточно перспективным. Однако могил с такой ориентацией мало в Трансильвании, Мунтении, Молдавии, то есть на вероятном пути такой миграции²⁷. Правда, в целом, общее количество ингумаций с западной ориентировкой в черняховской культуре, не такое уж большое. В среднем это 16% всех труположений, и до 8% от всех черняховских погребений, включая кремацию²⁸. При этом, наибольший процент западной ориентировки фиксируется в Северном Причерноморье и современной Центральной и Восточной Украине²⁹. Следовательно, если перемещение пленных в эти районы и было, то оно произошло за короткий промежуток времени и не напоминало обычную миграцию племен. Заметим, что такая особенность, сразу же заставляет обратить внимание на события, связанные с историей варварской группировки Гебериха. Этот готский вождь после поражения от римлян отказался, в

¹⁶ Сымонович Э. А. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху // Советская археология. 1963. №1. С. 49-60; Он же. О культовых представлениях населения юго-западных областей СССР в позднеантичный период // Советская археология. 1978. №2. С. 105-116.

¹⁷ Никитина Г. Ф. Ук. соч. С. 126-130.

¹⁸ Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 2001. С. 177-180.

¹⁹ Thompson E. Early Visigothic Christianity // Latomus, 1962. T. XXI, Fasc. 3. P. 505-519.

²⁰ Буданова В. П. Ук. соч. С. 169.

²¹ Никитина Г. Ф. Ук. соч. С. 227. Рис. 11.

²² Зубарь В. М., Хворостяный А. И. От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.). Киев, 2000. С. 100.

²³ Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема... С. 38.

²⁴ Никитина Г. Ф. Ук. соч. С. 121-122.

²⁵ Рудич Т. А. К вопросу об ориентации погребенных на могильниках черняховской культуры по материалам антропологии // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999. С. 126-134.

²⁶ Левада М. Е. Готские древности в Северном Причерноморье: храмы и святилища // Боспорские чтения. Керчь, 2007. Вып. VIII. С. 201.

²⁷ Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема... С. 27. Почему-то не наблюдается увеличение числа погребений с западной ориентировкой в связи с более близким расположением могильника к границам Римской империи (См.: Гудкова А. В. I-IV вв. в Северо-Западном Причерноморье (Культура оседлого населения) // STRATUM plus. СПб.; Кишинёв, Одесса, 1999. № 4. С. 375).

²⁸ Он же. С. 38.

²⁹ Он же. С. 27.

отличие от Ариариха и Аориха, пойти на мирные отношения с империей и с боями, через земли вандалов, стал уходить от римских границ (Iord. Get. 112-113). Сам факт такого продвижения не позволяет согласиться с версией о том, что нападение Гебериха на вандалов было согласовано с Римом³⁰. Скорее наоборот, именно вандалы, некоторых из которых после разгрома милостиво принял на своей территории Константин, и должны были не дать уйти враждебно настроенным по отношению к империи готам (Iord. Get. 115). Судя по тому, что преемником этого предводителя оказался Эрманарих — правитель раннегосударственного образования на юге Восточной Европы (Iord. Get. 116), очевидно, что Геберих отошел именно в южные и центральные районы черняховской культуры. В группировке этого вождя, исходя из только что прошедшей в 332 г. войны с римлянами, безусловно, должны были находиться выходцы из бывших римских провинций. Мнение о наличии у готов после данной войны большого количества пленных уже высказывалось в литературе³¹. Причем дата этих событий 332-337 гг.³² хорошо сочетается с хронологией появления в черняховской культуре могил с западной ориентировкой, которые, как известно, если и содержат, то, как правило, только поздний инвентарь³³. Но если это так, то причины особенностей указанного погребального обряда необходимо искать на территории Рима. Не исключено, что вместе с варварами, а в последующее время и вместе с федератами, в Северное Причерноморье могли проникнуть религиозные представления, широко распространенные в это время на территории империи³⁴. Заметим, что некоторые из таких религий (как например культы Митры или Исиды) не являлись чуждыми для населения причерноморских районов. В свое время они были хорошо знакомы населению античных городов. Однако, если верования, связанные с митраизмом, исключали женщин и считались элитарными³⁵, то с верой в Исиду³⁶ все обстояло по-другому.

Отметим, что разрушение скелетов (на разных черняховских могильниках, в той или иной степени) затрагивало ингумационные погребения как северной, так и западной ориентации³⁷. Другими словами, все погребения, совершенные по обряду ингумации были связаны с верой в бессмертие души и воскрешением из мертвых. Вторичное разрушение могил, размещение большого камня в области грудной клетки умершего или заваливание могилы слоем крупных тяжелых камней³⁸, являлось отражением страха перед мертвыми, которых, тем не менее, в связи с необходимостью обеспечения защиты поселений и установления высокоэффективной связи с потусторонним миром, специально оставляли «жить» (до исчезновения плоти?) в своих могилах. Видимо, именно этим страхом объясняется и довольно широко распространенный среди черняховского населения обряд расчлененных захоронений³⁹. Данные особенности ингумационного обряда, так или иначе, подчеркивали главное ритуальное действие погребения, а именно возвращение тела земле, откуда собственно и происходит все живое. В сакральном смысле это бы-

³⁰ Šćukin M., Kazanski M. et Sharov O. Op. cit. S. 49.

³¹ Warmington B. H. Rec. ad. op.: Barceló P. A. Roms auswärtige Beziehungen uhter des Constantinischen Dynastie (306-363). Regensburg, 1981 // The Classical Review. Oxford, 1983. Vol. 33. № 2. P. 277-278; Idem. Constantine and his age // The Classical Review. Oxford, 1983. Vol. 33. № 2. P. 278-284.

³² Она же. С. 148-151.

³³ Гей О. А., Бажан И. А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997. С. 49.

³⁴ Левада М. Е. Ук. соч. С. 202.

³⁵ Шевченко Т. М. Релігійний світогляд населення античного Херсонеса. Київ, 2011. С. 278.

³⁶ Начиная с эллинистического времени, культы Исиды и других египетских богов засвидетельствованы для Тире (См.: Иванчик А. И., Самойлова Т. Л. Синкретические культы греко-египетских богов в Тире // Боспорский феномен. СПб., 2007. Ч. 2. С. 150-157), Ольвии (См.: Русяева А. С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы, Святылища. Культы олимпийских богов и героев. Киев, 2005. С. 422, 440), Херсонеса (См.: Зубарь В. М. Боги и герои античного Херсонеса. Киев, 2005. С. 62), Феодосии (См.: Петрова Э. Б. Античная Феодосия: История и культура. Симферополь, 2000. С. 165), Боспора (См.: Трейстер М. Ю. Колесница из 1-го среднего кургана Васюриной горы (еще раз к вопросу о боспоро-египетских отношениях в эллинистическую эпоху) // Боспорские чтения. Керчь, 2005. Вып. VI. С. 306-313).

³⁷ Магомедов Б. В. Черняховская культура Северо-Западного... С. 36-37.

³⁸ Никитина Г. Ф. Ук. соч. С. 147-148.

³⁹ Мончинска М. Страх перед умершими и культ мертвых у германцев в IV-VII вв. н. э. (на основании так называемых погребений специфического обряда) // STRATUM+Петербургский археологический вестник. СПб.; Кишинев, 1997. С. 207-213; Гудкова А. В. Защитная магия в ингумациях черняховского могильника Нагорное – II // Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень (до 40-річчя археологічної експедиції НПУ ім. М. П. Драгоманова). Київ, 2010. С. 36-40; Šćukin M., Kazanski M. et Sharov O. Op. cit. S. 43.

ло неразрывно связано с культом плодородия и земледельческой магией. Не означает ли это того, что причина, когда душе не требовалось есть и пить, во всяком случае, обычной пищи и воды, лежала в основе поклонения некоему женскому божеству плодородия в римское время?

Любопытно, но именно культ Исиды, соединивший в себе почитание множества женских божеств и широко распространившийся на просторах Римской империи, отличался довольно серьезными запретами в еде и питье для своих последователей. Известный греческий философ I-II вв. н. э. Плутарх, в своем сочинении «Об Исиде и Осирисе»⁴⁰ раскрывает некоторые особенности таинства этого культа, основой которого является «посвящение, предписывающее постоянно умеренный образ жизни и воздержание от многих видов пищи и любовных усад» (Plut. De Is. et Os. 2). В тексте, например, предписывается отказ от употребления бобов, соли, овечьего и свиного мяса, рыбы, лука, ограничивается употребление речной (нильской) воды и вина, ибо «пьянство делает людей бешеными и безумными» (Plut. De Is. et Os. 4-8). Но самое интересное заключается в том, что Плутарх довольно определенно высказался об особенностях погребального обряда жрецов Исиды, которые имели право забирать с собой в потусторонний мир единственно ценное, чем владели в своей жизни, а именно секреты таинства своего учения. Хранители священных сосудов и облачений «укрывают в душе, как в ларце, священное слово о богах, чистое от всякого суеверия и суетности, приоткрывая лишь некоторые части своего учения, то окутанные мраком и затененные, то ясные и светлые, как те символы, что явлены в священных одеяниях. Поэтому, когда в них обряжают умерших жрецов Исиды, то это есть знак того, что То Слово пребывает с ними и что, владея им и ничем больше, они отходят в иной мир» (Plut. De Is. et Os. 3). Ведь «из всего, чем владеет человек от рождения, нет ничего божественнее слова, особенно — слова о богах, и ничто не имеет большего значения для счастья» (Plut. De Is. et Os. 68). Не исключено, что со временем, правила, применимые к служителям культа, могли перейти и на простых людей. «Ибо истинным служителем Исиды является тот, кто всегда по правилам воспринимает все, что говорят о богах и что во имя их совершают, исследуя это разумом и рассуждая о заключенной в этом истине» (Plut. De Is. et Os. 3).

К сожалению, мы не знаем насколько, в сложившихся представлениях этой части черняховского населения, душа погребенного не должна есть и пить⁴¹. Может быть, душа в западных погребениях тоже ела и пила, но только особую божественную пищу, для которой не нужны были сосуды, ведь ее принимают непосредственно из рук бога или ангела. До нас дошли некоторые отголоски древних представлений, связанных с верой в существование такой пищи, правда, точно утверждать, что они имели отношение к культу Исиды, мы не можем⁴². Учитывая то обстоятельство, что на территории империи и греческих полисов Понта в римское время Исиду почитали, в первую очередь, как защитницу душ умерших⁴³, то при определенных условиях богиня сама могла обеспечить душу по-

⁴⁰ Здесь и далее сочинение Плутарха дается в переводе Н. Н. Трухиной (См.: Плутарх Об Исиде и Осирисе // Вестник древней истории. 1977. № 3. С. 247-267; № 4. С. 231-249).

⁴¹ В этой связи сильно смущает обряд погребения на могильниках целых сосудов, вмещавших пищу. Их справедливо связывают с «кормлением душ» (Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема... С. 29-30).

⁴² В христианском рассказе о детстве Марии «Истории Иакова о рождении Марии», хорошо известном в античном мире (один из самых ранних текстов сохранился на обнаруженном в Египте папирусе, он датируется II в. н. э. (См.: Деревенский Б. Г. Иисус Христос в документах истории. СПб., 2001. С. 206, 211)) упоминается какая-то чудесная пища, которой была вскормлена еще маленькая девочка Мария. Когда ее, в соответствии со священным обетом, в три года закрыли в храме, выкормили ее не люди, а ангел, причем особой божественной пищей, для которой не нужны были сосуды: «И ушли ее родители, удивляясь и вознося хвалу Господу, что дитя их не повернуло назад. Находилась же Мария в храме Господнем как голубка, и пищу принимала из руки ангела. Когда же ей исполнилось двенадцать лет...» (Protoevangelium Iacobi VIII). Считается, что в этом тексте, где много необычного и чудесного (в целом характерного для массового сознания римского времени (не только для христиан)), нашли свои отражения древние традиции почитания женских божеств, сохранявшихся, во всяком случае, в подсознании новообращенных язычников. И. С. Свенцицкая, в этой связи, напомнила о известном гностике II в. н. э. Валентине, который также говорил о необычной пище Иисуса (См.: Свенцицкая И. С. Первые христиане и Римская империя. М., 2003. С. 207, 209).

⁴³ Собрательный образ Исиды как богини плодородия и царицы подземного мира, ассоциировался с Корой-Персофоной (супругой Аида — бога подземного мира, властителя мертвых, с которым в римское время отождествляли Сераписа) и ее матерью Деметрой (См.: Сапрыкин С. Ю. Религия и культуры Понта эллинистического и римского времени. М.; Тула, 2009. С. 161-162).

гребенного всем необходимым, в том числе, и пищей. Ведь того, кто пребывает «в служении непреклонными и суровыми ... богиня призывает искать его, и он пребывает вместе с ней, рядом с ней и в связи с ней» (Plut. De Is. et Os. 2).

Распространению верований, связанных с Исидой, среди черняховского населения в IV в., могло способствовать и то, что данный культ для северных варваров являлся далеко не чуждым. Еще Тацит с удивлением писал о том, что какая-то часть свебов⁴⁴ совершает жертвоприношения Исиде: «Часть свебов совершает жертвоприношения и Изиде; в чем причина, и каково происхождение этого чужестранного священнодействия, я не мог в достаточной мере выяснить, но, поскольку их святыня изображена в виде либурны, это культ, надо полагать, завезен к ним извне» (Tacit. Germ. 9). К сожалению, Тацит не указал причины появления почитания египетского божества у северных народов, не смог он узнать и конкретное название племени или группы племен из свебского объединения, кто практиковал этот культ. Исходя из противоречивых сведений античных авторов о данной группе варваров, можно сделать заключение, что по большей части, речь идет о протяженной и прибрежной территории от Северного до Балтийского морей⁴⁵. Об этом свидетельствует тот же Тацит, в сочинении которого прибрежные ингевоны были косвенно причислены к свебам (Tacit. Germ. 38-46). Некоторых из этих варваров (маркоманы, квады, лугии, гутоны – живущие от Рейна до районов восточнее Эльбы)⁴⁶ относит к свебским племенам и Страбон (Strabo. VII. 1). Согласуется с такой картиной и наименование Тацитом северного моря как «Свебского» (Tacit. Germ. 45). В сочинении Плиния Старшего оно было определено в качестве «Коданского залива», неразрывно связанного с местоположением горы «Сево» (Plin. NH. IV. 27. 6). Залив этот омывает крупные полуострова Европы – Скандинавию и Ютландию⁴⁷ и имеет непосредственное отношение к племенам, которых объединяло, по словам Тацита, особое поклонение женскому божеству.

Интересно, но именно в Ютландии, в римское время начинают выделяться районы с концентрацией ингумационных погребений с преобладанием западной ориентировки⁴⁸. Однако, на пути миграций племен в Северное Причерноморье, включая Западную Украину, таких могил встречается относительно мало⁴⁹. Поэтому, если культ египетского божества и проникал с севера, то этот путь не являлся основным. К тому же и погребальный обряд в Ютландии (в каменных ящиках или в деревянных гробах с богатым инвентарем) не имел ничего общего с черняховским. Хотя западная ориентировка в целом могла иметь отношение к Исиде. Дело в том, что данная особенность погребального обряда являлась главным составляющим действием, подчеркивающих связь умершего с каким либо небесным светилом⁵⁰. Исиду, как и других богов часто отождествляли с подобными объектами. Например, в древнем Египте, богиню ассоциировали с одной из самых ярких звезд на небе – Сириусом из созвездия Большого Пса⁵¹. На связь египетской богини с этим созвездием указывал Плутарх (Plut. De Is. et Os. 21, 38). Позднее Исиду часто называли «Богиней Запада», сравнивая ее с «Западом» — мифологическим персонажем западного неба, имеющим отношение к царству мертвых и поэтому изображавшимся безголовым (безжизненным), или же с пером страуса вместо головы и иногда на голове. Персонификацию запада с обла-

⁴⁴ Которые «не представляют собой единого народа...но, занимая большую часть Германии делятся на много отдельных племен, носящих свои наименования, хотя все вместе... именуется свебами» (Tacit. Germ. 38).

⁴⁵ Колосовская Ю. К. Рим и мир племен на Дунае. I-IV вв. н. э. М., 2000. С. 34.

⁴⁶ Колесницкий Н. Ф. Этнические общности и политические образования у германцев I-V вв. // Средние века. М., 1985. Вып. 48. С. 14.

⁴⁷ Она же. С. 33.

⁴⁸ Могильников В. А. Ук. соч. С. 204-205.

⁴⁹ Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема... С. 27.

⁵⁰ По мнению Г. Ф. Никитиной, в основе северной ориентации (головой на север) лежал заход, западной ориентации (головой на запад) восход солнца (См.: Никитина Г. Ф. Ук. соч. С. 119-120).

⁵¹ Мюллер М. В. Египетская мифология. М., 2006. С. 60-61. В зимнее время года, созвездие Большого пса, можно видеть над южным горизонтом. Самая яркая звезда из этого созвездия – Сириус, которую египтяне называли Софдет, а греки Сотис, как свидетельствуют античные источники, считалась очень опасной и жестокой, особенно, когда восходила в середине лета вместе с Солнцем. Возможно, в древности Сириус действительно рассматривали как умиравшее солнце, которое достигало к середине лета апогея своего пути и начинало идти на закат (См.: Винокуров Н. И., Мацнев Д. В., Фесенко А. В. Сириус, созвездие Близнецов и сюжет божественной охоты в Крымском Приазовье (на примере некрополя городища Артезиан) // Боспорские исследования. Симферополь-Керчь, 2007. Вып. XVI. С. 177-178).

стями смерти получало по вечерам солнце, протягивающее руки с неба, чтобы отправить себя в утро. Такие руки, протянутые сверху, вскоре превратились в символ неба. Вместе с тем, необходимо учитывать, что страусовое перо как иероглиф означало одновременно «запад» и «правосудие». Поэтому Исиду, с некоторого времени стали называть богиней правосудия. Во времена Плутарха, отождествившим Исиду со Справедливостью, это было хорошо известно⁵² (Plut. De Is. et Os. 3). В дальнейшем, в греко-римский период, к Исиде перешла роль владычицы моря и покровительницы мореплавания Венеры, вследствие чего ее стали ассоциировать с планетой Венерой (Вечерней или Утренней звездой), хорошо видимой в сумерках на западе. Учитывая широко распространенные в римское время представления о звездах как о местопребывании душ умерших⁵³, не исключено, что западная ориентировка в черняховских и в ряде североευропейских захоронениях, могла являться ритуальной спецификой, призванной обеспечить покровительство Исиды душам погребенных людей.

Еще одним аргументом, косвенно доказывающим, что религиозную основу западных погребений необходимо искать на территории античного мира и сопредельных областей, является количественное соотношение конструкции ям с заплечиками с ориентацией на запад. В черняховской культуре 60 % могил, перекрытых сверху деревом или каменными плитами, имеют западную ориентацию погребенных. При этом традиционной версии о могилах с заплечиками, как о сарматском вкладе в черняховскую культуру⁵⁴, противоречит хронологический разрыв между последними захоронениями сармат (доходящими до середины III в.) и появлением западных погребений. Б. В. Магомедов все же допускает такую преемственность, но только для погребений с деревянными составляющими⁵⁵. Хотя и в этом случае необходимо помнить, что использование дерева в погребениях Северной Европы в первых веках нашей эры (захоронения в деревянных гробах, колодах или деревянное перекрытие княжеских могил), далеко не редкость⁵⁶. Могилы же с каменным перекрытием хорошо известны как у населения античных городов Северного Причерноморья с прилегающей округой, так и в ряде центров греческой метрополии⁵⁷. По мнению Е. Г. Кастанаян, именно из этих центров они и были принесены греческими колонистами в Северное Причерноморье⁵⁸. Следовательно, довольно значительная часть ориентированных на запад и погребенных в таких ямах с уступами-заплечиками, вполне могла иметь отношение к античному миру.

Обнаруженные на территории черняховской культуры около полутора десятков бронзовых статуэток античных богов вряд ли являлись случайными находками. Если у римлян они были связаны с домашними куклами, то и у черняховцев они могли продолжать выполнять свои религиозные функции. То, что большинство из них изображают египетские персонажи: Осириса, Гора, Исиду, Исиду с Гором, (встречаются также фигурки Венеры и сатиров)⁵⁹, может недвусмысленно указывать на конкретных богов, почитаемых частью населения варварских государств.

Таким образом, западные погребения отражают распространение среди части черняховцев верований, связанных с земледельческой магией и почитанием верховного женского божества. Богиня имела прямое отношение к античному миру и предположительно носила имя Исида. Окончательно оформилась данная идеология с присущей ей обрядовой спецификой только в Северном Причерноморье, в эпоху становления варварских государств. Именно здесь культ Исиды приобрел некоторые особенности и локаль-

⁵² Мюллер М. В. Ук. соч. С. 106-107.

⁵³ Штаерман Е. М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961. С. 288; Соломо-ник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. С. 217.

⁵⁴ Гудкова А. В. I-IV вв. ... С. 352.

⁵⁵ Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема... С. 27.

⁵⁶ Могильников В. А. Ук. соч. С. 155, 181-182, 184, 205.

⁵⁷ Он же. С. 35-36.

⁵⁸ Соответствие этой особенности религиозным взглядам местного населения и привело к широкому распространению ям с заплечиками в Северном Причерноморье (См.: Кастанаян Е. Г. Грунтовые некрополи боспорских городов и местные их особенности // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1959. С. 285, 287, 293; Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса (раскопки 1956-1958 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1961. С. 85).

⁵⁹ Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема... С. 87.

ные черты. В его основе находились религиозные представления эллинизированного населения античных городов Северного Причерноморья и выходцев с римской территории, попавших в плен или ушедших к варварам добровольно. То, что подобные верования не противоречили основным идеологическим установкам переселенцам с севера, а некоторым варварам были более чем хорошо знакомы, во многом предопределило их относительно мирное развитие и распространение среди населения варварских государств.

По-видимому, именно это обстоятельство и не позволило различным верованиям на территории черняховской культуры пойти по пути, казалось бы, неизбежной религиозной унификации. Отстаивая свою самобытность, бывшее римское население, влившись в иную культурную среду, добились права на свободное отправление, несколько отличного от общепринятого культа и связанного с ними обряда. По справедливому мнению А. В. Гудковой, археологический материал в основном свидетельствует о полной веротерпимости по отношению к иноверующим соплеменникам⁶⁰. Хотя, конечно, взаимоотношения этой группы черняховцев с выходцами с севера были непростыми. На это указывает то, что на некоторых крупных могильниках участки с северными ингумациями и кремациями размещаются обособленно от западных погребений. Было также замечено, что западные ингумации преобладают только на тех могильниках, где низок процент кремаций⁶¹. Хотя иногда наблюдается и явное смешение традиций. Например, на семейном участке с западными захоронениями может располагаться западное погребение с богатым инвентарем⁶². Все это лишний раз говорит о том, как мало нам еще известно о духовной жизни населения варварских государств Северного Причерноморья, о культах и обрядах, уходящих своими корнями, как в племенной мир, так и в античную цивилизацию.

TO THE PROBLEM OF APPEARANCE OF CHERNYAKHOV BURIALS WITH WESTERN ORIENTATION

S. V. YARTSEV

*Tula State Leo Tolstoy Pedagogical
University*

e-mail: s-yartsev@yandex.ru

The article touches upon complicated problems of religious life of Chernyakhov culture. During migration and ethnic processes, the original religious beliefs and rituals greatly transformed. To the most important changes we can refer the wide spread of Greco-Roman Isis cult among the population of Chernyakhov people. The penetration of this cult and beliefs into the barbarian world is connected both with the peculiarities of the beliefs of these northern tribes and with their migration to the North Regions of the Black Sea from Roman provinces.

Key words: barbarians, religion, inhumation, Isis.

⁶⁰ Гудкова А. В. I-IV вв. ... С. 375.

⁶¹ Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема... С. 27.

⁶² Никитина Г. Ф. Ук. соч. С. 398.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ГЕНДЕРНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

Д. Г. ЗЮПОВА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Ehyupova-diana@yandex.ru

В работе рассматриваются законы и правовое положение женщины в поздней античности, анализируются идеи профессора Ливерпульского университета Джиллиан Кларк. Исследуются основные законодательные акты, касающиеся брака, развода, права наследования, проституции, изнасилования, средств самовыражения женщины. Подвергается анализу гендерное положение позднеантичной женщины.

Ключевые слова: поздняя античность, гендер, женщина, законы, христианство.

Повседневность и законодательные акты, касающиеся жизни женщин, достаточно давно интересуют исследователей. Всесторонне рассмотрена жизнь женщин в классическом периоде античности и в средние века. Поздняя античность всегда считалась пограничной зоной, которая, в связи с переходностью периода, оставалась за рамками интереса ученых. Значительный вклад в изучение гендерных отношений в позднеантичный период внесли работы Джиллиан Кларк, почетного профессора, старшего научного сотрудника Ливерпульского университета (Великобритания). Исследовательская деятельность Кларк посвящена гендерному вопросу в истории полов и истории женщин. Одной из знаменитых работ Джиллиан Кларк, посвященной жизни женщин, является книга «Женщины в поздней античности: языческий и христианский образ жизни».

Основными источниками изучаемого периода стали «Кодекс Феодосия» 439 г. – официальное собрание законов Римской империи при Феодосии II (401-450гг.) и «Corpus iuris civilis» – свода римского права 529-534 гг., составленный при Юстиниане Великом (483-565 гг.)¹. Для исследования интересны все четыре части свода Юстиниана: институции, дигесты, кодекс Юстиниана и новеллы. Также анализировались сочинения Прокопия Кесарийского, медицинские трактаты Галена и Сорана, труды отцов церкви (Августина, Василия, Иоанна Златоуста) и византийская агиография.

Прибегая к гендерному анализу законодательных актов поздней античности, мы можем рассмотреть уже имеющиеся общественные традиции, модели поведения, отношения между полами, выявить права, обязанности, которые были применимы к женщинам. Тем не менее, мы должны не забывать, что законы не дают нам реальной картины, так как зачастую могут быть общим руководством, которое нередко не соответствует действительным поступкам и мыслям людей. Но косвенно, через анализ общественно порицаемых или запрещаемых действий, мы можем проследить повседневную практику. Анализ правовой ситуации в отношении женщин позволит полномасштабно охарактеризовать положения женщины, а также гендерную ситуацию в период поздней античности.

Большая часть позднеантичных законов в отношении женщин касалась брака, развода, приданого, супружеской измены, проституции, изнасилования, контрацепции, аборт, права наследования и общественной жизни.

В своде Юстиниана констатируется, что природа создала женщин для того, чтобы они рожали детей, и это их важнейшее предназначение [Кодекс Юстиниана, 6. 40. 2, 531 г]. Но были случаи, когда женщина не могла выйти замуж, это могло произойти из-за ее низкого социального положения, или потому, что ее семья не могла обеспечить ее приданым. Со времен римского права², ребенок был в potestas (во власти) отца – то есть был субъектом закона, на который распространяются права его отца, вплоть до его смерти, поэтому девушка не могла самостоятельно заключить законный брак, но она могла отказываться

¹ Подробнее о правовой ситуации в Римской империи см. Robinson O. The Status of Women in Roman Private Law // Juridical Review. 2000. 2. P. 143-162.

² См.: Robinson O. The Status of Women in Roman Private Law // Juridical Review. 2. P. 143-162.

выйти замуж, только в том случае, если ее отец выбрал не достойного ее статуса или поведения претендента [Дигесты. 23. 1. 11-12]. После смерти отца, в первую очередь, ее мать, затем опекун или другой родственник решает ее судьбу [Кодекс Феодосия II 3. 5. 12, 422 г.]. В случае смерти всех родственников она сама могла распоряжаться своей судьбой.

Женщина находилась в *potestas* отца, но не ее мужа, когда она выходила замуж, она становилась юридически независимой. Со стороны закона самым важным моментом было, не то, что она вышла замуж, а была ли еще *potestas*³. По римскому праву до 25 лет у женщины была своеобразная правовая защита из-за предполагаемой неопытности (это также применялось к молодым людям), и, согласно закону 371 [Кодекс Феодосия II 3.7.1], вдова до 25 лет, собираясь вступить в повторный брак, должна была добиться согласия отца, а если он умер, согласовать этот вопрос с ее семьей. К IV веку такое «опекунство женщин» устарело, и теперь женщина в браке становилась юридически свободной⁴.

Минимальным возрастом для официального обручения было семь лет [Дигесты. 23.1.14], в законную силу брак вступал в 12 лет. Брак организовывал отец или опекун, извлекая выгоду в основном для семьи, а не для девочки. Большинство девочек выходило замуж в 16 лет, и если отец или опекун не устроил к этому времени брак дочери, то на него падали подозрения в политических или финансовых интригах⁵.

Формальная помолвка символизировалась рукопожатием (*dextrarum iunctio*) и поцелуем, жених отправлял своей будущей невесте кольцо и другие подарки⁶. Помолвка была серьезным финансовым обязательством. При Константине в практику вошли штрафы за разрыв помолвки: если жених не выполнил обязательств по помолвке в срок, то она разрывается, и при этом невеста может оставить себе подарки жениха [Кодекс Феодосия II 3 52. 319 г.].

«Приданое остается крупнейшей финансовой операцией, в которой женщина когда-либо принимала участие. Так как это было крупное инвестирование со стороны ее семьи и ее доля наследства⁷». Целью приданого было защитить финансовую безопасность жены, это объясняется тем, что государство не было заинтересовано иметь бедных вдов с детьми, которые переходили на государственное попечительство [Дигесты. 24. 3.1]. Любая собственность, наследованная женщиной или приобретенная после смерти отца, переходила в наследство девушке. Свое приданое вместе с мужем девушка могла использовать во время семейной жизни, но по закону после развода жена имела право забрать его, если не был заключен брачный контракт [Юстиниан. Институции. 97-3, 539 г.]. По римским законам, которые еще бытовали в поздней античности, мужу очень сложно было стать собственником приданого. Муж не имел юридического права дарения, распоряжения деньгами или имуществом жены. Еще Константин писал о плачевных последствиях любви, которая сопровождается «обычными обманчивыми уговорами» супруга и заканчивается финансовыми потерями [Кодекс Феодосия II 8. 16. 1, 320 г.]. Единственным исключением из этого правила было «брачное пожертвование», оно предназначалось для безопасности замужних женщин. Это был подарок, денежные средства или имущество жениха невесте, презент выплачивался после вступления в брак. Брачные пожертвования стали очень популярны время Юстиниана. Считалось, что пожертвования должны быть равными по стоимости приданого, так что обе стороны должны в равной степени получить пользу от брака⁸. Важно отметить, что если муж обанкротился, то по закону в первую очередь он обязан вернуть приданое жене, нежели деньги кредиторам [Свод Юстиниана 5. 12. 30, 529 г.]. Тем самым, мы видим, что защита приданого женщины имеет приоритет в законе, так как это отражает интересы общества, которое стремилось защитить женщин⁹. В этом позднеантичное общество видело абсолютную необходимость: женщина всегда могла вернуть приданое, так как без него она не могла продол-

³ Clark G. *Women in Late Antiquity: Pagan and Christian Lifestyles*. N. Y., 1993. P. 15.

⁴ Подробнее см.: Dixon S. *Infarmittassexus: Womanly Weakness in Roman Law // Tijdschrift voor Rechtsgescheidenis*. 1984. 52. P. 343-371.

⁵ Clark G. *Women in Late Antiquity: Pagan and Christian Lifestyles*. P. 14.

⁶ Подробнее см.: Treggiari S. *Roman Marriage: iusticoniuges from the time of Cicero to the time of Ulpian*. Oxford, 1991. 324 p.

⁷ Clark G. *Women in Late Antiquity: Pagan and Christian Lifestyles*. N. Y., 1993. P. 13.

⁸ *Ibid.* P. 17.

⁹ *Ibid.* P. 16.

жать давать государству детей. С правовой и общественной точки зрения приданое являлось платформой безопасности и независимости от мужа, а также статусным показателем женщины [Новеллы Юстиниана. 97. 3, 539 г.].

С особой кропотливостью в законе прописывались положения, касающиеся акта расторжения брака. Закон, появившийся при Константине, гласил: «Женщина не имеет права отправлять уведомления о разводе, по причине своих развратных желаний, по надуманным причинам», то есть, что ее муж пьяница, картежник или бабник [Кодекс Феодосия II 3. 16. 1]. Но если женщина посылает уведомление о разводе, и в причинах обозначает, что ее муж оказался убийцей, колдуном или разрушителем могил, то основания должны быть рассмотрены. Если это так, то женщину хвалят и возвращают все ее приданое. Если же она направила уведомление о разводе по другим причинам, чем эти три обвинения, она должна оставить все до последней шпильки в доме своего мужа, и после этого перейти в ранг социальных изгоев. Если же мужчина отправляет уведомления о разводе, то главными причинами должны быть: жена-прелюбодейка, колдунья (колдуньей считается женщина, принимающая наркотики или заклинания для любых целей, в том числе и для лечения бесплодия, как афродизиак, или в качестве противозачаточного средства), сводница (сутенерша) [Кодекс Феодосия II 3. 16. 1]. Если муж выгоняет жену, которая не подходит под эти обвинения, он должен вернуть ей все приданое и не может жениться на другой женщине. Если мужчина разводится на незаконных для того времени основаниях, то бывшая жена может прийти в его дом и забрать себе часть приданого второй жены, в качестве компенсации за моральный ущерб¹⁰.

По закону повторный брак не запрещался, главное, что прописывалось в этом случае в законе – это наследственная доля детей¹¹. Таким образом, закон оберегал детей от корыстного или обедневшего отчима, или от случаев, когда мать могла лишиться детей их наследства в пользу своей новой семьей¹².

Христианская мораль еще со времен Иисуса выступает против развода. Иоанн Златоуст пишет, что повторный брак приносит социальные проблемы. Хотя это и допускается законом, повторный брак вызывает неприятные сплетни, не говоря уже о проблемах с падчерицей и с памятью о первой жене [Слово к девственницам. 37]. Римская традиция на развод и повторный брак смотрит иначе, чем христианское учение. Церковь опирается на учение Иисуса, отвергая развод на том основании, что люди не должны отделять тех, кого Бог соединил. У Павла мы видим, что человеческий брак символизирует союз Христа и Церкви. Василий и Григорий Богослов считали, что второй брак приемлем¹³. Первый брак – это закон, второй – уступка, третий – это свинство [Григорий Назианзин, Речь 37. 8].

В общественном сознании позднеантичного человека особое место занимает наказание за прелюбодеяние. В древности было установлено что, «замужняя женщина, имеющая сексуальную связь с кем-либо помимо мужа, считается прелюбодейкой, в то время как муж – прелюбодей, только в том случае, если его партнерша замужем¹⁴. Традиционно неверность мужа в обществе не воспринималась всерьез. Кроме тех случаев, когда это угрожало статусу жены: если мужчина приводил другую женщину к себе в дом, проводил большую часть своего время в доме у другой женщины, или если его дела становились вопиющим неприличием. В то же время мужчина, соблазнивший чужую жену, совершал самое серьезное преступление [Дигесты. 48. 5. 6. 1], [Дигесты 47. 11. 1, 2], [Дигесты 47. 10. 1, 2]. В последующие годы Августин в своей проповеди произносит довольно революционную речь. Он призывает отказаться от наложниц до брака¹⁵. Он утверждает, что человек, который избавляется от верной наложницы, дабы жениться, совершает прелюбодеяние в своем сердце, так как, тем самым, он изменяет наложнице, которая сохранит ему верность.

¹⁰ Ibid. P. 22-23.

¹¹ Подробнее см.: Humbert M. Le Remariage à Rome: Étude d'histoire et sociale. Milan: Giuffrè, 1972. 56 p.

¹² Clark G. Women in Late Antiquity: Pagan and Christian Lifestyles. P. 18.

¹³ См. подробнее: Oikonomides N. Leo VI's Legislation Forbidding Fourth Marriages // *Dumbarton Oaks Paper*. 1976. 30. P. 173-193.

¹⁴ Clark G. Women in Late Antiquity: Pagan and Christian Lifestyles. P. 29.

¹⁵ Crouzel H. L'Église primitive face au divorce du au cinquième siècle // *Theologie Historique*. 13. Paris: Beauchesne, 1971. P. 8.

В законе прописано, что мужчина не мог жениться на буфетчице, и если он имел близость с ней (или любой другой женщиной из этой категории) [Кодекс Феодосия II 9. 7. 1, 326 г.], он не нес ответственности за незаконный сексуальный акт (*stuprum*). Мужчина нес ответственность только тогда, когда женщина была замужем или являлась его наложницей¹⁶. В разряд исключений также попадали отношения рабов. По закону рабы не могли вступать в брак, потому что они не имели права на детей и собственность, так как сами были собственностью владельца. Благоклонный владелец мог признать отношения своих рабов, и воздерживаться от разделения их семьи, но при этом их права никак не менялись¹⁷.

В правовой жизни поздней античности имеются пункты, посвященные преступлению за изнасилование. Под преступлением насильника не обязательно подразумевалось изнасилование и половой акт, это – и похищение, и соблазнение. Если сейчас общество интересуется моральный вред случившегося, то позднеантичное право расставляет другие приоритеты. Девушка или женщина, которая была похищена, или такой факт имел место, в любом случае теряла свою репутацию и шанс на брак со всеми, кроме похитителя. Существуют свидетельства, что метод похищения насильником являлся способом обойти согласие родителей на брак, а девушка в этом случае не всегда была беспомощной жертвой¹⁸. Такая лазейка в законе, а не насилие в отношении женщин, вызывала большое общественное нарекание, так как акт прелюбодеяния аннулировал законные права отца на его дочь, тем самым, насильник забирая у отца право выбора жениха и передачи приданого дочери. Штрафы для насильников в законах Юстиниана отличались в зависимости от социального статуса женщины, влияния ее отца, человека, которому она «принадлежала» [Кодекс Феодосия II 9. 24. 1, 320 г.].

В поздней античности по отношению к наследству детей продолжала действовать римская практика – после смерти мужа собственность переходила под контроль жены, мать оставляла наследство детям, так как именно на ее плечи ложилось дальнейшее воспитание детей. Опекунам доверялся лишь номинальный контроль¹⁹.

Распространенным общественным явлением оставался аборт. В законе аборт не рассматривается как преступление, так как ребенок считался частью матери. Но если в ходе аборта умирала женщина, то это инкриминировалось как преступление повитухе. Если же женщина сделала аборт, невзирая на возражения отца, и таким образом, лишила его наследника, ее могли изгнать из дома. Если отец был согласен с абортом, и не было летального исхода после прерывания беременности, то с законом не возникало проблем.

В этот период наблюдается усиление влияния христианской морали на общественную жизнь, и это находит отражение в правовой сфере. Христианские проповедники начинают активное сопротивление против браков между двоюродными братьями и сестрами, таким образом, идя против финансовых выгод от заключения брака, пропагандируя в основе брака духовные ценности. Также христианки могли отказаться от биологической роли, определенной для нее обществом. Мария стала ярким примером противостояния греху для обычной женщины. Послушание Девы Марии искупило грехи Евы, и Христос освободил ее от рабства греха. Христианство говорит, что любая женщина может противостоять греху по средствам моральных и духовных сил, обойтись без поддержки мужа, может отказаться от детей, она может посвятить свою жизнь Богу, как невеста Христа, как целомудренная вдова, или даже (с согласия мужа) жить с мужем в безбрачии брака²⁰. Епископ Аттик, проповедуя в Константинополе в присутствии Пульхерии, сестры императора Феодосия, заявил: «Иисус Марию, как и всех женщины, благословил, женщина не может быть проклятой, (как считалось в более ранних философских трудах) она больше, чем потребность в сексе, иногда она может превзойти в заслугах мужчину». Новые взгляды восстанавливают репутацию Евы, а вместе с ней меняется отношение к

¹⁶ См. подробнее: Garden J. *Women in Roman Law and Society*. London, 1986. 292 p.

¹⁷ Clark G. *Women in Late Antiquity: Pagan and Christian Lifestyles*. P. 33-34.

¹⁸ Evans-Grubbs J. *Abduction Marriage in Antiquity: A Law of Constantine (CT IX. 24. 1) and its Social Context* // *Journal of Roman Studies*. 79. 1989. P. 59-84.

¹⁹ Clark G. *Women in Late Antiquity: Pagan and Christian Lifestyles*. P. 59.

²⁰ Brown P. *The Cult of the Saints: Its Rise and Function in Latin Christianity*. London, 1981. 278 p.

женщинам. Девственность стала возможностью освободиться от требований общества, смены гендерного положения²¹.

Анализируя позднеантичные законы и традиции, можно охарактеризовать правовое и гендерное положение женщины. Мы видим, что девушка, находящаяся в семье, не является юридически независимой, она находится во власти своего отца. Он выбирает ее супруга, и ее доля наследства, она же приданое, инвестируется в ее будущий брак. Законом охраняются права отца на дочь и на возможность выбора судьбы дочери. Только после брака женщина получает юридическую свободу, теперь она имеет имущество, и только женщина в праве им распоряжаться. По закону женщина может развестись со своим мужем, если он оказался убийцей, колдуном или разрушителем могил. Закон отдает дань правосудию и христианской морали, но не охраняет моральное состояние женщины. Развод со стороны женщины по причине прелюбодеяния, пьянства, побоев считался неприличным и нес для женщины потерю приданого и общественного статуса, в то время как по закону веской причиной расторжения брака со стороны мужчины была измена. Таким образом, мы видим, что брак в повседневной жизни – это договор между людьми, который мог быть расторгнут. При этом строго охраняется наследственная доля детей. В это время в церкви начинается активная пропаганда брака, как божественного таинства и воззрения, что он не может быть никем расторгнут, кроме Бога.

Женщина могла развестись, если ее финансово и морально поддерживала ее семья или она была юридически независимой. По закону жениться нельзя было на буфетчицах, сутенершах и актрисах, которые по роду занятий считались проститутками. Но, несмотря на закон, Юстиниан женился на Феодоре – бывшей актрисе и проститутке.

Новую возможность для изменения своего статуса и рода деятельности женщине принесло христианство. Христианство подчеркивало важность приверженности к Богу. И мужчины, и женщины могут отказаться от обязанностей семьи и государства. Впервые в истории некоторые женщины могут отказаться от брака и деторождения, и могут позволить себе жить в доме со своими матерями, или в одиночестве, или в сообществе женщин. Молитва и изучение Библии постепенно вытесняют частную жизнь.

LEGAL BASIS OF GENDER OF WOMEN IN LATE ANTIQUITY

D. G. EYUPOVA

*Belgorod National Research
University*

*e-mail: Ehyupova-
diana@yandex.ru*

The article deals with the laws and the legal position of women in Late Antiquity, analyzed ancient ideas of Professor of History, University of Liverpool, UK Gillian Clark. We study the basic laws relating to marriage, divorce, inheritance rights, prostitution, rape, women means of expression. Is analyzed gender situation of late women.

Keywords: Late Antiquity, Gender, Women, Laws, Christianity.

²¹ Подробнее см.: Brown, Peter. *The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity*. N. Y., 2008. 566 p.

ИГРОВОЙ КОМПОНЕНТ В КУЛЬТУРЕ ШЛЯХТЫ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ XVII-XVIII в.

И. Г. УГЛИК

*Институт современных знаний
имени А. М. Широкова, Минск,
Республика Беларусь*

e-mail: uglikigor@gmail.com

В статье рассматривается игровой компонент в культуре шляхты белорусских земель Великого Княжества Литовского XVII-XVIII вв. Отмечается связь развития игрового начала в различных сферах жизнедеятельности шляхты с культурами барокко, рококо, а также политическим, культурно-историческим, ментальным факторами. Изучается игровой компонент в политической жизни, этикете, обычаях, обрядах, а также бытование непосредственно игровой области шляхетской культуры. Подчеркивается связь игрового начала шляхетской культуры в изучаемый период с общеевропейскими культурными тенденциями.

Ключевые термины: история, культура, барокко, игра, игровой концепт культуры, культура шляхты, история культуры Беларуси.

Игра, игровое начало активно изучаются в качестве существенного компонента человеческой культуры – как игровая основа отдельных видов культуры, так и в качестве важной культурной составляющей общества на отдельных этапах его развития¹. Историко-культурная стилистика отдельных исторических периодов соответствует семантемам игры как культурологического явления, и тогда игровое начало органически входит в культурную ткань общества, в его системообразующие признаки. К числу таких стилей принадлежит барокко, распространившееся на белорусских землях с конца XVI в. и просуществовавшее в «классическом» виде до конца XVIII в. Со второй половины XVIII в. в Беларуси получил развитие типологически близкий барокко стиль рококо. Семантические принципы культур барокко и рококо во многом основывались на игровом начале. Это проявилось в присущей этим культурам игре в интертекстуальность, склонности к знаковости, аллегории, а также символизму. В экзистенциальном плане игровое начало оформилось в барочном концепте мира как театра, а людей – актеров, играющих свои роли.

Среди жителей белорусских земель Великого Княжества Литовского шляхта как модельное сословие Речи Посполитой наиболее активно и полно аккумулировала европейскую историко-культурную стилистику, модифицируя ее в соответствии с местными особенностями. Поэтому для историко-культурной реконструкции белорусской культуры представляется продуктивным изучение игрового компонента шляхетской культуры XVII-XVIII вв., что и является целью данной статьи. Специально данный вопрос не изучался, данные о некоторых играх шляхты содержатся в работах Е. Китовича, З. Глогера.

Игровое начало все явственней проявлялось в исследуемый период в политической сфере, прежде всего – в политической борьбе, основным субъектом которой являлась обладавшая монополией на политическую деятельность шляхта. В Речи Посполитой (Польше и Великом Княжестве Литовском) внутреннее политическое противостояние не имело характера борьбы на уничтожение ясно определенного политического врага. Внутренней политике Речи Посполитой была присуща гибкая коалиционность, наличие лабильных группировок, партий, временно связывающих партнеров как внутри страны, так и за ее пределами. Интенсивная политическая жизнь, не сдерживаемая жестким политическим централизмом, являвшаяся порождением многочисленных установленных законодательно политических свобод и включавшая достаточно большое число шляхтичей, а также представителей горожан, духовенства, выступала органической составляющей общественной жизни государства в целом. Для шляхты и, особенно, магнатории участие в деятельности сеймиков и сеймов, многочисленных видов судов, партиях, узаконенных конфедерациях являлась обязательной, существенной, значительной по объему сферой жизненного проекта, его правилом. Игровой компонент проявлялся в наличии установ-

¹ Хейзинга, Йохан. «Homo ludens» («Человек играющий»). СПб., 2011.

лений, основанных на законодательстве и шляхетском этосе, корпоративном моральном кодексе – принципах шляхетской вольности и неприкосновенности личности, акцентации игрового комбинаторского начала в противовес жестокому политическому фанатизму; игровом азарте, основанном на прививавшихся с детства постулатах собственного достоинства, самореализации в общественной жизни, самоутверждения. Объективным проявлением этого было относительно небольшое число лидеров политических группировок, погибших насильственной смертью. С начала XVIII в. политическая борьба начала приобретать все более хаотический характер, политическая игра стала самодостаточным увлечением, лишенным моральных, патриотических доминант, законов, правил, что закончилось политическим фиаско – разделами Речи Посполитой.

С начала XVII в. в высших слоях европейского общества постепенно формируются основы нового этикета (*civilité*), окончательно оформившегося во второй половине XVIII в. и во многом определившие его современные нормы. Постулируемая утонченность, изысканность манер определяли игровой артистизм бытового поведения. Удобные простота и естественность стали приноситься в жертву репрессивным условиям, правилам игры этикета. Шляхтич должен был знать формы обращения к лицам разного положения, пола; особенности манеры обращения с ними, особое внимание уделялось застольному этикету. Кроме того, этикет той эпохи, формировавшийся в Европе на основе культуры французского королевского двора начиная со времени самостоятельного правления Людовика XIV, требовал естественности, непринужденности поведения, что создавало дополнительные сложности участнику этикетной игры. Игровое поведенческое поле культуры барокко органически дополняли одежда, предметы интерьера, образовывавшие сплошное полихромное экспрессивное эстетическое полотно предметной среды жилища. Его интерьер психологически коррелировал с популярными в ту эпоху игровыми жизненными проектами – приключениями, авантюрами, путешествиями².

Как уже отмечалось, в интегрирующих мировоззренческих установках барокко мир рассматривался как театр, в котором люди играли свои роли. Вместе с тем, несмотря на кажущуюся заданность жизненного пути определенной социальной ролью, та эпоха оказалась богата на яркие, неординарные судьбы, ее конец был отмечен популяризацией авантюризма. Представляется, что роль актера в таком случае в большей степени подходит той, о которой писал Ж. Делёз в позитивном плане как возможности человеку осуществить цель жизни, став актером «собственных событий – контр-осуществлением»³. Именно такую роль сыграли в своих судьбах такие разные люди, как связанный родственными узами, скорее всего, со шляхтой Берестейщины религиозный, общественно-политический деятель Афанасий Филиппович; происходивший из шляхетского рода белорусских земель Лжедимитрий I (Григорий Отрепьев), осуществившая масштабные экономические проекты Анна Катажина Радзивилл, описавшая свои путешествия и «авантюры» Саломея Пильштынова. Они вышли за пределы своих социальных ролей и успешно сыграли иные, ставшие их настоящей судьбой и позволившие им реализовать свой жизненный выбор, свою экзистенцию. Ярким примером манифестирования игрового начала в разных областях жизни может служить Кароль Радзивилл (Пане Коханку) с его подчас brutальными розыгрышами, рассказыванием необычных историй в стиле барона Мюнхаузена, переменой ориентиров в политической биографии.

Проявлением барочной игры стало распространившееся в XVIII в. в шляхетских мемуарах, диариушах (дневниках) слово «забава» (*zabawa*) для обозначения широкого круга занятий. Так назывались домашние дела, встречи гостей, чтение, писание писем, дневников, игры. Барочный концепт жизни как сна, жизни как развлечений, был обратной стороной возведенного на пьедестал культурой ренессанса могущества смерти, переходящего бытия в этом мире. Забава как игра в жизнь и с жизнью достаточно полно отражает мировоззренческую систему эпохи барокко и рококо с ее уходом от реальности через признание реального несерьезным, несущественным, превращением мира в объект для развлечений и, тем самым, дезавуирование его проблем и противоречий.

² Скрипниченко Е. М., Углик И. Г. Историко-культурная стилистика в дизайн-проектировании интерьеров: производственный практикум. Минск, 2011. С. 29, 31.

³ Делёз Ж. Логика Смысла; Фуко М. *Theatrum hilosophicum* / Пер. с фр. М.; Екатеринбург, 1998. С. 200, 201.

Элементы театральной игры со сменой ролей на социально бинарные присутствовали в увлечении магнатории, крупной шляхты пасторальностью, народной (традиционной) культурой, что находилось в русле общеевропейской тенденции, вызванной концепцией «природного человека» Ж. -Ж. Руссо. Это проявилось в организации жизни в радзивилловском имении Альбе (недалеко от г. Несвижа), где придворные жили в сельских домах, построенных в стилистике финской, польской, белорусской, немецкой народной архитектуры, занимались сельхозработами, носили похожую на крестьянскую одежду, употребляли близкую к народной пищу. Распространенными среди магнатории, крупной шляхты были обычаи подкладывать в сапоги по народному обычаю солому, употребление близких к традиционным народным кушаний.

Более выраженную популистскую направленность имела демонстрация магнаторией, крупной шляхтой близости к простой шляхте, совместное принятие пищи, в том числе, и во дворе, у общего котла с кашей. Еще одна форма культурологической игры — апелляция магнатории к шляхетской аутентике, традиции, что проявлялось в демонстративном ношении, в противовес европейской моде, традиционных для шляхты Речи Посполитой кунтуша, жупана, употреблении традиционных блюд, прежде всего, бигуса.

Манифестирование магнаторией внешней простоты, близости к шляхте имело легитимные основы, поскольку формально вся шляхта обладала одинаковыми правами; шляхетский демократизм опирался на освященные традицией, обретшие культурную сакральность лозунги равенства и свободы. Акцентация простоты стала для магнатов не только временной, наносной формой игры, это было проявление пусть достаточно реликтовое, но сохранившегося в социальном сознании шляхты представления о единстве народа, государства на основе древнего строгого жизненного уклада, проявившегося в идеологии классического шляхетского сарматизма с его культом внешней бытовой непритязательности.

Параллельно со стилизацией под свое культурно-историческое прошлое с конца XVIII в. в системе классицизма получило распространение общеевропейское увлечение античностью, ее стилизационно-игровые римейки, затронувшие литературу, искусство, женскую моду, нравы, которые стали более свободными, фривольными. Центром новых культурных веяний являлось Гродно, балы и салоны которого диктовали раскованность и свободу поведения, женской одежды в греческом стиле.

Исследуемый период можно охарактеризовать как время развития театральной культуры в Европе, Великом Княжестве Литовском, что соотносилось с эпохальной идеологемой жизни как театра. Кроме распространившихся со второй половины XVIII в. профессиональных магнатских театров, предназначенных для ограниченного круга зрителей, принадлежавших к магнатам и их окружению, в XVII-XVIII вв. активно действовали театры для массового зрителя — школьные (иезуитских коллегиумов), батлейка (кукольный театр), игрались постановки народной драмы, аудиторию которых образовывали горожане, жители местечек, а также прибывавшие в города и местечки на торги, ярмарки, большие религиозные праздники мелкие и средние шляхтичи.

Театр получил распространение не только в своем непосредственном виде. Театрализованными, паратеатральными по оформлению стали различные общественные события, семейные обряды и ритуалы, в первую очередь, связанные с религиозной обрядностью. Одним из основных постулатов католической контрреформации являлось активное использование искусства, средств художественной выразительности в религиозной деятельности. Театрализация вошла в католические праздники: мистерии ставились учащимися в зданиях коллегиумов, на рыночных площадях, в костелах, повсеместно распространились театрализованные религиозные шествия, среди семейных обрядов магнатов выделялась похоронная процессия, в которую включали сцены с образом Смерти.

И, наконец, в шляхетском быту все большее место занимали непосредственно различные игры. В процессе шляхетского воспитания игрушки и игры имитировали один из важнейших аспектов поведения, а именно милитаристский — детям дарили игрушечные сабли, ружья, коней. Приблизительно со второй половины XVII в. среди различных слоев шляхты и горожан получили распространение карточные игры (в первую очередь, фараон), а также кости, фишки, которые вместе с кеглями считались играми «шулерскими»,

азартными⁴. Как и в Европе, прежде всего, во Франции, карты в Короне и Литве превратились в обязательную принадлежность балов, званых застолий, просто вечернего времяпрепровождения в частных домах и общественных местах. Во второй половине XVII — начале XVIII вв. в Европе карты стали знаковой чертой досуга особ королевского круга, игра в них сделалась престижной обязанностью высшей знати, причем значительные проигрыши нужным людям использовались как своеобразная форма взятки. Большой проигрыш сам по себе способствовал формированию шляхетского имиджа, свидетельствовал о достатке. В Речи Посполитой шляхтой также проигрывались существенные суммы, образовалась профессиональная прослойка карточных шулеров. К концу XVIII в. открытая презентация карточной игры потеряла прежний модный характер, в обществе укреплялось к ней негативное отношение, тем не менее, она оставалась достаточно распространенной в домашнем быту дворян. Эта двойственность проявилась в том, что шляхетскую молодежь домашние воспитатели тайком учили игре в карты⁵. Молодежь вечерами играла в слепую бабку (участник с завязанными глазами ловил других), вопросы и ответы.

Среди распространенных игр можно отметить кегли — старинную игру горожан, солдат, ремесленников Речи Посполитой, которая в XVIII в. вошла в быт шляхетских усадеб. Во второй половине XVIII в. в усадьбах оформился комплекс для отдыха и игры, который размещался на «огороде» — расположенном поодаль, окруженном оградой, живой изгородью, боскетами участке. Пример такого огорода представляла усадьба Дедиловичи в Минском повете конца XVIII в. Огород создавался на основе регулярной планировки, с прямыми аллеями, в композиционном центре которых размещались строения для отдыха, игр. «Аркадную» аллею замыкали строения «кеглярни» (помост для пуска шаров и ящик для их хранения) с беседкой.⁶ Игнали обычно два на два или три на три, особенно важным было сбить кеглю «король»; имелись профессионалы высокого класса. В общественных местах (преимущественно питейных) игра в кегли шла на деньги, на игроков делались ставки, нередко споры игроков заканчивались сабельными боями⁷. С конца XVII в. начал распространяться бильярд, мода на него зажиточной шляхты, магнатории просуществовала до конца XIX в. (во дворцах, имениях устраивались бильярдные залы), в то время, как в Европе, в первую очередь, во Франции, увлечение бильярдом стало проходить с начала XVIII в. В домах зажиточной шляхты вместе с традиционными картами играли в шахматы, шашки⁸.

Игровое начало являлось существенным средством педагогического воздействия в образовательном процессе в коллегиумах — учебных заведениях университетского типа, где основным контингентом учащихся была шляхетская молодежь. Соревновательный, игровой момент был важнейшим методом стимулирования учащихся, поскольку физические методы наказания и принуждения в коллегиумах не практиковались, а если применялись, то крайне редко и к злостным нарушителям дисциплины. Самой массовой учебной игрой была игра в римлян и греков (*Pars Romana* и *Pars graeca*) — учащиеся разделялись на две соревнующиеся группировки, причем младшие по возрасту входили во вторую. Результаты учебы отмечались на соответствующих таблицах на стене, выигравшие вне зависимости от прежнего наименования назывались *Pars Romana*⁹.

Физические кондиции студентов развивали проходившие на большом перерыве в полдень или в свободные от учебы дни игры в мяч и бои на «пальцатах» (*palcaty*). В мяч — перевязанный нитями клубок из шерсти или пакли, обшитый кожей, — играли во дворе коллегиума или за городом вместе студенты, профессора, директора коллегиумов. Попу-

⁴ Kitowicz, Jędrzej. *Opis obyczajów w Polsce za panowania Augusta III*. Warszawa, 1985. S. 296-300.

⁵ Мальдзіс, Адам. *Як жылі нашы продкі ў XVIII ст.* Мінск, 2001. С. 265.

⁶ Национальный архив Республики Беларусь, г. Гродно. Фонд 1663. Опись 1. Дело 2710. Опись имения Дедиловичи. 1795 г. Минский уезд. Лист 21.

⁷ Kitowicz, Jędrzej. *Opis obyczajów w Polsce za panowania Augusta III*. Warszawa, 1985. S. 296-300.

⁸ Gloger, Zygmunt. *Encyklopedia staropolska ilustrowana: w 4 t. 4e wyd.* Warszawa, 1978. T. 2. S. 218.

⁹ Kitowicz, Jędrzej. *Opis obyczajów w Polsce za panowania Augusta III*. Warszawa, 1985. S. 63, 64.

¹⁰ Kitowicz, Jędrzej. *Opis obyczajów w Polsce za panowania Augusta III*. Warszawa, 1985. S. 67.

лярными среди студентов были бои на киях – «пальцатах», которые имитировали сабельные, служили средством обучения искусству фехтования. В них принимали участие даже молодые профессора (иезуиты, пиары), поединки шли даже между лекциями, до утраты последних сил, однако, благодаря мастерству участников, поразить голову, тело было сложно; отказавшийся от боя вызывал презрение всех учащих.

Это боевое начало являлось проекцией шляхетских поединков, дуэлей – игр со смертью в реальной жизни. В исследуемый период парные и групповые бои стали неотъемлемой частью шляхетской культуры, широкий диапазон поводов для вызова, и легкость и быстрота их организации придали им черты развлекательности, игры.

Официально властью поединки были запрещены, что, как ни парадоксально, стимулировало их распространение с XVIII в., поскольку опасение быть уличенным в участии и проведении поединков вынуждало желающих драться минимально упрощать подготовительную процедуру и не откладывать бой на долгое время. Дрались один на один или группами, организованными по принципу родства, приверженности объекту спора. Поводы для поединков были самые разнообразные – политические, партийные пристрастия, король и его достоинство, родовая честь, дамы. Высокий уровень владения саблей, специфика наносимых ею ран обуславливали относительно небольшую долю летальных исходов, самой серьезной травмой была отрубленная рука. Более того, игровой элемент поединков проявлялся в особом умении отсекать противнику ухо или нос – это считалось показателем виртуозного мастерства.

Вместе с тем, в отличие от некоторых других стран, в частности, Германии XIX в. и ее проникнутого корпоративным духом офицерства, шрам на лице не был знаковой принадлежностью служилого шляхтича.

Причем, как можно судить по мемуарной литературе, зажиточная шляхта, магнateria дралась на поединках даже чаще среднезажиточного и мелкого шляхтича. Возможно, это было связано с тем, что основная боевая практика средней и мелкой шляхты, составлявшей свиту магнateriaи, была связана с участием в вооруженных стычках на сеймах и сеймиках, других междуусобицах. С конца XVIII в. в качестве дуэльного оружия стал использоваться пистолет (это порицалось представителями старшего поколения), что снизило роль индивидуальной физической боевой подготовки и в значительной степени лишило поединки фехтовального игрового элемента.

Таким образом, игровое начало являлось существенным компонентом жизнедеятельности шляхты Великого Княжества Литовского, что находилось в контексте культурных реалий барокко и рококо.

Помимо развития непосредственно игр, игровой концепт реализовывался в многочисленных видах деятельности шляхты, в том числе, в сфере политики. Основными инспираторами игрового компонента выступали историко-культурные условия (стиль барокко), политико-правовые особенности государства, черты менталитета шляхты.

Семантической основой игрового начала была барочная мировоззренческая идеология мира как театра, а людей – актеров на его сцене.

Сформировавшиеся основы этикета Европы с его вниманием к соблюдению условностей, жесту, своеобразная поведенческая ритуалистика внесли в бытовое поведение шляхты элемент сложной и утонченной игры.

Гедонистический характер барокко и рококо способствовали распространению игрового элемента, непосредственно игр в качестве «забавы» в бытовой культуре шляхты.

Скоротечная и трагическая в своем неизбежном смертельном исходе жизнь рассматривалась человеком эпохи барокко как подиум для игры социальных ролей и странство для проникнутого гедонистическим мироощущением короткого бытия.

Эпоха Просвещения, насытившая быт интеллектуальным содержанием, привнесла в него увлечение непосредственно играми, во многом лишив поведенческую модель шляхты универсальной игровой экзистенции.

GAME COMPONENT IN CULTURE SHLYAKHTO BELARUSIAN LANDS XVII-XVIII CENTURIES

I. G. VUHLIK

***Institute of modern knowledge
by A. M. Shirokov, Minsk,
Republic of Belarus***

e-mail: ugliedigor@gmail.com

The article considers gaming component in the culture of the nobility of the Belarusian lands of the Grand Duchy of Lithuania in the XVII-XVIII. The connection between the beginning of the game in various spheres of life of the gentry with the cultures of the Baroque, Rococo, as well as political, cultural, historical, mental factors. We study the components of the game in politics, etiquette, customs, rituals, and existence of the playing area itself noble culture. Emphasizes the connection start playing noble culture during the study period with the European cultural trends.

Key terms: history, culture, baroque, game, game concept of culture, culture of the gentry, the history of Belarusian culture.

ФЕОДАЛИЗМ БРИТАНСКОГО КАПИТАЛИЗМА: ПОЛИТЭКОНОМИЯ «ХАЙЛЕНДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ» ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

С. Г. МАЛКИН

*Поволжская государственная
социально-гуманитарная
академия, г. Самара*

e-mail: malkins@samtel.ru

В статье анализируются представления британских чинов о политэкономии Горной Шотландии первой половины XVIII в. в связи с решением «Хайлендской проблемы» Великобритании: умиротворением, модернизацией края и укреплением лояльности горцев Ганноверской династии и правительству в Лондоне.

Ключевые слова: Великобритания; Горная Шотландия; «Хайлендская проблема»; феодализм; империя; политика знания; интеллектуальная колонизация; модернизация.

Феодализм как насущная социально-экономическая и политическая проблема, требующая своевременного осмысления и разрешения, представляет собой на удивление устойчивую и характерную примету Нового времени. В век глобальных империй многочисленные колониальные случаи неизбежно ставили перед имперскими службами вопрос о социально-экономической и политической природе колонизируемых обществ. В контексте такой интеллектуальной традиции усилия британских комментаторов по изучению природы и характера феодально-клановых отношений в Горной Шотландии в первой половине XVIII в. представляются необходимой интеллектуальной практикой эпохи. Аналитики модерна активно формулировали модернизационную альтернативу развития Горного Края¹. Как и их контрагенты в Европе в эпоху Просвещения и глобальных империй, они занимались поиском общей модели человеческого развития, решая частные задачи колониальной / имперской политики².

Особый интерес в данном случае вызывают не только побудительные мотивы интеллектуальной колонизации Горной Страны. Не менее важно, как (и почему именно так) этот «последний» оплот феодализма на Британских островах воспринимали в остальном Соединенном Королевстве в первой половине XVIII в.? Анализ академической практики как практики имперской, а риторических приемов как инструментов интеллектуальной колонизации, позволяет приблизиться к пониманию многих аспектов британского общества и государства в этот период³. Цель предлагаемых штудий, соответственно, заключается не в том, чтобы приуменьшить значение присваивающей перспективы в представлениях британских комментаторов о Хайленде, как используемом Соединенным Королевством «Другом», и масштаб негативной стереотипизации Горной Страны в первой половине XVIII в. Представляется необходимым скорее исследовать вопрос о том, являлось ли изучение феодализма в Горной Шотландии исключительно функцией имперских практик Лондона в этот период, или оно само по себе стимулировало их выработку и обеспечивало им теоретическое обоснование.

Не менее важно ответить на вопрос о том, какова интеллектуальная традиция презентаций и репрезентаций феодально-клановых отношений в Хайленде, чтобы более

¹ Апрыщенко В. Ю. Уния и модернизация: становление шотландской национальной идентичности в XVIII – первой половине XIX в. Ростов н/Д, 2008. С. 191–238.

² Среди исследований такой административной этнографии в рамках Британской империи см., напр.: Bickham T. Savages within the Empire: Representations of American Indians in Eighteenth-Century Britain. Oxford, 2005; Galloway C. G. White People, Indians and Highlanders. Oxford, 2008.

³ Концепция внутренней колонизации давно и безуспешно применяется британскими коллегами в изучении истории Горной Шотландии в рамках Британской империи, напр.: Hechter M. Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966. London, 1975; Withers C. W. J. Gaelic Scotland. The Transformation of a Culture Region. London and New York, 1988; Ellis S. G. Why the History of “the Celtic Fringe” Remains Unwritten // European Review of History: Revue europeenne d’histoire, 10:2, 2003. P. 221–231. В отечественной британистике такая традиция изучения взаимодействия Лондона и его шотландской галльской окраины еще не сформирована. Исключением являются единичные недавние исследования (без прямого употребления понятия «внутренняя колонизация»): Апрыщенко В. Ю. Указ. соч. С. 163–173; Малкин С. Г. «Мятежный край Его Величества»: британское военное присутствие в Горной Шотландии в 1715–1745 гг. СПб., 2011.

независимо от романтической, национальной шотландской и имперской британской историографических традиций изучать этот вопрос и его ангажированные интерпретации в сочинениях современников данной эпохи, более предметно и ближе к источникам анализируя отношения между Великобританией и ее шотландской гэльской окраиной.

Славная революция 1688 г. ускорила политическое единение «британского архипелага». Однако революционному устройению и протестантскому престолонаследию предстояло прежде закрепиться в Горной Шотландии. Изгнанный король Англии и Шотландии Яков II(VII) Стюарт призвал кланы Хайленда выступить за дело «законной династии». Обращение бывшего суверена к вождям и магнатам Горного Края за вооруженной поддержкой отчетливо обозначает не только границы реальной власти Лондона и Эдинбурга в Шотландии в конце XVII – первой половине XVIII вв., но и пределы социально-экономических и политических традиций и практик Хайленда.

При этом и до, и после заключения в 1707 г. между Англией и Шотландией унии представление о горцах Шотландии как всегда готовых выступить многочисленной и обученной армией, позволяло вождям и магнатам претендовать на особое место в политической системе королевства, правительству в Лондоне исчерпывающим образом объяснять свою пассивность в весьма дорогостоящем, длительном и рискованном для политических карьер деле «умиротворения» и «цивилизации» Горной Страны, а королевским министрам в Париже и Мадриде строить амбициозные планы вторжения на Британские острова и оправдывать свои внешнеполитические усилия, направленные против Британской империи. Поскольку основными комментаторами реалий Горного Края выступали представители местных сообществ, то не удивительно, что с точки зрения понимания ее содержания Лондон при Вильгельме Оранском и Анне Стюарт едва ли продвинулся за «Хайлендский рубеж». Подлинная интеллектуальная колонизация Хайленда началась уже при Ганноверах.

При этом предполагалось не только встраивание «Хайлендской проблемы» в британскую систему идеологических координат, но и накопление достоверных сведений, способных обеспечить правительство надежной информацией в процессе реформирования Горной Страны. В этом смысле примечательно, что правительство сэра Роберта Уолпола дважды перестраховалось в процессе сбора необходимых сведений об этой мятежной окраине, не только поручив летом 1724 г. генерал-майору Джорджу Уэйду, назначенному вскоре командующим королевскими войсками в Шотландии, перепроверить на предмет достоверности отчет Саймона Фрэзера, лорда Ловэта, вождя клана Фрэзер, о состоянии Хайленда от того же 1724 г., но и предложив в том же 1724 г. Джеймсу Эрскину, лорду-клерку юстиции как лорду Грэнджу, составить мемориалы на все ту же заданную Лондоном тему о положении в Горной Шотландии⁴.

Во-первых, были разграничены феодальная система и клановые отношения в Хайленде. Лорд Грэндж отмечал: «Когда... были утверждены феодальные обычаи, магнатство и вассалитет привели к иной и сильной зависимости... При этом горцы больше привязаны к вассалу, ...на земле которого они проживают, чем магнату [сюзерену] этого вассала... Приверженность клану и вождю идет еще дальше...»⁵. Сведения лорда Ловэта подтверждали эти выводы. Когда он в качестве вождя вернулся в 1715 г. в родную Шотландию, то отозвал из лагеря графа Мара под Пертом, «где стояла армия мятежников», большую часть своих клансменов, которые, «услышав, что их вождь собирает людей своего имени в Горной Стране,... присоединились к лорду Ловэту»⁶. Информация, собранная генералом Уэйдом, в свою очередь, установила, что данные вождя Фрэзеров не противо-

⁴ Fraser S. Memorial Addressed to His Majesty George I concerning the State of the Highlands, 1724 // Burt E. Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London. With large Appendix, containing various important historical documents, hitherto unpublished; with an introduction and notes by R. Jamieson. Vol. II / Ed. by R. Jamieson. Edinburgh, Glasgow and London, 1822. P. 254–268; Wade G. Report, &c, relating to the Highlands, 1724 // Historical Papers relating to the Jacobite Period 1699–1750. Vol. I / Ed. by J. Allardyce. Aberdeen, 1895. P. 131–146; Erskine J. An Account of the Highlanders and Highlands of Scotland. Edr., 29 Decbr., 1724 // National Archives of Scotland. Mar and Kellie Papers. GD 124/15/1263/1; same. A Continuation of the Account of the Highlanders and Highlands. Edr., 2 Jan., 1725 // Ibid. GD 124/15/1263/2; same. Memorial concerning the Highlanders, Sheriffships, Vassalages and etc. 1 [2,3]. Edr., 14 [21,25] Jan., 1725 // Ibid. GD 124/15/1264/1 [2,4].

⁵ Erskine J. An Account of the Highlanders and Highlands of Scotland. Edr., 29 Decbr., 1724... P. 3.

⁶ Fraser S. Op. cit. P. 255–256.

речат положению вещей, установленному самим командующим королевскими войсками в рамках разведывательной миссии в Хайленде, чей военный потенциал был представлен магнатами и вассалами, а также вождями и кланами, причем вассальная зависимость была обозначена в отношении каждого учтенного «племени»⁷.

Во-вторых, юридические тонкости феодально-клановых отношений в Горной Шотландии представляли для правительственных комментаторов значительно меньший интерес, чем для таких легалистов, как преподобный Джон Уилсон. Более значимым виделось влияние феодализма и клановости на политическую жизнь Горной Страны, Шотландии, Соединенного Королевства и Британской империи (подразумевая угрозу вторжения на Британские острова с опорой на мятежников армий иностранных держав). Для генерала Уэйда феодализм и клановость в Горном Крае представляли собой, прежде всего, механизмы военной мобилизации⁸. Лорд Ловэт, являясь вождем, рассматривал феодально-клановые отношения, в первую очередь, как пространство патронажных практик по укреплению лояльности Лондону в Хайленде⁹. В сочинениях лорда Грэнджа архаичная политэкономия Горной Шотландии представляла объект масштабного реформирования края, начиная с проведения новых административных границ и заканчивая формированием новой британской идентичности в Хайленде¹⁰.

В-третьих, характерно, что привлеченные правительством в 1724 г. комментаторы выступали за практическую возможность и необходимость использования феодально-клановых отношений как организационной основы милиции в Горной Шотландии. И если в отношении генерала Уэйда и лорда Ловэта это вполне очевидно, то для лорда Грэнджа такая хайлендская политика, несмотря на модернизационный запал его отчетов и мемориалов, также была вполне допустима: на начальном этапе реформирования Горного Края «преданных и лояльных горцев разоружать не следует», поскольку «лояльный подданный может оказаться без оружия среди врагов»¹¹.

Таким образом, интеллектуальная колонизация Хайленда представляла собой практику не только ментального освоения «чужого» пространства, но и его вполне реального, фактического, а не номинального подчинения Лондону, благодаря эффективному экспертному знанию (носившему, в силу заинтересованности авторов в успехе их аналитического предприятия, в некоторой степени субъективный характер) и квалифицированной интерпретации изучаемых фактов (не лишенной определенной ангажированности по указанным выше причинам). Следовательно, интеллектуальная колонизация представляла собой, вместе с тем, еще и срез имперского мышления эпохи, отражая модели имперской экспансии (как с точки зрения правительства, так на взгляд некоторых претендовавших на особое место в управлении Горной Шотландией представителей местных сообществ).

Середина 1720-х – середина 1740-х гг. в плане существования в британском модернизационном дискурсе (как неотъемлемой части юнионистского и имперского дискурсов) «Хайлендской проблемы» представляла собой время немногих лишенных внимания публики сочинителей, мемориалы, памфлеты и рапорты которых были единичны, привлекали внимание Лондона лишь на короткое время, а в части реализации содержащихся в них предложений по реформированию феодальных отношений в Горной Шотландии откладывались, за их радикализмом и сложностями исполнения в долгий ящик правительства. Однако, именно в это время «специалисты по Хайленду» сумели плодотворно освоить описываемую ими реальность, создав относительно непротиворечивую систему знаний об этой мятежной окраине. При этом они не только продемонстрировали приверженность практическому подходу, но и придали ему некоторую степень академической респектабельности, приводя свои соображения в соответствие с формирующимися в эпоху Просвещения традициями научного комментирования.

⁷ Wade G. Op. cit. P. 143–145.

⁸ Ibid. P. 132.

⁹ Fraser S. Op. cit. P. 265.

¹⁰ Erskine J. Memorial concerning the Highlanders, Sheriffships, Vassalages and etc.: of Scotland. Edr. 14. Janr. 1725. 1... P. 1.

¹¹ Ibid. P. 3.

Не на всех направлениях интеллектуальной колонизации Хайленда эта задача была решена с равным успехом, но в целом была создана «научная дисциплина», адекватная задачам властей в окружавшей их в Горном Крае действительности. Была создана признанная властями и обществом система легитимации комментирования реалий Горной Шотландии в форме интеллектуальной колонизации в юнионистском и модернизационном ключе с применением практик имперского дискурса, отлажен механизм создания и административного (про)движения таких аналитических текстов, сформулированы основные направления анализа политэкономии «Хайлендской проблемы», включая феномен феодализма, по мнению авторов хайлендских штудий, еще крепко державшийся в шотландских горах. В последующем британская аналитика, касавшаяся Горной Шотландии, переживала изменения, связанные и с актуальными обстоятельствами последнего мятежа якобитов, вновь поддержанного в Горной Стране, и с формированием значительно более решительного и последовательного курса правительства в отношении реформирования Хайленда, но они уже не затрагивали главных жизненных принципов и стиля комментирования социально-экономической и политической реальности Горной Шотландии.

Кроме того, именно в 1720 г. происходит своеобразное смещение центра интеллектуальной колонизации Горного Края от преимущественно вождей и магнатов к преимущественно правительственным чинам и сторонникам «завершения» Унии 1707 г., активно конструировавшим за счет горцев образ коллективного «Другого» по отношению к остальным жителям Соединенного Королевства, и формировавшим таким образом юнионистскую британскую идентичность, бывшую, конечно, еще и имперской. Вместе с тем, данные аналитические комментарии маркируют этапы расширения присутствия Лондона в Горной Стране, учитывая, что процесс интеллектуального освоения Хайленда, сопровождавший и предвосхищавший его активное реформирование после 1746 г., продолжился с представления ответственным чинам тех же сочинений, что и в 1724 г.

Характерной чертой дискуссий о феодализме в Горной Шотландии после подавления в 1746 г. последнего мятежа якобитов, поддержанного в Горной Стране, являлось продолжение дискурсивных практик предыдущего периода. Вместе с тем, хотя сочинения, составленные по заказу правительства, в идеологической части следовали устоявшимся представлениям, в них уделялось более пристальное внимание практическим рекомендациям ликвидации феодализма, клановости и наследственной юрисдикции¹². В целом они органично дополняли друг друга, формируя общий благоприятный для правительства информационный фон решения «Хайлендской проблемы», отвечавший потребностям британского современного государства, нуждавшегося не только в объяснительных схемах присутствия Лондона на этой гэльской окраине, ради укрепления Унии используя образ «чужой» Горной Страны. Чтобы она стала «своей», требовались квалифицированные знания, имевшие отношение не столько к идеологии формировавшейся британской нации, сколько к конкретной социально-экономической и политической практике.

Британская модернизация уверенно формировала имперскую альтернативу развития Горной Страны, которая раскрывалась на разных уровнях интерпретации особенностей ее политэкономии как допустимые и приемлемые в рамках британского общества первой половины XVIII в. рационализм, материализм и либерализм. Ценностный вектор этой модернизации неизменно был направлен в сторону Лондона. Следовательно, мятеж против власти – регресс *apriori*. При таком понимании общественного развития неудивительно, что внимание комментаторов было сосредоточено, прежде всего, на разрушительных сторонах мятежа и тех обстоятельствах, которые ему предположительно содействовали в Горном Крае – на феодальном праве, клановых отношениях и наследственной

¹² Anne W. Memorial Concerning the Disaffected Highlands [вложено в: Anne W., the Earl of Albemarle. Letter to the Duke of Newcastle. Edinburgh, November 15, 1746] // Albemarle Papers. Being the Correspondence of William Anne, Second Earl of Albemarle, Commander-in-Chief in Scotland, 1746-1747. With an Appendix of Letters from Andrew Fletcher, Lord Justice-Clerk, to the Duke of Newcastle, 1746-1748 / Ed. by C. S. Terry. Vols. I–II. Aberdeen, 1902. P. 305–311; Bland H., Fletcher A. Proposals for Civilizing the Highlands [вложено в: Fletcher A., Lord Justice-Clerk for Scotland. Letter to the Duke of Newcastle. Edinburgh, December 14, 1747] // Albemarle Papers... P. 480–492.

юрисдикции. На языке модернизации мятеж не прочитывался и всегда казался «протоестественным» и даже случайным.

Не стоит забывать, однако, что и в практической части мемориалы и рапорты, затрагивавшие тему хайлендского феодализма, не оставляли ему иного места, кроме как временного института, способного облегчить процесс мобилизации лояльных Лондону горцев до тех пор, пока изменения в крае не позволят отказаться за ненадобностью от сотрудничества с местными вождями и магнатами. Ни в сфере идеологии, ни в области политической практики в британском государстве первой половины XVIII в. феодально-клановым отношениям, препятствовавшим «завершению Унии» и, тем самым, нарушавшим целостность новой британской нации, формирование которой являлось еще и имперским проектом, не было места¹³. Готовность правительственных чинов и агентов мириться с ними объяснялась тактическими соображениями, тем более что последние так или иначе были осведомлены об упадке традиционных форм преданности в Горной Шотландии и снижении их мобилизационных возможностей под давлением все большей коммерциализации социальных отношений к северу от Грэмпианских вершин.

FEUDALISM OF THE BRITISH CAPITALISM: POLITICAL ECONOMY OF THE «THE HIGHLAND PROBLEM» OF GREAT BRITAIN IN THE FIRST HALF OF THE XVIII C.

S. G. MALKIN

*Samara State Academy of Social
Sciences and Humanities*

e-mail: malkins@samtel.ru

The article analyses the views of the British officials about political economy of the Highlands of Scotland in the first half of the XVIII c. in concern with the decision of the «The Highland Problem» of Great Britain: appeasement, modernization of the region and facilitation of loyalty towards the Hannover dynasty and the Government in London.

Keywords: Great Britain; Highlands of Scotland; «Highland Problem»; feudalism; empire; politics of knowledge; intellectual colonization; modernization.

¹³ Представление о преданности горцев вождям, впрочем, оправдывало рекрутирование горцев в армию уже с началом Семилетней войны: Dziennik M. The Fatal Land: War, Empire, and the Highland Soldier in British America, 1756–1783. Vol. I. Ph. D. thesis. University of Edinburgh, 2010. P. 33–37, 52–65.

УДК 930 1 (09)

ЛАХОРСКАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ 1940 Г. И СИККИ ПАНДЖАБА

А. А. ЗОЛОТАРЕВА*Липецкий государственный педагогический университет**e-mail: zanudik@bk.ru*

После начала Второй мировой войны в Индии нарастает политическая борьба. Сикхское сообщество разделилось на партию Акали дал и Юнионистскую партию. В работе рассмотрены политические установки этих партий в 1940-1941 гг.

Ключевые слова: сикхизм, Акали дал, Юнионистская партия Панджаба, Сикхистан, история сикхов.

Начало Второй мировой войны Индия встретила в положении колонии, что стало для ведущих партий стимулом для активизации политической деятельности. Используя потребность Великобритании в материальных и людских ресурсах, они пытаются добиться выгод для собственного положения. Крупнейшая партия Индии, претендовавшая на статус национальной, – Индийский национальный конгресс (ИНК), – выдвинула лозунг сатьяграхи и была готова поддержать метрополию на условиях предоставления стране независимости. Ей противостояла объединившая под своими знаменами представителей индийских мусульман Мусульманская лига (МЛ), усмотревшая в этой ситуации шанс начать кампанию по защите своих националистских прав, конечной целью ставя создание собственного государства. В этой политической ситуации хотелось бы проследить судьбу одного из крупных националистических сообществ Индии – сикхов. К началу рассматриваемого периода сикхи делились на несколько группировок, крупнейшими из которых были партия Акали дал и Юнионистская партия Панджаба. Задача данной статьи – обрисовать положение этих партий в политической жизни Индии 1940-1941 гг., выявить их отношение к Лахорской резолюции МЛ.

В марте 1939 г. комитет МЛ под председательством Мухаммеда Али Джинны начал работу по урегулированию вариантов политического будущего Индии, которое устроило бы мусульман. Именно на этом заседании была заявлена необходимость отделения мусульманского сообщества от индусского. Спустя год, 22 марта 1940 г., состоялась историческая 37 сессия МЛ¹. Лахор, столица Панджаба, малой родины сикхов, по иронии судьбы стал местом рождения резолюции, определившей раздел страны и похоронившей надежды сикхской общины на существование в неразделенной Индии. «Если британское правительство, – заявил Джинна в своем выступлении перед началом сессии, – действительно ... желает обеспечить мир и счастье населению субконтинента, единственный путь, – предоставить основным народам отдельные земли, разделив Индию на «автономные национальные государства»². Таким образом, конечной целью борьбы, которую вела Мусульманская лига, объявлялось создание независимого государства индийских мусульман. Третий, самый известный параграф программной резолюции МЛ гласил, что «ни один конституционный план ... не может быть принят мусульманами, если не будет построен на определенных принципах». Таковыми провозглашались географические, на основании которых планировалось создание «автономных и суверенных» территорий в областях с преобладающим мусульманским населением. Однако могли возникнуть внутренние противоречия между интересами мусульманского большинства и меньшинствами мусульманских провинций. Для их разрешения принят пункт 4, гласивший: «соответствующие эффективные и принудительные гарантии должны быть предоставлены в конституции меньшинствам в регионах для защиты их религиозных, культурных, экономических, политических, административных и других прав с их консультацией». Так, создатели схемы Пакистана шли к разделу своей родины, используя демагогические лозунги и надеясь на существующие конституционные соглашения, которые могли бы защитить

¹ Протокол заседания приведен здесь: Foundations of Pakistan. All-India Muslim League Documents. Vol. 2: 1924-1947 / Ed. by S. Sh. Pirzada. Karachi, 1969-1970. P. 325-347.

² Towards Freedom. Documents on the Movement for Independence in India 1940. Part I / Ed. by K. N. Panikkar. New Delhi, 2009. P. 546-558.

интересы всех мусульман Индии. Впоследствии Джинна не раз уточнял свою позицию по основополагающим вопросам Лахорской резолюции. Стараясь убедить сикхов поддержать идею раздела страны, он заявил в одной из газет в апреле 1940 г., что «они (сикхи – З. А.) были бы более богаты в северо-западной мусульманской зоне, чем в объединенной Индии или под одним центральным правительством». «Очевидно, что, тогда как в объединенной Индии они были бы ничтожествами, на мусульманской родине, составленной из западной зоны объединенных государств, сикхи ... играли бы эффективную и влиятельную роль»³. Таким образом, теперь сикхам предлагали выбирать, с кем идти в будущее – с мусульманами или индусами.

Сикхская партия Акали дал была сформирована в ходе борьбы за гурдвары в декабре 1920 г. Постепенно движение переросло в политическую организацию, активно участвовавшую в национально-освободительной борьбе. Поддержка сикхов была важна всем политическим силам страны благодаря своей сплоченности и военной дисциплине, а также относительно большому влиянию на сикхских крестьян и мелкую буржуазию. Это вызывало стремление заручиться их поддержкой. Духовный лидер ИНК Махатма Ганди, замечая, что он отнюдь не считает сикхов частью Индийского национального конгресса и понимает их приверженность своему замкнутому сообществу, предостерегал их: «Вы должны быть либо полностью националистами, либо откровенно коммуналистами»⁴. М. А. Джинна также неоднократно заверял, что сикхское сообщество должно добиваться самоопределения для религиозных меньшинств Индии под знаменами МЛ. Лидер националистической организации «Хинду Махасабха» В. Саваркар, со своей стороны, выражал Таре Сингху благодарность за отказ присоединиться к кампании гражданского неповиновения, утверждая, что Ганди очень нахален, когда «обвиняет Вас за заботу и охрану интересов сикхов как сообщества»⁵. Он убеждал главу Акали дал в несовпадении политических курсов его общины и ИНК: «Вам надо оставить Конгресс, потому что Вы должны охранять законные интересы своей общины и потому что вы коммуналист... Избегайте идеологии ИНК и самого института, который основан на идеологии, если хотите быть верными Вашему реальному расовому и национальному самосознанию ... горе индустам, сикхам, если они будут объединять себя с псевдонационалистическими опятами глупой, бесхребетной, безумной, убийственной идеологии Конгресса (букв. перевод – А. З.)»⁶. Князья также хотели заручиться поддержкой сикхов, порой прибегая к прямому подлогу и заявляя в прессе о сотрудничестве с сикхами. Так, махараджа Патиалы заявил в одной из газет 1940 г., что сикхи объединились под его руководством, и примут участие в выборах Исполнительного совета вице-короля Индии, поддержав, таким образом, колониальную власть. Такая явная ложь вызвала официальное опровержение со стороны президента ИНК А. К. Азада, который заявил, что «написал Панджабскому провинциальному комитету ИНК, чтобы расследовать вопрос и информировать меня о ситуации»⁷. Все это говорит о несомненной роли сикхов как политически весомого сообщества.

Выдвинутое МЛ предложение о разделе Индии английская «Таймс» охарактеризовала как «конец индийского единства»⁸. Как же отнеслось к этому предложению сикхское сообщество? Идея раздела страны вызвала у них ярко выраженную негативную оценку. Тара Сингх заявил в печати: «его (т. е. Пакистана – З. А.) концепция основывается на крайних коммуналистских соображениях, и целью его является не защита мусульман, а их господство над меньшинствами»⁹. Лидер Акали дал высказал свое отрицательное отношение в письмах к Ганди и президенту ИНК. Однако Махатма заверял его, что «Конгресс будет придерживаться своей резолюции, принятой на Лахорской сессии в отношении коммунальных прав сикхов», подразумевая при этом, что «никакого неприем-

³ Towards Freedom . . . P. 560.

⁴ Ibid. P. 625-626.

⁵ Ibid. P. 598.

⁶ Ibid. P. 599.

⁷ The Amrita Bazar Patrika, 6 September 1940 // Цит. по: Maulana Azad. Selected Speeches and Statements (1940-1947). New Delhi, 1990. P. 29-30.

⁸ Foundations of Pakistan . . . P. XXVIII.

⁹ The Civil and Military Gazette. Lahore, 13. IV. 1941 // Цит. по: Пономарев Ю. А. История Мусульманской лиги Пакистана. М., 1982. С. 122.

лемого для сикхов коммунального решения принято не будет»¹⁰. В «Хиндустан Таймс» от 5 апреля 1940 г. было опубликовано заявление о том, что комитет Акали дал «объявил намерение сикхов выступить против требования Мусульманской лиги о создании отдельных мусульманских и индуистских государств в Индии ... Комитет выразил надежду, что сикхские члены провинциального законодательного собрания, которые сотрудничают с министерской партией (т. е. юнионистов – А. З.), отзовут свою поддержку от Министерства в том случае, если мусульманские члены Панджабского министерства не отделят себя от Мусульманской лиги»¹¹. Прямо заявляя, что «мы всегда готовы отказаться от нашего требования суверенитета в пользу национального интереса, у которого есть только одна логическая кульминация — объединенная демократическая Индия», они не забывали подчеркивать, что «пока Панджаб наш, и он только наш». Таким образом, заявляя, что они являются сторонниками объединения Индии, сикхи готовы были пойти на раскол среди своего сообщества, но не допустить раскола на своей территории.

«Вершиной» противодействия сикхов стремлению МЛ создать собственное мусульманское государство можно назвать выдвинутую сикхами «теорию трех наций». Лидерами Акали дал была сформулирована встречная схема территориального раздела Индии, которая предусматривала создание новой территориальной единицы Свободного Панджаба (Азад Панджаб). Согласно схеме, большинство мусульманских регионов будут отделены от Панджаба и будет образована новая провинция, в которой большинство составит религиозная община сикхов¹². В «Хиндустан Таймс» от 29 марта 1940 г. Тара Сингх обратился к Джинне: «Если мусульмане не могут доверять индуистскому большинству, они должны также предположить, что сикхи не могут доверять мусульманскому большинству ... теория «двух наций» хороша, пока она приносит пользу мусульманам, но если сикхи выдвинут теорию «трех наций», это будет плохо, поскольку она не подходит коммуналистским мусульманским лидерам ... Джинна и его партнеры ... готовы признать теорию «трех наций» в Панджабе и согласиться на равную долю каждого сообщества в правительстве области? ... Я знаю, что они не согласятся»¹³.

Неудивительно, что Лахорская резолюция взволновала сикхское сообщество. В прессе того периода встречалось немало статей и писем, написанных как видными лидерами сикхского сообщества, так и безымянными гражданами, которые конкретизировали мнение сикхов по вопросу раздела страны. Примечательно одно из писем, подписанное «националистский сикх» и опубликованное в «Хиндустан Таймс» от 3 февраля 1940 г. Автор возмущался не столько требованием мусульман жить в отдельной стране, сколько попытками Джинны «заставить другие меньшинства содействовать его антинациональным действиям». Замечая, что «его (Джинны – А. З.) усилия выдвинули проблему меньшинств в центр деятельности нашей национальной жизни, как будто это – проблема всех меньшинств в Индии ... хотя фактически, это – проблема мусульманского лидерства Лиги», он делал вполне обоснованный вывод: «очевидно, что другие меньшинства, упоминаемые так часто г-ном Джинной, оппозиционны его политике»¹⁴. Таким образом, движение за создание Пакистана вызвало у Акали дал, которая представляла интересы крестьян-сикхов и мелкую буржуазию, активные протесты. Они боялись оказаться во власти мусульман, в обстановке религиозной нетерпимости.

У власти в Панджабе к началу рассматриваемого периода находилась Юнионистская партия во главе с Сикандаром Хаят Ханом, который был главным министром провинциального правительства. Допуская союз с конгрессистами, он одновременно заключил в 1937 г. пакт с Джинной, по которому по которому члены Юнионистской партии также становились членами МЛ.

На заседании МЛ в марте 1939 г. членами рабочего комитета были предложены различные схемы по выделению мусульманских зон и сепаратных штатов из состава страны¹⁵. Одну из таких схем предложил входивший в состав комитета Сикандар Хаят

¹⁰ Gandhi M. The Collected Works. Ahmadabad, 1978. Vol. LXXII. P. 84.

¹¹ Towards Freedom ... P. 672.

¹² Kapur R. A. Sikh Separatism. London, 1986 P. 138.

¹³ Towards Freedom ... P. 673.

¹⁴ Ibid. P. 671-672.

¹⁵ Подробнее см. Foundations of Pakistan ... P. XX.

Хан. Его концепция была подробно изложена на дебатах Законодательного собрания Панджаба 11 марта 1941 г. Глава Юнионистской партии видел Индию единой, но разделенной на одиннадцать основных зон по религиозно-общинному принципу¹⁶. Эти предложения основывались на идее сосуществования индусов, мусульман, сикхов и подразумевали создание центрального федеративного правительства, которое будет объединять «суверенные составные части». В соответствии с этой схемой, каждая единица должна была обладать полной автономией в своих внутренних делах. Коммунальный вопрос решался путем предоставления большинству каждой автономной провинции большой доли самостоятельности в своих внутренних делах. «Это – наша удача, – подчеркивал он, – провидение так распределило население, что обеспечивает самую полную возможность ... двум главным сообществам, в пределах их соответствующих территориальных сфер, обладать правами большинства»¹⁷. Предложенное им решение предоставляло большинству населения провинции права в административных, политических и экономических сферах. Координировать работу этих провинций должен был единый Центр, составленный из представителей каждой провинции. «Центр ... будет состоять из представителей, отобранных провинциальными законодательными органами или правительствами из ответственных людей области. Центр будет «упругим» – в том смысле, что ... ему будут делегированы только те вопросы или полномочия, которые решено передать ему соглашением между блоками»¹⁸. Каждая область дел, переданных Центру, контролируется комитетом, в котором должна быть представлены все провинции, или устраивающим все стороны «представительным руководителем». Обрисовывая роль Панджаба в предлагаемой им схеме, Сикандар Хаят Хан подчеркивал, что сикхи также должны пользоваться предоставленным другим меньшинствам правом на самоопределение. Лучшим вариантом для них он признавал вариант, когда сикхи были бы представлены от своей провинции. При этом они обрели бы «тот же статус панджабцев, как и их мусульманские и индуистские братья ... они будут иметь 20-процентную долю в качестве равноправных партнеров». Осуждая националистические взгляды другой части сикхского сообщества (то есть Акали – прим. мое), кричащих о невозможности раздела Индии, Сикандар Хаят Хан замечал, что при победе ИНК властная вертикаль центра приведет к угнетению меньшинств, в том числе сикхских, поскольку сикхи «составляют лишь один процент населения Индии». «Если вы хотите настоящей свободы Панджаба, – заключал он, – то есть Панджаба, в котором каждая община будет иметь соответствующую долю в экономической и административной областях как партнеров ... тогда Панджаб не будет пакистанским, но останется только Панджабом, землей пяти рек»¹⁹.

Итак, Сикандар Хаят Хан предлагал разделить Индию по религиозно-общинному признаку, не нарушая целостности страны. Им выделялось семь индусских и четыре мусульманских зоны/провинции, обладающие во внутренних делах полной автономией. Отношения между провинциями, общие для них дела должен был регулировать единый Центр, составленный из представителей всех провинций. У него был круг полномочий, каждая из которых управлялась бы комитетом, составленным из представителей всех провинций. Решения комитетов должны были приниматься не на основе большинства, а путем взаимных соглашений. Не совсем ясен принцип принятия этих соглашений при принципиальных разногласиях сторон, но Сикандар Хаят Хан утверждал, что при данной схеме разногласия между мусульманами и индусами сойдут на нет. Сикхской общине отводилась роль меньшинства, занимающего место в провинции пропорционально своей численности.

Как же отреагировали на эту схему представители различных политических сил? М. Ганди, не без горечи, заметил в одном из своих писем, что это предложение – единственное от имени Лиги предложение конструктивного характера. Махатма самокритично заметил, что «эта схема слишком сложна для меня, чтобы составить свое мнение. Я, признаюсь Вам, никогда не изучал Закон об управлении Индией в размере, необходимом

¹⁶ Menon V. P. The Transfer of Power on India. Calcutta, 1970. P. 443-458.

¹⁷ Op. cit. P. 448.

¹⁸ Op. cit. P. 450.

¹⁹ Op. cit. P. 455.

для правильной оценки Вашей схемы»²⁰. Однако Джинна отклонил схему Сикандара Хаят Хана в ее первоначальном варианте²¹. Сравнивая свой вариант раздела Индии с принятым на «пакистанском съезде» МЛ, Сикандар замечал: «Я, не колеблясь, признаю, что был ответственен за создание оригинального варианта резолюции ... Основное различие ... в том, что последняя часть моей резолюции, которая была связана с центром и координацией деятельности различных зон, была ликвидирована»²². Таким образом, при резко отрицательном отношении индийского общества к самой идее раздела современники признавали, что схема главы Юнионистской партии была составлена с учетом интересов крупнейших общин Индии.

В передовой статье «Трибьюн» за сентябрь 1940 г. напечатаны высказывания Сикандара Хаят Хана, где он прямо заявил, что «настроен против разделения страны на коммунальной основе»²³. Поэтому еще во время 37 сессии МЛ началась в буквальном смысле слова его травля. По свидетельству современников, перед заседаниями МЛ проходили стихийные митинги²⁴, на которых дружно скандировалось: «Сикандар мурдабад!» («Смерть Сикандару!»)²⁵. Как замечал биограф Джинны, С. Уолперт, «кто бы ни натаскивал этот хор и ни руководил им, он хорошо поработал»²⁶. Критикуя его уклонистскую позицию, представители Мусульманской лиги прямо обвинили его в лицемерии, говоря: «что или он, или г-н Джинна и его друзья врут». От него прямо требовали более четко сформулировать свою позицию, – «пусть использует более простые слова, чтобы общественность в этой провинции и особенно немусульманские общества могли знать, каково их мнение». Статья «Трибьюн» завершалась следующим пассажем, ярко показывающим настроения мусульманской части населения Пенджаба: «Он ошибается, если думает, что может продолжить существующую неопределенную политику объединения взглядов зайцев-юнионистов и гонимых Лиги»²⁷. Когда представитель газеты «Трибьюн» спросил, почему же он выступал «за» Пакистанскую схему, если он не желает раздела Индии, Сикандар Хаят Хан ответил, что «его мнение сегодня более точно, чем после принятия Лахорской резолюции Лиги».

До своей смерти в 1942 г. глава юнионистов считал Пакистанскую схему предметом торговли со стороны МЛ и лично Джинны, превосходным способом давления как на ИНК и его лидеров, так и на британское правительство²⁸. Ведь именно после принятия Лигой курса на отделение британское правительство начало считаться с мусульманами как с самостоятельной политической силой. Один из журналистов, корреспондент газеты «Хинду» в Симле Б. Шива Рао писал о «... «вспышке комплекса Джинны», укоренившегося, судя по всему, в умах официальных властей. Чтобы не обидеть мистера Джинну, нельзя предпринять ни единого, даже самого разумного шага»²⁹. Юнионистская партия Пенджаба представляла собой на данном этапе блок различных религиозно-политических сил. Сикхи, поддерживавшие ее, были представителями крупной буржуазии и помещиками. Идея раздела страны означала бы для них не только ущемление экономических и политических позиций в Пенджабе, но и разрыв налаженных торговых и деловых связей с другими районами Индии. Поэтому мусульманин Сикандар Хаят Хан выступал за сохранение единства страны и против ее раздела.

Военные успехи Германии весной и летом 1940 г. на западном фронте ухудшили военно-политическое положение Англии, что оказало влияние и на обстановку в Индии. В июле 1940 г. ИНК на сессии в Пуне в специальной резолюции вновь подтвердил свою

²⁰ Gandhi M. Op. cit. Vol. LXX. P. 4.

²¹ Тогда Сикандар послал свои предложения вице-королю для обсуждения в дебатах Законодательного собрания Пенджаба 11 марта 1941 г.

²² Foundations of Pakistan ... P. XXII.

²³ Towards Freedom ... P. 577.

²⁴ Всеиндийская мусульманская организация студентов была очень активной в Пенджабе, особенно во время летних каникул.

²⁵ Foundations of Pakistan ... P. 340.

²⁶ Уолперт С. Джинна – творец Пакистана. М., 1997. С. 218.

²⁷ Towards Freedom ... P. 578.

²⁸ Его позицию поддерживала сикхская Национальная Партия Хальсы, объявлявшая Лахорскую резолюцию «опасной»: Lal R. Political India. 1935-1942. Delhi, 1986. P. 114.

²⁹ Parthasarathy. The Hindu. P. 534 // Цит. по: Уолперт С. Цит. соч. С. 221.

готовность поддержать военные усилия Англии при условии: 1) декларации английского правительства о предоставлении Индии после войны независимости; 2) создания ответственного правительства. В августе эти предложения были переданы вице-королю. Линлитгоу выдвинул встречное предложение расширить свой исполнительный совет за счет «ответственных» политических деятелей Индии. Это предложение было отклонено как ИНК, так и МЛ³⁰. Сикандар Хаят Хан в этой ситуации настойчиво убеждал коллег по Мусульманской лиге на сентябрьском заседании в Бомбее принять предложение вице-короля, однако безрезультатно. В 1941 г. Линлитгоу не оставлял надежды ограничить реформы в Индии поправками к конституции. Он организовал Совет национальной обороны, куда были приглашены премьеры Ассама, Бенгалии, Панджаба и Синда. Сикандар Хаят Хан лично просил вице-короля о представительстве Панджаба в расширенном Совете, однако расценивший это как измену идее Пакистана и лично своей власти Джинна поставил соратника перед дилеммой – или уход из Лиги, или выход из Совета. Такое резкое неприятие действий правительства он позиционировал как посягательство на мусульманские «суверенитет и независимость»³¹. Таким образом, внутри МЛ сформировалось, по выражению А. Л. Сафроновой, «подводное течение», которое требовало более активного сотрудничества с Англией, достижения соглашения с ИНК и отказа от Пакистанской схемы³².

Итак, глава панджабского правительства Сикандар Хаят Хан понимал все последствия разделения Индии для сикхов в целом и Юнионистской партии в частности, однако, входя в состав Мусульманской лиги, был вынужден проголосовать за принятие Лахорской резолюции. Притом, чем больше конкретизировалась позиция Джинны по отдельным вопросам Пакистана, тем более активным ее противником выступал Сикандар Хаят Хан, стараясь одновременно не потерять своего влияния в Мусульманской Лиге и соблюсти интересы сикхов. В этих попытках он пытается опереться на помощь вице-короля Индии. Сформулировав основные принципы Лахорской резолюции, именно глава юнионистов предложил принцип разделения по религиозному признаку, предлагая выделить индусские и мусульманские области, пользующиеся большой самостоятельностью в своих внутренних делах. Однако их существование он считал невозможным без создания единого координирующего центра, который равно беспристрастно контролировал бы и индусов, и мусульман. Интересно отметить, что отделение Индии от Великобритании на данном этапе глава панджабского правительства считал нецелесообразным, подчеркивая, что Индия пока не готова к самостоятельности, – повторяя, по сути, те же аргументы, что выдвигало английское правительство.

Угроза раздела Панджаба временно сплотила сикхское сообщество. 30 мая 1940 г. в Лахоре, с подачи Сикандара Хаят Хана состоялась сикхская политическая конференция, в ходе своих заседаний принявшая несколько резолюций, основные положения которых были следующими:

- Вице-королю Индии предлагалось создать полностью Индийский исполнительный Комитет/Совет, куда будут входить и сикхские представители;
- Осуждалась идея Пакистана;
- Констатировалось, что коммунальная напряженность существует в связи с пропагандой Пакистанской схемы³³.

Однако в реальных условиях первой половины 1940-х гг. сикхи не смогли выработать единую тактику и конкретизировать свою позицию. Это вызвало дальнейший раскол среди сикхского сообщества и в конечном итоге обусловило их проигрыш ИНК и МЛ.

Таким образом, на съезде МЛ в марте 1940 г. было принято решение, сыгравшее роковую роль в дальнейшей истории индийского национального движения: конечной целью борьбы Лиги объявлялось создание государства индийских мусульман. Ганди и руководство Национального конгресса выступили с критикой этого решения. Сикхи также резко осудили курс Лиги. В противовес теории «двух наций», обосновывающей раздел

³⁰ Датт Р. П. Кризис Британии и Британской империи. М., 1959. С. 566-567.

³¹ Уолперт С. Цит. соч. С. 229.

³² Алаев Л. Б., Вигасин А. А., Сафронова А. Л. История Индии. М., 2010. С. 388.

³³ Sunday Amrita Bazar Patrika, 26 May 1940 // Towards Freedom ... P. 168-169. См. также: Bhagat K. P. A Decade of Indo-British Relations. 1937-1947. Bombay, 1959. P. 177.

Индии на два государства, они выдвинули теорию «трех наций», подчеркивая, что в случае раздела будут добиваться создания независимого сикхского государства в Пенджабе. Однако в отличие от мусульман, которые были готовы отстаивать свою независимость с оружием в руках, сикхи, выдвигая теорию создания независимого сикхского государства, как ни парадоксально это звучит, вовсе не стремились к его созданию. Этому препятствовал целый комплекс причин:

- Территориально сикхское сообщество было рассеяно по стране. Даже в Пенджабе сикхи не представляли конституционного большинства;
- ИНК не мог согласиться с идеей раздела, – это шло не только вразрез с политикой партии, но и могло создать прецедент для других религиозных общин;
- МЛ была не в состоянии принять идею выделения отдельного сикхского государства, поскольку это ощутило бы урезало территорию будущего Пакистана.

Сикхское сообщество хорошо осознавало перспективы, выдвинутые резолюцией 1940 г. Идея существования в разделенном Пенджабе не устраивала их так же, как и полная власть проиндусского правительства. Стремясь сохранить Пенджаб для себя, и только для себя, они, в силу своей разобщенности, не смогли выбрать единый вариант спасения своей малой родины и оказались не готовы отстаивать его всеми политическими средствами.

LAHORE RESOLUTION OF 1940 AND THE SIKHS OF PANJAB

A. A. ZOLOTARYOVA

*Lipetsk State Pedagogical
University*

e-mail: zanudik@bk.ru

After the beginning of the Second World War in India political struggle is growing. Sikh community is divided into the party Akali dal and Unionist Party. The paper deals with the installation of these political parties in 1940-1941.

Keywords: sikhism, Akali dal, Unionist Party, Sikhistan, the history of the Sikhs.

ОБРАЗ ТИХООКЕАНСКОЙ ВОЙНЫ В ФИЛЬМЕ ДЖОНА ФОРДА «СРАЖЕНИЕ ЗА МИДУЭЙ» (1942)*

С. О. БУРАНОК

НОЦ «Актуальные проблемы новейшей истории и политики»

МГТУ им. М. А. Шолохова

e-mail: witch-king-1@mail.ru

В статье анализируется фильм как исторический источник по изучению тихоокеанской войны. Рассмотрена история создания фильма, его особенности и влияние на общественное мнение США.

Ключевые слова: Джон Форд, Мидуэй, Тихоокеанская война.

Кинематограф как одно из эффективных средств пропаганды был весьма популярен и востребован в годы Второй Мировой войны. Период Тихоокеанской войны стал временем создания настоящих шедевров в сфере пропагандистских фильмов, одним из которых является «Сражение за Мидуэй» Джона Форда. Это первый американский документальный фильм о войне на Тихом океане, во многом заложивший традиции данного жанра для будущих кинолент¹.

Сразу после нападения на Пёрл-Харбор голливудский режиссер Джон Форд обратился в военно-морское и военное министерства с предложением отправиться на Гавайи для документальных съёмок на месте недавней трагедии². По словам Форда, работа в Пёрл-Харборе заняла несколько месяцев, пока не была прервана звонком адмирала Нимица: «Собирайте вещи и сюда ко мне»³. У адмирала Форд узнал, что покидает Пёрл-Харбор⁴ и на эсминце отправляется «неизвестно куда, неизвестно зачем»⁵. Так в конце весны 1942 г. режиссер оказался на атолле Мидуэй. Законченный в очень короткий срок фильм (преьера состоялась уже 14 сентября 1942 г. ⁶) состоял из 5 частей: 1) Заставки и вступление; 2) Предыстория битвы; 3) Сражение за Мидуэй; 4) Действия сил США после победы; 5) Потери противника. Каждая из частей разделена на небольшие эпизоды.

Заставка с эмблемой военно-морского флота США и названием фильма занимает первые 30 секунд ленты⁸. Точно такое же по структуре вступление и у другого фильма Форда, посвящённого сражению за Мидуэй – «Эскадрилья торпедоносцев»: 30 секунд от начала ленты занимает демонстрация эмблемы флота⁹.

Вступление «Сражения за Мидуэй» сопровождается мелодией известной патриотической песни 1831 г. «My Country, Tis of Thee»¹⁰. Выбор данной композиции далеко не случаен, т. к. воспринималась она как неофициальный гимн США¹¹. А другое название

* Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры современной России», соглашение №14. В 37. 21. 0003 от 18. 06. 2012 г.

¹ John Ford: interviews / Ed. by G. Peary. Jackson, 2001. P. 20.

² Commander John Ford USNR interview // Naval Historical Center. Operational Archives. World War II Interviews. Box 10. Davis R. L. John Ford: Hollywood's Old Master. Norman, 1997. P. 167; Blanpied R. B. Reading John Ford's December 7th: the influence of cultural context on the visual remembering of the Pearl Harbor attack. (Ph. D.) Dissertation. Honolulu, 2004. P. 5–7.

³ Commander John Ford USNR interview // Naval Historical Center. Operational Archives. World War II Interviews. Box 10.

⁴ Euman S., Duncan P. John Ford: the searcher: 1894–1973. New York, 2004. P. 125.

⁵ Commander John Ford USNR interview // Naval Historical Center. Operational Archives. World War II Interviews. Box 10.

⁶ McBride J. Searching for John Ford. Jackson, 2011. P. 340–341.

⁷ Исследователь творчества Джона Форда Тэг Галлахер выделяет только 3 части. См.: Gallagher T. John Ford: The Man and His Films. Berkeley, 1988. P. 209.

⁸ «Battle of Midway» by John Ford // National Archives and Records Administration. College Park. General Records of the Department of the Navy, 1789–1947. Record Group 80. 2.

⁹ «Torpedo Squadron» by John Ford // National Archives and Records Administration. College Park. General Records of the Department of the Navy, 1789–1947. Record Group 80. 2.

¹⁰ Автор Сэмюэль Смит.

¹¹ Snyder L. L. Encyclopedia of Nationalism. St. Paul, 1990. P. 13.

песни, под которым она была впервые опубликована – «Америка»¹². Так, с самого начала фильма Форд взывал к наиболее сильным патриотическим чувствам сограждан, опираясь на традиции XIX в.

Следующая сцена фильма также сопровождается мелодией «Anchors Aweigh»: с 0.52 секунд по 1 минуту 20 секунд ленты¹³. С точки зрения пропаганды, эпизод очень важный – показана летающая лодка РВУ «Каталина» на задании, а голос за кадром (принадлежал английскому актёру, продюсеру и режиссеру Дональду Крипсу¹⁴) сообщает: «Патрульный самолёт флота выполняет обычный рутинный полёт, но в любой момент может быть замечен враг»¹⁵. В этом коротком предложении заложена целая концепция сражения за Мидуэй, которое Форд пытается представить как случайно начавшееся, после обнаружения японских кораблей в ходе рядового патруля. Причём, визуальный образ (патрульный самолёт «Каталина»), звуковое сопровождение (мелодия «Anchors Aweigh») и текст подчёркивают, что подобное неожиданное обнаружение врага на подступах к «нашему форпосту» – заслуга флота и только его.

Полёт «Каталины» сменяется в ленте панорамой острова Мидуэй (время с 1.22 до 1.33), но без смены звукового сопровождения¹⁶. За кадром Дональд Крипс, характеризуя кадр, произносит: «Это наш форпост. Ваша передовая». Так очень просто, ясно и коротко авторы фильма объяснили значение острова для обороны США на Тихом океане.

Время фильма с 1.33 до 1.50 минут занято кадрами маневрирующих у причала торпедных катеров, которые Форд снял в период ожидания сражения¹⁷, и посадки патрульного самолёта. Такой визуальный ряд позволяет предположить, что под словами «наш форпост» можно подразумевать не только «американский», но и в более узком значении – «форпост флота».

Кадры полёта «Каталины», помимо создания устойчивых «флотских» образов у зрителей, позволили Форду осуществить плавный переход от вступления к демонстрации созданной на острове обороны: с 1.50 до 2.10 вдоль пришвартованных торпедных катеров проходит строй 6-ого оборонительного батальона морской пехоты. Смена сюжета вызывает и перемены в саундтреке: играет «Marines Hymn» – официальный гимн корпуса морской пехоты США.

Безусловным центральным местом всего эпизода является акцентирование внимание на двух флагах: американском и батальном. Из 20 секунд (время ленты с 1.50 до 2.10), которые длится сюжет, демонстрация флагов занимает 18, причём некоторое время от солдат видны только каски.

Это можно расценивать как наиболее сильный, в первой части фильма, призыв к патриотическим чувствам граждан США, а также как отсылку к речи Рузвельта от 9 декабря 1941 г., где президент говорил: «Японцы обрушили бомбы и пулемётный огонь на наш флаг, наших воинов, наших граждан»¹⁸. И Форд показывает жизнерадостных солдат «на переднем крае обороны», гордый флаг; для полного завершения рузвельтовской триады не хватает граждан. Здесь режиссер делает очень оригинальный и неожиданный ход.

В период с 2 минут 11 секунд до 2 минут 46 секунд в кадре только птицы (два вида альбатросов¹⁹), а саундтрек заменён на звуки живой природы и крики птиц. Голос Дональда Крипса сообщает: «Это коренные жители Мидуэя. Тодзио поклялся освободить их»²⁰. В таком контексте особое значение приобретает первый кадр эпизода: два летящих

¹² Именно под таким названием хранится недатированный текст песни середины XIX в. в Библиотеке Конгресса США: My Country, Tis of Thee // Library of Congress. Rare Book and Special Collections Division. Civil War Song Sheets, Series 1. Volume 1. No. 736.

¹³ «Battle of Midway» by John Ford // National Archives and Records Administration. College Park. General Records of the Department of the Navy, 1789–1947. Record Group 80. 2.

¹⁴ Gallagher T. John Ford: The Man and His Films. Berkeley, 1988. P. 208.

¹⁵ «Battle of Midway» by John Ford // National Archives and Records Administration. College Park. General Records of the Department of the Navy, 1789–1947. Record Group 80. 2.

¹⁶ «Battle of Midway» by John Ford // National Archives and Records Administration. College Park. General Records of the Department of the Navy, 1789–1947. Record Group 80. 2.

¹⁷ Commander John Ford USNR interview // Naval Historical Center. Operational Archives. World War II Interviews. Box 10.

¹⁸ Рузвельт Ф. Беседы у камина. М., 2003. С. 244.

¹⁹ Темноспинный альбатрос и Черноногий альбатрос.

²⁰ «Battle of Midway» by John Ford // National Archives and Records Administration. College Park. General Records of the Department of the Navy, 1789–1947. Record Group 80. 2.

альбатроса в безоблачном небе – очень яркий и простой символ свободы; клятва генерала Тодзио получает дополнительный ироничный оттенок²¹.

Эпизод с птицами, неожиданно нарушивший военно-патриотическую часть фильма, так же внезапно возвращает внимание зрителей от мирной природы к военной реальности. Достигается это не только за счёт смены сюжета, но и словами за кадром: «Птицы выглядят обеспокоенными»²².

В подтверждение данного напряжения демонстрируется, как лучи закатного солнца пробиваются сквозь тучи, застилающие небо. А на фоне заката показан отдых американских солдат, один из которых исполняет на аккордеоне мелодию «Red River Valley»²³.

В этой части фильма два ключевых момента. Первый: на 3 минуте 18 секунде – кадры с государственным флагом США, задний план которых занимают тёмные облака, – прекрасный образ стойкости американского гарнизона перед будущими испытаниями. Второй: на 3 минуте 27 секунде – последние лучи солнца прорываются через облака, что, по мнению Т. Галлахера, сильно напоминает японский флаг²⁴.

Вместе оба эпизода являются вступлением к сражению по классической схеме «затишье перед бурей». При этом образ Японии (образ противника) получился у Форда более абстрактным, но, вместе с тем, и более мощным, что следует признать сознательным ходом режиссёра, учитывая соотношение сил перед битвой²⁵.

После этого в фильме наступает небольшой перерыв на 6 секунд (с 3.27 до 3.33), что является своеобразным разделительным моментом между вступительной, «мирной» частью ленты и основной «боевой», переход к которой осуществляется словами Крипса за кадром: «Волнующим утром патрульный самолёт обнаружил флот противника»²⁶.

Акцентирование внимания зрителей на времени обнаружения противника («утро») далеко не случайно и придаёт дополнительную достоверность показываемым событиям²⁷. В кадре открывается вид на корабли с летающей лодки «Каталина». Это очень короткий эпизод фильма – всего 3 секунды с 3.33 по 3.36.

Всего через три секунды происходит смена сюжета: показан тяжёлый бомбардировщик В-17, с комментариями: «На Мидуэ базируются летающие крепости». Время картины с 3.36 до 3.58 занято демонстрацией подготовки бомбардировщиков к вылету, показаны пилоты, обсуждающие задание²⁸. При этом сменяются не только эпизоды, текст теперь читает актёр Генри Фонда²⁹. В качестве звукового сопровождения идёт мелодия патриотической песни «Columbia, the Gem of the Ocean».

Формируемое у зрителей чувство близости к героям усиливается фолк-мелодиями звукового сопровождения. Всё является подготовкой к следующему резкому сюжетному переходу. С 4.32 до 4.54 фильм переносит зрителей с Мидуэя в Соединённые Штаты, показывая семью обычного американского пилота: отца инженера-железнодорожника,

²¹ Allison T. Screen combat: Recreating World War II in American film and media. Pittsburgh, 2010. P. 58.

²² «Battle of Midway» by John Ford // National Archives and Records Administration. College Park. General Records of the Department of the Navy, 1789–1947. Record Group 80. 2.

²³ Фолк-песня конца XIX в.

²⁴ Gallagher T. John Ford: The Man and His Films. Berkeley, 1988. P. 208.

²⁵ Battle of Midway Island, Serial 0133, June 4–6, 1942 // Modern Military Branch, National Archives and Records Administration, College Park. World War II action reports; Commander in Chief, Pacific Fleet report, Serial 01849 of 28 June 1942 // National Archives and Records Administration, College Park. World War II action reports, Modern Military Branch; Stille M. USN Carriers vs IJN Carriers: The Pacific 1942. Oxford, 2007. С. 58–59; Апальков Ю. В. Боевые корабли японского флота: Линкоры и авианосцы. СПб., 1997. С. 40; Detailed engagement report on Midway Military Operation, 1st Air Fleet Task Force, From May 27 to June 9, 1942 // Japan Centre for Asian Historical Records. The National Institute for Defense Studies. Ministry of Defense. Ref. Co8030023700; Midway Operations May-June 1942. Japanese Monograph № 93. Washington, 1953. P. 12–14.

²⁶ «Battle of Midway» by John Ford // National Archives and Records Administration. College Park. General Records of the Department of the Navy, 1789 – 1947. Record Group 80. 2.

²⁷ В боевом журнале морской авиабазы о. Мидуэй: «3 июня 9. 04 замечены два японских транспортных корабля, дистанция 470 миль». См.: War Diary NAS Midway // National Archives and Records Administration. Pacific Region (San Bruno, CA). Record Group 313; Action Report of the Battle of Midway NAS Midway // National Archives and Records Administration. Pacific Region (San Bruno, CA). Record Group 313.

²⁸ «Battle of Midway» by John Ford // National Archives and Records Administration. College Park. General Records of the Department of the Navy, 1789–1947. Record Group 80. 2.

²⁹ Американский актёр, исполнитель главной роли в фильме Форда «Гроздь гнева».

сестру и «мать пилота, которая выглядит так же, как наши матери из Спрингфилда или любого другого американского городка»³⁰.

Здесь показаны классические образы американской семьи, родных и близких: отец – высококвалифицированный работник, мать – домохозяйка, занятая вязанием, и их сын, сражающийся с японцами. Так создавался очень живой и реальный образ ценностей, за которые сражаются американцы на Мидуэе. Если вставка с альбатросами символизировала борьбу за свободу, то «спрингфилдский сюжет» – борьбу за счастье, спокойствие и образ жизни простых американцев.

То, что эпизод мирной жизни является подчёркнутой вставкой в основной сюжет, подтверждает возвращение к подготовке пилотов В-17 (всего на 2 секунды – с 4.54 до 4.56), после чего показан взлёт тяжёлых бомбардировщиков для удара по противнику. Это занимает время ленты с 4.57 до 5.52³¹, причём в полном соответствии с реальным ходом сражения, показаны 9 В-17³². Сопровождается это действие звуками работающих двигателей (единственный раз данный звук прерывается словами Дарвелл: «Удачи! Благослови тебя Бог, сынок!»³³), что в сумме с цветным изображением обеспечивает неплохой эффект присутствия для зрителей.

Если до конца 5 минуты фильма Форд следовал реальному ходу сражения³⁴, то после взлёта В-17 режиссёр идёт на первое серьёзное нарушение хронологии событий. В период с 5.53 до 5.55 показан в небе строй из 5 самолётов, сопровождаемый восклицание Донольда Крипса: «Внезапно из-за облаков... Японская атака!»³⁵. Форд пошёл на некоторые изменения хода сражения для создания более динамичного сюжета, в котором события развиваются очень быстро, чтобы постоянно удерживать внимание и интерес зрителей. Но ещё до демонстрации результатов обозначенной японской атаки (или хотя бы её хода) Форд показывает меры, предпринятые морскими пехотинцами: с 5.55 до 6.13 в кадре ведут огонь зенитные орудия (показаны только разрывы снарядов) и пулемёты.

Используется очень простой способ формирования нужного образа сражения: японская атака только началась, а защитники острова уже её отражают. Причём в первых кадрах обороны Мидуэя режиссёр делает явный акцент не на морских пехотинцах (они либо не показаны совсем, либо со спины), а на оружии. Первый план указанного временного отрезка занимают пулемёты и винтовки.

Перечисленные приёмы позволяют зрителям поставить себя на место морских пехотинцев, более того, большая часть аудитории, наблюдая за действиями защитников из-за их спин, ощущает себя на стороне морпехов, под защитой их оружия, храбрости и мастерства.

При этом, в самом начале съёмок Форд посоветовал своему помощнику МакКензи: «Снимай лица. Постановочное сражение мы всегда можем вставить позже»³⁶. Следовательно, отсутствие лиц бойцов в первых кадрах атаки – сознательный ход режиссёра для создания нужного образа у зрителей.

Но первые кадры обороны Мидуэя сменяются демонстрацией взлёта группы пикирующих бомбардировщиков SB2U. Всего на острове было дислоцировано 17 машин данного типа³⁷. В фильме показан взлёт 5 из 11³⁸ самолётов под командованием майора Бенджамина Норриса³⁹.

³⁰ «Battle of Midway» by John Ford // National Archives and Records Administration. College Park. General Records of the Department of the Navy, 1789–1947. Record Group 80. 2.

³¹ «Battle of Midway» by John Ford // National Archives and Records Administration. College Park. General Records of the Department of the Navy, 1789–1947. Record Group 80. 2.

³² The Battle of Midway 3–6 June 1942: Combat Narrative. Washington, 1943. P. 10; Commander in Chief, Pacific Fleet report, Serial 01849 of 28 June 1942 // National Archives and Records Administration, College Park. World War II action reports, Modern Military Branch.

³³ «Battle of Midway» by John Ford // National Archives and Records Administration. College Park. General Records of the Department of the Navy, 1789–1947. Record Group 80. 2.

³⁴ Форд последовательно показывает обнаружение японских кораблей, подготовку первой атаки В-17, взлёт бомбардировщиков.

³⁵ «Battle of Midway» by John Ford // National Archives and Records Administration. College Park. General Records of the Department of the Navy, 1789–1947. Record Group 80. 2.

³⁶ Ford D. Pappy: The Life of John Ford. New York, 1979. P. 170.

³⁷ Heinl R. D. Marines in World War II: Historical Monograph: Marines at Midway. Washington, 1948. P. 25; Parshall J., Tully A. Shattered Sword: The Untold Story of the Battle of Midway, Washington 2005. P. 96; Healy M.

Весьма характерно, что Форд не показывает в фильме итоги действий армейских тяжёлых В-17 бомбардировщиков, об успехах и подвигах которых всё лето писали почти все газеты США⁴⁰. Это можно расценивать как дополнительный фактор, направленный на привлечение внимания зрителей к заслугам флота.

Следующий эпизод фильма занимает почти минуту экранного времени с 6.30 до 7.26 – отражение налёта на Мидуэй⁴¹. В отличие от первых боевых кадров, теперь камера сфокусирована на лицах морских пехотинцев, которые ведут огонь по японским самолётам⁴².

Важным моментом является акцент не только на мужестве американских морпехов, но и на потерях: показаны многочисленные пожары, сгоревший ангар и на 7 минуте 23 секунде сгоревший самолёт, правда в кадре он всего на секунды. Человеческих жертв в фильме нет.

Связующим элементом почти всех боевых эпизодов анализируемого временного отрезка (6. 30 – 7. 26) выступает дым, который, судя по отдельным кадрам, застилает весь остров. И как раз на фоне чёрных клубов дыма в 7. 26 начинается один из самых патриотических сюжетов картины: подъём государственного флага США, сорванного в ходе сражения. Камера сопровождает взлетающий к небу флаг, который быстро преодолевает пожары и развевается на фоне безупречно чистого голубого неба под звуки гимна «Star-Sprangled Banner»⁴³. Здесь в очень простом образе переплетены мотивы стойкости, патриотизма, мужества и победного оптимизма, понятные всем гражданам США.

Новый сюжет фильма строится уже вокруг сражения авианосцев, причём Форд показывает, что американские и японские палубные самолёты обнаружили оперативные соединения противников практически одновременно. Поэтому в ленте тесно переплетены воздушные атаки, создавая с 9.23 до 11.43 единую картину морского сражения. Показаны взлетающие с авианосцев истребители F4F «Wildcat» и пикирующие бомбардировщики SBD «Dauntless». Эти и другие подлинные боевые кадры дали возможность последующим исследователям творчества Форда указывать на особую «документальную эстетику режиссёра»⁴⁴ и «неизменный пугающий документализм военного времени»⁴⁵.

Как и в случае с налётом на Мидуэй, американские потери и в самолётах, и в кораблях Форд не показывает, вместо этого в кадре (с 11.23 до 11.26) – улыбающиеся офицеры ВМС и прислуга зенитных орудий. Данный мотив радости от хорошо выполненной работы проходит через весь фильм «Сражение за Мидуэй». Он же является и ключевым в следующем по хронологии эпизоде: возвращение американских пилотов на авианосцы⁴⁶.

В 11.43 в ленте сменяется не только сюжет, но и голос диктора – текст читает Ирвинг Пичел⁴⁷: «Мужчины и женщины Америки, – это возвращаются ваши сыны домой, после рабочего дня. Вы должны встретить их»⁴⁸. Этот текст проводит прямую параллель с создаваемыми Фордом образами войны как работы для американских пилотов, солдат и

Midway 1942: Turning Point in the Pacific. Westport-London 2004. P. 23–24; Isom D. W. Midway inquest: why the Japanese lost the Battle of Midway. Bloomington, 2007. P. 3.

³⁸ «Battle of Midway» by John Ford // National Archives and Records Administration. College Park. General Records of the Department of the Navy, 1789–1947. Record Group 80. 2.

³⁹ Морисон С. Э. Коралловое море, Мидуэй и действия подводных лодок: весна – лето 1942 г. М.; СПб., 2003. С. 167.

⁴⁰ Wall Street Journal. 1942. June 12. P. 1; Daily Boston Globe. 1942. June 12. P. 1; New York Times. 1942. June 12. P. 1. Перепечатка выпусков и сообщений от 12 июня предпринималась на протяжении всего лета 1942 г.

⁴¹ «Battle of Midway» by John Ford // National Archives and Records Administration. College Park. General Records of the Department of the Navy, 1789–1947. Record Group 80. 2.

⁴² Как создавались эти кадры, Форд подробно рассказал в интервью представителям флота: Commander John Ford USNR interview // Naval Historical Center. Operational Archives. World War II Interviews. Box 10.

⁴³ «Battle of Midway» by John Ford // National Archives and Records Administration. College Park. General Records of the Department of the Navy, 1789–1947. Record Group 80. 2.

⁴⁴ Allison T. Screen combat: Recreating World War II in American film and media. University of Pittsburgh, 2010. P. 43.

⁴⁵ Euman S., Duncan P. John Ford: the searcher: 1894–1973. New York, 2004. P. 125–126.

⁴⁶ Время фильма: 11. 43 – 12. 33. «Battle of Midway» by John Ford // National Archives and Records Administration. College Park. General Records of the Department of the Navy, 1789–1947. Record Group 80. 2.

⁴⁷ Американский актёр, которого Форд пригласил для участия в одном из своих главных проектов «Тихоокеанской серии» «7 Декабря», но привлёк и для озвучивания нескольких эпизодов в «Сражении за Мидуэй»: Gallagher T. John Ford: The Man and His Films. Berkeley, 1988. P. 211.

⁴⁸ «Battle of Midway» by John Ford // National Archives and Records Administration. College Park. General Records of the Department of the Navy, 1789–1947. Record Group 80. 2.

морпехов в первых 11 минутах фильма. И как в предыдущих случаях, лица пилотов палубных самолётов радостные, улыбающиеся, хотя и очень уставшие. Такой приём в фильме должен был сформировать у зрителей чёткое понимание: для противника война – это гибель людей, уничтожение кораблей, самолётов, а для американцев – это трудная, но приносящая радость работа⁴⁹.

Ещё одним моментом, объединяющим почти всех пилотов, попавших в кадр, является то, что они – асы: каждый имеет по 5 или более сбитых японских самолётов, как указано на бортах их машин⁵⁰.

Центральное место в этом сюжете занимает лейтенант Джон Тэч – командир 3-й истребительной эскадрильи (авианосец «Йорктаун»)⁵¹. В кадр также попали пилоты: А. Брессфилд, М. Брайт, Р. Дибб⁵², а один из пилотов на вопрос режиссёра «Сколько сегодня?» показал, улыбаясь, 4 пальца, имея в виду, очевидно, количество сбитых им самолётов противника. Следовательно, в данный момент показано время чуть позже 12.00 4 июня, когда истребители Тэча участвовали в отражении первой атаки самолётов «Хрию» против «Йорктауна»⁵³. Этой сценой заканчивается наиболее насыщенная событиями и эмоциями «боевая» часть фильма – с 12.34 в центре сюжета фильма снова Мидуэй, причём данный эффект «возвращения» усиливается закадровым текстом: «Но вернёмся на Мидуэй».

Так осуществляется переход к следующей части фильма – демонстрация последствий битвы. Форд в первых же кадрах показывает всё многообразие и даже противоречие результатов сражения. С 12.35 до 12.37 на экране полностью сгоревший ангар, но всего лишь через 2 секунды сцена, характеризующая ущерб и разрушения, сменяется вторым сюжетом об альбатросах, который продолжается до 13.45. Режиссер показывает птиц в данном случае всегда на фоне либо дыма от пожара, либо разрушенных зданий, а голос диктора сообщает, что защитники острова отстаивали свободу коренных жителей⁵⁴. Это формирует у зрителей чёткое понимание: материальные потери, безусловно, стоят сохранения жизни, а главное – свободы американцев⁵⁵.

Завершают фильм Форда два эпизода: с 15.35 до 17.00 – похороны погибших американских солдат и моряков. Здесь тесно переплетаются патриотические мотивы (все гробы накрыты государственными флагами, скорбные лица почётного караула) и религиозные (играет мелодия «Onward, Christian Soldiers», которая сменяется потом «Great God Our King»)⁵⁶. Также дан мотив объединения: в нескольких кадрах показаны стоящие рядом и солдаты, и морпехи и моряки. Возможно, этим режиссёр показывал единство всех вооружённых сил США в общей борьбе с японцами, что может оказаться важнее газетных сражений за решающий вклад в битву.

Финальные документальные кадры играют значительную роль в создании образа Мидуэя: с 17.01 в чистом голубом небе над Мидуэем проходит строй из четырёх самолётов, а на переднем плане три летящих альбатроса, камера следит за движением самолётов, постепенно переходя к морскому пехотинцу, внимательно осматривающему небо на фоне чёрных клубов дыма. Как замечает Т. Галлахер, в эпизоде четыре темы: 1) свобода (летающие птицы); 2) настороженность (морской пехотинец); 3) опасность (дым пожара); 4) сила (летающие самолёты)⁵⁷. Вместе они формируют у зрителей образ трудной, но важ-

⁴⁹ Параллельно с фильмами такие образы создавали и пропагандистские кампании. Подробно об этом см.: Эмброз Х. Тихоокеанский фронт / пер. с англ. А. В. Бушуева, Т. С. Бушуевой. М., 2011. С. 229, 236, 247.

⁵⁰ «Battle of Midway» by John Ford // National Archives and Records Administration. College Park. General Records of the Department of the Navy, 1789–1947. Record Group 80. 2.

⁵¹ Lundstrom J. The first team: Pacific naval air combat from Pearl Harbor to Midway. Annapolis, 2005. P. 490–491.

⁵² «Battle of Midway» by John Ford // National Archives and Records Administration. College Park. General Records of the Department of the Navy, 1789–1947. Record Group 80. 2.

⁵³ Морисон С. Э. Коралловое море, Мидуэй и действия подводных лодок: весна – лето 1942 г. М.; СПб., 2003. С. 198.

⁵⁴ «Battle of Midway» by John Ford // National Archives and Records Administration. College Park. General Records of the Department of the Navy, 1789–1947. Record Group 80. 2.

⁵⁵ Очень похожий мотив звучит и в первых газетных публикациях, в которых как главные итог битвы преподносился срыв японской операции по завоеванию пусть и небольшой, но американской территории. См.: Chicago Daily Tribune. 1942. June 6. P. 1–2; Hartford Courant. 1942. June 6. P. 1; Los Angeles Times. 1942. June 6. P. 1.

⁵⁶ «Battle of Midway» by John Ford // National Archives and Records Administration. College Park. General Records of the Department of the Navy, 1789–1947. Record Group 80. 2.

⁵⁷ Gallagher T. John Ford: The Man and His Films. Berkeley, 1988. P. 213.

ной победы, которая позволяет смотреть в будущее с надеждой, продолжать борьбу за свободу, которую ведут «христовы воины» (именно в таком свете предстают военнотружущие США в заключительных кадрах картины Форда).

Завершают фильм сцены с подведением итогов сражения. Всего их три. Первая – на белом фоне красным шрифтом надпись во весь экран: «4 японских авианосца потоплены». Вполне вероятно, что для заключения Форд избрал стиль подачи материала как газетный заголовок. Сцена вторая – снова красный шрифт: «28 линкоров, крейсеров и эсминцев потоплены или повреждены»⁵⁸. И здесь Форд идёт вслед за прессой, которая в период 1-й половины июня 1942 г. активно использовала данный простой приём для создания образа «поворотного момента Тихоокеанской войны»⁵⁹. На этот раз надпись перечёркивается чёрным крестом, но остаётся нетронутой цифра «28». Общественности необходимо внушить данное число выбывших из строя кораблей противника, а учитывая закрепившееся в сознании с прошлого эпизода слово «потоплены», то большая часть граждан будет интуитивно считать, что из данных 28 кораблей большая часть, безусловно, уничтожена.

Сцена третья – текст «300 японских самолётов уничтожено»⁶⁰. Слова опять замазываются красной краской, оставляя цифру «300», но это уже не главное. Всё внимание приковано к форме: краска образует букву «V», которая занимает весь экран. Более удачный символ победы придумать трудно. На этом фильм заканчивается.

Во всех первых отзывах отмечаются ещё два важных момента: 1) что это официальный фильм флота, доказывающий, прежде всего, победу ВМС при Мидуэе; 2) достоверность, реализм и документализм картины. Следовательно, фильм Форда выполнил главную задачу: акцентировал внимание общественности США на роли флота в битве. Причём, благодаря рассмотренным нами приёмам и пропагандистским средствам, образы, созданные режиссёром, закрепились не только в сознании граждан, но и перешли в историографию, что в итоге привело к формированию представлений о Мидуэе как решающей битве Тихоокеанской войны.

THE IMAGE OF THE PACIFIC WAR IN THE JOHN FORD'S FILM "THE BATTLE OF MIDWAY" 1942

S. O. BURANOK

Scientific worker of Research and Education Center "Actual problems of modern history and politics" of Sholokhov Moscow State University for Humanities

e-mail: witch-king-1@mail.ru

The article analyzes the film "The Battle of Midway" as a historical source for the Study of Pacific War. The history of the film, its characteristics and influence on public opinion in the United States are considered.

Key Words: John Ford, Midway, Pacific War.

⁵⁸ «Battle of Midway» by John Ford // National Archives and Records Administration. College Park. General Records of the Department of the Navy, 1789–1947. Record Group 80. 2.

⁵⁹ Los Angeles Times. 1942. June 7. P. 1; Washington Post. 1942. June 7. P. 1; Providence Sunday Journal. 1942. June 7. P. 1; Muscatine Journal and News-Tribune. 1942. June 8. P. 1.

⁶⁰ «Battle of Midway» by John Ford // National Archives and Records Administration. College Park. General Records of the Department of the Navy, 1789–1947. Record Group 80. 2.

АРАБСКИЙ ВОСТОК: ПРИНЦИПЫ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ (1945 – НАЧ. 1950-Х ГГ.)

Ц. М. ЧИКАИДЗЕ

*Северо-Осетинский
государственный университет г.
Владикавказ*

e-mail: tsisnamy@mail.ru

Геополитические интересы ведущих западных держав, отразились на их внешнеполитическом курсе в ближневосточном регионе, где с завершением Второй мировой войны в своих политических границах развивались обособленные друг от друга арабские государства.

Ключевые слова: Египет, Саудовская Аравия, британская стратегия, региональные интересы США.

Исходя из учета в мировой политике и международных отношениях роли и места ближневосточного региона, где обострившаяся военно-политическая обстановка и в XXI столетии высветила несхожесть позиций стран арабского мира; неспособность выработать механизм коллективных действий, неспособность адекватно реагировать на многие события как в регионе, так и международной арене, следует констатировать, что проблема консолидации и единства арабского мира по-прежнему актуальна. Одновременно, исследование эволюции внешнеполитической стратегии ведущих западных держав в 1940-х – начале 1950-х гг. позволяет выявить и объяснить истоки политических переломов, определивших вектор развития Ближнего Востока в XX в.

Арабская нефть неизменно имела притягательную силу: тот, кто имел преобладающие позиции в регионе, мог не только обеспечить себе высокие прибыли, но и обрести колоссальное политическое влияние на всем Ближнем Востоке¹.

Выражая благосклонность идее арабского единства в 1941, 1943 гг., в Лондоне наблюдали за созданием Арабской Лиги со значительным скептицизмом, хотя А. Иден – глава британского внешнеполитического ведомства – заявлял, что лейтмотивом английской политики станет «понимание» вопросов арабского единства. По словам посла Великобритании в Египте – лорда Киллерна: «Мы имеем долгосрочный интерес в поддержке арабского сотрудничества, в повышении материального благополучия и удовлетворения сентиментальных желаний этих стран, насколько позволяют наши имперские интересы»². Рассчитывая, что «династические и политические разногласия внутри ЛАГ требуют поддержки Англии, для предотвращения ее распада»³, с завершением Второй мировой войны «объединительной» доктрине стали придавать большее значение, поскольку она давала возможность завуалировать колониальные интересы Британской империи и вновь восстановить английское влияние.

Согласно подготовленному весной 1945 г. британскими военными стратегами докладу «Безопасность в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке», в послевоенный период в ближневосточном регионе неизбежно обострение англо-советских отношений. Посол Великобритании в СССР К. Керр в донесении А. Идену в июле 1945 г. отмечал, что СССР может стать препятствием на пути осуществления британской внешней политики в «старых» (колониальная империя, Ближний и Средний Восток) и «новых» (Германия, Австрия) «сферах влияния»⁴. В связи с этим предлагались меры по отражению эвентуального удара со стороны СССР. Стратегические резервы и главное административное руководство операциями в Центральном и Восточном Средиземноморье должны были дислоцироваться в Египте, где в зоне Суэцкого канала уже функционировала крупная военная база Великобритании.

¹ Чикаидзе Ц. М. Арабский Восток в политике ведущих западных держав в 20-40-е гг. XX в. // Ученые записки кафедры новой и новейшей истории Ставропольского государственного университета. Вып. 4. Ставрополь, 2011. С. 309.

² Louis Wm. The British Empire in the Middle East, 1945-1951: Arab Nationalism, the United States and Postwar Imperialism. Oxford, 1984. P. 128.

³ Архив Внешней политики Российской Федерации – АВП РФ. Ф. 56 Б. «Отдел печати. Материалы ТАСС». Оп. 9. П. 89. Д. 49. Л. 195.

⁴ Матвеев В. М. Британская дипломатическая служба. М., 1990. С. 20.

Послевоенные реалии требовали разработки новой внешнеполитической стратегии, что и стало основной задачей лейбористского правительства К. Эттли, а затем и консервативного – У. Черчилля (1951-1955 гг.). В соответствии с основным направлением этого курса правящие круги Великобритании, используя «особые отношения» с США и контроль над еще обширной империей, пытались изолировать в международном плане СССР.

Назначенный генеральным секретарем Лиги арабских государств египтянин Абдель Рахман Аззам, по убеждению аль-Хусри, не стесненный рамками, сосредотачивал в своих руках такие финансовые средства и власть, которой не располагал ни один арабский политический деятель. 21 декабря 1945 г. он заявил: «Лига занимает нейтральную позицию в международных вопросах и готова сотрудничать с государствами, протягивающими ей руку, но не собирается участвовать ни в каких блоках в целях оказания поддержки одной державе против другой»⁵.

Между тем, нарастало влияние национально-патриотических сил в странах Ближнего Востока, в том числе, стремление египетских властей добиться вывода иностранных войск с территории страны. Поэтому английские аналитики настаивали на внесении изменений в условия заключенного в августе 1936 г. англо-египетского договора, с целью сохранения гарантий военного присутствия в Египте⁶. «Экономист» 8 марта 1946 г. писал: «Сообщения о том, что английские войска оставили Персию 2 марта и покидают Сирию к 30 апреля, могут затронуть большое место Египта. Египтяне хотели бы знать такую же дату, поэтому министерство иностранных дел и военное министерство должны действовать быстро, если британское правительство не хочет иметь дело с апелляцией к Совету Безопасности»⁷. Великобритания планомерно провоцировала обострение международной обстановки в Средиземноморье, пытаясь убедить госдепартамент США в опасности возникновения «вакуума силы» в регионе, поскольку стоял вопрос о выводе британских войск из Египта, и готовилась к передаче на рассмотрение в ООН палестинского вопроса⁸. По мнению госсекретаря США К. Хэлла, в Великобритании не желали превалирования США в какой-либо части ближневосточного региона; вместе с тем, «не хотели, чтобы мы полностью утрачивали к нему интерес»⁹. Как отмечал впоследствии К. Эттли в своих мемуарах, ближневосточный регион со своей спецификой являлся районом, обеспечивающим заманчивую перспективу для любой державы¹⁰.

«Рейнольдс ньюс», анализируя политику Черчилля и Бевина, констатировала 26 мая 1946 г.: «План консерваторов в отношении Египта и других районов, находящихся под господством Англии является устарелой политикой – «что имеем, мы держим», которая могла бы увенчаться временным успехом, при сохранении огромной армии и использования ее для подавления поднимающегося национального движения цветных народов. Альтернативой является политика Э. Бевина, предполагающая замену господства сотрудничеством»¹¹. В «Нью стейтсмен энд нейшн» считали, что «здоровой английской стратегией является убедить арабов на Ближнем Востоке в том, что они могут только выиграть от сотрудничества с Англией. Такая политика должна проводиться твердо и последовательно, в противном случае решение отвести английские войска из Египта, которое могло стать началом новой эры подлинной англо-арабской дружбы, будет расцениваться арабами только как новый этап умиротворения»¹².

Египетская газета «Аль-Балаг», критикуя создание объединенной англо-египетской авиационной компании писала: «Авиационный пакт, заключенный между Египтом и Англией, – не коммерческая сделка, а политический договор между обеими странами. Этот пакт предоставит Англии контроль над нашим небом, и поэтому британская сторона ис-

⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 56 Б. Оп. 5. П. 21. Д. 6. Л. 234.

⁶ Чикаиде Ц. М. Некоторые аспекты внешнеполитической стратегии Великобритании на Арабском Востоке после Второй мировой войны // Дипломатическая служба. 2009. № 2. М., 2009. С. 62.

⁷ АВП РФ. Ф. 56 Б. Оп. 9. П. 89. Д. 48. Л. 9.

⁸ Пелипась М. Я. Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. Томск, 2003. С. 53.

⁹ The Memoirs of Cordell Hull. London, 1948. P. 1475.

¹⁰ Attley C. R. As it happened. L., 1954. P. 174.

¹¹ АВП РФ. Ф. 56 Б. Оп. 9. П. 89. Д. 48. Л. 130.

¹² Там же. Л. 17.

кажает факты, когда утверждает, что намеревается эвакуировать свои морские, воздушные и наземные силы из Египта»¹³.

Э. Бевин 4 июня 1946 г., выступая в Палате общин, заявлял: «Считаю, что советское правительство, а также США признают значение сохранения британских позиций на Ближнем и Среднем Востоке для мира при условии создания региональной организации, которая войдет в систему безопасности Объединенных Наций»¹⁴. В этот период египетская королевская миссия писала В. М. Молотову: «Это заявление при нынешнем положении, в котором находятся англо-египетские отношения, вероятно, имеет целью создать атмосферу двусмысленности по поводу благосклонного отношения, проявленного СССР к законным требованиям моей страны»¹⁵. Советский Союз, в свою очередь, прилагал усилия для разрядки напряженности в районе Ближнего и Среднего Востока. К 9 мая 1946 г. был завершён вывод воинских частей из Ирана, однако советская сторона так и не получила концессии и транзита к Персидскому заливу.

Декларируя готовность вести переговоры с Египтом, в Лондоне намеревались лишить дипломатию Советского Союза, добивавшегося прав на создание советских военных баз в черноморских проливах, возможности использовать ссылки на военное присутствие Великобритании в зоне Суэцкого канала¹⁶. В ходе переговоров с В. М. Молотовым Э. Бевин возражал против перспективы присутствия СССР в Средиземном море через подмандатную Триполитанию, мотивируя тем, что: «Британское правительство опасается того, как бы чего не случилось в Средиземном море, что разделило Британскую империю на две части»¹⁷.

Правительство США, заявив о готовности оказать военную помощь Турции, продемонстрировало стремление сузить сферу влияния СССР в Средиземноморье. Фактически отказавшись от муссирования территориальных проблем, советская дипломатия акцентировала внимание на черноморских проливах¹⁸. «Проблема, стоящая перед английской дипломатией, состоит в том, чтобы вытянуть Англию из круга агрессивной самозащиты, учитывая наличие проблем Проливов и Персидского залива в международной повестке дня»¹⁹. Намерения Британии предугадывали: журнал «Аль-Хавадис», издававшийся в Каире, писал в ноябре 1946 г.: «Англичане желают создать из Лиги военную английскую единицу, но этому противится Саудовская Аравия и Египет. Делаются попытки вновь вытаскивать проект создания «Великой Сирии». Англия задабривает Сирию, поддерживая ее кандидатуру в Совете Безопасности. Эти усилия направлены на создание прочного фронта против Советского Союза за спиной Турции, защищая, таким образом, Проливы и охраняя «английское» Средиземное море от влияния СССР»²⁰. Придерживаясь радикальных взглядов, премьер-министр К. Эттли предлагал вывести британские войска, аргументируя тем, что Ближний Восток не обладает большой стратегической ценностью, сохранение британского военного присутствия вызовет враждебность Советского Союза и станет слишком дорогостоящим. Однако эти предложения не были поддержаны кабинетом министров. Британское военное присутствие считалось необходимым ввиду нефтяного фактора, сохранения торговых связей и морских коммуникаций. Глава штаба планирования Министерства авиации утверждал, что экономические потери, вызванные уходом, будут стоить больше, чем расходы по содержанию войск.

Лейбористский еженедельник «Трибюн» 31 мая 1946 г., подводя некоторые итоги ближневосточной политики, писал: «Лига, являясь организацией представителей социальной верхушки арабских стран, не обеспечивает политической стабильности той или иной арабской страны. Она создает для Англии ложное впечатление безопасности, но это довод против того, чтобы рассчитывать на ЛАГ, как замену конструктивной английской политики на Ближнем Востоке. В связи с тем, что никто не поддерживал дела арабов, они

¹³ АВП РФ. Ф. 06. «Секретариат В. М. Молотова». Оп. 8. П. 23. Д. 339. Л. 16.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 34. Д. 523. Л. 10.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Кент Дж. Египетская база и оборона Ближнего Востока, 1945-1954 // Британия и Россия. М., 1997. С. 90-91.

¹⁷ Нарочницкая Н. Старый «Восточный вопрос» в новой англосаксонской политике // Международная жизнь. 2001. № 8. М., 2001. С. 85-86.

¹⁸ Улунян А. А. Балканы: горячий мир холодной войны. Греция и Турция между Западом и Востоком. 1945-1960 гг. М., 2001. С. 44.

¹⁹ АВП РФ. Ф. 56 Б. Оп. 9. П. 89. Д. 48. Л. 148.

²⁰ Чикаиде Ц. М. Некоторые аспекты внешнеполитической стратегии Великобритании на Арабском Востоке после Второй мировой войны // Дипломатическая служба. 2009. № 2. М., 2009. С. 62.

обратились к нацистам в 1941 г. и обращаются к русским в 1946 г. Если арабы и англичане не осознают «нужд» арабского мира, никто не сможет остановить события, которые приведут к дальнейшему вытеснению британского влияния и распаду арабского мира в том его виде, каким он был создан после Первой мировой войны²¹.

В сентябре 1946 г. А. Аззам сообщил Э. Бевину, что Арабская лига имеет достаточно сил для рассмотрения в ООН ряда вопросов. Соединенное Королевство не хотело ставить под угрозу связи с Египтом. Египтяне держали в руках антибританский хлыст, потому что Аззам крепко держал Арабскую лигу²². Оставить Египет без соглашения означало бы, что престиж Великобритании на Ближнем Востоке будет поколеблен²³. Цель – убедить государства региона в том, что Великобритания серьезно относилась к их обороне, хотя и не обладала для этого достаточными возможностями, должна была стать пунктом британской стратегии, направленной на сохранение влияния в регионе. Ситуация в английской экономике, связанная с недостаточными золотовалютными резервами, вынуждала правительство Великобритании рассматривать перспективы сокращения оборонных расходов, в том числе, и за счет уменьшения зарубежного военного присутствия. В октябре 1946 г. «Эттли представил доклад, формулирующий военные функции Англии на Ближнем и Среднем Востоке, к которым относится защита межконтинентальной магистрали Гибралтар – Средиземное море – Суэцкий канал – Индийский океан; защита аэродромов на Среднем Востоке; защита нефтяных интересов в Иране и Ираке, сохранение связи с арабским миром и укрепление дружбы с Турцией»²⁴. По мнению видного деятеля Форин Офис Гарольда Били, «Арабская Лига (или альтернативный азиатско-арабский блок) будет выглядеть как естественный преемник Османской империи в стратегии Британского Содружества, выполняющая роль буферной зоны, и изолируя Индийский океан от влияния западных стран»²⁵.

Королевская миссия Египта – В. М. Молотову 16 мая 1947 г.: «Египет решил добиться эвакуации британских войск со всей территории страны. Добивается полной независимости и полного равенства в качестве члена организации Объединённых Наций. В связи с тем, что переговоры не привели к позитивному результату, королевское правительство прервало их и решило передать разногласия, существующие между Египтом и Великобританией, в Совет Безопасности. Зная основные принципы, на которых базируется внешняя политика СССР, я уверен, что Египет в своей борьбе найдет мощную поддержку Советского Союза»²⁶.

В послевоенные годы Соединенные Штаты, подталкивая Англию к «уходу» с Ближнего и Среднего Востока, тем не менее, вынуждены были считаться с тем, что лишь Великобритания реально в военном отношении присутствует в ближневосточном регионе²⁷. «Нам англичанам, необходимо с некоторой осторожностью искать свой путь между двумя «великанами» – констатировал У. Черчилль. «Очевидно, что США не будут пассивно стоять в стороне, в то время как англичане станут уходить с Ближнего Востока. Американцы начали осуществлять обширную нефтяную программу в Саудовской Аравии, ведут переговоры относительно создания сети авиатрасс и авиабаз, а также предлагают арабским государствам крупные займы для их развития, усиливая, в то же время, поддержку сионизма»²⁸.

В объединенном комитете начальников штабов США сочли, что следует поддержать усилия Великобритании по сохранению контроля в зоне Суэцкого канала, но взамен потребовать от Лондона не выводить войска из Греции. Интересы Британской империи в ближневосточном регионе, диктовали курс на сближение Соединенными Штатами. В Лондоне надеялись на отношения, сформулированные Е. Баркер: «Американцы выделя-

²¹ АВП РФ. Ф. 56 Б. Оп. 9. П. 89. Д. 49. Л. 195.

²² Louis Wm. The British Empire in the Middle East. 1945–1951. P. 136.

²³ Цит. по: Кент Дж. Египетская база и оборона Ближнего Востока, 1945-1954 // Британия и Россия. М., 1997. С. 104.

²⁴ АВПРФ. Ф. 56 Б. Оп. 9. П. 89. Д. 51. Л. 13.

²⁵ Louis Wm. The British Empire in the Middle East. 1945–1951. P. 139.

²⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 51. Д. 759. Л. 5-6. Королевская миссия Египта – В. М. Молотову. 16 мая 1947.

²⁷ Пелипас М. Я. Указ. соч. С. 66.

²⁸ АВПРФ. Ф. 56 Б. Оп. 9. П. 89. Д. 50. Л. 202.

ют средства, англичане – свой опыт, знания, престиж в тех районах, которые традиционно считались британскими сферами влияния»²⁹.

В борьбе за влияние в этом регионе попытки британского правительства противопоставить этим факторам искусство своих дипломатов существенного успеха не давали. К тому же госдепартаментом использовалось то обстоятельство, что антиимпериалистическая борьба народов Арабского Востока шла главным образом под антианглийскими лозунгами. В октябре 1946 г. «Обсервер» констатировал: «Три дивизии, находящиеся в Палестине, представляют единственную крупную силу, оставшуюся у Англии на Ближнем Востоке и восточной части Средиземноморья. Египет же придется постепенно исключить из долгосрочных планов»³⁰. Египет, осуждая в ООН британский империализм, требовал вывода британских войск с египетской территории, а также ликвидации британской администрации в Судане. Требование Египта советская делегация сочла обоснованным, поддержав страну 20 августа 1947 г. в Совете Безопасности ООН³¹. Британское правительство доказывало неправомерность претензий Египта, ссылаясь на условия договора 1936 г. При обсуждении данного вопроса в Совете Безопасности в августе 1947 г. возникли разногласия между членами совета, и не было принято никакого решения.

Английские политики задавались вопросом: как поступит ЛАГ в дальнейшем при антибританском настрое; поощрять ли арабские страны к исключению Египта или же управлять Египтом через Лигу. Официальный Лондон, выбрав новую тактику, вел себя, будто все, что может заменить Арабскую Лигу, будет хуже. Лигу сочли нужной. «Британия не найдет соответствующих средств контролирующим Аззаму, но он знает меру, в отличие от экстремистских и ксенофобских деятелей, которые могли бы его заменить»³². До начала арабо-израильской войны 1948-1949 гг. позиция Великобритании оставалась фактически неизменной. Отчасти, потому что Лига своим «горячим воздухом» служила неким предохранительным клапаном.

Расхождение Арабской лиги с ближневосточной политикой Великобритании отнюдь не привели автоматически к консолидации арабских стран. Между ними были и существуют противоречия. «Объединительная» тенденция в арабской политике Англии – это не самоцель, а средство, которое в случае его неэффективности отбрасывается и заменяется противоположным³³. Осуществлению эффективного межарабского сотрудничества препятствовали группировки, находящиеся у власти в арабских государствах, а их негативное отношение к арабскому единству во многом было обусловлено влиянием Великобритании и США. Как только возникала тенденция к укреплению отношений между какими-либо двумя членами ЛАГ в общих политических вопросах, остальные участники стремились сорвать намечаемые планы под предлогом сохранения «равновесия». «Теория равновесия» поддерживалась Лондоном, стремившегося в целях укрепления позиций на Арабском Востоке усилить соперничество между королевскими династиями Хашимитов и Саудитов. Образование Израиля способствовало относительному сплочению арабских государств. Фактор реальной (или эвентуальной) угрозы со стороны нового государства создавал дополнительные возможности региональной элите для стабилизации внутривосточного положения в своих странах.

В связи с подъемом национально-освободительного движения в Египте и Иране и ослаблением позиций в Палестине в Лондоне повысилось политическое и военно-стратегическое значение Сирии и Ливана, Трансиордании и Ирака.

В госдепартаменте отрицательно относились к «объединительным» доктринам Лондона, так как они могли помешать «продвижению» США. Кризис колониальной системы поставил под удар английские базы, следовательно, ближневосточные страны не могли рассматриваться Лондоном в качестве военных союзников. Ливанский национальный конгресс в октябре 1947 г. резюмировал: «Пропаганда западных государств выдумала миф о «коммунистической или красной опасности», которая якобы угрожает нам. В действительности опасностью для нас является пребывание на Арабском Востоке ино-

²⁹ Barker E. Britain in a Divided Europe. 1945-1970. L., 1971. P. 100.

³⁰ АВП РФ. Ф. 56 Б. Оп. 9. П. 89. Д. 51. Л. 20.

³¹ Известия, 22 августа 1947.

³² Louis Wm. The British Empire in the Middle East. 1945-1951. P. 144.

³³ Glubb J. B. Britain and Arabs. L., 1959. P. 270. Политика Англии на Ближнем и Среднем Востоке (1945-1965). С. 21-22.

странных войск, навязанные нам договоры с целью эксплуатации материальных и людских ресурсов арабских стран. Лучше мы будем вести свою политику самостоятельно»³⁴. Взрыв панарабской националистической практики, ставшей результатом вступления арабского мира после Палестинской войны 1948–1949 гг. в эпоху потрясений и дестабилизации, создавал в течение последующего периода «центры силы», претендовавшие на роль объединителей арабского мира. Ими, в первую очередь, стали насеровский Египет и, в меньшей степени, баасистские Сирия и Ирак³⁵.

В условиях политики как взаимного сдерживания между Соединенными Штатами и Советским Союзом, Великобритания и США инициировали процесс создания военно-политических блоков с привлечением арабских государств. Основой нового оборонного союза должен был стать Египет, чей политический авторитет на Востоке, уникальное геостратегическое расположение, налаженная в годы британского мандата инфраструктура являлись значимыми аргументами в его пользу.

Идея создания этого военного блока еще не подразумевала однозначного отхода Великобритании на второй план. Сильные позиции англичан в хашимитских Ираке и Иордании вынуждал США считаться с Лондоном. Официально Англия должна была занять главное место в блоке, однако, без экономического содействия США поддерживать свои силы регионе стало невозможно. Вероятнее всего американцы имели бы решающее слово в морском и общем командовании, в обмен, согласившись со стремлением англичан приступить к созданию командования наземных и военно-воздушных сил на Ближнем и Среднем Востоке – с участием арабов или без них³⁶.

В 1950 г. министру иностранных дел Египта Салах ад-Дину в обмен на согласие Египта на вступление в систему совместной обороны и признание Израиля была обещана помощь США³⁷. Египет не хотел получать помощь на столь категоричных условиях. Египетская сторона парировала тем, что в случае отказа Великобритании и США предоставить независимость и оружие, страна вынуждена будет обратиться к другим державам. Согласно достигнутой договоренности, 7 марта 1948 г. в торговле между СССР и Египтом применялся режим наиболее благоприятствуемой нации³⁸. Министр иностранных дел Египта заявлял в апреле 1950 г., что ни один арабский лидер не желает прихода к власти коммунистов, но если Запад будет продолжать игнорировать арабские просьбы, то «Египет не будет видеть никаких сложностей в получении оружия от России или заключения неагрессивного договора, который сделает присутствие английских войск невозможным»³⁹.

Сохранение позиций на Ближнем Востоке, наряду с англо-советскими, англо-американскими отношениями стали для У. Черчилля приоритетными в период второго премьерства. Им болезненно воспринималось ослабление британского влияния в арабском мире, он отдавал предпочтение военному конфликту с Египтом, в котором египтянам «будет дан урок»⁴⁰. В самой Великобритании здраво оценивали политические реалии. «Лейбористское правительство, дезинформированное своими советниками, стало опираться на реакционные круги, поддерживая Лигу арабских стран, в надежде приобрести кратковременное обеспечение английских интересов за счет евреев и французов. Однако эта безответственная игра лежит в основе большой катастрофы, претерпеваемой Великобританией на Ближнем Востоке»⁴¹. После неудачных переговоров Египет в октябре 1951 г. денонсировал англо-египетский договор 1936 г. Иракскому премьеру Нури Саиду предстояло выступить в роли посредника в англо-египетских переговорах, которые вели в Лондоне вновь в ранге министра иностранных дел – А. Иден и египетский посол в Лондоне Амр-паша. Иракское руководство считало, что, приняв участие в создании линии обороны против Советского Союза, Ирак сможет стать связующим звеном между арабскими странами и Западом, а впоследствии и доминировать в арабском мире. Демонстрируя верность принципам

³⁴ АВП РФ. Ф. 56 Б. Оп. 1. П. 23. Д. 53. Л. 12.

³⁵ Ат-Турки Маджид бен Абдель Азиз. Саудовско-российские отношения в глобальных и региональных процессах (1926–2004 гг.). М., 2005. С. 250–251.

³⁶ АВП РФ. Ф. 56 Б. Оп. 1. П. 22. Д. 51. Л. 247.

³⁷ Сейранян Б. Г. Египет в борьбе за независимость 1945–1952. М., 1970. С. 168.

³⁸ Известия, 7 марта 1948.

³⁹ Podeh, Elie. The drift towards neutrality: Egyptian foreign policy during early Nasserist Era, 1952–1955 // Middle Eastern Studies. 1996. №1. P. 3.

⁴⁰ Meyer G. Egypt and the United States. The Formative Years. L., 1980. P. 58–59.

⁴¹ АВП РФ. Ф. 56 Б. Оп. 1. П. 22. Д. 51. Л. 99.

арабского единства, Нури Саид приостановил присоединение Ирака к блоковому процессу до подписания англо-египетского соглашения о статусе Суэцкой базы. Правительство СССР сочло необходимым заявить, что вовлечение стран ближневосточного региона в СВК рассчитано на превращение их территории в плацдарм вооруженных сил государств, возглавляющих НАТО⁴². Советский посланник в Египте С. П. Козырев поставил в известность правительство Египта 22 июня 1952 г., что предлагаемое четырьмя западными державами оборонное командование вовлечёт страны региона в «агрессивную авантюру». Участие Египта в таком проекте будет рассматриваться Советским Союзом «как недружественный, а, возможно, и как враждебный акт»⁴³. В Каире жесчитали, что «Египет не вступит в переговоры о создании средневосточного командования. Оборона арабских и средневосточных государств относится только народам этих стран»⁴⁴.

С национализацией нефтяной промышленности Ирана в 1951 г. и революции в Египте в 1952 г. Британской империи был нанесен сильнейший удар. Пытаясь удержаться в районе Персидского залива, Великобритания в 1950-1952 гг. организовала ряд встреч правителей эмиратов для объединения полицейских сил, таможенного управления, валютной системы, почты Бахрейна, Катара, Кувейта, Договорного Омана и Маската⁴⁵. Действия Великобритании в данном направлении вызвали в Вашингтоне негативную реакцию. Вскоре Саудовской Аравией был занят оазис Эль-Бурайми, располагавший значительными залежами нефти. «Интересам США отвечает сохранение территориальной целостности Саудовской Аравии», – писал Трумэн 31 октября 1950 г. эмиру Фейсалу, отмечая, что любая угроза королевству вызовет озабоченность Соединенных Штатов⁴⁶. Позднее стало очевидно, что воевать США из-за Эль-Бурайми с Великобританией не станут.

В июне 1952 г. английское правительство заявило: «Мы все еще стремимся достичь соглашения с Египтом и другими заинтересованными странами, которое даст возможность создать систему обороны, что позволит вывести наши войска. Но мы опасаемся, как бы не возник опасный и соблазнительный вакуум в таком жизненно важном районе»⁴⁷. Отказ арабских стран войти в единый военный блок с Великобританией и США, которые рассматривались уже в качестве новой колониальной державы, с проникновением которой нужно бороться, как и с британским колониализмом, изменил тактику Вашингтона. Соединенные Штаты стали заключать двусторонние соглашения с правительствами лояльных государств; план создания единого военного блока арабских государств был временно отложен. «Египет пытается убедить США, что если они окажут нажим на Великобританию с целью заставить ее согласиться на эвакуацию, то смогут рассчитывать, что позднее Египет станет сотрудничать с ними в создании системы обороны»⁴⁸. Впоследствии министр национального руководства Египта Гагал на пресс-конференции 8 апреля 1953 г. заявил, что все попытки заменить английскую оккупацию зоны Суэцкого канала чем-либо другим с целью обеспечить безопасность этого района, рассматривается как смена декораций, при которой оккупация будет продолжаться⁴⁹.

В январе 1953 г., с приходом в Белый дом республиканской администрации Дуайта Эйзенхауэра, внешнеполитическое ведомство США возглавил Джон Фостер Даллес, считавший одной из основных задач вовлечение стран ближневосточного региона в антисоветский военный союз, который должен был стать продолжением НАТО. Осуществленный в мае вояж госсекретаря по Ближнему Востоку не принес ощутимых результатов. Как показали последующие события, для большинства арабских лидеров опасность представлялась со стороны Великобритании Франции и Израиля, и локальные проблемы имели для них явный приоритет над советско-американской «холодной войной»⁵⁰. Если призыв Вашингтона о противостоянии «советской экспансии» и вступлении в военные блоки в Анкаре и Тегеране воспринимали благосклонно, то антикоммунистическая доктрина Запада для Арабского Востока

⁴² Известия. 29 января 1952.

⁴³ АВП РФ. Ф. 07. – Фонд А. Я. Вышинского. Оп. 27. П. 43. Д. 179. Л. 1.

⁴⁴ АВП РФ. Ф. 56 Б. Оп. 1. П. 23. Д. 53. Л. 86.

⁴⁵ Бодянский В. Л. Современный Кувейт (справочник). М., 1971. С. 140.

⁴⁶ См.: Васильев А. М. Король Фейсал: личность, эпоха, вера. М., 2010. С. 208.

⁴⁷ АВП РФ. Ф. 56 Б. Оп. 1. П. 2. Д. 50. Л. 61.

⁴⁸ АВП РФ. Ф. 56 Б. Оп. 1. П. 23. Д. 53. Л. 19.

⁴⁹ Там же. Л. 86.

⁵⁰ Васильев А. М. Король Фейсал: личность, эпоха, вера. М., 2010. С. 207.

была малопонятна. Давление, оказываемое США, Англией и Францией, вызывало обратную реакцию, усиливая потенциал советской политики в регионе.

Корректировка египетской политики США проводилась с учетом политических изменений. Молодые, деятельные офицеры готовы были приложить максимум усилий для упрочения позиций Египта, хотя в Вашингтоне рассматривали страну пирамид в качестве орудия в антисоветской борьбе. Стокгольмская газета «Ню даг» 14 марта 1953 г. отмечала: «События в Египте, включая попытки переговоров представляют собой эпизоды англо-американского соперничества за господство на Ближнем Востоке. Выдвигая Нагиба, американцы пытаются вытеснить Англию с ее политических и военных позиций в Египте, но английская сторона оказывает упорное сопротивление, организовав заговор против генерала»⁵¹. М. Нагиб стал президентом и главой правительства провозглашенной 18 июня 1953 г. республики. Посты вице-преьера и министра внутренних дел занял Г. А. Насер. Игнорируя возражения британского внешнеполитического ведомства о договоренности по координации действий, официальный Вашингтон уведомил правительство Египта о намерении оказать помощь в переподготовке офицерских кадров.

Разрыв политически неравноправных договоров с метрополией, ликвидация военного присутствия Запада, укрепление собственных вооруженных сил как средства защиты национального суверенитета и престижа, развитие независимой экономики, предполагающей ликвидацию привилегированных позиций иностранного капитала – становилось задачей государственной важности для арабских лидеров. Та внешняя сила, которая могла воплотить свою политику с этими чаяниями народов и амбициями новых политических элит, становилась их союзником. И лишь декларированная политика Советского Союза в тот период отвечала общему направлению исторического процесса в регионе⁵². Несостоятельность местных компартий и невосприимчивость населения к коммунистической идеологии в целом нейтрализовали опасения распространения коммунизма. Очевидные успехи СССР в военной, социальной и промышленной сфере, сам термин «социализм» становились понятными для политических элит. Подтверждением тому станут дальнейшие события в регионе. В Москве происходящее воспринимали прагматично: как открытие новых возможностей и собственно осуществление общих политических интересов.

ARAB EAST: PRINCIPLES OF COEXISTENCE (1945 – EARLY 1950S.)

Ts. M. CHIKAI DZE

*North-Ossetian State University,
Vladikavkaz*

e-mail: tsisnamy@mail.ru

Geopolitical interests of leading western powers, were reflected in their foreign policy in the Middle East region, where with completion of the Second World War, in the political borders separately from each other Arab states developed.

Key words: Egypt, Saudi Arabia; British strategy, regional interests of the USA

⁵¹ АВП РФ. Ф. 56 Б. Оп. 1. П. 143. Д. 322. Л. 59.

⁵² См. Васильев А. М. Король Фейсал: личность, эпоха, вера. М., 2010. С. 208-209.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47)

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГУБЕРНСКИХ КАНЦЕЛЯРИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII ВЕКЕ

А. А. КОЛОТУШКИН*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: kolotushkin@list.ru*

Статья посвящена проблеме государственного регулирования деятельности губернских канцелярий в XVIII в. Анализ законодательных актов позволяет говорить о том, что на протяжении всего времени их существования Сенат оставлял за собой право тотального контроля за всеми аспектами их функционирования, ограничивая в данных вопросах компетенцию губернаторов.

Ключевые слова: Российская империя, Сенат, указы, губернская канцелярия, секретарь, штаты, служащие канцелярии.

Появление губернских канцелярий в системе местного управления Российской империи связано с проведением Петром I в декабре 1708 г. губернской реформы и опубликованием именного указа «Об учреждении губерний и о расписании к ним городов»¹. Прекращение же функционирования этих субъектов власти связано с принятием императрицей Екатериной II в 1775 г. не менее важного в государственном отношении «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», согласно которому вместо губернских канцелярий были учреждены губернские правления². На протяжении почти семидесяти лет губернские канцелярии являлись важнейшим органом региональной власти, и в течение всего этого времени их деятельность регулировалась из столицы империи с помощью целого ряда издаваемых законодательных актов. Данная регламентация касалась множества аспектов функционирования губернских канцелярий, в частности, таких как их состав и его формирование, круг полномочий как главы учреждения, так и остальных служащих, их материальное обеспечение, взаимоотношения с главой губернии.

Пожалуй, одним из важнейших для рассмотрения является вопрос о том, как складывались отношения правителей губерний с губернскими канцеляриями. Как утверждал историк Ю. В. Готье, канцелярия была орудием власти губернаторов и воевод, и в глазах современников это обстоятельство иногда выдвигало канцелярию на первый

¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание 1. (далее – ПСЗ РИ-1). Т. IV. № 2218. СПб., 1830. С. 436-438.

² ПСЗ РИ-1. Т. XX. № 14392. С. 231-232.

план, придавало ей больше значения и отождествляло ее с действительным органом власти³. По словам другого исследователя П. Н. Мрочек-Дроздовского, нередко выражения «такая-то губернская канцелярия», «такая-то губерния», «такой-то губернатор» в законодательных актах употреблялись как синонимы, тем самым, губернатор являлся воплощением областного управления, и его имя вполне могло заменить собой название местного учреждения, в частности губернской канцелярии⁴. Подобную мысль высказывал и И. А. Блинов, указывая, что, несмотря на это, «губернатор не сливался с губернской канцелярией, которая имела вполне отдельное существование»⁵.

Законодательным актом, наиболее подробно регламентирующим взаимодействие данных управленческих субъектов, явилось «Наставлением губернаторам», вышедшее в первые годы правления императрицы Екатерины II в 1764 г. Согласно ему, губерские канцелярии должны были состоять в «точной губернаторской дирекции». В обязанности главы губернии вменялось разделение должностных полномочий между служащими канцелярии, и хоть губернатору, в силу наличия и без того огромного количества забот, допускалось не присутствовать в канцелярии на обсуждении обыденных «тяжебных дел», однако в случае значительного промедления в их решении канцелярскими служащими, а также в случае несогласия с этими решениями, губернатор сам должен был довести данные дела до конца⁶. Но при решении важнейших вопросов, касающихся, к примеру, выдачи денег, откупов и казенных подрядов, губернатор на заседаниях губернской канцелярии присутствовать был должен. В случае поступления в столицу жалоб на неправомерную деятельность как губернатора, так и его канцелярии, и после подтверждения данных нарушений Юстиц-коллегией или иной коллегией, штраф должен был накладываться на одну лишь губерскую канцелярию, а дело губернатора должно было передаваться в Сенат для дальнейших разбирательств. Если же государственное учреждение, имеющее право отсылать в губерскую канцелярию указы, сочтет ее деятельность неудовлетворительной, то данное учреждение имело полное право жаловаться на нее губернатору, а ежели и сама губернаторская служба была далека от идеала, то учреждение и губернский прокурор могли доносить на него в Сенат, который в свою очередь назначал ответственных за рассмотрение указанных нарушений и составлял собственный доклад по этому делу⁷. Все секретные дела, исходящие из Сената и трех главных коллегий, должны были отсылаться лично губернатору, а не в губерскую канцелярию, и для переписок с упомянутыми государственными учреждениями главе губернии надлежало иметь при себе одного секретаря. Губернатор после выхода указа теперь мог отстранять от должности всякого служащего губернии, но при этом обязан был объяснить Сенату причины, побудившие его принять такое решение⁸. Этот факт также бесспорно свидетельствует о главенствующей роли губернаторов в своих губерниях. Необходимо отметить, что и до выхода «Наставления» 1764 г. издавались постановления, разграничивающие компетенцию главы губернии и губернской канцелярии. Примером тому можно считать указ от 19 октября 1759 г., предписывающий однодворческим управителям, находящимся в некоторых губерниях для контроля за однодворческим населением, быть в подчинении у одних губернаторов, а губернской канцелярии давалось указание «в ведомство тех управителей не вступать»⁹.

Тему отношений губернаторов и губерских канцелярий продолжает и сенатский указ от 22 января 1767 г., касающийся процедуры обмена бумаг между ними. В указе отмечалось, что из-за нерегламентированного «обряда переписки» между губернаторами и губерскими канцеляриями, что, в частности, не было сделано и в «Наставлении губер-

³ Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. М., 1913. С. 259.

⁴ Мрочек-Дроздовский П. Н. Областное управление России XVIII в. до Учреждения о губерниях 7 ноября 1775 г.: Историко-юридическое исследование. Ч. 1.: Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708-1719 гг.). М., 1876. С. 74-75.

⁵ Блинов И. А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 68.

⁶ ПСЗ РИ-1. Т. XVI. № 12137. С. 717.

⁷ Там же.

⁸ История Правительствующего Сената за двести лет. 1711-1911 гг. Т. 2. / Сост. А. Э. Нольде, М. А. Полиэктв, А. Е. Пресняков, Н. Д. Чечулин. СПб., 1911. С. 366.

⁹ ПСЗ РИ-1. Т. XV. № 10998. С. 383-384.

наторам» 1764 г., происходят значительные затруднения¹⁰. Поэтому вводилась следующая регламентация документообмена: в случае если губернатор был занят собственными государственными делами и не мог присутствовать на общем заседании, то губернская канцелярия должна была отправлять ему мемории, а тот в свою очередь должен был отсылать в канцелярию предложения¹¹.

Следующим важным для рассмотрения аспектом, затрагивающим деятельность губернских канцелярий, является должность и компетенция лиц, их возглавляющих. Во главе канцелярии стоял секретарь, являвшийся правой рукой и помощником губернатора. Секретарь губернской канцелярии имел чин 12 класса по «Табели о рангах», и назначение на эту должность давало право для дальнейшего карьерного роста. Как в петровское время, так и позже обыденным было наличие в канцелярии нескольких секретарей, что объяснялось достаточной сложностью канцелярской службы и огромным количеством решаемых дел. Окончательно данная практика была утверждена в 1732 г. Однако стоит отметить, что в документах государственного законодательства о штатных постановлениях 1732 г. сведений нет, но информацию о них можно вычлениить из делопроизводственной документации ряда отдельных губернских и воеводских канцелярий.

Число секретарей в канцелярии в разных частях страны было неодинаковым, и одним из основных критериев их количества являлась численность населения губернии, то есть где населения было больше, там соответственно и больше насчитывалось секретарей. Порядок замещения глав канцелярии был регламентирован еще Петром I. Так, в Генеральном регламенте 1720 г. содержалось наставление выбирать их президентам и членам коллегий с дальнейшим представлением выбранных кандидатур в Сенат¹². А указ от 31 января 1724 г. относил секретарскую должность к таким, которые должны замещаться дворянами, однако те, кто происходили из подьяческого чина, и зарекомендовали себя на службе, могли с особого позволения Сената вместе с чином секретаря получить и свое место в «Табели о рангах», а затем и дворянство при достижении необходимого ранга¹³. Подобное послабление выражалось и в указе от 22 апреля 1726 г., по которому в то время, когда выбранные из дворянства лица проходят обучение приказной службе, в губернии в секретари дозволялось производить и приказных людей по представлениям губернаторов и его товарищей¹⁴.

Изменения в системе местного управления в послепетровскую эпоху дворцовых переворотов в целом мало коснулись должности секретаря губернской канцелярии. Одним из основных постановлений этого времени, касающийся секретарской службы, являлся именной указ от 22 октября 1737 г., согласно которому обязательным было составление списков всех секретарей с указанием срока их пребывания в должности, жалования, наград или наоборот наказаний и пересмотр их с целью выявления непригодных к службе и отрешения их от дел¹⁵. В указе также содержался призыв ограничить число секретарей в канцеляриях таковым, какое существовало до 1725 г., а остальных секретарей требовалось назначить на другие чиновнические должности, либо в случае их непригодности к делопроизводству совсем отстранять от работы. При замещении секретарских должностей в губерниях необходимо было назначать их из сенатских, синодских и коллежских канцеляристов, а уже на место этих служащих брать подьячих из городов, которые в дальнейшем смогут стать кандидатами на место губернских секретарей¹⁶.

Несмотря на строгую регламентацию секретарских назначений, постановления упомянутого закона 1737 г. неоднократно нарушались, и губернаторы зачастую определяли кандидатов на должность секретаря самовольно, без ведома Сената. Подобные нарушения предопределили выход указа от 3 мая 1742 г., который запретил губернаторам самим как назначать секретарей, так и отрешать их от должности, подтвердив за Сенатом

¹⁰ ПСЗ РИ-1. Т. XVIII. № 12824. С. 29.

¹¹ Там же.

¹² ПСЗ РИ-1. Т. VI. № 3534. С. 146.

¹³ ПСЗ РИ-1. Т. VII. № 4449. С. 226.

¹⁴ ПСЗ РИ-1. Т. VII. № 4873. С. 645.

¹⁵ ПСЗ РИ-1. Т. X. № 7410. С. 322.

¹⁶ Там же. С. 323.

право быть главным органом, ответственным за назначения чиновников на местах¹⁷. А вышедший чуть позже указ от 4 июня 1744 г. запретил в свою очередь назначать на должность секретарей протоколистов и нотариусов, что также часто совершалось губернаторами¹⁸. В январе 1761 г. Сенат одобрил право производить в секретари губернских канцелярий сенатских регистраторов, коллежских протоколистов и провинциальных секретарей, а губернских секретарей, набранных из указанных лиц, разрешалось в дальнейшем переводить только в секретари коллежские¹⁹. Стоит отметить также, что секретарям, которые по своему происхождению не являлись дворянами, не разрешалось покупать крестьян и деревни. Положение секретарей не из дворян значительно улучшилось после выхода указа Петра III о вольности дворянства, так как приказная служба стала более открытой для недворянских сословий. Некоторая демократизация в этом отношении прослеживается и в первые годы правления Екатерины II. Так, по указу от 12 января 1767 г. губернаторам было даровано право представлять в Сенат по три кандидата на должность секретарей как из своих, так и из других мест²⁰. Также всегда занять должность секретаря мог человек, ранее исполнявший эту должность, но смененный и находившейся не при деле. Мог он это сделать, если только не был ранее замечен в серьезных служебных нарушениях. Также в первое время своего царствования императрица в 1763 г. издала указ о штатах государственных учреждений, согласно которому в губернских канцеляриях было учреждено по три секретарские должности.

Обязанности секретаря канцелярии также были прописаны в законодательстве. Еще в Генеральном регламенте 1720 г. дается подробная характеристика секретарской должности в целом. Согласно документу, секретарь обязан был выполнять следующую работу: делать доклады, собирать указы, грамоты, письма, реляции, а также доносить о них на заседаниях²¹. По самым важным делам секретарь должен был сам составлять необходимые бумаги, а другие менее важные дела он раздавал для исполнения своим подчиненным, исходя из их должности. Не менее важной обязанностью являлся надзор за деятельностью служащих губернской канцелярии. Важность секретаря в системе местного управления подчеркивалась и государственным постановлением от 26 июня 1732 г., согласно которому каждый губернатор, сдающий свои полномочия, должен был приезжать в Москву для подробного отчета, и на этот отчет необходимо было брать с собой одного секретаря²². Понятное дело, что губернатору приходилось считаться с секретарями губернской канцелярии, так как от них в какой-то мере зависела его будущая служебная деятельность. В дальнейшем один из секретарей должен был ведать крепостными делами, об этом говорилось в специальном указе от 23 августа 1737 г.²³ На секретаря возлагалась и обязанность следить за реализацией в губернии гербовой бумаги, собирать от воевод рапорты о ее продаже и количестве собранных денег и после подписания бумаг губернатором отсылать их в Коммерц-коллегию²⁴.

Рассмотрим теперь структуру губернских канцелярий. В большинстве случаев она состояла из канцеляристов, подканцеляристов и копиистов. Порою к составу канцелярии причислялись и ближайшие помощники губернатора – вице-губернаторы и губернаторские товарищи²⁵. Однако Генеральный регламент предполагал наличие и таких чиновников, как нотариусы, переводчики, актуариусы и регистраторы, но в системе местного управления они значились редко. Также можно заметить, что в регламенте отсутствует должность подканцеляриста, так как ее появление является вынужденной мерой, обусловленной скорее практической надобностью. До выхода данного акта губернская канцелярия состояла из подъячих старшей, средней и младшей статей, и введение должно-

¹⁷ ПСЗ РИ-1. Т. XI. № 8550. С. 599-600.

¹⁸ ПСЗ РИ-1. Т. XII. № 8956. С. 132.

¹⁹ Готье Ю. В. Указ. соч. С. 269.

²⁰ ПСЗ РИ-1. Т. XVIII. № 12815. С. 7.

²¹ ПСЗ РИ-1. Т. VI. № 3534. С. 151.

²² ПСЗ РИ-1. Т. VIII. № 6104. С. 862.

²³ ПСЗ РИ-1. Т. X. № 7354. С. 248.

²⁴ ПСЗ РИ-1. Т. IX. № 6787. С. 559-600.

²⁵ Блинов И. А. Указ. соч. С. 68.

сти подканцеляриста стало своего рода данью прошлым временам²⁶. Численность же служащих губернских канцелярий была не везде одинаковой.

В 1726 г. были установлены штаты губернских канцелярий, которые насчитывали одного секретаря, четыре канцеляриста и восемь копиистов²⁷. Имелись в составе канцелярии и сверхштатные служащие, не получавшие жалования и жившие за счет подношений населения при обращении в канцелярию. После постановлений 1727 г. численность таких служащих еще более увеличилась. Главным критерием численности штата губернской канцелярии являлось количество дел, имеющихся в рассмотрении учреждения, то есть чем больше было работы, тем соответственно больше требовалось ее исполнителей. Изданный Петром II «Наказ губернаторам и воеводам» 1728 г. в числе обязанностей губернатора обозначал распределение должностных полномочий между служащими канцелярии по принципу, что если канцелярист занимается судебными делами, то он не должен заниматься финансовыми вопросами, и наоборот, то есть, должно было быть четкое разделение обязанностей²⁸. Но так предписывал закон, а реальная картина как обычно была иная, когда, например, один служащий мог управлять военными делами, быть ответственным за выдачу жалования и выполнять обязанности регистратора²⁹. Оговаривалась в «Наказе» и возможность длительной отлучки канцелярских работников. В случае отбытия в другие места или лишения должности за нарушения служащий должен был произвести опись порученных ему до этого дел и передать их лицу, определенному вместо него, под расписку. Особые затруднения в функционировании канцелярий происходили как раз из-за частых временных командировок ее членов. Имел место также и их перевод на работу в центральные органы власти, которые периодически нуждались в пополнении кадрового состава. К примеру, в 1729 г. был издан указ, согласно которому для пополнения Ревизион-коллегии должны были быть отправлены по два представителя от каждой губернской канцелярии³⁰.

1732 г. ознаменовался появлением новых канцелярских штатов, которые просуществовали тридцать лет до восшествия на престол Екатерины II. Но в каждой губернии по-прежнему насчитывалось разное количество служащих губернской канцелярии. Наблюдались также случаи того, что численность чиновников некоторых губернских канцелярий была меньше численности служащих провинциальных канцелярий, являвшихся средним звеном в системе губернского управления. Указ Екатерины II о штатах 1763 г. способствовал более строгой регламентации состава губернских канцелярий. Отныне по закону во всех губерниях, кроме Санкт-Петербургской, в канцеляриях должны были состоять по три секретаря, одному протоколисту, переводчику, регистратору, архивариусу, по семь канцеляристов и подканцеляристов, десять копиистов и одному переплетчику³¹. Как и до 1763 г. имелись и сверхштатные служащие, в основном из отставных людей и уволенных со службы. Жалования они по-прежнему не получали. Иногда имелись при канцелярии и ученики, в основном из детей подьячих, дабы уже с юности обучаться будущей работе. Обыденным явлением всей приказной службы России, как известно, была нехватка служащих в учреждениях. Имело место даже стремление губернских канцелярий забрать к себе на службу лиц из других канцелярий меньшего значения – провинциальных и воеводских, со стороны которых в ответ доходило даже до отправления жалоб в Сенат.

Материальное обеспечение служащих губернской канцелярии также было законодательно определено. Так, по указу Петра I 1715 г. дьяки получали за службу 120 рублей годовых и 60 четвертей хлеба, подьячие старшей статьи – 60 рублей и 30 четвертей хлеба, средней статьи – 40 рублей и 20 четвертей, младшей статьи – 15 рублей и 10 четвертей³². Однако жалование не всегда выплачивалось своевременно. Как писал М. М. Богословский, оно сильно запаздывало даже у таких управленческих чинов, как губернаторы,

²⁶ Готье Ю. В. Указ. соч. С. 274.

²⁷ ПСЗ РИ-1. Т. XLIV. Книга штатов. Отделение четвертое. № 4866. С. 8.

²⁸ ПСЗ РИ-1. Т. VIII. № 5333. С. 96.

²⁹ Готье Ю. В. Указ. соч. С. 282.

³⁰ Готье Ю. В. Указ. соч. С. 292.

³¹ ПСЗ РИ-1. Т. XLIV. Книга штатов. Отделение четвертое. № 11991. С. 69.

³² ПСЗ РИ-1. Т. XLIV. Книга штатов. Отделение четвертое. № 2879. С. 1.

которым приходилось выпрашивать оплату своего труда в виде челобитья, и тем более от подобных финансовых задержек страдали чиновники более низкого звания³³. Необходимо отметить, что практика выплаты всем канцелярским чинам определенного жалования просуществовала недолго. Уже в июне 1726 г. властями было высказано мнение, что расширение штата местной администрации и назначение фиксированных жалований привело к трудностям в делопроизводстве, напрасным убыткам и тягости народа от чиновничьей волокиты³⁴. А 20 марта 1727 г. вышел указ, согласно которому вводился прежний порядок оплаты канцелярской службы, который существовал до 1700 г. Теперь, как и прежде, право получать жалование имели лишь некоторые служащие, а именно те секретари и подьячие, которые получали его до введения регламентированной платы за службу³⁵. К тому же жалование опять перестало быть фиксированным, в каждой губернии производилась разная оплата. Выдачей оплаты заведовал Сенат, который определял, в какую треть года, в каком размере и из каких средств должны производиться данные выплаты³⁶.

Периодически государству приходилось выделять дополнительные средства на нужды губернских канцелярий. К примеру, после жалоб ряда губернаторов, вице-губернаторов и воевод в Сенат о нехватке денег на приобретение расходных материалов, необходимых для делопроизводства (чернил, бумаги, свечей и прочего), вышел сенатский указ о выделении на данные нужды каждой губернской канцелярии по 200 рублей из неположенных в штат доходов³⁷. Только лишь в 1763 г. указом Екатерины II о штатах была вновь введена обязательная оплата работы канцелярских служащих. Каждому из трех секретарей губернской канцелярии назначалось годовое жалование в 375 рублей³⁸. Для сравнения, такое же материальное поощрение имели уездный воевода, товарищ провинциального воеводы и провинциальный прокурор. Протоколист и переводчик губернской канцелярии получали за службу по 225 рублей, регистратор и архивариус – 200 рублей, канцеляристы – 150 рублей, подканцеляристы – 130 рублей, копиисты – 100 рублей, переводчик – 25 рублей в год. Не оставляли без жалования и двух сторожей, они получали по 18 рублей. Всего же на оплату работы служащих канцелярии государством отчислялось 9346 рублей³⁹.

Наконец, последним моментом, который необходимо рассмотреть, является сфера деятельности губернских канцелярий в области местного управления. Законодательное регулирование этого вопроса также являлось актуальным для центральной власти. Анализ указов данной направленности, коих за семьдесят лет накопилось немало, позволяет с уверенностью утверждать, что губернские канцелярии являлись важнейшими органами местной власти, ведавшими административными, финансовыми, военными, полицейскими и судебными делами в губернии. Ряд прописанных в указах поручений и наставлений был адресован как конкретно губернским канцеляриям, так и одновременно канцеляриям всех трех уровней регионального управления – губернским, провинциальным и воеводским. Остановимся на некоторых моментах деятельности канцелярии.

Стоит отметить, что особенно много забот у служащих губернских канцелярий было во время проведения так называемых ревизий (переписей) населения. За семидесятилетнюю историю канцелярий таких ревизий было три. Так как для проведения учета населения необходимо было привлечение значительного числа людей, то набирались они также и из канцелярских служащих, причем всех трех уровней. Помимо проведения переписи податного населения приходилось решать и ряд сопутствующих проблем. Одной из обязанностей губернских канцелярий было распределение нищих, прибывших из

³³ Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719-1727 гг. М., 1902. С. 264.

³⁴ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726-1730 гг. Т. I. (февраль-июль 1726 г.) // Сборник Императорского Русского исторического общества (СИРИО). Т. 55 СПб., 1886. С. 363.

³⁵ ПСЗ РИ-1. Т. VII. № 5039. С. 764-765.

³⁶ История Правительствующего Сената за двести лет. 1711-1911 гг. Т. 1 / Сост. А. Н. Филиппов. СПб., 1911. С. 632.

³⁷ ПСЗ РИ-1. Т. VIII. № 5979. С. 647.

³⁸ ПСЗ РИ-1. Т. XLIV. Книга штатов. Отделение четвертое. № 11991. С. 69.

³⁹ Там же.

иных мест и слоняющихся по улицам. Если среди них оказывались беглые и не сыскивались лица, их у себя укрывавшие, либо таковые слоняющиеся вовсе ни у кого не жили, то в таком случае Сенат предписывал их отправлять в губернскую или ближайшую воеводскую канцелярию, вычислять среди них воров и разбойников, оставляя их для проведения следствия, а остальных людей, не замеченных в нарушении закона, необходимо было отсылать при обязательном сопровождении обратно в места, откуда те прибыли⁴⁰. Расходы же на переправку беглых планировалось взыскивать с помещиков, от которых эти лица и бежали. Однако, необходимо сказать, что подобная деятельность по выискиванию беглых и их возвращению была характерна не только в период проведения ревизий, такая практика была обыденным явлением того времени. Оказывали губернские канцелярии содействие и в сыске беглых ямщиков, и крестьян, и мануфактурных рабочих, и солдат. После окончания ревизии канцелярские служащие под руководством секретаря и четким контролем со стороны губернатора принимались за составление специальных книг, содержащих информацию о результатах ревизии, и оригиналы которых должны были отправляться на обработку и хранение в Камер-коллегию⁴¹.

Являлась канцелярия и основным региональным учреждением, контролирующим обмен выходящих из употребления денежных знаков. Так было, к примеру, после прихода к власти Анны Иоанновны, когда Сенат издал указ, запретивший хождение мелких серебряных денег. Имеющиеся у людей таковые финансовые средства дозволялось использовать для уплаты по различным сборам, а оставшаяся сумма подлежала обмену в канцелярии на другие допущенные к обороту монеты, а оттуда уже выменянные мелкие серебряные деньги должны были быть отправлены в Москву⁴². Канцелярии являлись промежуточными пунктами по обмену и бумажных ассигнаций, в частности так было после выхода постановления в июле 1771 г., когда было объявлено о выходе из обращения семидесяти пяти рублевых государственных ассигнаций, которые после сбора их губернскими учреждениями подлежали отправлению в банки⁴³.

Губернские канцелярии, согласно государственным указам, были ответственными и за поддержание в нормальном состоянии мостов, прорубей, крупных проезжих дорог, в их обязанности входил и контроль за соответствующей деятельностью канцелярий провинциальных и воеводских. Были губернские канцелярии и главным органом по поддержанию порядка на вверенных им территориях. Однако порой некоторые из них старались не вмешиваться в дела, касающиеся компетенции в этой сфере иных органов власти. В октябре 1764 г. Сенат выпустил указ, причиной выхода которого стал случай, когда на одной из почтовых станций проезжавшим людям было отказано в предоставлении лошадей, что сопровождалось бранью и угрозами в их адрес, и на написанную после этого в губернскую канцелярию жалобу в ней ответили, что почтовые станции не входят в сферу ее компетенции, так как находятся в ведении другого учреждения – Ямской канцелярии⁴⁴. Обратив на это внимание, сенаторы высказались о том, что, несмотря на то, под чьим контролем находится то или иное место в губернии, основное внимание на борьбу с беспорядками и произволом должна обращать именно губернская канцелярия.

В заключение на основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что на протяжении без малого семидесяти лет функционирования губернских канцелярий данные учреждения занимали важнейшее место в системе местного управления, уступая разве что губернаторской власти. Этим в принципе и объясняется стремление Сената и монарших особ наиболее полно контролировать их исполнительную деятельность. В то же время правителем, которому эффективнее всех удалось привести в порядок как численность штата губернских канцелярий и принципы его формирования, так и систему оплаты канцелярских служащих явилась императрица Екатерина II, еще в начале своего царствования выпустив соответствующие регламентирующие указы.

⁴⁰ ПСЗ РИ-1. Т. XII. № 9014. С. 194-195.

⁴¹ ПСЗ РИ-1. Т. XII. № 9273. С. 535-536.

⁴² ПСЗ РИ-1. Т. VIII. № 6295. С. 978-979.

⁴³ ПСЗ РИ-1. Т. XIX. № 13629. С. 291.; ПСЗ РИ-1. Т. XIX. № 13945. С. 718.

⁴⁴ ПСЗ РИ-1. Т. XVI. № 12270. С. 944.

THE LEGISLATIVE REGULATION OF ACTIVITY OF THE PROVINCIAL CHANCELLERIES IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XVIII CENTURY

A. A. KOLOTUSHKIN

*Belgorod National
Research University*

e-mail: kolotushkin@list.ru

The article is devoted to the problem of the state regulation of activity of the provincial chancelleries in the XVIII century. The analysis of legislative acts allows speaking about fact that during the whole time of their existence the Senate reserved the right to total control over all aspects of their functioning, by limiting the competence of governors in these issues.

Keywords: the Russian Empire, the Senate, decrees, the provincial chancellery, secretary, staff, employees of the chancellery.

ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЗГЛЯДОВ КНЯЗЯ А. Н. ГОЛИЦЫНА

Е. Ю. НАЗАРЕНКО

*Воронежский
государственный
университет*

*e-mail:
enazarenko.vrn@mail.ru*

Статья посвящена становлению и развитию религиозных взглядов Александра Николаевича Голицына, на протяжении двадцати лет в период правления Александра I являвшегося ключевой фигурой в сфере управления церковными организациями. Показано, что в разные периоды определяющими концепциями для религиозных взглядов князя были: философия Просвещения, учение Православной Церкви, и, наконец, универсальное мистическое христианство. В статье подробно проанализированы различные элементы мировоззрения Голицына, и показано, какое влияние мистические взгляды князя оказали на его государственную деятельность.

Ключевые слова: православие, мистицизм, квиетизм, пиетизм, экуменизм, эсхатология, Святейший Синод, министерство духовных дел и народного просвещения.

В начале XIX века религиозный вопрос на некоторое время вышел из числа второстепенных и приобрел большое значение. Данный феномен был обусловлен рядом факторов. Создание нового аппарата управления Российской империи, расширение границ страны за счет территорий, население которых было поликонфессиональным – все это способствовало поиску новых алгоритмов взаимодействия государства и церковных организаций. Также актуализации религиозного дискурса способствовало значительное разочарование в просветительском проекте, который ранее преобладал в умонастроениях российского образованного общества.

Князь Александр Николаевич Голицын был человеком, наиболее полно воплотившим в себе эти тенденции. Эволюция его религиозных взглядов была весьма типична для того времени, наполненного мистическими предчувствиями и ожиданиями. Отличительной особенностью князя было то, что он более 20 лет был ключевой фигурой в управлении религиозными организациями. Поначалу он (с 1803 г.) в качестве обер-прокурора Св. Синода был занят руководством господствующим вероисповеданием – православием. С 1810 г. к этим обязанностям добавилось руководство новообразованным Главным управлением духовных дел иностранных исповеданий, в котором осуществлялся надзор над делами всех официально признанных неправославных конфессий (за исключением буддизма). Наконец, в 1817 г. все вышеперечисленные функции перешли в ведение министерства духовных дел и народного просвещения, которое, опять же, возглавил А. Н. Голицын. Этот пост он занимал до 1824 г.

Религиозные взгляды князя в значительной степени зависели от его государственной деятельности. В то же время, справедливо и обратное утверждение – государственная деятельность князя испытала на себе огромное, определяющее влияние тех религиозных концепций, которыми Голицын вдохновлялся. В настоящей статье мы рассматриваем основные вехи в религиозной эволюции этого видного политика Александровской эпохи.

Этот сюжет ранее становился объектом анализа исследователей. В частности, им посвящали свое внимание дореволюционный исследователь В. В. Шереметевский, а из современных историков – Ю. Е. Кондаков. Несмотря на это, некоторые аспекты этой темы нуждаются в корректировке.

Прежде всего, биографы А. Н. Голицына нередко упускают из внимания тот факт, что князь, не получивший подлинной научной подготовки, не обладал строгостью и системностью мышления. Поэтому о переменах во взглядах князя зачастую следует говорить с известной долей условности.

Так, практически общепринятой является трактовка, согласно которой в молодые годы А. Н. Голицын являлся твердым сторонником «неверственной школы XVIII века»¹,

¹ Шереметевский В. В. Голицын князь Александр Николаевич // Русский биографический словарь. Гоголь–Гюне. М., 2001. С. 81

т. е. философии Просвещения. Действительно, для подобной точки зрения есть основания. Если верить воспоминаниям А. Н. Голицына, в родительском доме, в котором он провел первые десять лет жизни и о котором впоследствии вспоминал без удовольствия, «все было по указаниям религии»², вследствие чего в юношеские годы, когда князь обучался в Пажеском корпусе, «религия ... делается ему ненавистною»³. Молодой А. Н. Голицын имел у современников репутацию остроумного, но при этом легковесного человека, любителя светских увеселений. Вспоминая о ранних временах своей жизни уже на склоне лет, князь повествует о том, что тогда он «разливался в саркастических намеках и колких замечаниях на все, что ни попадалось ... под руку»⁴. Нередко он насмехался и над христианством, за что впоследствии себя корил.

Однако религиозные взгляды А. Н. Голицына в ранний период далеко не столь однозначны. Просветительская идеология была воспринята им на поверхностном уровне, и сквозь нее прорывались другие, вероятнее всего, воспринятые в детские годы элементы. Особенно это проявилось во время вынужденного пребывания князя в Москве в 1797 – 1801 гг., когда он находился в опале у императора Павла I. Известно, что князь в этот период жил весьма уединенно, значительную часть времени уделяя самообразованию. По свидетельству Н. С. Голицына, в его круг входил митрополит московский Платон (Левшин)⁵. Общение с митрополитом Платоном может служить доказательством того, что А. Н. Голицын не был чужд духовных поисков и в молодые годы. У нас нет возможности выяснить, о чем они говорили и насколько эти беседы повлияли на мировоззрение князя. Но сам факт таких разговоров свидетельствует о том, что молодой А. Н. Голицын не был вовсе глух к религиозным вопросам. Подтверждение этому есть в воспоминаниях Ф. Ф. Вигеля, в которых говорится, что князь был с юных лет склонен к набожности⁶.

Когда в 1803 г. Александр I решил назначить князя обер-прокурором Св. Синода, тот, не считая себя достойным занимать эту должность, поначалу хотел от нее отказаться. То, что не лишенный религиозных запросов Голицын подобным образом воспринял возможную перемену в своей деятельности, свидетельствует только об одном – он считал свою веру слишком нетвердой, а свой моральный облик – чрезмерно низким, чтобы занимать этот пост. И после того, как император уговорил князя стать обер-прокурором, на него еще долгое время «грусть могильную»⁷ навевала и обстановка, в которой он служил, и «чернецы в мрачнейших своих рясах»⁸, с которыми он сотрудничал. А. Н. Голицын мучительно переживал несоответствие между занимаемой им должностью руководителя духовного ведомства и собственным образом жизни: «Иногда в чаду молодого разгулья, в тесном кругу тогдашних прелестниц, я внутренне любил смеяться своей странной случайности, мне очень тогда казалось забавно, что эти продажные фрейлины никак не соображали, что у них на этот раз гостит обер-прокурор святейшего синода»⁹. Несмотря на это, в первые годы после начала работы в церковном ведомстве князь Голицын не собирался изменять тому образу жизни, к которому он привык, вспоминая, что «хотя и ездил в Синод, но сердце мое не переменялось»¹⁰.

Однако подспудно в его мировоззрении происходят перемены. Митрополит Московскому Филарет (Дроздов) впоследствии утверждал, что князь Голицын обратился к христианской вере непосредственно под воздействием членов Св. Синода. По долгу службы ему приходилось читать Евангелие, а также материалы, связанные с вероучением церкви¹¹. Впоследствии князь самокритично назовет свою веру тех лет «слабой и наружной»¹², «неопытной и безыскусственной»¹³.

² Голицын А. Н. Воспоминания: Из записок Ю. Н. Бартенева // Русский архив. 1886. Кн. 2. №3. С. 318.

³ Там же.

⁴ Голицын А. Н. Воспоминания: Из записок Ю. Н. Бартенева // Русский архив. 1886. Кн. 2. №5. С. 74.

⁵ Голицын Н. С. Загробные записки князя Н. С. Голицына из сказаний дяди его, Александра Николаевича // Русский Архив. 1905. № 12. С. 78 – 86.

⁶ Вигель Ф. Ф. Записки // Арзамас. Т. 1. С. 81.

⁷ Голицын А. Н. Указ. соч. С. 76.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 69.

¹² Там же.

¹³ Там же.

В этой своей характеристике Голицын был весьма близок к истине: существует множество подтверждений его религиозного невежества. Так, сетуя на то, что архиереями могли становиться только представители монашества, А. Н. Голицын говорил о том, что «это, наверное, какой-нибудь пьяный Патриарх установил»¹⁴, что свидетельствует о его крайне плохом знании церковной истории. Учитывая это, для А. Н. Голицына было не просто вникнуть в суть учения православной церкви. Именно поэтому для него были столь важны внешние формы религиозности – в эти годы он «отбросил мягкий пуховик и стал спать на узкой деревянной лавке ... В спальню же ... выбрал комнату сырую»¹⁵. Также он стал меньше, чем прежде, посещать театры и прочие увеселительные заведения¹⁶. Его подстегивало сознание собственного несоответствия идеалам христианства.

Однако период увлечения православием продолжался недолго. Неукорененность А. Н. Голицына в восточнохристианской традиции привела его к тому, что он увлекся европейским мистицизмом. Здесь следует отметить, что ориентированность российской аристократии на западную мистическую традицию было частным случаем того, что со времен Петра I дворянство было оторвано от традиционной, основанной на византийской, традиции, и впитывало в себя почти исключительно европейские социокультурные образцы. Таким образом, православие, культурные коды которого оказались далеки от типичного представителя русского образованного общества, было мало востребованным в России XVIII – начала XIX веков. Духовные поиски представителей русской культурной и политической элиты определялись совсем другими направлениями.

В течение XVIII века это были философские идеи Просвещения, основой которого была вера в безграничность возможностей человеческого разума. Однако в начале XIX века под влиянием кровавых событий Французской революции и диктатуры Наполеона у определенной части общества происходит разочарование в этих идеях. Возникает потребность в религиозной жизни, которая нередко находила выход в увлечении мистическими доктринами Европы.

В религиоведении под мистицизмом обычно понимается комплекс представлений о существовании трансцендентной реальности, недоступной для созерцания с помощью человеческих органов чувств. Мистицизм лежит в основе всех развитых религиозных систем¹⁷.

Необходимо отметить, что в православии мистический компонент всегда был значителен и важен. Выдающийся православный богослов В. Н. Лосский писал об этом, что «Восточное предание никогда не проводило резкого различия между мистикой и богословием, между личным опытом познания Божественных тайн и догматами, утвержденными Церковью»¹⁸. Несмотря на это, представители образованного российского общества, как правило, испытывали на себе влияние именно протестантской традиции. В значительной степени это было обусловлено тем, что, по словам С. С. Хоружего, мистицизм православной церкви говорил на своем языке, мало снисходя к потребностям других людей, которые, к тому же, были воспитаны французскими гувернерами¹⁹. В значительной степени именно поэтому, по словам И. А. Чистовича, «русские люди жаждали живой проповеди, и, не находя ее в храмах, увлекались в иностранные церкви»²⁰.

Еще одной причиной поиска истины в мистических концепциях Запада было то, что, «основываясь на внутреннем духовном опыте и ища откровения воли Божией не вне себя и не внешним путем, а во внутреннем голосе сердца, ... мистик, неизбежно, выходит из подчинения внешнему церковному авторитету, или, сохраняя уважение к нему, считает церковные таинства, установления и вообще всю внешнюю церковную обрядность

¹⁴ Геце П. П. Из записок Петра Петровича фон Геце «Князь Голицын и его время» // Русский архив. 1902. Кн. 3. С. 103.

¹⁵ Голицын А. Н. Указ. соч. С. 69.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Киев, 2004.

¹⁸ Лосский В. Н. Указ. соч. С. 13.

¹⁹ См.: Хоружий С. С. О старом и новом. СПб., 2000.

²⁰ Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899. С. 113.

только символами, которые сами по себе не имеют значения»²¹. В этом смысле те мистические учения, которые были в то время распространены в России, давали их приверженцам большую степень свободы от внешних установок и обрядов.

Необходимо также отметить, что традиция, которую можно условно назвать «мистической», к началу XIX века уже не была новым явлением для духовной жизни России. Основными распространителями мистических и оккультных знаний были представители масонства. В 80-е гг. XVIII века в Москве существовала группа розенкрейцеров во главе с Н. И. Новиковым и И. -Г. Шварцем. В начале XIX века их дело продолжал досточтимый мастер ложи «Умиравший сфинкс» А. Ф. Лабзин, который занимался переводом и изданием сочинений авторов европейской духовной литературы²². В 1806-1807 гг. ему позволили издавать журнал «Сионский вестник», в котором он излагал свои взгляды²³. Политически А. Ф. Лабзин, как впоследствии и А. Н. Голицын принадлежал к умеренно-консервативному крылу²⁴.

Данная традиция оказала мощное воздействие на князя А. Н. Голицына. Основным посредником между ним и различными сообществами мистиков был Р. А. Кошелев, с 1811 г. и вплоть до своей смерти в 1827 г. являвшийся для А. Н. Голицына не только политическим союзником, но и ближайшим другом и единомышленником. В 1810 г. Р. А. Кошелев ввел князя в парамасонский кружок А. А. Ленивцева и Н. А. Плещеевой, которые были последователями «Авиньонского общества» известного польского мистика графа Т. Лещиц-Грабянки²⁵. После общения с А. А. Ленивцевым А. Н. Голицын, по его словам, «начал постигать, что в многообразии мира наружного скрывается еще более многообразный мир внутренний ... и эта жизнь пластическая, эта жизнь наглядных ощущений человеческих есть только скудная покрывка, облегающая по наружности и сокрывающая великие, богатые и дивные тайны неведомого шествия существа внутреннего, мирового, вечного»²⁶. После этого князь начал под руководством своих наставников серьезно изучать сочинения европейских мистиков. К началу 1810-х гг. религиозные воззрения Голицына были сформированы.

Можно выделить несколько направлений европейской религиозной мысли, которые оказали наибольшее воздействие на религиозных взглядов князя. Значительное влияние на него религиозные деятели, принадлежавшие к мистическому направлению в католичестве – квиетизму: Ф. Фенелон, Ж. Гюйон, М. де Молинос. Отличительным признаком квиетизма является учение о необходимости пассивного восприятия человеком Божественного начала. В записках князя идея подчинения себя божьей воле является одной из наиболее часто встречаемых. Он писал, что «в больших искушениях сердца надобно не размышляя обратиться сердцем ... к Богу, прося его милости, как дитя, увидя чудовище, бросается в объятия своей матери»²⁷. По мнению А. Н. Голицына, «Бог только требует нашего согласия, и, увидя волю нашу, готов всеминутно споспешествовать оной»²⁸, поэтому нужно «покориться Его воле в совершенной простоте сердца, сознаться в том, что все что мы можем делать доброго, происходит от Него Единого и в таком случае не считать себя иначе как орудиями Его»²⁹.

Другой характерной чертой мировоззрения князя, логически вытекающей из его представлений о взаимоотношениях человека и Бога, был скептицизм по отношению к возможностям человеческого разума. Он считал, что нельзя анализировать то, «что выше

²¹ Чистович И. А. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. СПб., 1894. С. 153.

²² См.: Галахов А. Д. Обзор мистической литературы в царствование императора Александра I // Журнал министерства народного просвещения. 1875. № 11. С. 94.

²³ См.: Дубровин Н. Ф. Наши мистики-сектанты: А. Ф. Лабзин и его журнал «Сионский вестник» // Русская старина. 1894. № 12. С. 202. С. 120.

²⁴ См.: Минаков А. Ю. Правое масонство и русский консерватизм первой четверти XIX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 13 (84). Вып. 15. С. 123 – 130.

²⁵ См.: Кондаков Ю. Е. Розенкрейцеры, мартинисты и внутренние христиане в России конца XVIII – первой четверти XIX века. СПб., 2011.

²⁶ Голицын А. Н. Указ. соч. С. 89.

²⁷ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ). Ф. 203. Д. 13. Л. 6 об. – 7.

²⁸ Там же. Л. 7.

²⁹ Там же. Л. 2 об.

разума», поскольку там, «где положена преграда Всевышним, ... уже надобно верить»³⁰. Взгляды на науку были тем элементом мировоззрения А. Н. Голицына, в котором он сходил с представителями общественной группы, которую А. Ю. Минаков обозначил как «масонских консерваторов»³¹.

Влияние протестантских мистиков на мировоззрение А. Н. Голицына, также было значительным. Среди этих мыслителей наиболее выдающимися были жившие в XVII – XVIII веках немец Я. Беме и швед Э. Сведенборг. Данная традиция была неразрывно связана с таким направлением протестантизма, как пиетизм, который зародился в Германии XVII веке. А в XVIII веке на основе пиетизма было создано действовавшее в Баварии и других южных германских землях движение Пробужденных. С этим движением связан едва ли не важнейший компонент мировоззрения А. Н. Голицына – эсхатологизм. Под этим термином понимается вера в скорое второе пришествие Иисуса Христа на землю. Немецкий религиозный деятель И. -Г. Юнг-Штиллинг, изучив Апокалипсис, пришел к выводу, что это событие совершится между 1816 и 1836 г. Также он верил в то, что после этого события на земле наступит тысячелетнее Царство Божие, предполагающее социальная гармонию и мир³². С Антихристом Юнг-Штиллинг отождествлял Наполеона Бонапарта. Известно, что А. Н. Голицын общался с Юнг-Штиллингом и воспринимал его идеи. Подобно немецкому пророку, князь считал, что живет в переломную эпоху, когда борьба добра со злом «делается всеобщей»³³. Он полагал, что не за горами то время, когда «оболочка, прикрывающая добро и зло, исчезнет и ... тогда добро со злом соприкоснутся... Тогда надо ждать Разделителя, т. е. Христа, для торжества добра»³⁴.

Еще одной узловой точкой взглядов Голицына был экуменизм, т. е. стремление к объединению христианских конфессий. Экуменические тенденции напрямую связаны с концепцией внутренней и внешней церкви. По мнению князя, поскольку в человеке «есть вечный Божественный Дух, отсюда происходят два разных человека в одном: внутренний и внешний, существенно различающиеся один от другого, кои однако ... вместе составляют целого и полного человека»³⁵. В соответствии с существованием двух природ человека, существует и две церкви – «внешняя», т. е. традиционные религиозные организации, и «внутренняя», представляющая собой совокупность людей, недоступным рациональному пониманию способом объединенных в некий мистический союз во Христе. Значение «внешней церкви» было для А. Н. Голицына второстепенным. Они не видели фундаментальной разницы между направлениями христианства. Князь формулировал это следующим образом: «Пока мы живем на земле и обличены во внешнюю оболочку, мы должны принадлежать наружно к одной из христианских церквей до тех пор, пока у нас не будет пастыря и мы не составим одно стадо»³⁶.

После войны 1812 г. религиозным единомышленником А. Н. Голицына стал Александр I. В 1815 г. по его настоянию между монархами России, Австрии и Пруссии был заключен акт о Священном Союзе, который воспринимался российским императором в качестве ключевого документа периода его правления, открывшего новую эру в истории человечества – эпоху сотрудничества и мирного сожительства всех христианских народов³⁷. В одном из писем к Александру I А. Н. Голицын, полностью разделявший взгляды монарха, высказывался весьма определенно: «Сей акт нельзя не признать иначе как предуготовленным к тому обещанному царствию Господа на земле, которое будет яко на небеси»³⁸. Апофеозом внедрения мистических принципов в систему государственного управления Российской империи было создание в 1817 г. министерства духовных дел и народного просвещения, которое возглавил А. Н. Голицын. Начинается последователь-

³⁰ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ). Ф. 203. Д. 13. Л. 3.

³¹ См.: Минаков А. Ю. К постановке вопроса о типологии раннего русского консерватизма // Клио. 2003. № 3 (22). С. 26 – 31.

³² См.: Юнг-Штиллинг И. Г. Победная Повесть. СПб., 1815.

³³ Голицын А. Н. Письма к различным лицам // Русский архив. 1905. Кн. 3. С. 398.

³⁴ Там же.

³⁵ ОР РНБ. Ф. 203. Д. 13. Л. 39.

³⁶ Голицын А. Н. Письма к различным лицам // Русский архив. 1905. Кн. 3. С. 369.

³⁷ См.: Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла. Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001.

³⁸ Голицын А. Н. Указ. соч. С. 54.

ное воплощение в жизнь тех идей, которым князь следовал и в своей частной религиозной жизни. Это означало принижение роли православной церкви в системе государственного управления.

Именно поэтому отношение Голицына к православию приобретает в эти годы особую важность. Он отличался от многих мистиков и масонов, настроенных по отношению к православию индифферентно, а подчас и враждебно. В связи с этим можно вспомнить свидетельства ряда современников, в частности, П. П. фон Геце, считавшего князя верным сыном своей церкви. Кроме того, А. Н. Голицын сохранял хорошие отношения с людьми, верность которых православию несомненна. Среди них был архимандрит, а впоследствии митрополит Московский Филарет (Дроздов), принимавший деятельное участие в ряде связанных с А. Н. Голицыным проектов.

Интересным проявлением интереса А. Н. Голицына к православию были его взаимоотношения с архимандритом Фотием (Спаским) – одним из наиболее известных и последовательных православных консерваторов. В 1822 – 1824 гг. князь тесно общался с Фотием, несмотря на то, что тот был представителем враждебного политического лагеря. Опубликована их переписка, в которой А. Н. Голицын писал о своих мистических переживаниях. О характере их взаимоотношений исследователи задумывались давно. Еще автор предисловия к переписке Голицына с Фотием ставил этот вопрос: «Как понимать ... обращения Голицына к Фотию за душеспасительными советами и столь доверчивые и нежные излияния им своих благочестивых чувствований? Простодушным ли недомыслием различия между тем пониманием религии, которого представителем является Фотий, и тем служением мистицизму, которому отдался министр духовных дел? или это было с его стороны одно ловкое лицемерие..?»³⁹. Однозначного решения данной проблемы исследователи не предложили и впоследствии.

На наш взгляд, в отношениях А. Н. Голицына и Фотия искренний интерес и политический расчет соседствовали. Отношения А. Н. Голицына с архимандритом были во многом схожи с его отношениями с другими религиозными деятелями. В его письмах к Фотию было много туманных рассуждений в мистическом духе и эсхатологических предчувствий, которые в тот период действительно очень занимали князя. Пусть и в меньших объемах, но встречаются в них и следы экуменической идеологии. К примеру, опечаленный тем, что идеология Священного Союза не оправдывала возложенных на нее ожиданий, князь сетовал Фотию: «между христианами разделение вместо согласия, которого мне желалось»⁴⁰.

Недоумение исследователей по поводу близких отношений Голицына и Фотия объясняются тем, что в эти годы между А. Н. Голицыным и консервативной частью православного духовенства наметились разногласия. Их причиной было то, что «православную оппозицию» (термин историка Ю. Е. Кондакова) не устраивал статус православной церкви в новых политических условиях. Как правило, власть в лице А. Н. Голицына реагировала на проявления оппозиционности очень жестко. Наиболее характерным примером этого может служить знаменитое «дело Станевича».

Внешняя канва этого сюжета такова. Е. И. Станевич, литератор-архаист, написал книгу «Беседа на гробе младенца», в которой с православно-консервативных позиций подверг критике правительственный мистицизм⁴¹. Книга была направлена в петербургскую духовную цензуру, которая стараниями цензора архимандрита Иннокентия (Смирнова), симпатизировавшего «православной оппозиции», пропустила ее в печать. После этого, по настоянию А. Н. Голицына, архимандрит Иннокентий был формально повышен, а фактически отправлен в ссылку – он был назначен епископом в Пензу.

В контексте взглядов А. Н. Голицына на православие любопытна мотивировка, с которой он добивался цензурного запрета книги Е. А. Станевича. По его мнению, автор книги совершенно напрасно «судит, кто более прав, Святой Иоанн Златоуст или святой Августин, и отдает преимущество Златоусту потому только, что он Восточной церкви,

³⁹ Барсов Н. И. Архимандрит Фотий и князь А. Н. Голицын // Русская старина. 1882. № 3. С. 277.

⁴⁰ Письма А. Н. Голицына к архимандриту Фотию // Русская старина. 1882. № 4. С. 220.

⁴¹ См.: Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 282.

хоть в проповедях и в сочинениях духовные особы часто указывают на Августина»⁴². А. Н. Голицын, будучи экуменистом, считал православную апологетику не только ненужной, но и вредной сферой деятельности, и отрицал право православных деятелей на защиту основ собственного вероучения.

Вражда между А. Н. Голицыным и консервативной частью православного духовенства была одной из причин того, что в 1824 г. князь был отправлен в отставку, а мистический эксперимент был прекращен. После этого князь прожил еще 20 лет и умер в 1844 г. Следует отметить, что религиозные убеждения А. Н. Голицына в последние десятилетия его жизни не претерпели существенных изменений. Он продолжал общаться с кружком близких к себе и мистически настроенных людей, куда вплоть до смерти в 1827 г. входил таинственный «серый кардинал», религиозный наставник князя Р. А. Кошелев, а также княгиня А. Б. Голицына, княгиня С. С. Мещерская, А. И. Ковальков, В. М. Попов, П. Д. Маркелов и Ю. И. Бартенев⁴³. Также известно, что в середине 1830-х гг., основываясь на пророчествах Юнга-Штиллинга, А. Н. Голицын ожидал второго пришествия Христа⁴⁴.

Как и в годы политического могущества, Голицын продолжал с повышенным вниманием относиться к различным пророкам и ясновидящим. Так, незадолго до смерти князь подпал под влияние некой «девицы Маурер», которая пророчествовала ему о том, «что внутренняя сила христианства неминуемо перейдет из Западной Церкви в Восточную и что в России разрешатся разные вопросы мировой истории»⁴⁵.

Если суммировать вышесказанное, можно прийти к следующим выводам. Религиозные взгляды А. Н. Голицына не всегда поддаются однозначному толкованию: слишком мало он писал об этом, кроме того, зачастую он выступал не как мыслитель, а как политик-практик, что накладывало отпечаток на его деятельность. В личности А. Н. Голицына были уникальным образом органично соединены крупный государственный деятель и мистик. Такое было возможно только в первой четверти XIX века, когда шел поиск алгоритмов взаимодействия поликонфессионального государства и религиозных организаций, который порой принимал весьма экстравагантные формы.

THE EVOLUTION OF RELIGIOUS BELIEFS PRINCE A. N. GOLITSYN

E. U. NAZARENKO

Voronezh State University

e-mail: enazarenko.vrn@mail.ru

The article is devoted to the establishment and development of religious views Alexander Nikolaevich Golitsyn, for twenty years, during the reign of Alexander I, who was a key figure in the sphere of management by Church organizations. It is shown that in different periods of defining concepts for the religious beliefs of the Prince were: philosophy of Enlightenment, the teaching of the Orthodox Church, and, finally, universal mystical Christianity. The article analyses the various elements of the worldview Golitsyn, and shown the impact mystical views Prince had in his state activities.

Key words: Orthodoxy, mysticism, quietism, pietism, ecumenism, eschatology, the Holy Synod, the Ministry of religious Affairs and people's education.

⁴² Цит. по: Чистович И. А. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. Комиссия духовных училищ. СПб., 1894. С. 198.

⁴³ Кондаков Ю. Е. Розенкрейцеры, мартинисты и «внутренние христиане» в конце XVIII – первой четверти XIX века. СПб., 2011.

⁴⁴ Кондаков Ю. Е. Указ. соч. С. 46.

⁴⁵ Там же. С. 608.

СБОР ВОЛОВ ДЛЯ НУЖД РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1812 ГОДУ

С. В. БЕЛОУСОВ

Пензенский государственный университет

e-mail: sergbel_1812@mail.ru

В статье рассматриваются мероприятия по сбору волов для нужд регулярной армии, которые наглядно показывают механизм взаимодействия центрального и местных органов власти, сословных учреждений и различных категорий провинциального населения накануне и в начале Отечественной войны 1812 г. на примере одного из регионов Российской империи

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, Пензенская губерния, снабжение армии провиантом и фуражом, сбор волов.

Накануне Отечественной войны 1812 г. российское правительство проводило различные мероприятия по обеспечению армии продовольствием, фуражом, амуницией, оружием и боеприпасами. В исторической литературе эти мероприятия долгое время рассматривались лишь в самом общем виде. Только в последние годы в изучении данной проблематики наметился существенный сдвиг¹.

В условиях подготовки к войне с наполеоновской Францией особое место занимали вопросы снабжения русской армии провиантом и фуражом. В этой связи несомненный интерес представляют мероприятия правительства по сбору волов для нужд армии с населения целого ряда губерний Российской империи, осуществленные в мае-июле 1812 г. О них еще в 1912 г. в своих исследованиях упоминали Н. Ф. Хованский и В. Р. Апухтин². Тогда же несколько документов были опубликованы в сборнике «Воронежское дворянство в Отечественную войну»³. В последние годы данная тема нашла отражение в публикациях В. П. Тотфалушина (на примере Саратовской губернии) и С. Соловьевой (на примере Области Войска Донского)⁴. Также она уже затрагивалась нами при рассмотрении вопроса пожертвований, сделанных жителями поволжских губерний⁵.

В статье характеризуются мероприятия по сбору волов для нужд регулярной армии на территории Пензенской губернии.

25 мая 1812 г. последовал императорский рескрипт о сборе волов и соответствующее циркулярное предписание министра полиции А. Д. Балашова генерал-губернаторам и губернаторам тех губерний, с которых предполагалось собрать в общей сложности 46 тыс. волов⁶. В рескрипте отмечалось, что «настоящие обстоятельства по последствиям своим весьма важные, подвигли уже <...> призвать, во имя Отечества, верноподданных <...>, в различных их сословиях и чиновностях, к принятию участия в мерах и усили-

¹ См., например: Гаврилов С. В. Организация и снабжение русской армии накануне и в ходе Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813-1815 гг.: исторические аспекты: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003; Шведов С. В. Роль запасных провиантских магазинов в планах командования русской армии в 1812 году. Обзор источников // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: Материалы Всероссийской науч. конф. (24 октября 2009 г.). Малоярославец, 2009. С. 49-69.

² Хованский Н. Ф. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. Саратов, 1912. С. 31-33; Апухтин В. Р. Очерк формирования дворянством Пензенской губернии и действий ополчения в Отечественную и освободительную войны 1812-1814 годов. М., 1912. С. 8-9.

³ Воронежское дворянство в Отечественную войну. Воронеж, 1912. С. 354-357.

⁴ Тотфалушин В. П. «Мы более имеем нужду в лошадях, нежели в людях...»: О сборе волов и лошадей для армии в Саратовской губернии (1812-1813 гг.) // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: Материалы Всероссийской науч. конф. Малоярославец, 2005. С. 194-196; Тотфалушин В. П. Саратовский край и Наполеоновские войны. Саратов, 2011. С. 103-105; Соловьева С. Дело о покупке волов // Родина. 2012. С. 118-119.

⁵ Белоусов С. В. К вопросу о материальном вкладе населения Пензенской, Саратовской и Симбирской губерний в 1812-1814 гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. Пенза, 2007. №4(8). С. 79-83; Белоусов С. В. Провинциальное общество и Отечественная война 1812 года (по материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2007. С. 54-56.

⁶ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1286. Оп. 2. 1812 г. Д. 182. Л. 1-8.

ях, потребных как на охранение благосостояния Империи <...> вообще, так и на ограждение собственной каждого безопасности». Ныне же требовалось «собрать немаловажное число волов, как для подъема воинских тягостей, так и для продовольствия храбрых наших воинов, по первому велению готовых выступить противу неприязненных каковых либо покушений»⁷. Каждая из 12 губерний (Киевская, Подольская, Полтавская, Черниговская, Слободско-Украинская, Воронежская, Саратовская, Тамбовская, Курская, Орловская, Пензенская, Херсонская) и Область Войска Донского, с которых предполагалось собрать волов, должны были сводить их в определенное расписанием место сбора: либо в Минск, либо в м. Свенцяны Виленской губернии⁸.

Императорский рескрипт и предписание министра полиции А. Д. Балашова на имя пензенского губернатора князя Г. С. Голицына были получены в Пензе с нарочной эстафетой 8 июня 1812 г. В предписании министра полиции отмечалось, что с Пензенской губернии назначено «для удовлетворения предстоящих неотложных государственных нужд собрать 2500 волов, в том числе 500 для подъема воинских тягостей, а 2000 для продовольствия войск». Сообщалось, что на каждую пару волов из числа первых 500 должно быть по одной повозке крепкой и надежной с упряжью и со всеми принадлежностями к дороге, что назначенное число волов, «сколь можно поспешнее», отправить гуртами без малейшего промедления в м. Свенцяны Виленской губернии. Причем, губернатор сам должен был решить уравнительность сбора волов, снаряжение повозок, назначение возничих, время отправления гуртов и вопрос о продовольствовании в пути. О времени и маршруте движения гуртов губернатор должен был донести императору⁹.

В своих воспоминаниях известный мемуарист первой половины XIX в. Ф. Ф. Вигель писал: «Правительство, полагая, что все северо-западные области изобилуют рогатым скотом, обратилось к ним с предложением пожертвовать некоторую часть оною для прокормления собравшейся на границе армии. В Симбирской и в Саратовской губерниях, особливо же за Волгою, было тогда еще более, чем ныне, необозримых степей, на которых тысячами паслись стада: для них эта жертва была совсем незначительна. Но для Пензенской губернии, которая так туго заселена, где так мало пастбищных мест, которую мясом по большей части продовольствуют соседи, для нее это было довольно накладно. Приятно было видеть радостную готовность, которую, несмотря на то, изъявило пензенское дворянство в сем случае: она в моих глазах, по крайней мере, была предзнаменованием того великодушного всеобщего, дружного восстания, которое не замедлило потом обнаружиться во всей России»¹⁰.

21 июня состоялось Пензенское дворянское собрание, на котором дворянство «изъявило единодушное желание принять на одно сословие свое как сбор и покупку всех волов, так и доставление их в Виленскую губернию без участия в том прочих сословий»¹¹. Расходы предполагалось распределить между дворянами по числу ревизских душ. Для этого предлагалось расписать, сколько на какой уезд причитается волов, повозок и упряжи. При каждом гурте волов планировалось иметь по несколько проводников из числа малороссиян, «как людей уже обычных в деле провожания волов», по одному дворянину «для надзора», а также двух представителей от крестьян и мещан. Сбор гуртов должен был происходить в каждом уездном городе¹².

Общая стоимость 2600 волов (было решено собрать на 100 волов больше положенного) со всеми расходами была определена в 406242 руб. (на каждого вола по 100 руб., а всего 250000 руб.; на ремонтные 100 волов по 100 руб., а всего 10000 руб.; на продовольствие до места всех 2600 волов по 35 руб., а всего 91000 руб.; на каждую фуру по 60 руб., а всего 15000 руб. (250 фур); на смазочные предметы для фур, циновки, веревки, запасные колеса, оси 2442 руб.; на 125 проводников по 200 руб., а всего 24800 руб.; на прогоны и содержание чиновников в пути 10000 руб.; на 10 телег по 300 руб., а всего

⁷ Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 8. Л. 45-45 об.

⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812 г. Д. 182. Л. 11.

⁹ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 8. Л. 45-45 об; Д. 439. Л. 425-425 об.

¹⁰ Вигель Ф. Ф. Записки: В 2 кн. М., 2003. Кн. 2. С. 613.

¹¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812 г. Д. 182. Л. 57-57 об.

¹² РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812 г. Д. 182. Л. 58 об; ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 439. Л. 464-464 об.

3000 руб.)¹³. Это составило приблизительно по 1 руб. 75 коп. с ревизской души. Без всякого сомнения, эти денежные сборы дворяне всецело перекладывали на плечи своих крепостных крестьян, ухудшая и без того их тяжелое положение. Контроль за приходом и расходом денежной суммы, собираемой дворянами на покупку волов и снаряжение фур, а также ведение общего делопроизводства было возложено на губернского стряпчего казенных дел С. М. Попова и дворянского заседателя приказа общественного призрения Я. А. Полдамасова¹⁴.

«По малому скотоводству в Пензенской губернии, не предвидя возможности найти в покупку толикого числа волов и спешествуя в заготовлении сей государственной потребности», пензенский губернатор князь Г. С. Голицын предписал губернскому секретарю Ильину немедленно отправиться в Саратовскую губернию, «в уезды наиболее скотоводством изобилующие, и там приискать в покупку сколь можно выгодными ценами 1225 волов». Так как необходимые для исполнения повинности средства дворянством еще не были собраны, губернатор выдал ему 30 тыс. руб. ассигнациями из средств, находившихся в приказе общественного призрения и собранных «у партикулярных людей». Губернский секретарь Ильин также обязывался, проходя через малороссийские селения, находившиеся в Саратовской губернии, нанять для провода волов до Виленской губернии проводников сроком на 6 месяцев «за самую умереннейшую плату». Кроме того, пензенский губернатор отметил дошедшие до него сведения о том, что многие пензенские купцы, торгующие скотом, для собственной выгоды скупают его гуртами, продавая затем дворянам за непомерную цену, что крайне затрудняет исполнение государственной повинности. Он поручил губернскому секретарю Ильину достоверно разобраться в этом вопросе, а для скорейшего исполнения возложенного на него поручения командировал ему в помощь офицера штата пензенской полиции Васильева и пензенского купца Харитона Агапова, весьма опытного в торговле скотом¹⁵.

Волов предполагалось отправить в 10 гуртах. При каждом гурте должен был находиться дворянский чиновник, «а сверх того имеет быть особенный чиновник для надзора за всеми уже гуртами вообще». Руководство по доставке волов к действующей армии пензенский губернатор возложил на титулярного советника Я. Ф. Федорова¹⁶. Для сопровождения гуртов уездными дворянскими корпорациями были выбраны отставной майор А. А. Халкиопов, отставной штабс-капитан П. И. Каблуков (от Краснослободского уезда), губернский секретарь Ф. И. Дураков (от Керенского уезда) и др.¹⁷ Кроме того, пензенский губернатор князь Г. С. Голицын рекомендовал майору Пензенского внутреннего гарнизонного батальона И. Ф. Пейкеру определить для сопровождения 10 транспортов «по одному исправнейшему рядовому»¹⁸.

Общим сборным местом был определен уездный город Чембар, «по удобности относительно пастбищ лежащий по тракту на границе к Тамбовской губернии»¹⁹. Уже 4 июля туда из Пензы с губернским секретарем Ильиным было отправлено 6 гуртов волов, очевидно, из числа тех, которые были куплены им в Саратовской губернии²⁰.

Вскоре в сопровождении губернского стряпчего С. М. Попова и дворянского заседателя Я. А. Полдамасова в Чембар прибыл и пензенский губернатор князь Г. С. Голицын. Однако уже в день приезда по неотложным делам он вынужден был возвратиться в Пензу. Основная тяжесть работ по отправлению гуртов легла на плечи С. М. Попова и Я. А. Полдамасова, которым были даны соответствующие наставления. Губернские чи-

¹³ Апухтин В. Р. Очерк формирования дворянством Пензенской губернии и действий ополчения в Отечественную и освободительную войны. С. 7-9.

¹⁴ ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 516. Л. 69 об – 87, 231 об – 235.

¹⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812 г. Д. 182. Л. 61 – 61 об; ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 439. Л. 474 – 475 об. В Саратовской губернии, «при всем тщательнейшем старании» чиновников, удалось нанять для провода волов лишь 6 малороссиян. По этой причине некоторые из дворян по просьбе губернатора «решились для провода волов заменить недостаток в малороссиянах собственными своими людьми, способными и надежными, которым также, как и прочим проводникам, производилась плата из общей суммы».

¹⁶ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812 г. Д. 182. Л. 67; ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 554. Д. 34 об – 37.

¹⁷ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 440. Л. 13; Ф. 6. Оп. 1. Д. 516. Л. 255 об – 257, 396 об – 398, 490 об – 491.

¹⁸ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 440. Л. 20 об.

¹⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812 г. Д. 182. Л. 61 – 61 об.

²⁰ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 440. Л. 20 об.

новники должны были выдать начальникам транспортов денежные суммы, необходимые для продовольствия проводников и прокорм скота, а также на путевые расходы. Выполняя возложенную на них обязанность, дворяне, сопровождавшие гурты, должны были составить подробнейший отчет «всем денежным приходам и расходам»²¹. Дело осложнилось тем, что накануне отправления гуртов в Пензе было получено предписание об изменении маршрута их движения. Из-за отступления русских армий транспорты предлагалось направить через Тамбов – Тулу – Смоленск – Сураж в уездный город Витебской губернии Невель, а позднее, по предписанию военного министра и Главнокомандующего 1-й Западной армии М. Б. Барклая де Толли и соответствующего распоряжения управляющего по части продовольствия армии сенатора В. С. Ланского «дать им направление на Калугу»²².

С 12 по 24 июля 1812 г. все 10 транспортов были отправлены из Пензенской губернии к действующей армии. В конце сентября – начале октября они были успешно доведены до места назначения и сданы полковому генерал-провиантмейстеру Главной армии А. П. Гове²³. Об этом сообщается в послужных списках некоторых дворян, сопровождавших гурты волов²⁴. Так, например, в формулярном списке Я. Ф. Федорова говорится, что он «в 1812-м году июля 23-го числа отправлен был от пензенского г-на гражданского губернатора для препровождения из Пензенской губернии в действующую армию по Высочайшему Его Императорского Величества повелению, заготовленных со стороны дворянства 2600 волов, разделенных на 10 транспортов <...>; опытностию, расторопностию, благоразумием и трудолюбием не только что довел все транспорты до места назначения и сдал при всей опасности со стороны неприятельской в армию благополучно с получением надлежащих квитанций, но еще и с великою экономией так, что порученной ему транспортным начальником значительной суммы на путевое продовольствие волов, равно и рабочих людей, при рачительно хозяйственном распоряжении сохранил остатков в пользу дворянства 78 тыс. 600 руб. с копейками, которые и представил г-ну губернатору обще с настоящим отчетом»²⁵.

После того, как волы были доставлены к действующей армии, ряд дворян еще некоторое время оставались там, выполняя различные поручения армейского командования. Так, губернский секретарь Ф. И. Дураков «в 1812-м году по избранию керенского благородного дворянства находился для препровождения в армию волов, по сдаче коих, по повелению его светлости г-на Главнокомандующего армиями генерала от инфантерии князя Михаила Илларионовича Кутузова, сенатором, калужским губернатором Каверинным отправлен был с сухарями, насыпанными на 45 фур, в Тарутино, где и сдал его превосходительству генерал-провиантмейстеру Гове»²⁶.

Как следует из «Ведомости о денежных сборах, произведенных во время войны», составленной в ноябре 1814 г., с дворянских имений на выполнение повинности по сбору волов поступило всего 399377 руб. 60 коп., а в недоимке к тому времени оставалось лишь 6579 руб.²⁷

Таким образом, одной из форм материальной помощи регулярной армии в «эпоху Отечественной войны 1812 года», оказанной населением Пензенской губернии, стал сбор волов «для подъема воинских тягостей и продовольствия войск», который проводился в июне-июле 1812 г. Выполнение этой государственной повинности дворянство всецело взяло на себя, переложив ее, естественно, на плечи крепостных крестьян. Несмотря на встретившиеся трудности, необходимое количество волов было собрано в саамы короткий срок. После снаряжения повозок скот гуртами был отправлен к действующей армии. Однако уже в ходе движения транспортов были получены предписания об изменении маршрута движения и направления их в Калужскую губернию. Выполнение повинности

²¹ ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 516. Л. 81 – 82.

²² РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812 г. Д. 182. Л. 40; Воронежское дворянство в Отечественную войну... С. 357; Тотфалушин В. П. Саратовский край и Наполеоновские войны... С. 105.

²³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812 г. Д. 182. Л. 62, 67; Д. 289. Л. 23 – 24.

²⁴ См., например: ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 516. Л. 255 об – 257.

²⁵ ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 554. Д. 34 об – 37.

²⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 516. Л. 490 об – 491.

²⁷ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 514. Л. 3 – 3 об.

по сбору волов для нужд регулярной армии наглядно показывает механизм взаимодействия центральных и местных органов власти, сословных учреждений и различных категорий провинциального населения накануне и в начале Отечественной войны 1812 г. на примере одного из регионов Российской империи.

GATHERING OF OXEN FOR THE NEEDS OF THE REGULAR ARMY IN PENZA GOVERNORATE IN 1812

S. V. BELOUSOV

Penza State University

e-mail: sergbel_1812@mail.ru

The article considers the oxen gathering arrangements for the needs of the regular army that demonstrate the mechanism of the interaction among the central and local authorities, class institutions and different categories of the provincial population on the eve and at the beginning of the Patriotic War of 1812 on the example of one of the Russian Empire regions.

Key words: the Patriotic War of 1812, Penza Governorate, the food and fodder supply for the army, gathering of oxen.

ДВОРОВЫЕ: ВОЗЗРЕНИЯ НА ХАРАКТЕР ПОМЕЩИЧЬЕЙ ВЛАСТИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В ДЕРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД*

И. А. ШЕЕНКО

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: irusik2301@yandex.ru

В статье рассматривается специфика социальной психологии дворовых в дореформенный период в границах помещичьей усадьбы. Проводится анализ представлений о помещичьей власти и социальной сути подчинения, выявляются их особенности. Это сделает возможным выяснить, какие качества помещика они считали добродетелью или пороком помещика.

Ключевые слова: помещики, дворовые, воззрения, дореформенный период.

Как известно, представители крестьянского сословия Российской империи составляли три основные категории: помещичьи, государственные и удельные. В свою очередь помещичьи крестьяне подразделялись на кто, непосредственно занимался работами на земле, принадлежавших поместному дворянству, и дворовых, в обязанности которых входило обслуживание барского дома и двора. В отличие от крестьян, дворовые вели совершенно иной образ жизни, имели более тесную эмоциональную связь с помещиком, потому что наиболее близко находились к господам. По этим причинам у дворовых сложились свое мировоззрение, представления о помещичьей власти, о «правомерной» с их точки зрения жизни в рамках усадьбы, сформировался социально-психологический образ помещика. На этом основании представляет интерес анализ социальной психологии дворовых крестьян в контексте жизненных реалий в барской вотчине. Это позволит выявить крестьянские воззрения о характере власти и социальной сути подчинения в дореформенный период, другими словами, что в их сознании ассоциировалось под достоинствами и недостатками помещика.

Согласно X ревизии, проведенной в 1857-1858 гг. количество дворовых в России равнялось 1467 378 душам обоего пола, что равнялось 7,2 % к общему числу помещичьих крестьян¹. Штат дворовых пополнялся за счет найма, перевода с земель, привлечения к работам родственников уже имеющейся прислуги. Среди наименований дворовых можно выделить такие как – горничные, кормилицы, кучера, лакеи, кухарки, казачки, камердинеры, ливрейные слуги, стремянные, форейторы. Содержание работ и занятий было весьма разнообразным: работа по дому, саду, готовка пищи и заготовка припасов, присмотр за детьми, некоторые ремесленные работы (пошив одежды, обуви), содержание скота, выполнение мелких поручений, ведение хозяйственных вопросов, транспорт, прислуживание во время обедов и т. п.². В редких случаях, когда наступала жаркая пора уборки урожая, в отдельных имениях на поля выгоняли и дворовых.

Мышление дворовых крестьян в дореформенное время характеризовалось целым рядом специфических черт. Довольно часто, они всю жизнь посвящали служению барским семьям и не создавали собственные. Это было связано с тем, что в основном, они жили в помещичьем доме, имели совместный быт. Конечно же, это не могло не сблизить их с господами. Типичный портрет такого преданного крепостного слуги, который, скорее всего, встречался в каждом помещичьем доме, можно встретить в повести К. Бабикова «Детские годы в деревне»: «Василий представлял тот, всем известный, тип старинных слуг, для которых не существовало поговорки: «не можно против рожна прати»! Вы-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых ученых – кандидатов наук, проект № МК-843. 2012. 6.

¹ Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 15.

² Черкашина О. Н. Некоторые аспекты социально-экономического положения дворовых крестьян в России второй половины XIX-начала XX века // Белгородская область: прошлое, настоящее и будущее: материалы областной научно-практической конференции, Белгород, 22 декабря 2010 г. в 3 частях. Ч. 1. / Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова. Белгород, 2011. С. 278.

красть ли у кого девку, отомстить ли непокорному соседу, – единым духом совершали сорванцы. Крикнет барин: «Васька, топись! Перекрестится Васька, и нисколько не размышляя о том, зачем понадобилась барину смерть, бултыхнется в воду»³. Похожий крестьянский образ встречается в воспоминаниях Н. С. Лескова, писатель рассказывает о крепостной девушке Дуняше: «Так она «приблизилась к дворянству» при жизни и не отделилась от него и после смерти. На аристократическом кладбище Александро-Невской лавры (влево от церкви) есть недавно насыпанная могилка под белым крестом, на котором начертана короткая, но очень теплая надпись «верная слуга Дуняша». Это она, и место упокоения чистому телу Дуняши среди вельможных людей устроила ей благодарная любовь детей вынужденной ею дворянки; она же и сочинила ей такую хорошую надпись»⁴. Дворовые крестьяне, будучи приближенными к помещику, полагали, что они обязаны верно служить своим господам, а те, в свою очередь, обязаны «опекать» их. В этом смысле показательна сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина «Рождественская сказка»⁵, в частности, сцена, когда Сережа – барский сын спрашивает у своих слуг-крестьян о значении правды в жизни, и вот как они говорят о помещичьих добродетелях: «А по-нашему так: коли господа добрые, жалостливые – это их правда. А коли мы, рабочие, усердно господам служим, не обманываем, стараемся – это наша правда»⁶. Также есть основание думать, что часто такой патронаж понимался превратно. В этой связи, любопытна характеристика дворовых, которую дал русский философ, историк К. Д. Кавелин в статье «Записка об освобождении крестьян в России»: «Они охотно предаются лени и тунеядству, в этой мысли, что если у них не достанет хлеба, падет скот, сгорит изба, то барин обязан им дать все это»⁷.

Конечно же, в глазах дворовых барская забота и доброта ассоциировалась со щедростью. Нередко, видя возможность, они применяли ухищрения, чтобы лишний раз получить подачку от помещика. В повести Г. В. Кугушева «Корнет Отлетаев» имеется интересный эпизод, описывающий, как дворовые относились к барскому сыну Сереже: «Сережа, будучи двенадцати лет, имел свой штат людей, своих лошадей, свои экипажи, даже свои карманные, значительные деньги, которым не знал цены и тратил их без пользы и дела. Дворня обирала его: всякая лесть стоила денег, всякое наущничанье приносило барскую милость, лукавые горничные выманивали у Сережи мелочь на пряники и орехи, а между тем, то и дело твердили, что уж лучше его и на свете нет, что уж такого молодца, как Сергей Васильевич, только в сказках встретить можно, и многое другое»⁸.

Близкие, зачастую и дружеские отношения помещика и дворовых откладывали свой отпечаток на внешний вид, действия и ментальность последних. Дворовые всячески старались усваивать образ жизни помещичьего дворянства и подражали господам. В доказательство этому отметим статью философа, публициста и общественного деятеля Ю. Ф. Самарина «Два мнения по вопросу об отмене права помещика переводить дворовых, без их согласия в крестьяне», в которой автор говорит о том, что в его имении было 50 человек дворовых, бреющих бороду и носящих немецкое платье⁹. К тому же, вероятнее всего, дворовым хотелось сократить социальную дистанцию. «Близкий» к народу помещик, по всей видимости, очень ценился в среде дворовых. В отрывочных воспоминаниях «Родные места» С. Т. Славутинского содержится примечательная информация о данной добродетели князя Любецкого (псевдоним, писатель не раскрывает настоящей фамилии¹⁰): «Князь довольно часто играл в «бабки» со своими дворовыми и даже с крестьянами. Конечно, он делал это не из желания популяризовать, а только для «моциону», а меж-

³ Бабиков К. Детские годы в деревне // Русский вестник. 1861. Т. 33. С. 397.

⁴ Лесков Н. С. Дворянский бунт в Добрыньском приходе // Исторический вестник. 1881. Т. 4. С. 359-360.

⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Сказки. Л., 1988. С. 185-195.

⁶ Там же. С. 189.

⁷ Кавелин К. Д. Записка об освобождении крестьян // Собрание сочинений К. Д. Кавелина Т. 2. СПб., 1898. С. 31.

⁸ Князь Кугушев Григорий. Корнет Отлетаев // Русский вестник. 1856. Т. 3. С. 515.

⁹ Самарин Ю. Ф. Два мнения по вопросу об отмене права помещика переводить дворовых, без их согласия в крестьяне // Сочинения Ю. Ф. Самарина. Крестьянское дело с 20 ноября 1857 по июнь 1859 года. Т. 3. М., 1885. С. 188.

¹⁰ Прим. авт.

ду тем простая забава как-то сближала его с народом, как бы приравняли его на некоторое время ко всякому простому человеку; вот это-то и не ушло от простодушного наблюдения, осталось надолго в памяти забывчивого на зло нашего народа»¹¹. Кроме этого, дворовые приобретали даже «барскую» спесь, которая раздражала остальных крестьян и некоторых дворян. Так, К. Д. Кавелин в своем очерке «Слуга», видимо, ссылаясь на собственный опыт, пишет о том, что «существовало давнее правило не водить дружбы с лакеем, не фамильярничать с ним, потому что лакей тотчас же зазнавался и возмечтал, что он равен с барином»¹². Но не только помещики, также и дворовые, может быть не всегда явно, но воздействовали на своих господ. Как считает писатель В. Ржевский, «дворовые представляли собой древний родовой союз и, пользуясь всеми преданиями бывалых ухищрений, всегда устраивали дело так, что все, что бы вы не предпринимали противное их видам и желаниям, было вам в убыток, а все, что вы делали по совету одному из них, в особенности по внушениям начальников их союза, сопровождалось удачей. Опека, в которой они держали помещиков, была неуловима, но чрезвычайно сильна»¹³.

Преимущественно дворовые негативно относились к крестьянам. Стоит отметить, что часто притеснения крестьян происходили не от самого помещика, а от назначенного им управляющего, в особенности, если такие управляющие были их дворовыми людьми. По словам деятеля крестьянской реформы А. П. Заблоцкого-Десятовского, «нечего говорить об имениях, управляемых дворовыми, здесь власть произвольная передается человеку грубому, необразованному и весьма часто потому только, что он известен жестокостью своего характера, умеет держать мужиков в руках»¹⁴. В свою очередь Ю. Ф. Самарин по этому поводу отмечал, что «дворовые презирали крестьян и почти всегда были готовы служить орудием помещичьего произвола, а крестьяне не терпели их и называли дармоедами и белоручками»¹⁵. Видимо, этот внутренний крестьянский конфликт был действительно актуальным, что даже получил отражение в устном народном творчестве. Примером служит отрывок из песни «Ох, хорошо житье лакеям», в которой указывается лучшая доля дворовых, прослеживается крестьянская зависть:

«...Ох, хорошо житье лакеям.
На боярском на дворе!
Они пашенки не пашут.
И оброка не дают.
Ох, они пашенки не пашут.
И оброка не дают,
И оброка не дают,
Косы в руки не берут...»¹⁶.

Заслуживает внимания тот факт, что среди дворовых чаще, чем у других крестьян встречались грамотные, что также не могло не отразиться на взаимоотношениях с помещиком. Судя по всему крестьянское отношение к помещику, который ратовал за их образование, было двояким. Эту мысль подтверждают воспоминания помещиков и художественные произведения современников. В первом под названием «Дед мой помещик Щербин» от лица внука рассказывается о том, что дворовые деда были грамотные и знали разные ремесла. В штате дворовых людей были садовник, кузнец, живописец, часовщик. Эти навыки служили каждому из дворовых средством личных заработков. Он акцентирует внимание на том, что по этой причине они мирились с бесконтрольной помещичьей властью. «Дворовые считали, что она все-таки вознаграждается его деятельною рачительностью об их пользе»¹⁷. Здесь стремление обучить своих крепостных крестьян

¹¹ Славутинский С. Родные места (из отрывочных воспоминаний) // Русский вестник. 1880. Т. 147. С. 220.

¹² Кавелин К. Д. Слуга // Собрание сочинений К. Д. Кавелина. Т. 2. СПб, 1898. С. 1190.

¹³ Ржевский В. Обработка земли вольнонаемными рабочими // Русский вестник. 1862. Т. 37. С. 808.

¹⁴ Повалишин А. Рязанские помещики и их крепостные. Очерки истории крепостного права в Рязанской губернии. Рязань. 1903. С. 131.

¹⁵ Самарин Ю. Ф. Два мнения по вопросу об отмене права помещика переводить дворовых, без их согласия в крестьяне // Сочинения Ю. Ф. Самарина. Крестьянское дело с 20 ноября 1857 по июнь 1859 года. Т. 3. М., 1885. С. 184.

¹⁶ Русская народная песня «Ох, хорошо житье лакеям». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://a-pesni.org/bezzem/ohhorlakejam.htm>.

¹⁷ Сто один. Дед мой помещик Щербин (из записок человека) // Русский вестник. 1875. Т. 120. С. 71.

рассматривалось как проявление заботы о них, такой помещик для них казался человеком с «милостивым» характером. Совсем иная картина показана в романе Ф. Толстого «Болезни воли». Молодой помещик князь Пронский во избежание тунеядства собирал взрослых дворовых по вечерам и заставлял слушать назидательные речи. И вот как проиллюстрирована крестьянская реакция на подобные помещичьи действия: «Кажется, нововведения эти не имели ничего дурного по себе, а между тем они произвели сильное волнение в вотчине, стали поговаривать, что у меня ум за разум заходит»¹⁸. В последнем отрывке четко просматривается пассивность и несерьезность дворовых в отношении образования. Они не видели для себя никаких перспектив, потому они надеялись на постоянное обеспечение за счет средств барина.

Многие дворяне в своих воспоминаниях немаловажную роль в своей жизни отводят дворовым людям, что еще раз подтверждает, что между ними существовала особая психологическая атмосфера. К примеру, В. И. Сафонович¹⁹, А. К. Лелонг²⁰ рассказывают, что они, будучи детьми, играли с крестьянскими мальчишками и девочками. Как они считают, данное общение способствовало их сближению с крестьянским народом, развитию их физических и нравственных способностей. Понятно, что социальная дистанция все же присутствовала. Так, Я. Полонский отмечает: «Мальчишки, которые со дня рождения своего не видали никакой господской ферулы, обращались со мной за панибрата. Один из них, рыжий и веселый, показывал мне язык или по-дружески бил меня по плечу. Меня как бы тянуло к ним и в то же время конфузило или коробило их такое вольное обращение. Во мне просыпался барчонок, требующий к своей личности как бы некоторой субординации или уважения. Конечно, это чувство, которое не раз закрадывалось в мою душу, я ни чем не обнаруживал, так как оно было инстинктивно, и я сам не знал – хорошее ли это чувство или дурное. Во всяком случае, оно было прощительно для мальчугана, выросшего среди крепостных и даже на себе не раз испытавшего их рабское растлевающее подбострастие»²¹. Известный беллетрист П. Д. Боборыкин, который происходил из очень древнего помещичьего рода, в своей книге «За полвека. Воспоминания» признает, что его «развивателями» являлись именно дворовые. Он полагал, что эти крепостные люди для него, и не только, были связующим звеном с деревней, с народом, проживавшем в ней²². Другой писатель дворянин В. В. Селиванов отдельно выделяет дворового человека Гаврилу Малафеевича, для которого господа были душою. Он называет его в лучшем смысле этого слова, «порождением крепостного права»²³. Часто можно встретить рассказы помещного дворянства о нянях, которые занимались их воспитанием. Например, Г. И. Филипсон в своих воспоминаниях с симпатией рассказывает о няне Авдотье Назаровне «Нянька моя была женщина очень неглупая; но, прежде всего добрая и любящая. Кротость ее и терпение были невероятны, я не помню не только грубого со мною обращения, но даже и того, чтобы она хоть раз повысила голос. Впоследствии она сделалась почти членом нашего семейства»²⁴. Одна из дворянок вспоминает, как она, очень любя свою няню, попросила своего деда дать ей вольную, помещик исполнил желание внучки. Но дворовая женщина не воспользовалась данной возможностью и осталась в барском доме»²⁵.

Как известно, в русских помещичьих домах штат дворовых был достаточно большой. Даже иностранцы с удивлением, писали об этом. Историк С. А. Князьков отмечает: «Иностранцы с удивлением смотрели на огромные дворни русских помещиков: «В других странах, – писал один, – такого числа дворовых людей, какое встречаем в русских помещичьих домах и представить себе не могут»²⁶. В воспоминаниях графа М. Д. Бутурлина встречается рассказ о помещице с большим количеством дворовых: «По старинному русскому помещичьему быту, при с. Знаменском числилось до 60 дворовых душ. У Елизаветы Ивановны было до семи, помнится мне молодых горничных девушек и две старухи-ключницы, между тем за нею и за ее дочерью ходили две девушки. Насмешники

¹⁸ Толстой Ф. Болезни воли // Русский вестник. 1859. Т. 23. С. 317.

¹⁹ Сафонович В. И. Воспоминания // Русский архив. 1903. № 1. С. 115.

²⁰ Лелонг А. К. Воспоминания // Русский архив. 1913. № 6. С. 787.

²¹ Полонский Я. Старина и мое детство // Русский вестник. 1891. Т. 214. С. 37.

²² Боборыкин П. Д. За полвека. Воспоминания. М., 1965. С. 22.

²³ Селиванов В. В. Предания и воспоминания. Владимир, 1901. С. 29-30.

²⁴ Филипсон Г. И. Воспоминания Г. И. Филипсона. // Русский архив. 1883. № 5. С. 77.

²⁵ Жить прожить не поле перейти (записки неизвестной) // Русский вестник. 1881. Т. 155. С. 121.

²⁶ Князьков С. А. Как сложилось и как пало крепостное право в России. Исторический очерк. М., 1904. С. 79.

утверждали, что у барыни было по одной отдельной горничной для всякой части ее туалета, в том числе, по одной на каждый башмак»²⁷. Даже сами дворовые, привыкшие к «такому правилу жизни» в поместье, сокращение крепостных людей считали неправильным, и, логично, что сам барин без многочисленной дворни воспринимался по иному. Данная «философия» была свойственна старому крестьянину из повести П. И. Мельникова «Старые годы»: «В старину – коли барин, так и жил барином, а нынче что?... Измельчало все, измалодушествовалось и важности прежней не стало. Видно последние годы мир стоит. Ведь скоро, сказывают, и свету конец... А уж измельчало-то все, уж так измельчало, так измельчало, что и сказать невозможно.

У барина, например, теперь не одна тысяча душ, а во дворе, каких-нибудь десять-пятнадцать человек – и дворней-то назвать нельзя. Псарня опять малая, ни музыкантов своих, ни песенников нет, а уж насчет барских барынь, шутов, карликов, арапов, скороходов, немых, калмыков. Я так полагаю сударь, что теперь, вряд ли где можно найти кучера, чтоб сумел карету цугом заложить»²⁸. Время действия этой повести 50-гг. XIX века. Как раз в это время начинается процесс выдачи отпускных дворовым крестьянам, усилившийся после отмены крепостного права. Все же, судя по всему главным мотивом, побуждавшим помещиков, являлось то, что дворовые часто не составляли какой-либо ценной рабочей силы, служили довольно тяжелой обузой, в особенности старики и малолетние, которых нужно было прокормить. Была и другая причина преимущественного отпуска на волю дворовых состояла в том, что последние ближе стояли к помещику и его семье, а потому они имели больше возможностей услужить господину, войти к нему в доверие и получить награду за свою верную службу. Однако это не всегда вызывало у благодетельственного лица чувства социального удовлетворения. А. А. Потехин в романе «Бедные дворяне», вышедшем в 1861 г., показывает душевные смятения вольноотпущенницы Прасковьи Федоровны: «Прасковья Федоровна ... была вольноотпущенная от помещицы деревни Мешкова, ее бывшая фаворитка, горничная, потом доверенная ключница и наперсница. Несколько времени назад, барыня отпустила ее на вольную, за ее продолжительную и верную службу, и отпустила не кое-как, не с пустыми руками: своим барщинным мужикам приказала она срубить для нее, даром, бесплатно избушку, на, я вам которую пожаловала тридцать бревешек из собственных дач; дочери дала из своего гардероба два поношенных ситцевых и одно почти новенькое шерстяное платье....

Прасковья Федоровна даже сначала огорчилась и несколько обиделась, когда барыня объявила ей, что намерена дать ей вольную.

– Что-й то матушка, не угодна, что ли, я вам стала? Говорила она со слезами на глазах.

– Нет, Параня, ты мне угодна, – я твоей службой довольна, – за то тебя и хочу наградить.

И Прасковья Федоровна приняла вольную только ради дочери»²⁹.

Между тем, такая близость с помещиком имела оборотную сторону медали. В подавляющем большинстве, дворовые находились в более тяжелом положении, нежели другие крепостные крестьяне. В их повседневной жизни отсутствовал систематический сельскохозяйственный труд. Проживая в господском доме или в так называемой «людской», они невольно находились под постоянным барским контролем, ежеминутно чувствовали гнет зависимости от его произвола. Услуги их, не требовавшие большой затраты умственных и физических сил, ценились низко: их называли «дармоедами», «лежебоками», «хлебогадами». Они лишены были всякой самостоятельности³⁰. Как пишет историк И. И. Игнатович их образ жизни, занятия изменялись в зависимости от личных вкусов и взглядов помещика и положение зависело также от изменений, происходивших в самом

²⁷ Записки графа М. Д. Бутурлина // Русский архив. 1897. № 7. С. 414.

²⁸ Печерский А. Старые годы // Русский вестник. 1857. Т. 10. С. 63.

²⁹ Цитата по: Шаповалов В. А. Шаповалова С. П. Трансформация представлений русского крестьянства о помещичьей добродетели в 50-90-е гг. XIX века. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 13 (108). Вып. 19. С. 104.

³⁰ Нелидов Ф. Ф. Крепостная старина в художественной сатире Салтыкова (Щедрина) // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. 4. М., 1911. С. 67.

ведении помещичьего хозяйства³¹. У автора научных работ по истории крестьянства В. И. Семевского мы встречаем описание главных отличительных черт дворовых людей: «Дворовый ничто иное, как первый шаг к чиновнику. Дворовой обрит, ходит в длинном сюртуке домашнего сукна. Дворовой служит потехой праздной лени и привыкает к тунеядству и разврату; дворовой же пьянствует и ворует, и важничает, и презирает мужика, который за него трудится и платит за него подушные»³². По существовавшему законодательству помещик отвечал за призрение и продовольствие своих крепостных крестьян, однако это нормативное предписание соблюдалось не везде. Согласно данным И. И. Игнатовича о снабжении пищей дворовых иногда так мало заботились, что встречались жалобы даже на голод. К примеру, пойманные беглые дворовые княгини Мансуровой (Нижегородской губерния) показали, что разбежались, «будучи не в состоянии переносить голод от мало выдаваемой госпожою пищи»³³. «Потребностью жизни» для некоторых помещиков и несчастьем для крестьян были физические наказания. Так, в статье В. Бочкарева «Быт помещичьих крестьян» говорится о нечеловеческих условиях, в которых приходилось жить дворовым у генерала Л. Д. Измайлова, известного свое жестокостью и других подобных помещиков³⁴. Весьма характерно показание одного дворового Ивана Лапкина, принадлежащего Измайлову. Он говорит «что, дескать, у него, Лапкина, почти в том только время и проходило, что он или других сек или его самого секли. Для барского камердинера Птицына редкий день проходил без какого-нибудь наказания. В течение двенадцатилетней его службы у Измайлова он был сечен розгами и плетью, по крайней мере, сто раз, а кроме этого, без счету его таскали за волосы, давали пощечины то за измятые чехлы на мебели, то за оставшиеся на полу следы от приведенных собак»³⁵. Несмотря на это, все же можно было встретить среди дворовых и крестьян защитников господской власти во всей ее полноте. Гоголевский Селифан или тургеневский буфетчик Вася (в рассказе «Два помещика»), которые решительно не видели для себя ничего зазорного в сечении розгами и спокойно признавали право барина подвергать мужиков телесным наказаниям³⁶. Это тот тип крестьян для которых подобная расправа была одной из существовавших в крепостное право нормой подчинения помещичьей власти. Безусловно, если она была в разумных пределах. Важным в отношении помещика и дворовых являлся брачный вопрос. Чтобы не допускать излишнего увеличения дворовых помещики нередко запрещали браки или сами решали, кто за кого выходит замуж или кто на ком женится. Естественно, что не всегда желание помещика совпадало с крестьянским, но это воспринималось, как должное. По данным некоторых исследований дворовые редко имели традиционно большие крестьянские семьи. Например, по Тамбовской губернии первой половины XIX века среди дворовых крестьян преобладали (65 %), супружеские пары с детьми и без, вдовы и вдовцы детьми составили (24 %), а большие семьи полностью отсутствуют³⁷. Русский публицист и историк Г. А. Джаншиев в своем исследовании «А. М. Унковский и освобождение крестьян» информирует читателя о вмешательстве помещика в личную жизнь своих крестьян: «У большинства помещиков принято за правило не допускать браков между дворовыми людьми. Говорилось прямо: раз вышла замуж девка, она уже не слуга, ей в пору детей родить, а не господам служить. А иные к этому цинично прибавляли: на них кобыл, и жеребцов не напасешься... С девки всегда спрашивалось больше, нежели с замужней женщины: и лишняя талька пряжи, и лишний вершок кружева и т. д. Поэтому был прямой расчет, чтобы девичье целомудрие

³¹ Игнатович И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. М., 1910. С. 208.

³² Семевский В. И. Крестьянский вопрос в XVIII и первой половине XIX века. Т. II. Крестьянский вопрос в царствование Императора Николая. СПб, 1888. С. 278-279.

³³ Игнатович И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. М., 1910. С. 212.

³⁴ Бочкарев В. Быт помещичьих крестьян // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т 3. М., 1911. С. 27.

³⁵ Там же. С. 28-30.

³⁶ Сакулин П. Н. Крепостная интеллигенция // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т 3. М., 1911. С. 67.

³⁷ Черкашина О. Н. Некоторые аспекты социально-экономического положения дворовых крестьян в России второй половины XIX-начала XX века // Белгородская область: прошлое, настоящее и будущее: материалы областной научно-практической конференции, Белгород, 22 декабря 2010 г.: в 3 частях / Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова. Белгород, 2011. Ч. 1. С. 279.

не нарушалось. Отсюда циничное выслеживание девок. Процедура выслеживания была омерзительна до последней степени. Когда улики были на лицо, начинался целый ад: насильственная отдача замуж за «гаденка и пр... И все это из-за лишней тальки пряжи, из-за вершка кружева...»³⁸. Необходимо отметить, что повсеместным явлением это не было. Тот же Г. А. Джаншиев указывает, что дворянин А. М. Унковский, придерживаясь благодушной политики своих предков, предоставлял крестьянам свободу действий во вступлении в брак³⁹. Так, в записках М. Д. Бутурлина он рассказывает о знакомой помещице Елизавете Ивановне, которая не запрещала своим дворовым крестьянкам выходить замуж⁴⁰. В продолжение темы следует сказать, что дворовые девушки чаще являлись жертвами помещичьего разврата, быть может, потому что они чаще попадались на глаза помещику, ближе находились к нему, чем крестьянские девушки. До чего доходил помещичий произвол в этом отношении показывают факты, данные в книге И. И. Игнатовича. К примеру, он пишет, что по следствию 1855 года помещик Оренбургской губернии Жадовский оказался виновным в растлении своих дворовых крестьянок, при чем некоторые из них за несогласие на прелюбодеяние наказывались розгами⁴¹.

Эти противоправные действия помещика естественным образом вызывали ненависть к нему. Бывали случаи, когда крестьяне устраивали самосуд над помещиком. Такой пример встречается у исследователя Рязанской губернии И. А. Повалишина. Так, в 1845 г. был убит поручик Терпский. Он имел буйный нрав, особенно в пьяном виде, имел любовную связь с дворовой Натальей Минаевой, муж которой знал об этом. Однажды Терпский приехал от гостей в пьяном виде, пригласил Минаеву на гумно, в ригу; муж ее Антипов пошел следом за ними и, пришел туда, начал Терпского бить палкою, а жена кулаками. Избивши его до смерти, отвезли под мост, где и привязали веревкою. – Сенат приговорил Антипова к лишению всех прав состояния и к наказанию плетью через палача 100 ударами, и, по наложению клейм, в ссылке на каторжную работу в рудниках без срока. Минаевой же назначил тоже наказание, но без наложения клейм, и с производством работ на заводах⁴². В. И. Семевский приводит примеры, когда дворовые избивали, травили помещиков, поджигали их дома: «В 1843 г. дворовые капитана Шлихтинга Новгородской губернии высекли своего господина розгами, заставив его притом дать отписку об отпуске их всех на волю. В 1848 г. трое дворовых пензенской помещицы кн. Еникеевой, придя в комнату ее мужа, нанесли ему около 20 ударов арапником, в чем сами сознались, добровольно придя в полицию и объяснив, что причиною было жестокое обращение кн. Еникеева и просили отдать их в военную службу. По той причине четверо дворовых малоархангельского помещика Акатова высекли временным арапником и также добровольно заявили об этом жандармскому штаб-офицеру»⁴³.

Взаимоотношения бар с дворовыми, а именно их отрицательную сторону, возможно проследить и в народном фольклоре, в частности в сказках и песнях. Например, сказки о кучере и помещиках, где первый оказывается хитрее своего хозяина и постоянно обманывает его. В первом случае, это история о барыне, которая заставила своего крестьянина-слугу высидеть вместо курицы сорок цыплят с условием, что они должны быть обязательно черного цвета. Вся ненависть кучера к своей барыне выразилась в следующих словах: «Вот проклятые господа! Всю шею нам объели, хоть бы все околели!»⁴⁴. Наивный барин описан в интересной сказке «Алеша – тюк-тюрю-рюк»⁴⁵. Кучер, благодаря своей находчивости, проезжая через муравейники, чтобы якобы спасти барина от муравьев, посадил его в мешок для того, чтобы избить его плеткой, а глупый барин, подумал, что его так покусали муравьи, похожий сюжет у сказки «Сказка о барине и Петруш-

³⁸ Джаншиев Г. А. А. М. Унковский и освобождение крестьян. Историко-биографические справки. М., 1894. С. 17.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Записки графа М. Д. Бутурлина // Русский архив. 1897. № 7. С. 414.

⁴¹ Игнатович И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. М., 1910. С. 213-214.

⁴² Повалишин А. Рязанские помещики и их крепостные. Очерки истории крепостного права в Рязанской губернии. Рязань. 1903. С. 282.

⁴³ Семевский В. И. Крестьянский вопрос в XVIII и первой половине XIX века. Т. II. Крестьянский вопрос в царствование Императора Николая. СПб, 1888. С. 582.

⁴⁴ Ерш Ершович. Русские сатирические сказки. М., 1989. С. 102-103.

⁴⁵ Худяков И. А. Великорусские сказки. Великорусские загадки. Выпуск 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ru-skazki.ru/khudyakov-great-russian-tales-content&p3.html>.

ке»⁴⁶. В этих сказках видны крестьянская апатия и месть крестьян-слуг по отношению к своему барину. Беспечность барина показана и в сказке «Про нужду», здесь дается описание барина, который даже не знал значение слова «нужда», и мужик, воспользовавшись этим, обманывает барина, говоря, что «нужда» в поле растет. Поверив этой небылице, барин с кучером выезжают в поле, для того, чтобы искать «нужду», в итоге, так и не поняв, что же такое нужда⁴⁷.

В песне «Плач холопов» подробно изображен день дворового, видны их претензии к своим господам, приведем небольшой отрывок:

«Как холопам на господ не сердиться?
Я думаю, скоро с досады станут беситься.
Чистую рожь купцам всю продают,
А нам уж, как свиньям, невейку дают.
Несытые господа и в пост мясо едят,
А холопам и в мясоед пустые щи варят...»⁴⁸.

Таким образом, в дореформенный период подавляющая часть дворовых осознавала тесную связь своей судьбы непосредственным отношением помещиков к ним. Дворовые крестьяне относились с уважением к барскому социальному статусу, поэтому всячески подражали помещикам. «Правильная» барская усадьба в крестьянских представлениях должна была быть с большим числом дворовых людей. В силу традиционного крестьянского мышления и функционировавших определенных норм поведения в границах отдельно взятой помещичьей усадьбы, дворовые признавали такие помещичьи добродетели, как доброта, гуманность, заботливость, щедрость, жалостливость. Многие из крепостных крестьян не осознавали цены свободы и самостоятельности, потому что они тешили себя надеждой на пожизненное содержание за счет барина. Для дворовых первоочередное значение имела материальная поддержка своего хозяина, особенно им ценилась щедрые подачки от помещика. Это объясняет то, что попытки помещика обучить их каким-либо навыкам вызывало их равнодушие и непонимание. Однако, были крестьяне, которые, уделявшего внимание их образованию помещика, наделяли качествами заботливого хозяина. Но не только материальная сторона взаимоотношений с помещиками, но и духовная была значима для дворовых крестьян. В крестьянском сознании барин, готовый соприкоснуться с их миром, стать ближе к ним, считался добродетельным человеком. Причиной крестьянского недовольства в помещичьей вотчине, в основном, были различного рода притеснения крестьян, чрезмерное вмешательство в личную жизнь, нарушение субординации в отношении женщин. Крайним проявлением агрессии дворовых к помещикам были их убийства, увечья. Таким образом, институт крепостничества как исторический этап в крестьянской жизни сформировал специфику социальной психологии дворовых людей. В их сознании от наличия и характера барских добродетелей зависела их жизнь в барском имении.

HOUSE-SERF: VIEWS ON THE CHARACTER OF LANDLORD AUTHORITY IN EUROPEAN RUSSIA IN THE PRE-REFORM PERIOD

I. A SHEENKO

*Belgorod National
Research University*

e-mail: irusik2301@yandex.ru

The article discusses the specifics of social psychology of house-serf within the boundaries of pre-reform period landlord house. Analyzes the concepts of power of the landlords and social subordination fact, identifies their features. This will make it possible to find out what qualities they considered landlord virtue or vice landowner.

Keywords: landlords, house-serf, views, pre-reform period. .

⁴⁶ Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.booksite.ru/ancient/mode/culture_04_31.htm.

⁴⁷ Русские народные сказки. Барин и мужик. М., 1932. С. 117-119.

⁴⁸ Бродский Н. Л. Крепостное право в народной поэзии // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. 4. М., 1911. С. 14.

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ ЧИСЛЕННОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТ.

Ю. А. НИКИТИН

*Национальный педагогический
университет имени
М. П. Драгоманова,
г. Киев, Украина*

e-mail: nikitin_ua@mail.ru

В статье рассматривается динамика увеличения численности городского населения Харьковской губернии во второй половине XIX в. Показана связь между уровнем экономического развития городов и темпами урбанизационных процессов в регионе.

Ключевые слова: Харьковская губерния, реформы, города, миграция, население.

На динамику роста городского населения каждой страны и региона влияют разнообразные факторы. Реформы второй половины XIX ст. повлияли на все сферы жизни в том числе и украинских земель в составе Российской империи. Распространение рыночных отношений способствовали внутренней и внешней миграции, смене структуры городского населения. Недостаточное изучение данной проблемы на региональном уровне повлияло на выбор темы данной статьи.

При написании данной статьи нами были использованы архивные и опубликованные источники. Опубликованные материалы по нашей теме содержат статистический материал о численности и составе городского населения Харьковской губернии во второй половине XIX в. (Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Харьковская губерния; Россия. Полное географическое описание нашего Отечества; Географическо-статистический словарь Российской империи; Харьковские календари и Памятные книжки Харьковской губернии за разные годы), а также материалы Государственного архива Сумской области (Ф. № 1).

Для достижения поставленных в работе задач нами были использованы общенаучные методы познания (объективности, историзма, логической последовательности), а также исторические (проблемно-тематический, хронологический, аналитический, описательный). Оптимально использовать архивные источники, опубликованные документы и научные труды удалось благодаря использованию методов поиска, анализа и синтеза эмпирического материала. При изучении отдельных аспектов проблемы динамики изменения численности городского населения Харьковской губернии во второй половине XIX в. были использованы методы историческо-ретроспективный (при анализе историографии), типологизации и классификации (при анализе источников), аналитический (в заключении) и другие.

Реформы второй половины XIX в. частично законодательно закрепили переход Российской империи к рыночным отношениям. В результате преобразований активизируется развитие экономики. Расширение рынка труда, а также бедность, малоземелье и аграрное перенаселение отдельных районов способствовали усилению миграционных процессов в Российской империи в рассматриваемый период.

Исследователи часто выделяют два основных периода миграционной активности населения Российской империи во второй половине XIX ст.: 1861 – 1881 гг. и 1882 – 1900 гг. Первый период связывают с переходом большинства крестьян империи на выкуп, а второй – с дальнейшим распространением рыночных отношений в селах и городах.

В первые десятилетия после реформы 1861 г. стремление крестьян к переездам в экономически развитые районы беспокоило помещиков, которые в результате миграции теряли рабочие руки и прибыль¹. Во времена правления императора Александра II существовали определенные юридические ограничения, которые сдерживали переселенческое движение крестьян. После воцарения Александра III отношение властей к данному вопросу изменилось. Власть начала более благосклонно относиться к желанию крестьян

¹ Кауфман А. А. Переселения и колонизация. СПб., 1905. С. 59 – 178, 187.

переселяться (особенно поощрялась миграция на окраины империи). В это время было подписано ряд указов, которые разрешали и предусматривали льготы для переселенцев². Эти шаги властей способствовали новому подъему переселенческого движения (в том числе и в Харьковской губернии)³.

Под влиянием реформ более быстрыми темпами начала развиваться экономика, активизировалась общественная жизнь, происходили изменения в социальной и национальной структуре городского населения. Крестьянская реформа 1861 г. была одним из важнейших факторов, который повлиял на демографические и миграционные процессы в империи.

Однако не следует считать, что данные процессы начались сразу же после ликвидации крепостного права. По подсчетам Б. Миронова, в первые годы после реформы численность крестьян и дворян среди городского населения уменьшилась. В 1861 г. общая численность городского населения уменьшилась на 23 тыс. чел., 1863 г. – на 63 тыс. чел. Всего же за 1860 – 1865 гг. она уменьшилась с 7,1 % до 6,8 %⁴. Исследователь связал данное явление с тем, что крестьянам необходимо было вернуться в родные села для раздела земель, составления уставных грамот и перерегистрации.

Подобная тенденция наблюдалась и в городах Харьковской губернии. Однако с конца 60-х годов XIX в. фиксировалась стойкая динамика возрастания численности городского населения: 60-е гг. – 185018 чел., 80-е гг. – 342644 чел., 90-е гг. – 367343 чел.⁵. Также значительное влияние на жизнь городского населения имели и другие реформы 60 – 70 годов XIX в.

Также важное влияние на жизнь городского населения имела городская реформа 1870 г., законодательные инициативы в образовательной сфере („Общий устав университетов России” 1864 г., „Устав гимназий и прогимназий” 1864 г. и др.). Финансовая реформа способствовала активизации рыночных отношений. Деятельность земских и городских органов самоуправления позитивно повлияла на прогресс в области медицинского обслуживания населения. Благодаря указанным факторам, в том числе и в городах Харьковской губернии, происходят изменения, которые затронули все сферы жизни.

Еще по данным 1858 г. Харьковская губерния считалась достаточно густонаселенной (1582571 чел.)⁶. Однако с 60-х годов местные чиновники фиксировали быстрые темпы роста числа жителей в крае, в том числе и в городах. В города переселялись не только жители Харьковской губернии, но и выходцы из других губерний. Больше всего переселенцев было из Полтавской и Курской губерний⁷. Например, только за период с 1877 по 1893 гг. из Полтавской губернии в Харьковскую переехало 2,2 % крестьян. Эта тенденция имела свое объяснение. Именно Харьковская губерния была лидером по темпам развития рыночных отношений на Слобожанщине и Левобережной Украине.

В Харькове и уездных центрах открывались средние и крупные предприятия разного профиля, развивалась торговля, регионального и всероссийского значения. В 1880 г. в губернии насчитывалось 536 заводов, из которых 218 были расположены в городах⁸. Объемы ярмарочной торговли в Харькове уступали лишь Нижнему Новгороду и Ирбиту. Ежегодно в губернском центре проводилось 4 ярмарки (в 1880 г. было продано товаров на 44899000 руб.). Экономическому подъему региона способствовали построенные железные дороги (Московско – Киево – Воронежская, Харьковско – Николаевская, Курско –

² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1891. Собр. 3. Т. IX. С. 535.

³ Ямзин И. Переселенческое движение в России. Киев, 1912. С. 171.

⁴ Голобуцкий В. О. Економічна історія Української РСР. Дожовтневий період. Київ, 1970. С. 192; Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М., 1956. С. 90; Харьковский календарь на 1868 год. Харьков, 1867. С. 299; Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1885. Т. 5. С. 469; Гусев А. А. Харьков. Его прошлое и настоящее в рисунках и описаниях. Харьков, 1902. С. 33 – 34; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Харьковская губерния. СПб., 1904. Т. 46. С. 1.

⁵ Памятная книжка Харьковской губернии на 1864 г. Харьков, 1863. С. 124 – 131; Харьковский календарь на 1888 г. Харьков, 1887 г. С. 279 – 281; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 46. С. 2.

⁶ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1903. Т. 7. С. 92, 231, 95.

⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 46. С. 1 – 2, 15, 180.

⁸ Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 5. С. 464, 473.

Харьково – Севастопольская, Юго-Восточная) ⁹. С 1861 по 1880 гг. промышленное производство в Харькове выросло на 283 % (с 1620000 руб. до 6201150 руб.)¹⁰.

В тоже время необходимо отметить, что значительный процент городского населения Харьковской губернии во второй половине XIX в. занимался сельским хозяйством, что подтверждают материалы переписи 1897 г. ¹¹. Поэтому можно считать закономерным значительный процент крестьян в структуре городского населения губернии. Как правило, данная группа населения обрабатывала землю в близлежащих селах, а полученный урожай продавала в городах. Главным образом выращивали пшеницу, рожь, овес, просо и гречку. Земледелие было главным занятием для населения Недригайлова, Купянска, Старобельска, Белополья, Лебедина, Змиева и Волчанска. В Недригайлове и Змиеве практически все население занималось сельским хозяйством. Население городов нуждалось не только в зерновых культурах, но и в большом количестве овощей. Именно на выращивании овощных культур специализировалась часть горожан Волчанска и Валок. Полученной продукцией они снабжала близлежащие населенные пункты. И в других городах Харьковской губернии значительная часть населения получала доход от занятия сельским хозяйством. Данный факт свидетельствует, что большинство городов региона только встали на путь постепенной трансформации и изменений, которые связаны с развитием рыночных отношений.

Одновременно во второй половине XIX в. губернский центр постепенно превращался в один из крупнейших промышленных и торговых центров Российской империи. Он имел транспортную связь с Москвой, Ростовом, Севастополем, Николаевом и Одессой. Харьков считался одним из десяти наиболее крупных и экономически развитых городов европейской части Российской империи. Поэтому не удивительно, что город стал привлекательным местом для переселенцев, которые искали работу. Только за 1851 – 1858 гг. численность городского населения в губернии возросла на 5 %¹². В следующем десятилетии процент городского населения Харьковской губернии составлял 13,3 % от общего числа жителей края ¹³, в 90-х годах этот показатель вырос до 14,9 % ¹⁴. Среди всех городов губернии только Харьков имел наиболее стабильную тенденцию роста численности населения, что подтверждают данные табл. ¹⁵.

Таблица 1

Динамика изменений численности населения Харькова

Годы	Население
1825	17424 чел.
1853	30600 чел.
1861	50301 чел.
1863	52016 чел.
1864	55003 чел.
1865	60798 чел.
1866	60798 чел.
1873	82133 чел.
1876	86454 чел.
1879	102049 чел.
1897	173989 чел.

Мужчины составляли чуть больше половины населения губернского центра (55,3 %, женщины – 44,7 %). Преобладание мужчин среди населения Харькова и других городов губернии объяснялось тем, что они приезжали в города в поисках постоянной или временной

⁹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 7. С. 92, 231, 95.

¹⁰ Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 5. С. 464, 473.

¹¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. Т. 46. С. 1 – 2, 15, 180.

¹² Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII–XIX вв. М., 1971. С. 59.

¹³ История Украинской ССР. В 2 т. Киев, 1953. Т. 1. С. 531.

¹⁴ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 7. С. 92, 231, 95.

¹⁵ Голобуцкий В. О. Економічна історія Української РСР. Дожовтневий період. С. 192; Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). С. 90; Харьковский календарь на 1868 год. С. 299; Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 5. С. 469; Гусев А. А. Харьков. Его прошлое и настоящее в рисунках и описаниях. С. 33 – 34; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 46. С. 1.

работы, а их семьи оставались в селах или малоразвитых городах. Эту тенденцию подтверждают данные о промышленном потенциале губернского центра. В 1861 г. в Харькове функционировало 127 фабрик и заводов, которые выпускали продукции на 1620000 руб. (в это время через город еще не проходили железные дороги). В 1892 г. количество предприятий сократилось до 95, но возрос выпуск продукции (на 6201150 руб.)¹⁶.

Почти половина зафиксированных в Харькове рабочих работала в металлообрабатывающей промышленности. В 1885 г. на заводах и фабриках губернского центра насчитывалось до 356 рабочих, которые выпускали продукции около 5 1/2 млн. руб. Значительные объемы имели фабрики по производству табака, спирта и обработке шерсти (на 5 мойках работало 863 чел.), изготовлению конфет и пряников (на 13 заводах – 448 рабочих)¹⁷. В городе также развивались ремесла. Среди наиболее распространенных необходимо отметить портняжное дело (4080 чел.), сапожное (2099 чел.), столярное (2585 чел.) и другие.

Во второй половине XIX ст. Харьков превращается в один из главных центров торговли Европейской части Российской империи. На его территории располагались многочисленные склады для товаров, кроме того сам город играл роль важного транзитного пункта по доставке товаров с севера на юг, а позднее и на запад империи. Торговлю в Харькове по характеру можно поделить на внутреннюю и внешнюю. Именно внутренняя торговля способствовала усилению миграционных процессов в сторону губернского центра. В сравнении с соседними губернскими городами (Полтава, Чернигов и др.). Харьков отличался не только темпами роста городского населения, но и динамикой развития всех сфер жизни.

Статистические данные второй половины XIX в. фиксируют постепенный рост числа жителей и в уездных и заштатных городах Харьковской губернии. В крае этот процесс опередил не только динамику роста числа жителей в уездах, но и общую динамику увеличения населения в губернии¹⁸. В начале 60-х годов XIX ст. в губернии было зафиксировано 197030 чел. городского населения (в 10 уездных и 6 заштатных городах). Наибольшее число жителей в это время чиновники зафиксировали в таких уездных центрах: Ахтырка – 14987 чел., Лебедин – 14236 чел., Сумы – 12925 чел. В тоже время отдельные уездные города по числу жителей, а иногда и по внешнему виду больше напоминали большие села (Старобельск – 3385 чел.)¹⁹.

В 1876 г. уже прослеживается разница в темпах роста населения в городах Харьковской губернии. К наиболее населенным относились Лебедин – 25138 чел., Ахтырка – 18303 чел., Белопожье – 13408 чел., Сумы – 13730 чел., Изюм – 12827 чел. Вместе с тем были города, которые имели незначительное число жителей: Змиев – 4050 чел., Купянск – 4515 чел., Краснокутск – 5201 чел., Недригайлов – 5595 чел., Золочев – 5995 чел.²⁰. В 1883 г. число городских жителей Харьковской губернии выросло в 1,7 раза. Среди городов-лидеров в своих отчетах местные чиновники отмечали Изюм, Ахтырку, Сумы, Лебедин, где численность населения выросла в 1,57 – 1,03 раза²¹.

Города, в которых быстрыми темпами увеличивалась численность населения, как правило, были и лидерами по темпам промышленного производства в губернии (Ахтырка, Славянск, Изюм, Сумы, Чугуев). В Славянске в 80-х годах XIX ст. работало 22 солеварных и 6 салотопных завода. Только указанные предприятия выпускали продукции на 583510 руб. (302 работника)²². В Сумах, кроме одного из крупнейших в империи сахарных заводов (Павловском), действовало еще 26 (машиностроительные, литейные, механические и др.), на которых работало 1036 чел.²³. В Ахтырке и Изюме главным образом местное население работало на кирпичных, салотопных и воскобойных заводах²⁴. В

¹⁶ Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 5. С. 464, 473.

¹⁷ Харьковский календарь на 1887 г. Харьков, 1886 г. С. 417, 418

¹⁸ Солошенко О. М. Зміни чисельності та складу населення Лівобережної України в II половині XIX ст.: Автореф. дис. ... на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук. Харків, 1997. С. 5.

¹⁹ Памятная книжка Харьковской губернии на 1864 г. С. 124 – 131; Харьковский календарь на 1888 г. С. 279 – 281; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 46. С. 2.

²⁰ Харьковский календарь на 1877 год. Харьков, 1876. С. 58 – 81.

²¹ Харьковский календарь на 1885 год. Харьков, 1884. С. 221.

²² Харьковский календарь на 1887 г. Харьков, 1886 г. С. 417, 418.

²³ Сапухіна Л. П. Суми. Харків, 1984. С. 10, 11.

²⁴ Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1863. Т. 1. С. 167.

Краснокутске и Купянске заводов и фабрик вообще не было, а торговля и ремесла развивались слабо, что нашло свое отражение и в динамике роста городского населения²⁵.

Статистические данные второй половины XIX в. дают возможность проследить определенную тенденцию. Южная часть Харьковской губернии уступала по темпам экономического развития северной, что повлияло на увеличение численности городского населения. Определенным исключением кроме Харькова были Изюм, Славянск и Богодухов.

Перепись 1897 г. зафиксировала усиление различий в динамике роста численности населения в отдельных городах Харьковской губернии. На фоне Змиева, Недригайлова, Купянска и Краснокутска, число жителей, в которых колебалось от 4673 чел. До 6893 чел., темпы роста населения Сум и Ахтырки кажутся огромными (соответственно 27564 чел. и 23390 чел.)²⁶. Более детально данные представлены в табл. 2²⁷.

Таблица 2

Динамика изменения численности городского населения Харьковской губернии

Города	1876 г. (человек)	1897 г. (человек)	Прирост численности населения в %
Харьков	86454	173989	101,25
Ахтырка	18303	23399	27,84
Богодухов	11959	11752	- 1,74
Белополье	13408	15215	13,45
Валки	6863	7938	15,66
Волчанск	9291	11020	18,6
Золочев	5995	6573	9,64
Змиев	4050	4673	15,38
Изюм	12827	13108	2,19
Краснокутск	5201	6860	31,89
Купянск	4515	6893	52,66
Лебедин	25138	14301	- 43,12
Недригайлов	5595	5873	4,96
Славянск	10849	15792	45,56
Старобельск	16219	9801	- 39,58
Сумы	13730	27564	100,75
Чугуев	9061	12592	38,96

Кроме медленных темпов роста численности населения, в отдельных городах губернии наблюдались и другие процессы. В результате внутренних миграционных процессов в самой губернии некоторые города утратили статус густонаселенных (Старобельск, Изюм). Например, в Старобельске с 1876 по 1897 гг. число жителей сократилось с 16219 чел. до 9801 чел.²⁸.

Данное явление имело свое объяснение. Те города Харьковской губернии, которые не стали центрами торговли и промышленного производства, важными железнодорожными узлами, начали отставать во всех сферах жизни, в том числе и по численности населения.

Отсутствие перспектив улучшения жизни подталкивало не только крестьян, но и жителей некоторых уездных центров и заштатных городов переезжать в экономически развитые города. Наиболее привлекательным городом в Харьковской губернии в это время был Харьков. На колебания численности городского населения влияли и кризисные явления в экономике. Так в 70-х – 80-х годах XIX ст. произошло падение цен на зерно и другие продовольственные товары, что повлияло на динамику роста городского

²⁵ Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1865. Т. 2. С. 765, 844.

²⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. Т. 46. С. 1 – 2, 15, 180.

²⁷ Голобуцкий В. О. Економічна історія Української РСР. Дожовтневий період. С. 192; Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). С. 90; Харьковский календарь на 1868 год. С. 299; Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 5. С. 469; Гусев А. А. Харьков. Его прошлое и настоящее в рисунках и описаниях. С. 33 – 34; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 46. С. 1.

²⁸ Там же.

населения. В городах, где преобладала промышленность, связанная с переработкой сельскохозяйственной продукции, жители были вынуждены выезжать в другие города или же искать работу в селах. Сложную экономическую ситуацию во многих городах губернии подтверждает случай в Сумах. Известный в городе предприниматель Суханов построил для своей семьи дом, цена которого равнялась 75 тыс. руб. В кризисные же годы он не смог продать построенный дом и за 25 тыс. руб.²⁹.

Таким образом, рассмотренные материалы позволяют сделать вывод, что реформы второй половины XIX ст. оказали решающее значение на динамику увеличения численности населения в городах Харьковской губернии. По данным X ревизии в середине XIX в. численность городского населения края выросла на 5 % (в сравнении с показателями предыдущей ревизии)³⁰. Бесспорным лидером по темпам роста численности городского населения был Харьков. Центры региональной торговли и промышленности иногда значительно опережали другие города по динамике увеличения численности населения. Разница в темпах экономического развития городов и колебания цен на сельскохозяйственную продукцию были дополнительными факторами, влиявшими на темпы урбанизационных процессов. Большинство экономически развитых городов Харьковской губернии располагались в северных уездах. Именно они и были лидерами по темпам роста численности населения, опережая города на юге края. На медленный рост или уменьшение числа городских жителей также влияли частые эпидемии и отсутствие развитой, эффективной и доступной системы медицинского обслуживания

THE TIME HISTORY OF KHARKOV PROVINCE URBAN POPULATION IN THE SECOND HALF OF XIX CENTURY

Yu. A. NIKITIN

*National Pedagogical University
named after M. P. Dragomanov*

e-mail: nikitin_ua@mail.ru

The article deals with the increasing of urban population size of Kharkov province in the second half of XIX century. Shows the relations between the level of economic development of cities and urbanization processes rates in the region.

Key words: Kharkov province, reforms, cities, migration, population.

²⁹ Государственный архив Сумской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 40 – 42 об.

³⁰ Кауфман А. А. Переселения и колонизация. СПб., 1905. С. 187.

КОММЕРЧЕСКИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ РОССИИ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА В УСЛОВИЯХ СКЛАДЫВАЮЩЕЙСЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Д. А. ТЕРЕЩЕНКО

*Российский государственный
торгово-экономический
университет
(Курский филиал)*

e-mail: filkursk@rsute.ru

Представлены учебные заведения профессионального образования в городских центрах провинциальной России второй половины XIX–начала XX века, поскольку в них как раньше, так и сейчас, определяются основные направления кардинальных изменений в области профессиональной подготовки населения. Показана деятельность государственных органов, местного самоуправления, частных лиц и общественных организаций по созданию в стране системы коммерческого профессионального образования, а так же сам процесс становления и развития сети профессиональной подготовки населения в городских центрах российской провинции во второй половине XIX – начале XX века.

Ключевые слова: образование, профессиональное образование, коммерческое образование, коммерческие учебные заведения, торговля, промышленность, экономика, городские центры.

Развитие в России XIX в. промышленного капитализма потребовало коренного преобразования всех остатков феодальных форм и отношений. В значительной мере это касалось и вопросов народного образования. Реформами 60-х гг. были заложены основы всеобщей общеобразовательной школы, открыты широкие возможности для организации образования органами местного самоуправления – земскими и городскими, а также разного рода общественными организациями и объединениями.

Вопросы подготовки для отечественной промышленности и торговли грамотных работников широко обсуждались в столичной и местной печати. Они занимали существенное место в деятельности созданного в 1866 г. Русского технического общества, одной из целей которого являлось содействие промышленному прогрессу. Право инициативы в постановке перед правительством различных вопросов хозяйственной и культурной жизни, в том числе и в области образования, получило утвержденное в 1867 г. Общество для содействия развитию русской промышленности.

Созванный в 1870 г. по инициативе этих обществ Первый торгово-промышленный съезд, наряду с другими актуальными вопросами широко обсуждал и проблему профессионального образования.

Заинтересованность торгово-промышленных кругов России в более широкой и тщательной постановке в стране профессионально-технического и коммерческого образования была поддержана и Министерством финансов, которое с середины XIX столетия начинает играть все более активную роль в решении этих вопросов.

Принятый в 1864 г. новый устав гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения разделил гимназическое обучение на две ветви: классическое и реальное обучение. В реальных гимназиях в одинаковых объемах с классическими были представлены такие предметы как, Закон Божий, русский и церковно-словесный языки, словесность, история, география, чистописание. В большем объеме, чем в классических гимназиях, преподавалась математика, естественная история «с присоединением к ней химии», физика и космография, немецкий и французский языки. При этом из программы реальных гимназий полностью исключались латинский и греческий языки.

К обучению в гимназиях и прогимназиях (их учебный курс соответствовал курсу четырех низших классов гимназий) допускались дети всех состояний, «без различия звания и вероисповедания».

В 1871 г. реальные гимназии были переименованы в реальные училища, так как обучение в них не давало возможности для продолжения обучения в высшем учебном заведении, в том числе и в специальном. Высочайше утвержденный 15 мая 1872 г. Устав реальных училищ объявлял их целью «общее образование, приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических познаний». Училища должны были состоять и 6 классов, при этом в 4-х низших классах давалось общее образование, а в 2-х высших, наряду с общими изучались и специальные предметы. Пятый и шестой класс реальных училищ делились на 2 отделения: основное и коммерческое, или могли иметь какое-нибудь одно отделение, «смотря по местным потребностям». При старшем основном отделении допускалась возможность открывать второй класс с тремя разрядами (подгруппами): общими, предназначенными для подготовки в высшие специальные учебные заведения, механико-техническими и химико-технологическими, дававшими их выпускникам среднее техническое образование. Учащиеся коммерческих отделений реальных училищ в большом объеме изучали немецкий и французский языки, географию. В качестве начальных дисциплин преподавались письмоводство и книговодство. По выбору учащихся в курс реальных гимназий могли вводиться дополнительно английский, итальянский и новогреческий языки.

Курс первых трех классов приравнивался к курсу уездных училищ.

В 1873 г. в России было открыто 23 реальных училища. В 1882 г. их было уже 79 (17484 учащихся). Причем при 23 училищах работали основные отделения, при 23 коммерческие. К 1891 г. общее число учащихся выросло до 104000, а количество основных и коммерческих классов соответственно до 572 и 44.

Создание при коммерческих училищах коммерческих отделений не способствовало сколько-нибудь существенному решению проблем коммерческого образования. В гораздо большей степени эту проблему разрешали созданные в конце XVIII начале XIX в. и продолжавшие свою деятельность и во второй половине XIX в. специализированные коммерческие училища. Одним из более авторитетных из них была к этому времени Московская практическая академия коммерческих наук.

В декабре 1895 г. здесь обучался 441 воспитанник. Кроме общеобразовательных предметов, которые соответствовали курсу реальных гимназий, в академии серьезно преподавались такие специальные предметы как химия, механика и технология, товароведение, политэкономия, бухгалтерия и коммерческая арифметика, коммерческая география, история торговли, законоведение. Изучали три основных иностранных языка – немецкий, французский, английский. Для учащихся армянской диаспоры – родной язык и основы армяно-григорианского вероисповедания.

Полный курс обучения составлял 9 лет.

До середины XIX в. специализированно работали только 3 специальных коммерческих училища – Московская практическая академия коммерческих наук и находившееся в ведомстве Императрицы Марии Петербургское (Демидовская) и Московское коммерческое училища. В 1857 г. – Одесское коммерческое училище. В 1861 г. получило свой устав, по которому имело 4 класса. В 1869 г. училище преобразовано в шестиклассное. Первые 4 общеобразовательные, 2 последних специальные. В 1880 г. в Петербурге на средства купеческого общества открывается Петровское коммерческое училище, в которое по уставу принимались дети купеческого сословия не моложе 9 лет. Целью являлось: «дать общее и специальное образование для ведения торговых всех родов операций и приготовить опытных бухгалтеров, конторщиков и других лиц для торговых, фабричных и заводских контор». В составе училища было 8 классов – 1 пригготовительный, 5 общеобразовательных и 2 специальных. К середине 90-х гг. в училище обучалось более 450 воспитанников.

В 1883 г. в Москве было открыто Александровское коммерческое училище – пригготовительный класс (2 года), 5 общеобразовательных, 2 специальных.

В 1894 г. открывается коммерческое училище в Харькове, также на средства купеческого общества.

В это время предпринимаются первые попытки организации женских коммерческих учебных заведений. Среди них необходимо особо отметить женское коммерческое училище (с рукодельно-профессиональной школой) при доме А. Демидова в Петербурге.

История этого заведения начинается с 1833 г., когда А. Н. Демидов основал первый в России детский приют, который в 1843 г. был преобразован в школу со специальным отделением для малолетних. Обучались девочки с 8-10 лет. Задачей было: дать общее образование в объеме двухклассного городского училища и профессионально подготовить их к работе «по разным отраслям игольно-швейного мастерства».

В 1882 г. курс общеобразовательных предметов был расширен до уровня женских прогимназий. После окончания общеобразовательных курсов можно оставить школу или продолжить обучение на профессиональном отделении, где была возможность получить следующие специальности: белошвейная, портновская, модное, вышивальное и вязальное, хозяйственное, прачечное, башмачное. Выпускницы получали звание мастериц. В 1894 г. училище получило новый устав и было разделено на общеобразовательный курс (1 приготовительный и 5 основных) и специальные классы, поделенные на два профессиональных отделения: первое – рукодельно-профессиональная школа, вторая – училище коммерческого счетоводства. Это было заведение закрытого типа. Большинство воспитанниц находилось на полном пансионе.

Промышленный подъем, который переживали в последней четверти XIX в. ведущие индустриальные страны мира, а к ним с полным основанием можно отнести и Россию, придавал особую актуальность вопросов профессионального, в том числе и коммерческого образования. Интернационализация хозяйственной жизни различных стран и образование мирового капиталистического рынка требовало не только унификации мер, весов и монет, а также международного применения национальных банковских систем, но и создания идентичных типов учебных заведений, выпускники которых могли бы беспрепятственно общаться, устанавливать широкие межнациональные деловые контакты в различных предпринимательских сферах.

С 9 мая 1894 г. в соответствии с ходатайством министра С. Ю. Витте, заведывание коммерческими учебными заведениями было возложено на Министерство финансов в законодательном порядке.

С этого времени в истории коммерческого образования России начинается новый, весьма важный этап, связанный с массовым развитием коммерческой школы.

В 1896 г., 15 апреля, было «Высочайше утверждено» Положение о коммерческих учебных заведениях Министерства финансов. В соответствии со сложившейся практикой и рекомендациями международных конгрессов по профессиональному образованию. Оно предусматривало 4 типа учебных заведений:

- коммерческие училища с семигодичным курсом обучения призванные дать общее и коммерческое образование;
- коммерческие училища с трехгодичным курсом обучения призванные дать общее и коммерческое образование;
- торговые классы, предназначавшиеся для лиц 12 лет;
- торговые школы, курсы коммерческих знаний.

В 1862 г. тоже на средства купечества было открыто коммерческое училище в Одессе, предназначавшееся для детей всех сословий. Училище состояло из двух отделений: общеобразовательного – четырехклассного и коммерческого – двухклассного. В каждом классе обучение продолжалось один год. На коммерческом отделении изучались такие предметы, которые не были ранее включены в учебные программы Петербургского и Московского училищ, например, «Торговая статистика», «Торговое, промышленное и финансовое право», «Политическая экономия», «Товароведение», «Технология».

Большой вклад в распространение коммерческих знаний внесло Общество распространения коммерческого образования (МОРКО), образованное в 1898 г. в Москве. Почетным председателем Общества был избран министр финансов С. Ю. Витте. При нем к 1900 г. учреждены и оснащены оборудованием 3 политехнических института, 73 коммерческих училища.

МОРКО содержалось на членские взносы и единовременные пожертвования, которые шли на учреждение и содержание коммерческих учебных заведений. Главное управление делами Общества принадлежало общему собранию, ближайшее заведование возлагалось на комитет, который во главе с председателем являлся фактически главным руководителем Общества. Члены комитета избирались общим собранием на четыре года

и утверждались в должности министром финансов. В первую очередь комитет поставил перед собой задачу создания вечерних торговых классов. В Положении о коммерческом образовании говорилось: «Торговые классы имеют целью сообщать лицам всех возрастов не моложе двенадцати лет, преимущественно из состоящих на службе в торгово-промышленных учреждениях, начальные коммерческие знания, необходимые в торговом деле». Учащимся в торговых классах предоставлялось право учиться не по всем преподаваемым предметам, а только по некоторым по их собственному выбору. Торговые классы развивались в трех направлениях: подготовительные, общие и специальные. В подготовительных классах обучались малограмотные или совсем неграмотные, они осваивали чтение, письмо и закон Божий. Одним из направлений в деятельности МОРКО была организация торговых школ, которые имели целью готовить учащихся к службе в торгово-промышленных учреждениях. В торговые школы принимались дети в возрасте от 12 до 15 лет, представившие свидетельства об окончании двухклассного сельского училища Министерства народного просвещения или же выдержавшие соответствующие испытания. Торговые школы делились на одноклассные и трехклассные. В одноклассных изучались закон Божий, русский язык, коммерческая арифметика, бухгалтерия с коммерческой корреспонденцией, коммерческая география России (преимущественно местный торговый район), каллиграфия, а также другие сведения, необходимые для ведения торгового дела. В трехклассных торговых школах давалась более глубокая общеобразовательная и специальная подготовка.

Одним из основных направлений деятельности МОРКО была организация коммерческих училищ. К 1903 г. это Общество располагало уже тремя такими учебными заведениями.

Коммерческие училища сочетали общеобразовательную и профессиональную подготовку.

Россия имеет глубокие исторические корни в подготовке коммерческих кадров. Ведущая роль в создании учебных заведений экономического профиля в дореволюционной России принадлежала общественной или частной инициативе. Коммерческие училища возникли в Российской империи намного раньше, чем аналогичные учебные заведения в других государствах. Во Франции, например, коммерческие училища появились в 1820 г., в США – в 40-х гг. XIX в.

В городах Курской губернии коммерческое образование было представлено низшими специальными учебными заведениями это торговые школы и курсы коммерческих знаний, открытые городскими и земскими общественными управлениями и предпринимателями Курска, Суджи и Рыльска в 1901, 1907 гг. Данные школы готовили приказчиков, бухгалтеров и других специалистов в коммерческой области,¹ получившие наибольшее развитие в условиях перехода России к рыночной экономике. Вполне естественной была принадлежность этих школ, в основном, к Министерству торговли и промышленности, (Суджанская торговая школа находилась в ведомстве министерства финансов)² да и средств на их содержание, в частности от казны, выделялось значительно больше, чем на другие низшие школы. К примеру, Рыльская городская торговая школа получала на свое содержание от государства 4890 руб. в год. Кроме того, по решению городского самоуправления и с разрешения центральной власти школе отчислялось 15% сбора с торговых документов. Так, за 1909 год эта сумма составила 2643 руб. 75 коп. Обучение было платным, так как в школу принимались дети предпринимателей, имеющие средства. В результате за 1910 год на нужды школы было израсходовано 10959 руб. 93 коп. Для сравнения напомним, что Щигровская земская школа женского труда израсходовала в 1909 году всего 2375 руб. 59 коп., а Суджанская школа ткачества в том же 1909 году потратила 1323 рублей. Таким образом, богатеющее купечество не жалело денег на профессиональное образование.

Однако не все профессиональные учебные заведения благополучно развивались. Интересна в этом плане судьба Суджанской торговой школы. Так, по мысли князя П. А. Долгорукова – лидера Суджанского уездного земства и А. Е. Евреинова, являвшихся инициаторами ее создания, школа должна была не только готовить учащихся к службе в тор-

¹ См.: Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 47. Оп. 1. Д. 1. Л. 52–52 об.

² См.: ГАКО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1. Л. 52.

гово-промышленных учреждениях, но и давать широкое общее образование. Поэтому школу открыли в составе не трех классов, а четырех основных и «приготовительного». В дальнейшем школу предполагалось преобразовать в среднее учебное заведение³.

Школу, открытую 12 апреля 1901 года, после утверждения устава Министром Финансов С. Ю. Витте, в местных общественных кругах встретили неоднозначно. Одни считали ее «новой и особенной», восторгались фактом открытия, другие – относились к ней с подозрительностью, как к «новой затее либералов»⁴.

Первоначально учебный процесс в новом учебном заведении протекал благополучно. Учениками первых выпусков были исключительно взрослые люди от 18 до 24 лет с хорошей базовой подготовкой, дающей возможность провести полные курсы по математике, физике, литературе, специальным предметам. В результате, несколько учеников из первого выпуска поступили в 7-й (выпускной) класс реального училища, трое сдали экзамены на право работать учителем начальной школы, один – на звание домашнего учителя, часть выдержали испытание на аттестат о среднем образовании, а остальные нашли работу в торгово-промышленных предприятиях и земских учреждениях.

Подготовка других выпусков ввиду понижения возраста и базовой подготовки учащихся проходила по более сокращенным программам, хотя и не ниже курса 5-ти классов реального училища. Поэтому выпускники торговой школы успешно поступали в 6-й класс реального училища.

Успех учебного процесса был в немалой степени связан с именем инспектора школы – А. Я. Одинцова, педагогическая компетентность которого признавалась на страницах журнала «Техническое и коммерческое образование». В 1905 году он участвовал в совещании инспекторов торговых школ в г. Санкт-Петербурге, где выступал с докладом на тему: «К вопросу о многопредметности и борьбе с ней». Основные идеи его выступления можно использовать и в современной педагогической практике⁵.

Материальное положение школы в первые годы ее существования было устойчиво. На принадлежавший школе капитал была куплена усадьба, состоящая из двух зданий. Для ее реконструкции и переоборудования Министерством Финансов было выделено 17 тыс. рублей. Содержалась школа на его средства «от платы за обучение и субсидии, в сумме 6 тыс. рублей в год. Число классов с параллельными отделениями доходило до восьми, а количество учащихся – до 250 человек»⁶.

Сокращение субсидии до 5 тыс. рублей и открытие торговых школ в городах Рыльске (1901 г.) и Курске (1907 г.) вызвало сокращение контингента учащихся, финансовое положение школы значительно ослабло. Потребовалось дополнительное финансирование со стороны учредителей: суджанских – городского общественного управления и уездного земства. Однако прежние «лидеры», заинтересованные в работе школы, «ушли в прошлое», а новые не пожелали поддерживать начинания своих предшественников, в том числе торговую школу. Ее инспектор получил у суджанского исправника и курского губернатора «клеймо» политически неблагонадежного» и в 1908 году очередное земское собрание решило закрыть школу «в виде вредного влияния (оказываемого школой) на весь уезд». Решение земства поддержала отнюдь не либеральная городская дума⁷.

Открытая в 1907 г. Курская торговая школа Курским взаимно-вспомогательным обществом купеческих приказчиков и состоящая в ведении министерства торговли и промышленности отличалась от Суджанской. Согласно уставу утвержденному министром торговли и промышленности 20 мая 1907 г., школа имела целью подготавливать учащихся в ней к службе в торговых и промышленных учреждениях. Содержалась Курская торговая школа за счет средств выделяемых государственным казначейством (3000 рублей), на пособия от города (800 рублей), поступления за право обучения (6241 рублей), пособия обществ, частных лиц и иные суммы (2251 рублей). В 1909 г. было израсходовано 12583 рубля 84 копейки.

³ См.: ГАКО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1. Л. 52–52 об.

⁴ См.: ГАКО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1. Л. 52–52 об.

⁵ См.: ГАКО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1. Л. 52–52 об.

⁶ См.: ГАКО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1. Л. 52 об.

⁷ См.: ГАКО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1. Л. 52 об.

Окончившие полный курс школы относительно отбывания воинской повинности пользовались правами, предоставленными окончившим курс учебных заведений второго разряда. Кроме того, им предоставлялось право на получение звания личного почетного гражданина в том случае если они прослужат пять лет в торговых или промышленных заведениях в должности конторщиков, приказчиков, бухгалтеров и т. п. По предоставлению от хозяев или управляющих засвидетельствованных удостоверений, окончившие полный курс школы имели право на производство в первый чин без испытания, при поступлении на государственную службу. Служащие в школе пользовались правами и преимуществами на основании Высочайше утвержденного 15 апреля 1896 г. Положения о коммерческих учебных заведениях. Школа имела попечительный совет. Продолжительность обучения составляла 4 года в нормальных классах и 2 года в подготовительных. К 1 января 1910 г. в школе обучался 191 человек⁸.

Другой тип коммерческих учебных заведений – курсы коммерческих знаний, в городах Курской губернии представляли низшие курсы бухгалтерии. Открытые в 1907 г. в городе Курске Курским взаимно-вспомогательным обществом купеческих приказчиков курсы, состояли в ведении министерства народного просвещения. Курсы имели целью дать возможность членам указанного общества и посторонним лицам получать квалифицированную профессиональную подготовку по специальности конторщиков и бухгалтеров в для общественных и частных учреждений. Содержались курсы на средства общества приказчиков и от поступлений за право обучения (в 1909 г. – 450 рублей). За 1909 г. было израсходовано 270 рублей. Распорядителем курсов являлось правление общества. Курс обучения составлял один год (один класс). К января 1910 г. в данном учебном заведении обучалось 9 учащихся мужского пола. Со времени открытия (с 1907 по 1910 гг.) курсов окончили обучение 18 человек⁹.

Подведем некоторые итоги. Российский город во второй половине XIX века, его социально-экономическая структура, общественно-культурная жизнь, взаимоотношение с сельской округой были органически связаны с общеисторическими процессами в различных сферах жизни страны. Город был не только экономическим, но и социокультурным организмом, создающим определенное геокультурное пространство. Выполняя роль, «одновременно культурного притяжения и лучеиспускания», он выступал и выступает «самым ярким и наглядным мерилом уровня культуры». Социально-экономические изменения в Российской империи вызванные реформами 60-х–70-х годов XIX века привели к существенным сдвигам в области образования. Преобразования в этой сфере во второй половине XIX века неразрывно связаны с деятельностью городских и земских органов самоуправления, возникших в результате Великих реформ.

В общественно-культурной жизни город, с одной стороны – центр возникновения и развития профессиональной культуры, с другой – открытая система, связанная с сельской округой и другими городами. Следовательно, городу в развитии культурной среды, частью которой является профессиональное образование, принадлежит наиболее важная роль.

Из проведенного нами исследования видно, что наибольшее развитие в городских центрах Курской губернии получили низшие профессиональные учебные заведения, занимающиеся подготовкой горожан для новых технологичных производств и способствующие более углубленному развитию их традиционных кустарных промыслов.

Среднее профессиональное образование было представлено специальными учебными заведениями, готовившими специалистов для системы Министерства просвещения, здравоохранения, юстиции и т. п. Самыми востребованными за пределами Курской губернии были выпускники Курского землемерного училища.

Отметим также, что преобладание в Курской губернии средних по численности населения городов, а так же мизерное число малых городов определило тенденцию преобразования городских поселений губернии в многофункциональные центры. Одной из важнейших социокультурных функций Курских городов стала образовательная.

Переход доминирующих позиций в развитии городских центров в экономическую плоскость привел к возрастанию спроса на многочисленных специалистов разнообраз-

⁸ См.: Златоверховников Н. И. Учебные заведения Курской губернии. Курск, 1911. С. 2.

⁹ См.: ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 81. Л. 10.

ных отраслей, складывающейся рыночной экономики России. И как следствие этого спроса, начиная с 70 годов XIX века, в городских центрах Курской губернии открываются различные профессиональные учебные заведения, доступные для лиц, как из высших, так и из низших сословий. Важнейшими из них на первом этапе были низшие профессиональные училища, школы, мастерские.

В целом, в начале XX века в городах Курской губернии сложилась определенная, самостоятельная система профессиональной подготовки городского населения.

COMMERCIAL VOCATIONAL SCHOOLS IN THE RUSSIAN SYSTEM OF TRAINING FOR INDUSTRY AND TRADE IN THE SECOND HALF OF THE XIX-EARLY XX CENTURY IN AN EMERGING MARKET ECONOMY

D. A. TERESHCHENKO

*Russian State University
of Trade and Economics
(Kursk branch)*

e-mail: filkursk@rsute.ru

Presented educational institutions of professional education in the urban centers of provincial Russia in the second half of the XIX – beginning of the XX century, as they like before, and now, the main directions of fundamental changes in the field of vocational training. Shows the activity of state bodies, local governments, individuals and community organizations to build the country's system of commercial professional education, as well as the process of formation and development of a network of professional training of the population in the urban centers of the Russian province in the second half of the XIX- early XX century.

Keywords: education, vocational education, business education, business education, trade, industry, economy, urban centers.

ДОХОДЫ БЮДЖЕТОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В. В. КУЗНЕЦОВ
А. В. ПЕРЕПЕЛИЦЫН

*Воронежский государственный
педагогический университет*

e-mail: avr64@mail.ru

В статье дана характеристика основных статей доходной части бюджетов городского самоуправления 11 уездных городов Воронежской губернии.

Ключевые слова: городское самоуправление, городская реформа, городская дума, городская управа, городские бюджеты, статьи доходов бюджетов городов.

В современной исторической науке особое внимание уделяется историческому опыту реформирования различных сторон российской действительности. Несмотря на имеющуюся литературу, многие аспекты российских реформ и «контрреформ», особенно, их реализация, проведение на местах, остаются слабо изученными. Это в полной мере относится к истории реформирования городского самоуправления во второй половине XIX – начале XX вв. Большое значение для решения задач, поставленных перед органами выборного всесословного городского самоуправления Городовыми положениями 1870 и 1892 гг., имела финансовая составляющая. От того, какие денежные ресурсы находились в руках городских дум и управ, насколько умело они ими распоряжались, зависела результативность работы, ее оценка властью и горожанами.

В данной статье рассматривается содержание доходной части бюджетов 11 уездных городов Воронежской губернии. В качестве источников использованы: делопроизводственная документация, представленная рукописными и печатными отчетами городских управ, справочные издания (Памятные книжки Воронежской губернии за различные годы) и законодательные акты (Городовые положения 1870 г. и 1892 г.). Следует отметить, что хотя отчеты городских управ схожи между собой по структуре, все же каждый из них индивидуален, мог быть более подробным или, наоборот, сжатым, что вызывает трудности при составлении общей картины доходов бюджетов городского самоуправления. Встречаются схематично составленные росписи доходов в виде суммы казенных, городских и партикулярных поступлений без их подробной детализации.

По закону основными налогами в доход города являлись оценочный с недвижимых имуществ, с документов на право производства торговли и промыслов, с трактирных заведений, постоянных дворов и съестных лавочек¹. Независимо от них, город получал пошлины от совершения различных сделок, оформленных нотариусом, с клеймения мер и весов, с аукционных продаж недвижимого имущества, с привозимых в город и отвозимых из него товаров, а также пособия из Государственного казначейства². Кроме того, в случае предоставления городской думой информации о размере обложения и способе его взимания, она имела право ввести налог с извозного и перевозного промыслов, с лошадей и экипажей, принадлежащих частным лицам, с собак³. В итоге, город мог иметь максимум до 11 источников дохода, из них около 8 были постоянными и основными. Расширение налоговой базы было возможно только с разрешения вышестоящих властных инстанций⁴.

Таким образом, доходная часть бюджета складывалась из пошлин (за совершение административных актов, за право пользования мерами и весами, сборы с аукционных продаж имущества); пособий от государства, банка, государственного казначейства на воинские издержки, содержание правительственных учреждений; доходов от муниципальной недвижимости (земли, принадлежащей городу, предприятий); натуральных по-

¹ Городовое положение от 16 июня 1870 г. ст. 128 (а, б, в); Городовое положение 1892 г. ст. 127.

² Городовое положение от 16 июня 1870 г. ст. 136 (а, б, в, г, д); Городовое положение 1892 г. ст. 135, п. 1–7.

³ Городовое положение от 16 июня 1870 г. ст. 128 (г, д, е); Городовое положение 1892 г. ст. 134.

⁴ Городовое положение от 16 июня 1870 г. ст. 137.

винностей (например, квартирная⁵); налогов (оценочный, с документов на право производства торговли и промыслов, с трактиров, постоянных дворов и т. п. заведений).

Общая сумма доходов уездных городов в отчетах распределялась между доходами обыкновенными (от муниципальной недвижимости и предприятий, налоги, пошлины), чрезвычайными (пособия от государства, местного земства, прибыль городского общественного банка, проценты от городских капиталов, собранные недоимки), сверх сметными (в некоторых уездах они обозначены как доходы сверх росписи).

Доходы городов были непостоянными, значительно изменяясь от года к году. Если рассчитать, по сохранившимся данным, средний уровень доходов каждого уездного города Воронежской губернии за период с 1876 по 1914 гг., то получится, что наибольший средний годовой доход имели Павловск (87964 руб.), Острогожск (78868 руб.), Богучар (59072 руб.), Новохоперск (54288 руб.); далее располагались Бобров (43688 руб.), Валуйки (33426 руб.), Задонск (29903 руб.), Коротояк (24707 руб.); наименьший доход приходился на Бирюч (17358 руб.), Землянск (16291 руб.), Нижнедевицк (16066 руб.)⁶. По конкретным годам доходы городов также сильно колебались: от 8004 руб. в Нижнедевицке до 49038 руб. в Острогожске (1876 г.), от 8969 руб. в Бирюче до 70299 руб. в Павловске (1900 г.), от 19240 руб. в Бирюче до 263783 руб. в Острогожске (1914 г.)⁷.

Рассмотрим теперь, из каких поступлений формировалась доходная часть бюджета уездных городов Воронежской губернии.

Доходы Бирюча в 1914 г. оказались меньше, чем в 1876 г., на 28,3 %. Обыкновенные доходы в этом городе значительно превышали чрезвычайные доходы (в 1889, 1894, 1900, 1908-1914 гг.), и только в 1876 г. и 1879 г. наблюдалась обратная ситуация (в первом случае сумма обыкновенных доходов составила 22 % всего дохода, а во втором 18 %). Подобное обстоятельство было временным явлением, так как в структуре чрезвычайных доходов в эти годы отмечалось явное преобладание процентов с городских капиталов и субсидий от городского банка. В бюджетах других лет данные показатели вообще отсутствовали. Преобладание обыкновенных доходов над чрезвычайными позволяет утверждать, что Бирюч черпал основные финансовые средства из внутренних ресурсов. Среди обыкновенных доходов превалировали поступления от городских имуществ и других оброчных статей. Исключение составлял только 1876 г., когда налог с промышленности ненамного превосходил сумму от городских имуществ. Можно отметить тенденцию роста дохода от городского имущества, причем если сравнить его сумму за 1876 г. и 1914 г., то она возросла в пять раз. Налоговая составляющая доходной части бюджетов была представлена суммой сборов с недвижимых имуществ и промышленности. Резкое увеличение суммы того или иного сбора было связано с количеством собранных недоимок. В структуре налогов сбор с промышленности не намного, но превышал оценочный сбор. Среди пошлин, которые город устанавливал в свою пользу, в Бирюче была только одна и взималась она с заключения различных актов у нотариуса. Сумма чрезвычайных доходов, за исключением 1876 и 1879 гг., складывалась из пособий от казны и «других» источников. Более детальной расшифровки последних нет, но можно предположить, что это были денежные суммы, полученные из внутренних ресурсов: от продажи незначительного городского имущества, остаточные возвратные деньги от лиц, ранее получавших их от управы на какие-то свои нужды, и т. п. Об этом позволяет судить их небольшая общая сумма, которая, однако, постоянно увеличивалась и в 1914 г. составила около трех тысяч рублей. Что же касается пособий от казны, то они стали регулярными, судя по имеющимся бюджетам, с 1908 г. и выделялись не на военные издержки, а на другие нужды без их деталь-

⁵ Городовое положение от 16 июня 1870 г. ст. 135.

⁶ Государственный архив Воронежской области (далее ГАВО). Ф. И-21. Оп. 1. Д. 32. Д. 283; Памятная книжка Воронежской губернии на 1891 г. Воронеж, 1891. С. 134-135; Памятная книжка Воронежской губернии на 1896 г. Воронеж, 1896. С. 111; Памятная книжка Воронежской губернии на 1902 г. Воронеж, 1902. С. 102-103; Памятная книжка Воронежской губернии на 1910 г. Воронеж, 1910. С. 108-109; Памятная книжка Воронежской губернии на 1911 г. Воронеж, 1911. С. 114-115; Памятная книжка Воронежской губернии на 1912 г. Воронеж, 1912. С. 110-111; Памятная книжка Воронежской губернии на 1914 г. Воронеж, 1914. С. 110; Памятная книжка Воронежской губернии на 1915 г. Воронеж, 1915. С. 108-109; Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 г. Воронеж, 1916. С. 24-25.

⁷ Там же.

ной расшифровки, причем размер этих субсидий был примерно одинаков – около двух тысяч рублей.

По сравнению с 1876 г. доходы Коротояка в 1914 г. выросли в 3,8 раза. Обыкновенные доходы всегда превышали чрезвычайные. Среди обыкновенных доходов выделялись поступления от городских имуществ, налоги, мелочные и вспомогательные доходы. Наибольшую прибыль приносили городские имущества. Причем, если с 1876 г. по 1894 г. доля этой статьи дохода варьировалась от 52 % до 82 % обыкновенных доходов, то в начале XX в. она составляла уже более 90 %. Среди налогов, установленных городским самоуправлением, основными были сбор с недвижимости горожан, с заведений промышленности и косвенные налоги. Доля налогов только в 1879 г. достигала 21 % обыкновенных доходов, в 1876 г., 1885 г., 1889 г. и 1894 г. – менее 20 %, а с 1900 г. по 1914 г. – менее 10 %. Городское самоуправление Коротояка в 1876 г. ввело пошлину за проезд по городским сооружениям, построенным на деньги города, однако, уже в последующие годы данная графа поступлений исчезла из отчетов. Чрезвычайный доход городского бюджета Коротояка складывался из собранных недоимок, процентов с городских капиталов, пособий от казны, земства, из займов и других источников. Однако эти составляющие не были постоянными: в разные годы чрезвычайными были разные группы доходов. Так, до 1900 г. проценты с городских капиталов и пособия от земства были более регулярными, чем пособия от казны (только на воинские издержки) и другие источники. С 1908 г. чрезвычайные доходы составляли постоянные пособия от казны, как на воинские издержки, так и на другие нужды городского самоуправления, значительно возросшие поступления от земства и другие источники.

Доходы Землянска к 1914 г. возросли в 1,9 раза по сравнению с 1876 г. Обыкновенные доходы превышали чрезвычайные, наибольшую прибыль приносили городские имущества, сумма поступлений от которых росла. Так, в период с 1876 г. по 1894 г. доход от городских имуществ в структуре обыкновенных доходов составлял от 63 % до 70 %, с 1900 г. по 1914 г. от 80 % до 92 %. Такая статья, как процент с общей суммы налогов, поступавших в городской бюджет, была более существенной в последней четверти XIX в. (25 % – 37 % обыкновенных налогов), а затем ее доля снижается вплоть до 9 % в 1914 г. В отдельных отчетах доход с городских имуществ более детально расшифровывался и можно отметить, что земля вне города приносила большую прибыль, чем в его пределах. В период с 1876 г. по 1894 г. также указывается прибыль от сдачи в аренду городских зданий: она доходила до двух тысяч рублей. С 1908 г. фиксируется прибыль от такого городского предприятия как скотобойня. Поступления от казны были небольшими, как правило, до тысячи рублей. Займы город не делал. С 1876 по 1894 гг. управе регулярно удавалось собирать недоимки.

Общая сумма доходов Нижнедевицка к 1914 г. возросла в 4,1 раза по отношению к 1876 г. Как правило, обыкновенные доходы превышала чрезвычайные, но в 1912 г. они были практически одинаковыми, в 1914 г. чрезвычайные доходы превысили обыкновенные. Главной статьей обыкновенных доходов была прибыль от городских имуществ. Регулярными с 1908 г. стали пособия от казны на воинские издержки и на другие нужды городского самоуправления, а также пособия от земства, причем последние в 1910–1914 гг. составляли ежегодно 2250 руб.

В 7,2 раза с 1876 г. по 1914 г. возросла общая сумма доходов Павловска. Сумма обыкновенных доходов превышала чрезвычайные, и только в 1879 г. и 1881 г. наблюдалась обратная ситуация. Главной статьей дохода был сбор с городских имуществ, в структуре обыкновенных доходов он составлял в период с 1876 г. по 1894 г. от 55 % до 80 %, а с 1900 г. по 1914 г. – от 96 % до 98 %. Основными налогами был оценочный сбор, налог с промышленности и косвенные налоги. Все они стали уменьшаться с 1900 г. Из отчетов видно, что управа попыталась ввести пошлину с извозного и перевозного промыслов в 1876 г., однако в последующие годы эта статья доходов перестала указываться. С 1908 г. стали регулярными и растущими отчисления от прибыли банка, от земства и пособия из казны.

В отчетах Острогужской городской управы показано, что общие доходы города с 1872 г. по 1914 г. увеличились в 4 раза и подразделялись на обыкновенные, чрезвычайные, а также собранные сверх росписи и поступившие на следующий год. Среди доходов, собранных сверх росписи, преобладали поступления от городского банка. Наибольшую

прибыль среди обыкновенных доходов приносили городские имущества от 64 % до 82 % в разные годы. Сумма оценочного сбора к 1914 г. выросла в три раза. С 1910 г. город регулярно стал получать доходы от скотобойни, с 1914 г. – от водопровода. На протяжении всего рассматриваемого периода отчисления от прибыли городского банка выросли к 1914 г. в четыре раза. Менее регулярными были сборы недоимок. В Памятных книжках с 1900 г. они уже не выделялись в самостоятельную статью дохода. Непостоянными были и проценты от городских капиталов: наибольшие отчисления были отмечены в 1876 г. и 1877 г. С 1900 г. город начал делать займы, сумма которых неуклонно росла, составив в 1914 г. 138500 руб.

Сумма доходов Новохоперска выросла в 3,3 раза по отношению к 1876 г. Применительно к этому уездному городу нельзя однозначно утверждать, что обыкновенные доходы превышали чрезвычайные. Такая ситуация наблюдалась в 1879 г., 1885 г., 1894 г., 1900 г. и 1913 г.; в 1876 г., 1889 г., 1908 г., 1909 г., 1910 г., 1912 г. и 1914 г. чрезвычайные доходы превалировали над обыкновенными. Главной статьей обыкновенных доходов была прибыль от городских имуществ, причем ее сумма увеличилась в начале XX в., при одновременном уменьшении налоговых поступлений. Пособия от казны на расквартирование войск возросли в несколько раз, начиная с 1912 г. Отчисления от прибыли городского банка в разные годы варьировались, на 1876 г., 1879 г., 1910 г., 1913 г. приходились их наибольшие значения.

Доходная часть бюджета Боброва выросла в 3,2 раза. Обыкновенные доходы в этом городе всегда преобладали над чрезвычайными. Поступления с городских имуществ колебались по годам от 52 % до 88 % обыкновенных доходов. В структуре чрезвычайных доходов в разные годы наиболее заметными были поступления от прибыли банка, от казны, собранные недоимки, займы, другие источники.

Поступления в бюджет Валук в 1914 г. возросли в 6,6 раз по отношению к 1876 г. Наиболее прибыльными были сборы с городских имуществ (от 30 % до 69 % всего дохода в разные годы), налоговые поступления (от 12% до 29 %). Город ввел с 1900 г. пошлину с извозного и перевозного промыслов. Начиная с 1908 г., в отчетах стали фигурировать поступления от водопровода и скотобойни. В структуре чрезвычайных доходов постоянными и весомыми были «другие источники», детальной расшифровки которых не давалось. Из прочих статей наиболее прибыльными оказывались в 1876 г. поступления от банка, в 1889 г. и 1894 г. собранные недоимки, с 1908 г. по 1913 г. пособия от казны, в 1914 г. займы.

Доходы Задонска в рассматриваемый период увеличилась, однако, их рост был в течение длительного периода незначительным и постепенным. Так, с 1876 г. по 1900 г. они не превышали 20 тыс. руб., с 1908 г. по 1913 г. – 40 тыс. руб., и только в 1914 г. – более 80 тыс. руб., в результате, главным образом, привлечения чрезвычайных поступлений. Главной статьей дохода была прибыль от городских имуществ, приносящая от 31 % до 72 % всех доходов. В 1870-е гг. поступления налога с недвижимости горожан были нерегулярными или вообще отсутствовали. Однако ситуация стала меняться в начале XX в., когда доход от него стал составлять от 3 до 4 тыс. руб. Город ввел пошлины с экипажей и лошадей частных лиц, а также с извозного и перевозного промыслов, которые составляли менее 1 % от общего дохода. Процент с суммы всех налогов в разные годы варьировался от 16 % до 23 % дохода, а в 1914 г. был отмечен самый минимальный его показатель. В структуре чрезвычайных доходов Задонска, как и большинства других уездных городов, в отдельные годы превалировали разные статьи доходов. Так, в 1876 г., 1879 г. наибольшую прибыль приносили отчисления от банка, в 1889–1894 гг. – собранные с городских обывателей недоимки, а с 1900 г. по 1914 г. – поступления из казны и другие источники, формировавшиеся из специальных средств и иных поступлений.

Денежные поступления Богучара с 1876 г. по 1914 г. выросли в 7,7 раза. Особенно заметным увеличением было в 1912–1914 гг. Сумма обыкновенных доходов превышала в этом городе чрезвычайные, за исключением 1914 г. Главной статьей обыкновенных доходов были сборы с городских имуществ, дававшие от 44 % до 67 % всех доходов. В период с 1900 по 1914 гг. налоговые поступления уменьшались при одновременном росте доходов с эксплуатации городского имущества и увеличении чрезвычайных доходов.

Подсчет итоговых данных показывают, что общая сумма доходов 11 уездных городов в период с 1876 по 1914 гг. увеличилась в 4,5 раза (с 224677 руб. до 1008229 руб.). Обыкновенные доходы составляли в 1876 г. 54 % всех доходов, в 1889 г. – 73 %, в 1894 г. – 84 %, в 1900 г. – 80 %, в 1908 г. – 69 %, в 1909 г. – 74 %, в 1910 г. – 72 %, в 1912 г. – 68 %, в 1913 г. – 69 %, в 1914 г. –

55 %. Поступления от городских имуществ (городская земля, городские предприятия) были основной статьёй обыкновенных доходов и давали бюджету соответственно по годам 34 % общего дохода, 50 %, 58 %, 70 %, 60 %, 64 %, 63 %, 61 %, 61 %, 49 %. В 1914 г. отмечается повышение удельного веса чрезвычайных доходов (до 45 % всех доходов) за счет резкого увеличения займов (17 % доходов) и пособий от казны (12 % доходов). Налоговые поступления в последней четверти XIX в. составляли около 20 % всех доходов. Причем наибольшим был налог с промышленности. С 1900 г. налоговые сборы стали уменьшаться, не превышая 10 % дохода. Оценочный сбор на протяжении всего периода находился на уровне 3–4 % дохода. Несмотря на то, что в законодательстве городскому самоуправлению было предоставлено право устанавливать различные пошлины, эта мера не была популярной и распространенной. Из отчетов видно, что наиболее распространенными, правда не во всех городах, были пошлины с экипажа частных лиц, извозного и перевозного промыслов. В начале XX в. стали расти пособия от казны – с 3 % дохода (1900 г.) до 12 % (1914 г.). Хотя в структуре чрезвычайных доходов в разные годы преобладали различные статьи, постоянными и приносящими от 6 % до 21 % дохода были так называемые «другие источники», структура которых в источниках обычно не расшифровывалась.

Таким образом, средний уровень доходов уездных центров не был одинаковым. Наибольший уровень доходов имели Павловск и Острогожск, а наименьший – Коротояк, Бирюч, Землянк, Нижнедевицк. Структура доходной части бюджета складывалась из обыкновенных и чрезвычайных доходов. Наиболее прибыльными статьями обыкновенных доходов были не налоговые поступления, а эксплуатация городского имущества, прежде всего, земельных угодий, особенно находящихся вне черты города. Значительная часть налоговых сборов с городского населения (государственные и уездные земские повинности, государственный земский сбор, пособия правительственным учреждениям и т. п.) поступала не в городскую кассу, а в казну и в распоряжение земства. Эти обязательные расходы часто выполнялись не во время, за что следовали нарекания начальника губернии. Органы городского самоуправления неоднократно предпринимали попытки ходатайствовать перед правительством об уменьшении их размера. Обыкновенные доходы в мирные и бескризисные годы, как правило, превышали чрезвычайные. Структуру последних составляли различные источники: субсидии казны на покрытие воинских издержек города, связанных с расквартированием в нем контингента войск, а также на другие нужды города; пособия от земства, местного общественного банка и другие источники. Вышеперечисленные пособия были регулярными, но недостаточными. Так, в ряде уездных городов сумма отчислений местного земства не менялась на протяжении многих лет. Бюджетные поступления, имевшиеся в распоряжении городских дум и управ, как правило, оказывались недостаточными для полномасштабного решения сложных задач существования и развития уездных городов. Для всех сфер городского хозяйства самой острой проблемой была нехватка денежных средств, которая затрудняла, а подчас и вовсе не позволяла органам городского самоуправления выполнить в полном объеме обязательства, как перед государством, так и перед городским населением. Тем не менее, несмотря на все трудности, деятельность выборного всесословного городского самоуправления благоприятно влияла на социально-экономическое развитие уездных городов.

REVENUES OF ESTIMATES OF CHIEF TOWNS OF UEZDS (DISTRICTS) OF VORONEZH PROVINCE IN AN END OF XIX – INCIPIENCE XX CENTURIES

V. V. KUZNETZOV
A. V. PEREPELITZYN

Voronezh State Pedagogic University

e-mail: avp64@mail.ru

In a paper the characteristics of main articles of revenues of estimates of the town self-rules for 11 chief towns of Voronezh province.

Key words: town self-rules, town reform, town дума (council), town uprava (board), town estimates, articles of revenues of estimates of towns.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОБЛАСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ НАРОДНОЙ АГРИКУЛЬТУРЫ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

И. Н. БЕЛОБОРОВОДА

*Северо-Западный институт
управления РАНХиГС при Пре-
зиденте РФ,
г. Санкт-Петербург*

e-mail: bin2000@mail.ru

Статья посвящена изучению проблемы становления и развития институтов гражданского общества в позднеимперской России на примере добровольных ассоциаций европейского Севера, осуществлявших свою деятельность в области модернизации аграрной культуры севернорусской деревни, а также – взаимовлиянию властных политических решений и гражданских инициатив.

Ключевые слова: политическая власть, гражданское общество, модернизация, традиционная агрикультура.

Одной из проблем современного агрономического развития России является вопрос его модернизации за счет применения новых технологий и научных достижений. Как показывает история различных периодов, реформы сельского хозяйства далеко не всегда достигали поставленных целей, поскольку трансляция научного знания в крестьянскую среду зачастую проводилась без учета тех традиционных форм хозяйствования и мировоззренческих установок, которые были характерны для отдельных регионов страны. Еще одной проблемой модернизации можно считать проблему взаимодействия субъектов реформирования. Трансляция целей и методов по внедрению передового аграрного опыта, исходившая от представителей государственной власти, народников, земцев, помещиков и пр., зачастую сталкивалась с открытым или пассивным сопротивлением традиционного опыта природопользования и тем самым сводила на «нет» все инновационные усилия. В этой связи большой интерес представляет изучение деятельности различных добровольных ассоциаций, которые во множестве возникали в позднеимперский период и представляли собой важное звено в диалоге власти и общества, в т. ч. крестьянского.

Проблема взаимовлияния властных политических решений и гражданских инициатив в позднеимперской России относительно недавно начала привлекать внимание исследователей, поскольку само наличие элементов гражданского общества в условиях авторитарного правления является дискуссионной¹. Дж. Брэдли, исследуя проблему добровольных ассоциаций в контексте взаимодействия общества и государства в Российской Империи, замечает: «Несмотря на поразительную активность ассоциаций, историки долгое время пренебрегали этой, на первый взгляд, аномальной особенностью русской политической культуры»². Между тем, как считают авторы коллективной монографии «Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. », российские реформы этого периода, прошедшие под знаком модернизации политического и общественного строя и правовой системы России, привели к изменению самой природы взаимоотношений личности и власти. «Патерналистский тип отношений публичной власти с личностью, подчиненной государству и вытесненной на периферию социальной жизни, постепенно сдавал свои позиции. Складывалась гражданская культура, формировался носитель этой культуры – общественность, – передавая образованная часть общества, мыслящая категориями общественного блага и прогресса, реализующая свою жизненную позицию в различных объединениях. Вторгаясь в различные сферы жизни дореволюционной России, общественность оспаривала исторически принадлежавшую государству монополию на выражение интересов населения»³.

¹ См.: Туманова А. С. Современная западная историография гражданского общества позднеимперской России // Российская история. 2011. № 2. С. 160-167.

² Брэдли Дж. Добровольные ассоциации, гражданское общество и самодержавие в позднеимперской России // Российская история. 2011. № 2. С. 3.

³ Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / Отв. ред. А. С. Туманова. М., 2011. С. 9.

В России в конце XIX в. насчитывалось около 10 тыс. добровольных общественных организаций, значительная часть которых (3962 или 39,6%) так или иначе была связана с инновациями в области агрокультуры (земледелия и животноводства)⁴, что вполне объяснимо в условиях крестьянской страны, каковой была Россия на рубеже XIX-XX вв. Поскольку модернизационные процессы в области агрокультуры в различных регионах страны имели различную направленность и интенсивность, постольку и деятельность добровольных ассоциаций характеризовалась значительной вариативностью, изучение которой на примере европейского севера России и является целью настоящей статьи.

Состав региональных общественных организаций во многом был обусловлен спецификой традиционного природопользования. На европейском севере России оно включало, наряду с низкопродуктивным земледелием и скотоводством, развитые неземледельческие промыслы: лесную и морскую охоту, рыболовство, рубку и сплав леса, извоз, мелкую кустарную промышленность и отходничество. Очевидно подобной структурой природопользования можно объяснить тот факт, что в регионе существовало всего одно общество, занимавшееся вопросами инновационного для того времени развития сельского хозяйства. Это Вологодское общество сельского хозяйства (ВОСХ), возникшее достаточно поздно – в 1908 г. как филиал Северного сельскохозяйственного общества⁵. В соответствии с Уставом, основными направлениями деятельности Общества стало содействие развитию сельского хозяйства и сельской промышленности, внедрение передовых агрономических знаний, проведение консультаций, чтений, бесед в этой области, создание в уездах опытно-показательных участков, станций, ферм, питомников, организация коллективных опытов по применению искусственных удобрений, распространение земледельческих машин и орудий, выдача ссуд, проведение сельскохозяйственных выставок, а также – поощрение крестьян «на сельскохозяйственном поприще присуждением медалей»⁶.

Однако, несмотря на столь широкую программу, основные усилия ВОСХ были направлены не на инновации в области агрокультуры, а на развитие новой для традиционного природопользования европейского Севера отрасли – молочного животноводства, возникшего в Вологодской губ. в 70-е гг. XIX в., благодаря усилиям члена Московского общества сельского хозяйства Н. В. Верещагина. На юбилейном заседании в честь пятилетия деятельности ВОСХ один из его руководителей Б. О. Элич отметил, что во главу угла модернизационных усилий Общества «должна быть поставлена не столько пропаганда усовершенствованных методов ведения специально сельского хозяйства, сколько организация разрозненных усилий отдельных крестьян в борьбе против стремлений капитала подчинить себе их хозяйственную самостоятельность...Лишь насколько в интересы организации сельских производителей входит необходимость улучшать хозяйство, вводить новые методы постановки его – настолько политика сельскохозяйственного общества Вологодской губернии должна быть направлена и в сторону пропаганды усовершенствованных методов ведения специально сельского хозяйства»⁷. Б. О. Элич объяснял подобную эволюцию деятельности ВОСХ тремя причинами: «1) отсутствие в Вологодской губернии крупного землевладения и господство в сельскохозяйственной действительности края мелкого производителя – крестьянина; 2) зарождение мысли об организации ВОСХ среди прогрессивных земцев, руководивших первыми шагами Общества; 3) вступление в него, вскоре после его открытия, представителей передового крестьянства, составивших под конец компактное большинство общества»⁸.

Исходя из этого, основное внимание Общество уделяло развитию мелкого предпринимательства в области переработки продуктов животноводства: кооперативному движению (разработка проектов типовых договоров для артелей, рассылка уставов кооперативных об-

⁴ Агрономическая помощь в России / Под ред. заведующего справочно-издательским бюро при департаменте земледелия В. В. Морачевского. Пг., 1914. С. 190-191.

⁵ Северное сельскохозяйственное общество образовано в январе 1898 г. на базе Новгородского общества сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности. Оно объединило в своих рядах землевладельцев и специалистов сельского хозяйства в целях содействия развитию сельского хозяйства в шестнадцати северных губерниях России.

⁶ Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 653. Оп. 1. Д. 9 Л. 1.

⁷ Элич Б. О. Кооперация или агрокультура? // За пять лет. (1908-1913): Сб. статей / Прил. к № 5/6 «Северного хозяина» за 1913 г. Вологда, 1913. С. 3.

⁸ Там же.

ществ, консультирование по вопросам кооперации, организация курсов счетоводов и пр.) и торгово-сбытовой деятельности. Здесь успехи общества были достаточно впечатляющими. Если на момент основания ВОСХ в 1908 г. на территории губернии существовало 70 потребительных обществ и 30 маслодельных артелей, то к 1914 г. – 115 маслодельных артелей, а выручка от продажи масла составила около 1 млн. 200 тыс. руб. По замечанию В. В. Приятелева, «Вологодское общество сельского хозяйства представляло собой масштабный синдикат и включало не только маслодельные артели Вологодской губернии, но и соседних Архангельской, Новгородской, Ярославской, Олонецкой губерний»⁹. К этому можно добавить, что положительный опыт работы ВОСХ по интенсификации сельского хозяйства через организацию кооперативного движения, получил признание и за пределами региона: в 1916 г. естественноисторический музей Нижегородского губернского земства обратился в правление Общества с просьбой оказать содействие в уставной и справочной литературе по кооперативному движению, а Кавказское общество сельского хозяйства (Тифлисская губ.), кроме того, просило выслать образцы опытных семян для развития сельского хозяйства в условиях холодного горного климата¹⁰.

При этом обращает на себя внимание, что ВОСХ было именно общественной организацией, практически лишенной поддержки как правительственных органов (за исключением Вологодского Управления Землеустройства и Земледелия), так и земств и существовавшей на частные пожертвования своих членов, в основном местных энтузиастов-интеллигентов и крестьян¹¹.

В соседних севернорусских губерниях отсутствие собственных сельскохозяйственных организаций отчасти компенсировалось деятельностью Северного сельскохозяйственного общества. Так, согласно отчета М. Ф. Сельского – слушателя V-х курсов для контроль-ассистентов, устроенных Комиссией по скотоводству и молочному хозяйству с 7 января по 20 марта 1913 г., он прошел дополнительную практику по молочному скотоводству на Повенецкой ферме (Олонецкой губернии), которая, «согласуясь с задачами агрономической организации земства, имеет тип северного хозяйства, то есть главной отраслью в нем состоит молочное скотоводство при культуре, преимущественно на болоте, трав и корнеплодов (турнепса)»¹².

Другими организациями, активно занимавшимися проблемами улучшения скотоводства на европейском севере России, стали местные отделы Российского общества покровительства животным – Петрозаводский (1866 г.) и Архангельский (1897 г.). Ставя своей главной целью «проводить в народе необходимость хорошего обращения с животными», отделы основной упор сделали на просветительские методы: беседы с крестьянами, публикации нравственных статей о необходимости хорошего обращения с животными в Губернских ведомостях и пр. Главным залогом успеха в этом деле, члены Отдела видели в увеличении числа членов «из образованных слоев общества» (чиновников, священников и т. п.), способных оказывать нравственное влияние на «массы неразвитого народа»¹³.

Однако, как следует из отчета Петрозаводского отдела за 1869 г., цели и деятельность Общества остались практически не замеченными местным населением¹⁴. Низкая активность жителей в деле гуманизации обращения с животными имела, по меньшей мере, две причины. Первая – наличие обязательных членских взносов «в бедной и мало развитой Олонецкой губернии», вторая – различия в понимании жестокости в отношении животных, в немалой степени обусловленные специфическими формами скотоводства Русского Севера, которое не имело товарного значения в крестьянских хозяйствах, а носило по преимуществу, подсобный – «навозный» – характер.

⁹ Приятелев В. В. Деятельность Вологодского губернского земства по развитию кооперативных организаций в Вологодской губернии (1870-1917 гг.). Дисс. ... кандидата истор. наук. СПб., 2006. С. 140.

¹⁰ ГАВО. Ф. 653. Оп. 1. Д. 220. Л. 1; Д. 221. Л. 7.

¹¹ Степановский И. К. Маслоделие – богатство Севера. История молочного хозяйства и данные для развития его в северной части России – преимущественно в Вологодской губернии. Вологда, 1912. С. 61.

¹² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 448. Оп. 1. Д. 172. Л. 7.

¹³ Отчет Петрозаводского отдела Общества покровительства животным за 1869 год // Олонецкие губернные ведомости (далее – ОГВ). 1870. № 64. С. 711.

¹⁴ Там же.

«Животноводство в Олонецкой губернии, – писали специалист по животноводству С. А. Виноградов и заведующий оценочно-статистическим отделом олонецкого губернского земства В. И. Бузин, исследовавшие в 1913 г. состояние этой отрасли в крае, – не носит промышленного характера и является составной и неразрывной частью общего крестьянского хозяйства, тесно связанного с земледелием и отчасти с лесными промыслами»¹⁵.

Еще одним предметом активной деятельности Общества покровительства животных в целом и его Петрозаводского отдела, в том числе, стала проблема улучшения породности местного скота, а также – сохранение единственной ценной севернорусской породы – холмогорской. Попечитель Общества Н. Х. Вилькинс в 1871 г. доносил общему собранию, что «в городских петербургских стадах, изобилующих холмогорскими коровами, весь приплод от этой отличной молочной породы идет на мясо,...почему год от года цены на коров, в особенности холмогорских, поднимаются и таким образом все заботы правительства развить и поддержать эту породу находят противодействие в столичном спросе на мясо»¹⁶. В целях сохранения холмогорской породы Н. Х. Вилькинс предпринял весьма действенные меры: построил специальный коровник, где телята выкармливались по строгому научнообоснованному рациону, завел племенную книгу, а дабы избежать подмены теленка при его транспортировке заказчику ввел клеймение («на левом ухе штемпельный номер, а на правом – Н. Х. В. ») и сопроводительные документы (аттестаты)¹⁷.

Все эти меры помогли уберечь от убоя 256 телят и отправить их на улучшение породы владельцам в Санкт-Петербургскую, Псковскую, Московскую, Тверскую, Рязанскую, Смоленскую, Калужскую, Орловскую, Курскую, Нижегородскую, Эстляндскую, Могилевскую, Пензенскую губернии. Правление Общества, «считая себя обязанным всемерно заботиться о поддержании этого дела, столько же соответствующего его благим целям, сколько и представляющего собой весьма важный вопрос в отечественной экономике», обратилось к губернаторам, земствам и местным отделениям Общества с просьбой содействовать «наибольшему ознакомлению сельских хозяев и к приглашению желающих водворить у себя столь полезную породу молочного скота»¹⁸.

Еще более тяжело шло внедрение таких, совершенно нетрадиционных для Русского Севера форм животноводства, как козоводство и птицеводство. Первое служило предметом неустанных трудов Петрозаводского (1911 г.) и Каргопольского (1912 г.) отделов Российского общества козоводства, созданного в январе 1910 г. трудами князя С. П. Урусова – автора первого на русском языке сочинении «Книга о козе» (1905 г.). Согласно протоколу учредительного собрания Петрозаводского отдела от 16 марта 1911 г., в его состав вошли многие видные деятели губернского и уездных земств, а также агрономы и ветеринары, в чьи обязанности входило распространение деятельности общества на «Петрозаводский и соседний с ним уезды Олонецкой губернии»¹⁹.

Особую активность в этом направлении проявил каргопольский ветеринарный врач-энтузиаст А. Н. Соловьев, создавший в 1912 г. самостоятельный Каргопольский отдел Общества. Его главной задачей, «исходя из новейших воззрений на козу, вполне доказанных современными учеными и подтвержденных практическими наблюдениями хозяев-козоводов», он считал «путем распространения коз и их продуктов поднять хотя бы и до незначительной высоты экономическое положение беднейших классов городского и деревенского населения и этим самым улучшить его питание и сократить громадную смертность детей в раннем возрасте»²⁰.

Однако, несмотря на то, что члены Отдела активно пропагандировали среди сельского и городского населения пользу этой отрасли животноводства, «для чего отделом закладывались среди членов и лиц, интересующихся козоводством, с показательной це-

¹⁵ Бузин В., Виноградов С. Материалы по исследованию животноводства в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1914. С. 1.

¹⁶ Продажа телят холмогорской породы // ОГВ. 1871. № 21. С. 258.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112/11. Л. 3-4.

²⁰ Соловьев А. Н. Обзор деятельности Каргопольского отдела Российского общества козоводства за 1912 г. по данным годового отчета // Вестник Олонцкого губернского земства (далее – ВОГЗ). 1913. № 11. С. 29.

лю козьи хозяйства, продавалось козье молоко и шерсть, велась членами отдела устная пропаганда «козы» и ее молока и шла раздача популярной литературы по козоводству (брошюра К. К. Саковского «Коза» и брошюра В. Лайминга «Коза в роли непосредственной кормилицы моего грудного ребенка»)»²¹, количество козих гнезд (самец и самка) в уезде росло медленно. В 1913 г. насчитывалось всего 19 хозяйств с 35 козами. Причин этому было несколько, в том числе и таких нелепо-трагических, как в семье учителя с. Устьволгская Усачевской вол., где «самка была замучена детьми, а самец убит на мясо»²². Но, конечно, главной причиной являлся совершенно чуждый характер скотоводческой традиции севернорусского региона этого вида животноводства.

Аналогичным образом тяжело приживалось и разведение домашней птицы, инициированное в 1912 г. Петрозаводским отделом Императорского общества сельскохозяйственного птицеводства, который занимался распространением племенных пород домашней птицы (преимущественно кур и гусей)²³, поскольку в севернорусской традиции домашнее птицеводство практически отсутствовало.

Не увенчалась успехом и деятельность Обществ по распространению на европейском Севере такой активно развивающейся в начале XX в. в России отрасли, как кролиководство. Отвечая на анкету «Вестника кролиководства» – органа Комитета Кролиководства Московского общества сельского хозяйства – В. Н. Попов-Веденский из г. Кадникова в качестве мер распространения этой отрасли в Вологодской губернии предлагал устраивать «сельскохозяйственные выставки, где выставлялись бы кролики и продукты кролиководства, ...читать лекции по кролиководству в волостных правлениях с демонстрацией кроликов и продуктов из них, производя при этом раздачу общедоступных брошюр по этому вопросу, [поскольку] крестьяне мало читают и им совсем неизвестна эта доходная отрасль. Ознакомясь с ней, крестьяне, несомненно приняли бы за разведение этих полезных животных»²⁴. Однако, как показывают этнографические материалы, дело было не только в том, что крестьяне мало читали, а в глубоко укоренившихся мировоззренческих особенностях севернорусской традиции, которые требовали не столько популяризации кролиководства различными Обществами, сколько коренной ломки основ традиционной культуры.

По свидетельству П. Г. Богатырева в Шенкурском уезде Архангельской губернии мясо зайцев (наряду с мясом медведей, лебедей, голубей) считалось «нечистой» едой – *падиной* (падалью)²⁵. В Ряговской волости Каргопольского уезда Олонецкой губернии зайца били «для одной только шкурки; мясо его едят очень мало; оно большею частью идет в пищу собакам»²⁶. Поморы объясняли запрет на употребление зайчатины тем, что тушка ободранного зайца похожа на кошку: «Собак, котов кормят зайчами, да вот когда Господь проезжих даст. Чиновники даже очень одобряют», – говорил кемлянин В. И. Немирович-Данченко²⁷.

Насколько важны были эти мировоззренческие представления показывает тот факт, что запрет на употребление мяса зайцев служил для образования отдельных микрогрупп населения. Так, в небольшой деревушке Уег Мезенского уезда один из миссионеров зафиксировал разделение местных старообрядцев на толки *зайчатников* и *противозайчатников*, т. е. тех, кто допускал употребление зайчатины в пищу и тех, кто отвергал это, сообразуясь с севернорусским представлением о «нечистоте» заячьего мяса²⁸. Возможно, помимо хозяйственной специализации, определенную роль в формировании этого пищевого запрета сыграло особое отношение к зайцу, характерное для всей славянской традиции, как к представителю мира мертвых и соотнесение его с культом предков²⁹.

²¹ Соловьев А. Н. Второй год деятельности Каргопольского отдела козоводства // ВОГЗ. 1914. № 21. С. 19.

²² Там же. С. 21.

²³ С. В. Отдел общества птицеводства // ВОГЗ. 1913. № 11. С. 32-33.

²⁴ Наша анкета // Вестник кролиководства. 1913. Ноябрь. № 26. С. 38.

²⁵ Богатырев П. Г. Верования великоруссов Шенкурского уезда Архангельской губернии. (Из летней экскурсии 1916 г.) // Этнографическое обозрение. 1916. № 3-4. С. 67-68.

²⁶ Кулема // ОГВ. 1887. № 28. С. 223.

²⁷ Немирович-Данченко В. И. Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами. СПб., 1873. С. 14.

²⁸ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 487. Оп. 1. Д. 30. Л. 15 об.

²⁹ См.: Гура А. В. Символика зайца в славянском обрядовом и песенном фольклоре // Славянский и балканский фольклор. Генезис, архаика, традиции. М., 1978. С. 159-189.

Помимо региональных организаций, известную помощь по внедрению агротехнических инноваций на европейском севере России стремились оказать и общероссийские общества: Императорское Вольное Экономическое (ИВЭО), Общество «Русское Зерно», «Общество для содействия русской промышленности и торговли» и др.

Так, например, в 1898 г. действительный член ИВЭО знаменитый художник В. В. Верещагин после своего путешествия по Архангельской губернии возбудил на общем Собрании вопрос о разведении в северных областях России культуры картофеля, который, по его словам, составлял здесь «редкость, “новинку”, как выражаются крестьяне; лук составляет еще большую новинку; о капусте, особенно о редьке, моркови и репе только “слыхали”, но никогда их не едят, не потому, что эти овощи не могут произрастать, а по трудности “достать семян”»³⁰.

К этим наблюдениям художника можно добавить, что огородничество, в целом не характерное для традиционного природопользования европейского севера России, было развито здесь чрезвычайно слабо. В конце XIX в. А. Шренк писал о с. Устьицельма Печорского уезда Архангельской губернии: «Здесь разводят только репа, брюква, морковь и пр.; старания развести капусту остаются тщетными, а картофель, посаженный по приказанию окружного начальника в виде опытов, уродился величиной с каленый орех»³¹. Ведущее положение в ряду овощных культур принадлежало репе; местами она даже служила временным заменителем хлеба. Во второй половине XIX в. репа была вытеснена картофелем, который стал необходимым продуктом всех слоев севернорусского общества, за исключением старообрядцев, которые вплоть до начала XX в. старались не употреблять этот овощ, считая его «нечистым». Предтеченский зафиксировал подобные представления у *пудожан* (Олонецкая губерния). Он отмечает: «Картофеля сажают очень мало. В деревне Сиговом еще сохранился старинный взгляд на нее, как на «цертовы катышки»³².

Секретарь ИВЭО. К. Кулябко-Корецкий в своем ответе художнику от 2 января 1899 г. вынужден был согласиться, что, «одной рассылки семян и наставлений (где они необходимы), конечно, еще недостаточно. Надо научить население приготовлению овощей впрок, для того, чтобы их употребление вошло в жизненный обиход заурядного сельского обывателя»³³.

Вместе с тем, Секретарь призвал местные учреждения, в первую очередь, земства разделить бремя ответственности Общества и разработать подробную программу «применительно к местным условиям и обстоятельствам, а также приложение ее на практике и наблюдение за правильным функционированием предположенных мероприятий»³⁴. Однако, как показывают материалы, земский агрономический персонал далеко не всегда был способен справиться с поставленной задачей. Тот же Предтеченский описывает весьма характерную для Русского Севера сценку: «Однажды мне пришлось увидеть у крестьянина выращенные огурцы. Явление в этом крае, конечно из ряда вон выходящее. Спрашиваю: верно, тебя агроном научил? «Нет, говорит, сам. Хотел у агронома спросить, да стыдно». Какой же, спрашиваю стыд? – «Да, агроном говорит так, что нельзя ничего понять»³⁵.

В Архангельской же губернии, которая не имела земских учреждений, по мнению К. Кулябко-Корецкого, «первым и необходимым условием успешности всяких подобного рода мер необходимо признать призыв к самодеятельности местных общественных сил» и местную интеллигенцию³⁶.

Одним из представителей таких общественных сил стал энтузиаст-одиночка, герой Севастопольской обороны майор В. Ф. Бейтнер, который в 1872 г. получил в долгосрочную аренду 2140 десятин заболоченных земель на побережье Белого моря вблизи посада Нёнокса. В условиях упадка «сельского хозяйства у жителей посада от сокращения сенных покосов», майор поставил цель показать местным крестьянам возможности улучшения качества местных тундрных почв за счет проведения осушительных работ,

³⁰ РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 205. Л. 9 об.

³¹ Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России. Через тундры самоедов к северным Уральским горам, предпринятое по Высочайшему повелению в 1837 году Александром Шренком. СПб., 1885. С. 180.

³² Предтеченский. Из быта пудожан // ОГВ. 1906. № 105. С. 3.

³³ РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 205. Л. 5 – 6 об.

³⁴ Там же. Л. 8.

³⁵ Предтеченский. Указ. соч. С. 3.

³⁶ РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 205. Л. 8 об.

применения минеральных удобрений (щелочного тука) и развития на этой основе правильного луговодства и животноводства³⁷. Однако результат эксперимента оказался во многом неожиданным для самого естествоиспытателя. В 1881 г. выяснилось, что проведенные в 1877 г. каналы привели не к осушению тундры, а только к её осадке на 60-80 см.³⁸ Дальнейшие эксперименты требовали дополнительных финансовых и технических вложений, что не нашло понимания у местных чиновников. Помощь пришла от председателя Комитета «Общества для содействия русской промышленности и торговле» М. К. Сидорова, который помог В. Ф. Бейтнеру решить часть проблем³⁹.

Дело майора-подвижника получило свое развитие только в начале XX столетия с созданием в Архангельске агрономической службы. В 1914 г. на европейском севере России появилось первое научное учреждение – Архангельское болотное опытное поле, – начавшее систематические исследования болот в естественных условиях и испытание различных способов мелиорации заболоченных земель⁴⁰.

Не менее сложно шло внедрение зарубежного аграрного опыта, который крестьяне получали с помощью Общества «Русское Зерно» – организации, созданной в общероссийском масштабе в 1908 г. членом Государственной Думы Е. П. Ковалевским с целью «содействовать молодым людям в приобретении земледельческих знаний и приемов путем практического обучения их у лиц, занимающихся сельскохозяйственными и кустарными промыслами как в России, так и за границей, преимущественно в славянских странах»⁴¹.

Согласно докладу о практике крестьянина одного из самых неплодородных уездов европейского Севера – Сольвычегодского (Вологодская губерния) В. В. Ушакова, который проходил практику в Моравии в 1912-1913 гг., наибольшую пользу хозяйству сольвычегодского крестьянина могли бы принести следующие агротехнические приемы: введение многополья и механизация сельскохозяйственного труда. «Паров у заграничных крестьян нет, – пишет В. В. Ушаков, – все поля засевают так, что в продолжении лета не увидишь ни одной квадратной сажени пустолежащей, а между прочим как у нас в России пропадают целые десятки тысяч десятин пустой земли, не принося никакой пользы. Например, если взять наш Сольвычегодский уезд, то на полях, лежащих под паром, скот в продолжении лета не ходит, а токо пропахивается раза 2 или 3 за лето и ничего не принося. В наших местах очень много занимаются сеянием льна, но не на полях, а в лесах на подсеках мелкого леса. А чтобы не пропадали наши поля, надо нашему крестьянину как можно больше сеять лен на поля, сажать картофель и заниматься травосеянием»⁴². Далее, отмечая, что у моравских крестьян «для каждого дела все разные машины», которые покупаются, как правило, в складчину, В. В. Ушаков констатирует, что «в нашем Сольвычегодском уезде Ильинской волости о постановке каких-либо машин и не думают, а все копейки и несчастные гроши идут на пропой»⁴³.

Но не только косность традиционных форм природопользования служила препятствием к внедрению заграничного опыта. Как следует из донесения Обществу в январе 1914 г., сам бывший практикант мало что сделал для достижения поставленной цели. Он пишет: «я был бы рад заняться наученным делом, но одним словом, очень трудно сейчас в нашем месте перейти от трехполья к многополью, т. к. ожидаем передела земли в свою личную собственность»⁴⁴. В связи с этим В. В. Ушаков покорнейше просил зачислить его «куда-нибудь на должность сельскохозяйственных старост, ... чтобы не потерять свое обучение, то покорнейше прошу не отказать, на что и жду удовлетворения»⁴⁵. Как и следовало ожидать, это прошение не нашло поддержки у руководства Общества, так как, посылая практиканта за границу оно «рассчитывало, что, возвратясь домой, Вы займетесь хо-

³⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2735. Л. 121 – 121 об.

³⁸ Там же. Л. 119 об.

³⁹ Там же. Л. 151 – 152.

⁴⁰ Деятельность Архангельского болотного опытного поля за десятилетие и план предстоящих работ. Доклад заведующего опытным полем И. И. Беневоленского 1-му Губернскому агрономическому совещанию в г. Архангельске 15-21 декабря 1924 г. Архангельск, 1925. 12с.

⁴¹ РГИА. Ф. 403. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁴² РГИА. Ф. 403. Оп. 1. Д. 125. Л. 33 об. – 34.

⁴³ Там же. Л. 36 об. – 37.

⁴⁴ Там же. Л. 28 об.

⁴⁵ Там же.

зьяством на родной земле и послужите примером для своих односельчан, а не пойдете искать место на стороне»⁴⁶.

Таким образом, благодаря деятельности добровольных ассоциаций к началу XX в. на европейском севере России сложился целый ряд предпосылок по модернизации традиционной агрикультуры и влияния на производственную культуру крестьян за счет внедрения идей гуманизации и планов по глубокой переработки продуктов сельского хозяйства, в первую очередь, животноводства. Однако в силу известных исторических событий эти проекты не были до конца реализованы. Среди причин незавершенности модернизационных проектов общественных организаций можно также назвать слабость финансовой базы вследствие отсутствия крупных региональных капиталов и государственной поддержки. Кроме того, традиционный опыт природопользования с его ценностными установками оказывал пусть пассивное, но последовательное сопротивление новациям, призванным коренным образом изменить сложившуюся систему хозяйствования региона.

GOVERNMENT AND CIVIL SOCIETY ON THE RUSSIAN NORTH: THE PROBLEMS OF THE INTEROPERABILITY AT THE FIELD OF THE TRADITIONAL AGRICULTURE'S MODERNIZATION (THE END OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURY)

I. N. BELOBORODOVA

Presidential Academy of National Economy and Public Administration North-West Institute, St. Petersburg

e-mail: bin2000@mail.ru

Of contents the problems of the origin and evolution of the civil society's institutes of the late-imperial Russia on the examples of the voluntary association's public work devoted to the modernization of the tradition agriculture at the European North are analyzed in an article. The interference of the official political decrees and civil initiatives is in the focus of attention.

Key words: political power, civil society, modernization, tradition agriculture.

---

⁴⁶ Там же. Л. 29.

УДК 94(470+571-32)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФАБРИЧНОЙ ИНСПЕКЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ СТРАХОВАНИЯ РАБОЧИХ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Е. И. КРАЮШКИНА

Тулльский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

e-mail: lenakrayush@yandex.ru

Статья посвящена изучению социально-экономической модернизации провинции в начале XX в. сквозь призму социального страхования рабочих. Новизной исследования является рассмотрение организационной и посреднической деятельности фабричной инспекции по социальному страхованию на предприятиях Тульской губернии.

Ключевые слова: социальное страхование, фабричная инспекция, трудовое законодательство, социально-экономическое развитие России.

В 1903-1912 гг. в Российской империи был введен ряд законов, учреждавших систему страхования рабочих на предприятиях областей и губерний Европейской России и Кавказского края¹. По этим законам рабочие получали право на пособия в случае несчастного случая на производстве, повлекшего утрату нетрудоспособности, болезни, смерти, беременности и родов. Создавалась система страховых органов, включавших в себя больничные кассы на предприятиях, Присутствия по делам страхования рабочих на уровне губерний и Совет по делам страхования рабочих на общеимперском уровне. Большой объем обязанностей по реализации страховых законов возлагался и на уже существовавшую к тому времени фабричную инспекцию.

Деятельность фабричных инспекторов по страхованию рабочих анализировалась различными исследователями с самого момента ее появления. Дореволюционных ученых – современников становления системы социального страхования рабочих на предприятиях – более всего интересовала практическая деятельность фабричной инспекции и способы повышения ее эффективности². В советское время как сам вопрос страхования рабочих на предприятиях, так и деятельность в этой сфере фабричной инспекции не слишком интересовал исследователей. В рамках истории рабочего вопроса в России наиболее популярными темами были продолжительность рабочего дня, динамика заработной платы, социальный состав рабочих, участие рабочих в профсоюзах и стачечной борьбе; акцент ставился на неравноправие рабочих и предпринимателей³. На современном этапе появляются комплексные работы, изучающие различные аспекты деятельности фабричных инспекторов с использованием новых исследовательских методов (контент-анализ, статистические методы), привлечением широкого круга новых региональных источников⁴. Тем не менее, деятельность фабричных инспекторов в сфере социаль-

¹ «Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной, горнозаводской промышленности». ПСЗ РИ. Собрание третье. Том XXIII. №23060; Высочайше утвержденный 23 июня 1912 г. закон «О страховании рабочих от несчастных случаев»; Высочайше утвержденный 23 июня 1912 г. закон «Об обеспечении рабочих на случай болезни»; Высочайше утвержденный 23 июня 1912 г. закон «Об учреждении Совета по делам страхования рабочих»; Высочайше утвержденный 23 июня 1912 г. закон «Об учреждении присутствий по делам страхования рабочих» // Устав о промышленности. – Свод законов Российской империи. Том XI, часть II. Библиотека репринтных изданий / КонсультантПлюс: Классика российского права. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/>

² См. например: Балицкий Г. Какая должна быть фабричная инспекция. М., 1907; Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция / Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1904; Янжул И. И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. Материалы для истории русского рабочего вопроса и фабричного законодательства. СПб., 1907.

³ См. например: Лаверычев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861-1917 гг.). М., 1972; Вишневецкий А. И. Развитие законодательства о социальном страховании в России. Законодательство царского Временного и Советского правительств. М., 1926; Крузе Э. Э. Условия труда и быта рабочего класса России в 1900 – 1914 гг. Л., 1981; Кирьянов И. Ю. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX-начало XX вв.). М., 1979; Иванова Н. А. Структура рабочего класса России 1910-1914. М., 1987.

⁴ См. например: Бельшев И. С. Страхование фабрично-заводских рабочих и служащих России: 1912 – февраль 1917 гг.: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Иваново, 2004; Володин А. Ю. История фабричной инспек-

ного страхования рабочих освещена не так ярко, как, например, их деятельность по надзору за условиями труда на фабриках; отсутствуют и работы, посвященные деятельности фабричной инспекции на предприятиях Тульской губернии.

Институт фабричной инспекции был создан в 1882 г. как орган надзора за предприятиями фабричной и заводской промышленности. К началу XX в. сложилась трехзвенная система инспекции: участковые инспектора, старшие инспектора на уровне губерний и окружные фабричные инспектора. В обязанности фабричных инспекторов входило урегулирование конфликтов между рабочими и предпринимателями, надзор за деятельностью предприятий, сбор статистической информации. Видный государственный деятель В. П. Литвинов – Фалинский выделял два главных направления деятельности фабричных инспекторов: «репрессивное» и «превентивное». Репрессивные функции заключались в наблюдении за исполнением фабрично-заводского законодательства, выявлении правонарушений, преследовании виновных в административном или судебном порядке. Превентивные же мероприятия выражались в «опеке над взаимными отношениями хозяев и рабочих, в предупреждении несогласий и столкновений между ними и в принятии мер к улучшению быта рабочих»⁵. Фабричный инспектор должен был стать неким посредником между рабочими и владельцем предприятия и их зачастую полярно противоположными интересами.

Тульская губерния была поделена на 3 фабричных участка, состав которых представлен в следующей таблице:

Таблица

Состав фабричных участков Тульской губернии в 1906 г⁶.

Название участка	Предприятия, входившие в состав участка	Количественные характеристики
1-й участок	В г. Туле – самоварные фабрики товарищества наследников В. С. Баташева, наследников Н. А. Воронцова, братьев Баташевых, Н. И. Баташева, братьев Воронцовых, торгового дома Б. Г. Тейле с сыновьями, товарищества торгового дома братьев Шемариных; сталелитейный и механический завод «Тульские мастерские»; сахаро-рафинадный завод товарищества братьев Терещенко, скобяные фабрики товарищества братьев Тепловых и товарищества скобяного производства, чугунолитейный и механический завод инженера Л. Е. Маркова, акционерное общество меднопрокатных и патронных заводов, гармонное заведение торгового дома наследников А. Т. Воронцова; все промышленные заведения по Тульскому, Алексинскому и Каширскому уездам.	Всего: 27 работающих предприятий, 8329 рабочих, 101 паровой котел
2-й участок	В г. Туле – все промышленные заведения по 1, 2 и 4 частям, за исключением вошедших в состав 1 участка; все промышленные заведения по Веневскому, Епифанскому, Богородицкому и Ефремовскому уездам.	Всего: 83 работающих предприятий, 3288 рабочих, 213 паровых котлов
3-й участок	В г. Туле – все промышленные заведения по 3 части, за исключением вошедших в состав 1 участка; все промышленные заведения по Крапивинскому, Одоевскому, Белевскому, Чернскому уездам.	Всего: 74 работающих предприятий, 2733 рабочих, 125 паровых котлов

На каждом из участков работал участковый фабричный инспектор, который находился в подчинении старшего фабричного инспектора Тульской губернии, а тот, в свою очередь, подчинялся окружному инспектору Харьковского фабричного округа. На про-

ции в России 1882-1914 гг. М., 2009; Герасюнина Ю. Н. Страхование рабочих от несчастных случаев в России в конце XIX – начале XX вв.: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Саранск, 2006; Карачурина Р. Ф. Развитие страхования в России во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Уфимской губернии): Автореф. ... дис. канд. экон. наук. М., 2009; Кутыгин М. А. Правовое регулирование института страхования в России: эволюция, преемственность, проблемы совершенствования (историко-правовой анализ): Автореф. ... дис. канд. юр. наук. Ростов-на-Дону, 2007.

⁵ Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция. М., 1904. С. 323.

⁶ Государственный архив Тульской области (далее – ГАТО). Ф. 89. Оп. 1. Д. 103. Л. 19.

тяжении многих лет старший фабричный инспектор Тульской губернии совмещал эту должность с должностью фабричного инспектора 1-го участка⁷.

Если в момент создания фабричной инспекции государственную власть в первую очередь интересовали проблемы нарушения трудового законодательства предпринимателями, то к началу XX века все более и более очевидной становилась необходимость введения мер социальной защиты рабочих на предприятиях. Эта проблема стала особенно актуальной в 90-е гг. XIX в., на этапе промышленного подъема, в период модернизации производства. Стремительный рост промышленности и рабочего класса характеризовался резким обострением отношений между промышленниками и рабочими. Социальная необеспеченность последних являлась дополнительным источником напряженности. «На наших фабриках больше происходит несчастных случаев, чем в Западной Европе: иногда они напоминают ... какие-то бои» – писал в 1907 г. профессор И. Х. Озеров⁸. Игнорирование этого вопроса приводило к росту социальной напряженности в обществе, что не могло не волновать предпринимателей и представителей власти.

Несмотря на то, что, начиная со второй половины XIX в., правительством принимались некоторые законодательные акты, касавшиеся урегулирования трудовых правоотношений на предприятиях (к ним, например, относятся законы «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» от 1 июня 1882 г., «О воспреещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах» от 3 июня 1885 г., «Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих» от 3 июня 1886 г., «Об изменении постановлений о работе малолетних, подростков и лиц женского пола на фабриках, заводах и мануфактурах и о распространении правил о работе и обучении малолетних на ремесленные заведения» от 24 апреля 1890, «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» от 2 июня 1897⁹ и т. д.), они прежде всего регламентировали такие вопросы, как процедура найма и увольнения рабочих, порядок выплаты заработной платы, функционирование штрафной системы, ограничение рабочего времени, организация контроля на предприятиях. Социальная же сторона отношений рабочих и предпринимателей была регламентирована далеко не так полно (устанавливались максимальные пределы оплаты, взимаемой с рабочих за пользование банями, столовыми, жильем; устанавливался запрет на взимание платы с рабочих за оказание им врачебной помощи, запрет на перевод сумм, взимаемых с рабочих в качестве штрафа, в статью прибыли – они должны были быть потрачены на пособия рабочим¹⁰ – и т. д.). Таким образом, в конце XIX в. не было специальных правил, которые гарантировали бы материальную поддержку пострадавшим в результате несчастных случаев. В вопросе назначения пособий рабочие полностью зависели от доброй воли конкретного предпринимателя, которая проявлялась далеко не во всех случаях. Потерпевшие чаще всего оставались без средств к существованию, что увеличивало недовольство среди рабочих.

Ситуацию несколько исправило принятие в 1903 году «Правил о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной, горнозаводской промышленности», впервые в истории российского трудового законодательства введивших обязанность предпринимателей выплачивать пособия всем рабочим «без различия пола и возраста» по временной нетрудоспособности более 3 дней вследствие несчастного случая на производстве¹¹. Тем не менее, и в данном законодательном акте существовали некоторые недостатки (отсутствие выплат по болезни, беременности и родам), которые были восполне-

⁷ Личный состав фабричной инспекции // Свод отчетов фабричных инспекторов за 1911 г. СПб., 1912. С. 17.

⁸ Цит. по: Мюллер А. Рабочие секретариаты и страхование рабочих в Германии. Наши новые проекты по рабочему законодательству и классовая политика предпринимателей / Предисловие и статья проф. И. Х. Озерова. М., 1907. С. 387.

⁹ См.: Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ). Собрание третье. Т. II. № 931; Т. V. № 3013; Т. VI. № 3769; Т. X. № 6742; Т. XVII. № 14231. СПб., 1908.

¹⁰ «Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих» от 03. 06. 1886 г. ПСЗ РИ. Собрание третье. Т. VI. № 3769. Ст. 17, 27, 39.

¹¹ Ст. 1 «Правил о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной, горнозаводской промышленности». ПСЗ РИ. Собрание третье. Том XXIII. №23060.

ны пакетом законодательных актов, принятым 23 июня 1912 г.¹². Согласно нормам, содержащимся в вышеперечисленных законах, на каждом предприятии должны были создаваться больничные кассы, осуществлявшие страхование рабочих в пределах конкретного предприятия или нескольких предприятий, которые могли создавать общую больничную кассу. Средства касс формировались из ежемесячных взносов рабочих и предпринимателей.

Помимо формирования новых страховых учреждений (больничные кассы, страховые товарищества, губернские присутствия и общеимперский Совет по делам страхования рабочих), новые законодательные акты возлагали большой объем обязанностей по осуществлению страхования рабочих и на плечи фабричной инспекции. О каждом несчастном случае владельцы промышленных заведений должны были ставить в известность участкового фабричного инспектора. Если происходили случаи, повлекшие за собой смерть или тяжелые повреждения, фабричный инспектор обязан был отправиться на место происшествия для выяснения причин произошедшего, и если оказывалось, что несчастный случай произошел из-за неисполнения закона или других нормативных актов администрацией завода, фабричный инспектор должен был привлечь виновных к ответственности¹³. В обязанности фабричной инспекции вменялось и устранение опасных и вредных для рабочих условий труда.

До введения обязательного социального страхования рабочих основной формой оказания социальной помощи рабочим на предприятиях являлись пособия из штрафного капитала, сохранившие свое значение и после принятия законов 1903 и 1912 гг. Штрафной капитал образовывался из денежных взысканий, налагаемых на рабочих за опоздание, прогул, несоблюдение правил безопасности и нарушение трудовой дисциплины. Он хранился на предприятии отдельно от всех остальных денежных сумм; когда его размер достигал более 100 руб., излишек вносился в одну из сберегательных касс государственного банка. Средства штрафного капитала могли идти только на выдачу единовременных пособий рабочим, потерявшим навсегда способность к труду и в период временной нетрудоспособности в связи с болезнью или несчастным случаем на производстве, пособий по беременности и родам, в случае болезни или смерти членов семьи рабочего, утраты или порчи имущества от пожара или другого несчастья, в случае, если все вышеперечисленные лица не получали пособий на основании других законодательных актов. При наличии уважительной причины пособия могли быть выданы и на другие нужды¹⁴. Существовал и общеимперский штрафной капитал, средства которого формировались из штрафных капиталов закрывшихся фабрик и также направлялись на нужды рабочих.

Для получения пособия рабочие сначала должны были обратиться к администрации предприятия, отправлявшей запрос на разрешение выдачи пособия старшему фабричному инспектору Тульской губернии, который, в свою очередь, мог давать разрешение на пособие в размере только до 10 руб. Если речь шла об общеимперском капитале, процедура была еще более сложной: требовалось разрешение старшего инспектора Харьковского фабричного округа. В течение 1906 г. на предприятиях Тульской губернии было собрано 7871 руб. штрафов, выдано рабочим в связи с временной трудоспособностью 7557,25 руб., на похороны – 2699 руб., по случаям пожаров и пропажи имущества – 635 руб. и по другим случаям – 209,64 руб.¹⁵ Интересно, что при согласовании суммы пособия и старший фабричный инспектор губернии, и окружной фабричный инспектор уменьшали сумму, изначально испрашиваемую администрацией предприятия, в некоторых случаях более чем в

¹² Высочайше утвержденный 23 июня 1912 г. закон «О страховании рабочих от несчастных случаев»; Высочайше утвержденный 23 июня 1912 г. закон «Об обеспечении рабочих на случай болезни»; Высочайше утвержденный 23 июня 1912 г. закон «Об учреждении Совета по делам страхования рабочих»; Высочайше утвержденный 23 июня 1912 г. закон «Об учреждении присутствий по делам страхования рабочих» // Устав о промышленности. Свод законов Российской империи. Том XI, часть II. Библиотека репринтных изданий / КонсультантПлюс: Классика российского права. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/>

¹³ Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция / Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1904. С. 324.

¹⁴ Правила о хранении и расходовании штрафного капитала на фабриках, изданные Главным по фабричным и горнозаводским делам присутствием 17 июля 1913 г. ГАТО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 169. Л. 54-56.

¹⁵ ГАТО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 103. Л. 17 об.

2 раза¹⁶. Очевидно, это было связано отнюдь не с плохими человеческими качествами инспекторов, а с пониманием того, что если назначать слишком большие пособия, средств на всех не хватит: несмотря на определенные доходы от инвестиционной деятельности средств штрафных капиталов, основным источником поступлений все-таки являлись штрафы, размер поступлений которых сложно было предсказать.

Несколько более упорядоченной оказалась система финансовых поступлений в учреждения, непосредственно занимавшиеся социальным страхованием рабочих на предприятиях по законам 1912 г. – больничные кассы. Фонд страховых выплат формировался из взносов рабочих (от 1 до 2% от ежемесячной заработной платы) и взносов предпринимателя (2/3 от общей суммы взносов рабочих)¹⁷. Непосредственное участие в организации больничных касс на местах принимала фабричная инспекция. Ее должностные лица вели разъяснительную работу с предпринимателями по организации страхования и соответствующему законодательству, утверждали уставы больничных касс, выдавали разрешение на их учреждение; к ним направлялась вся отчетность деятельности больничных касс (протоколы заседаний, сведения о назначении пособий, финансовые документы и т. д.)¹⁸. Кроме того, старший фабричный инспектор губернии и участковые фабричные инспекторы входили в состав губернского Присутствия по делам страхования рабочих, рассматривавшего различные спорные ситуации, возникавшие в процессе работы страхового механизма.

Важная роль в урегулировании конфликтных ситуаций между рабочими и предпринимателями на почве страхования принадлежала и непосредственно фабричной инспекции. Современники писали об этом: «Существенное значение имеет участие инспекции в делах о вознаграждении увечных рабочих. У инспекторов сосредоточено примирительное разбирательство, предшествующее судебному; благодаря этому масса дел окончится у инспекторов и до суда не дойдет, чем может улучшиться положение рабочих¹⁹». Хотя решение фабричных инспекторов по жалобам рабочих не являлось юридически обязательным ни для владельцев предприятий, ни для рабочих, обращение к фабричному инспектору было намного доступнее и легче судебного иска и для рабочих, и для предпринимателей; в связи с этим почти все жалобы направлялись сначала на рассмотрение инспекции и лишь затем, если какая-либо из сторон не была удовлетворена решением инспектора, стороны направлялись в суд.

В сводах отчетов фабричных инспекторов 1901–1904 гг. в перечне поводов жалоб рабочих на социальное обеспечение значилось лишь «невыдача разрешенного пособия из штрафного капитала», а также «нарушение условий найма по подаче врачебной помощи». В 1905 году (очевидно, в связи с повсеместным введением закона 1903 г.) появляется новый пункт: «невыдача или недовольство размером вознаграждения за утрату здоровья». В 1911 году разделение идет еще более детально: жалобы на социальное обеспечение делятся на 2 группы. Первая из них имела обобщенное название: «применение закона 3 июня 1912 г.» и содержала такие подпункты, как «неоказание врачебной помощи», «невыдача или недостаточность пособия за время болезни», «невыдача или недостаточность пособия за постоянную потерю трудоспособности», «недовольство формой вознаграждения (пенсии или одновременно) за постоянную потерю трудоспособности» и «другие поводы». Вторая группа жалоб имела название: «временная или постоянная потеря трудоспособности не вследствие несчастного случая (просьбы о пенсиях и пособиях по старости, болезни и т. п.)».

Ниже представлены данные по динамике количества жалоб рабочих Тульской губернии на социальное обеспечение в 1901–1904 гг.:

¹⁶ ГАТО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 104. Л. 2; Д. 105. Л. 7. Л. 13–14; Д. 111. Л. 90, 139; Д. 113. Л. 28.

¹⁷ Высочайше утвержденного 23 июня 1912 г. закона «Об обеспечении рабочих на случай болезни»; // Устав о промышленности. Свод законов Российской империи. Том XI, часть II. Ст. 65, 67. Библиотека репринтных изданий / КонсультантПлюс: Классика российского права. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/>

¹⁸ ГАТО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1,2; Ф. 89. Оп. 1. Д. 176, 177, 178.

¹⁹ Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция / Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1904. С. 332.

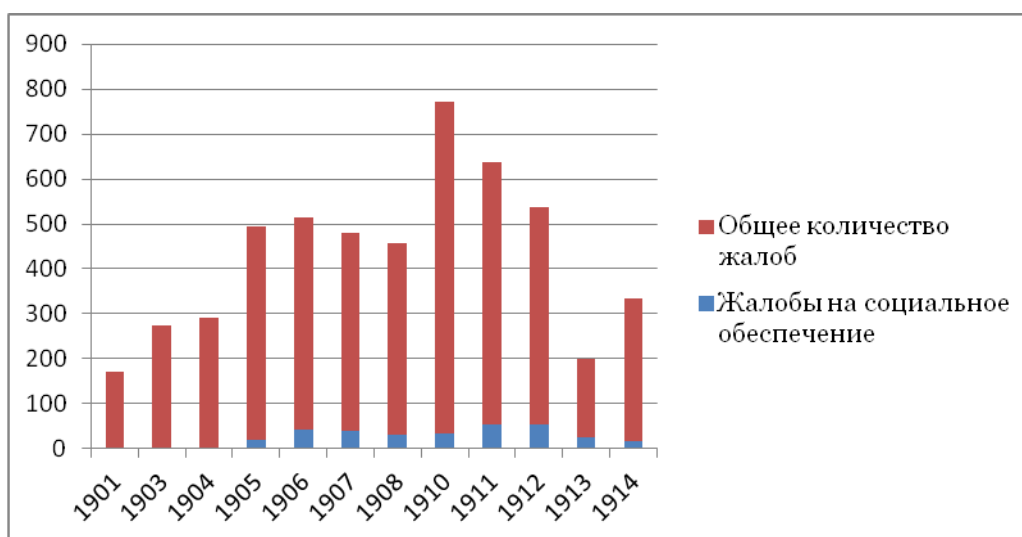

Рис. Динамика количества жалоб рабочих Тульской губернии на социальное обеспечение в 1901-1914 гг.²⁰

Как видно из представленных данных, жалобы рабочих на какой-либо из аспектов социального обеспечения в 1901-1904 гг. полностью отсутствовали. Очевидно, это объяснялось как низкой правовой грамотностью и незнанием своих прав, так и не слишком большой важностью этого вопроса в глазах рабочих по сравнению с вопросами о неправильном начислении и понижении, а также задержки и невыдачи заработной платы, которые на протяжении этих лет являлись наиболее частым поводом подачи жалоб рабочих в Тульской губернии. В последующие годы число жалоб на социальное обеспечение растет, что, очевидно, было связано как с расширением мер социальной поддержки, так и с большей информированностью рабочих о своих правах (издается большое количество соответствующей литературы, в том числе и пропагандистского характера; большевиками даже издавался специальный журнал «Вопросы страхования») и возрастанием напряженности между рабочими и предпринимателями в целом.

Чрезвычайно интересен язык подобных жалоб, написанных рабочими. С одной стороны, обращаясь к фабричному инспектору, они используют довольно-таки подобострастную лексику: «...к Вам нашему защитнику обращаемся мы... Веря в Вашу преданность рабочим и неподкупную честность, ждем надлежащих расследований». С другой стороны, ставят четкие сроки для инспектора («желательно было бы прекратить это беззаконие до Успения») напоминают, что в случае бездействия они должны будут обратиться к старшему фабричному инспектору²¹. Через полтора месяца рабочие вновь пишут фабричному инспектору, причем резко меняется и тон письма («обращаемся к вам с просьбой в последний раз», «если Вы не сделаете ничего, мы обратимся в газету «Тульская молва», «старшему инспектору сегодня тоже написали»²²). Интересно, что после второго письма реакция участкового фабричного инспектора последовала незамедлительно – видимо, способствовало этому упоминание о письме рабочих старшему фабричному инспектору. Уже на следующий день инспектор отправил запрос о нарушении прав рабочих администрации предприятия.

Из общего количества жалоб рабочих на социальное обеспечение в Тульской губернии в данный период, сведения о которых удалось обнаружить, результаты жалоб

²⁰ Составлено по данным: Свод отчетов фабричных инспекторов за 1901 г. СПб., 1902. С. 78-79; Свод отчетов...за 1903 г. СПб., 1904. С. 84-85; Свод отчетов...за 1904 г. СПб., 1905. С. 90-91; Свод отчетов...за 1905 г. СПб., 1906. С. 66-67; Свод отчетов...за 1906 г. СПб., 1907. С. 66-67; Свод отчетов...за 1907 г. СПб., 1908. С. 70-71; Свод отчетов...за 1908 г. СПб., 1909. С. 70-71; Свод отчетов...за 1910 г. СПб., 1911. С. 210-211; Свод отчетов...за 1911 г. СПб., 1912. С. 206-207; Свод отчетов...за 1912 г. СПб., 1913. С. 208-209; Свод отчетов...за 1913 г. СПб., 1914. С. 214-215; Свод отчетов...за 1914 г. Пг., 1915. С. 186-187.

²¹ ГАТО. Ф. 305. Оп. 1. Д. 19. Л. 2.

²² Там же.

распределились следующим образом: 30% было удовлетворено, в 20% было отказано, в 30% случаев стороны не смогли договориться, и им было предложено обратиться в суд, и в 20% случаев жалобщики просто не явились к разбирательству²³. За все эти годы подавляющее большинство жалоб на социальное обеспечение в Тульской губернии были единичными, а не коллективными, в отличие от жалоб, связанных с заработной платой, подававшихся, как правило, коллективно.

Несмотря на существование многих положительных моментов в деятельности фабричных инспекторов, еще современники ставили эффективность посредничества фабричной инспекции между работниками и предпринимателями под вопрос. Г. Балицкий писал об этом: «Чем может помочь фабричный инспектор, посетивший один или два раза в год фабрику с несколькими тысячами рабочих, где нарушение прав рабочих происходит на каждом шагу, где каждый день по нескольку раз возникают самые разнообразные недоразумения между фабрикантами и рабочими... он не только не может разобраться в отношениях сторон...но не может и открыть какого-нибудь злоупотребления при умении фабрикантов их скрывать и при неохоте рабочих прибегать к помощи инспекции»²⁴. Личные мнения фабричных инспекторов, отраженные в их отчетах, зачастую были диаметрально противоположными: от признания необходимости и важности этой деятельности в обеспечении интересов рабочего до полного отрицания ее пользы²⁵. Первые аргументировали свою позицию тем, что фабричные инспектора разрешали дела быстро и правильно; рабочие при принесении жалоб не были обременены никакими формальностями; заведующие заводами, как правило, старались исполнять все указания инспекции по жалобам, не доводя дело до суда. По мнению других, посредническая деятельность являлась благоприятной для рабочих лишь в тех случаях, когда имело место реальное нарушение закона со стороны заведующего. Старший инспектор Костромской губернии указывал на то, что наиболее эффективно посредническая деятельность осуществлялась при обращении рабочих по поводу закона 1903 года о вознаграждении увечных рабочих, когда «в своих требованиях фабричный инспектор может опираться на закон, и когда удовлетворение отдельных рабочих не создает прецедента для предъявления требований со стороны других рабочих; в последнем случае инспектора предпочитают направить стороны в суд»²⁶.

Таким образом, деятельность фабричной инспекции в решении вопросов социального обеспечения рабочих являлась очень сложной и многоплановой. Фабричные инспектора при осуществлении своей посреднической деятельности находились между двух огней – с одной стороны, полуграмотный рабочий, не всегда понимающий, почему фабричный инспектор не может сам наказать фабриканта, по мнению рабочего, нарушающего закон (максимальной мерой, которой располагал инспектор в случае отказа сторон от мирового соглашения, было его предложение обратиться в суд, что служило поводом его обвинения в «пристрастии к фабрикантам»²⁷); с другой стороны – искушенный в делах владелец промышленного заведения, считающий вмешательство фабричного инспектора в его взаимоотношения с рабочими совершенно излишним. Тем не менее, на наш взгляд, очень многое в этом вопросе зависело от человеческого фактора – умения конкретного инспектора правильно и своевременно разрешить сложную ситуацию, обеспечить бесперебойный механизм обеспечения рабочих социальными пособиями и в какой-то степени смягчить острую конфронтацию интересов труда капитала, разворачивавшуюся в то время. Это подтверждает и пример Тульской губернии, члены фабричной инспекции которой, несмотря на сложности и проблемы, возникавшие в их деятельности, вели реальную работу по повышению социальной защищенности рабочих на предприятиях.

²³ ГАТО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 26а. Л. 1, 56, 58, 62, 66, 72; Д. 134. Л. 1, 6, 14, 24, 27, 34, 38.

²⁴ Балицкий Г. Какая должна быть фабричная инспекция. М., 1907. С. 11.

²⁵ Свод отчетов фабричных инспекторов за 1911 г. СПб., 1912. С. 65.

²⁶ Там же. С. 66.

²⁷ Там же. С. 65.

FACTORY INSPECTION ACTIVITY IN PROVIDING THE WORKERS INSURANCE ON THE FACTORIES OF TULA REGION IN THE BEGINNING OF 20TH CENTURY

E. I. KRAYUSHKINA

Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University

e-mail: lenakrayush@yandex.ru

The article is devoted to the study of social-economical modernization in province in the beginning of 20th century from the point of social insurance of workers. For the first time the activity of Tula province factory inspection in the sphere of social insurance is analyzed.

Key words: social insurance, factory inspection, labor law, socio-economic development of Russia.

УДК 902.2 (470.324)

К ВОПРОСУ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ СЕРГЕЯ ФЕДОРОВИЧА ПЛАТОНОВА (РАСКОПКИ 1909 Г. В ВАЛУЙКАХ)

Е. Ю. ЗАХАРОВА*Воронежский
государственный
университет**e-mail: ez@hist. vsu. ru*

Работа посвящена одному из эпизодов в биографии известного отечественного историка Сергея Федоровича Платонова (1860 – 1933) – его пребыванию в Воронежской губернии летом 1909 года. Отдыхая с семьей в уездном городе Валуйки, он провел там показательные раскопки одного из курганов для участников учительских курсов. Актуальность обращения к этому сюжету обусловлена тем, что в историографии неоднозначно оценивается археологическая составляющая научной деятельности С. Ф. Платонова. Для реализации более взвешенного подхода к этому вопросу предпринят анализ событий в Валуйках с максимальным учетом известных к настоящему времени источников. Кроме того, в научный оборот впервые вводится письмо С. Ф. Платонова из Валук видному отечественному археологу А. А. Спицыну, благодаря которому корректируется предлагавшееся до сих пор в литературе изложение хроники событий.

Ключевые слова: Сергей Федорович Платонов, Воронежская губерния, Валуйки, археологические занятия, курганы, майданы, раскопки.

Летом 1909 года Воронежскую губернию посетил известный отечественный историк Сергей Федорович Платонов (1860 – 1933). Основные вехи его научной деятельности весьма показательны – они маркируют путь талантливого ученого и организатора науки. После окончания историко-филологического факультета Петербургского университета он успешно защитил диссертацию на степень магистра русской истории (1888) и занял должность приват-доцента (1889), а немногим позже – профессора (1890) на родном факультете, возглавив при этом коллектив кафедры русской истории. В апреле 1894 г. С. Ф. Платонов стал председателем Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, сменив на этом посту графа А. А. Бобринского. В 1895 – 1902 годах преподавал русскую историю у Великих князей Михаила Александровича, Дмитрия Павловича, Андрея Владимировича и Великой княгини Ольги Александровны.

В октябре 1899 года С. Ф. Платонов защитил докторскую диссертацию (университет св. Владимира, Киев), в основу которой были положены вышедшие незадолго до этого отдельным изданием «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)». Вскоре после этого он возглавил историко-филологический факультет Петербургского университета (1900 – 1905), а с 1903 года – еще и организованный по инициативе великого князя Константина Константиновича Женский педагогический институт (руководил до 1916 года).

После кончины В. О. Ключевского (1911) С. Ф. Платонов признавался авторитетнейшим историком России¹. В 1912 году, к 30-летию преподавательской деятельности, был утверждён в звании заслуженного профессора, после чего в январе 1913 года вышел на пенсию, передав кафедру своему ученику С. В. Рождественскому и перейдя на ставку сверхштатного профессора.

В первые послереволюционные годы вновь вернулся к активной административной и общественной деятельности. В 1918 – 1929 гг. возглавлял Археологическую комиссию; в 1918 – 1923 годах был директором Археологического института и одновременно заведующим Петроградским отделением Главного управления архивным делом. На протяжении первого послереволюционного десятилетия в разные годы являлся председателем археологического отделения факультета общественных наук Петроградского университета; председателем Союза российских архивных деятелей; заведующим Учёной

¹ Шмидт С. О. Предисловие // Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 5.

комиссией по истории труда в России; редактором Особой научной географической комиссии; председателем Комитета по изучению древнерусской живописи; редактором журнала «Вестник знания»; главным редактором «Русского исторического журнала».

3 апреля 1920 года «за большой вклад в развитие русской исторической науки» Общим собранием Российской Академии наук С. Ф. Платонов был избран её действительным членом, и после смерти А. С. Лапшо-Данилевского в 1922 году назначен руководителем Постоянной исторической комиссии Академии. С 1 августа 1925 года он стал директором Пушкинского Дома (после смерти академика Н. А. Котляревского), а 22 августа того же года его избрали директором Библиотеки Академии наук СССР.

Все эти годы, будучи главой петербургской школы историков, занимая высокое положение в мире науки и университетской профессуры, именно С. Ф. Платонов направлял работу академических учреждений в области изучения отечественной истории, выявления и публикации исторических источников.

В 1927 году С. Ф. Платонов завершил свою работу в Ленинградском государственном университете. В сентябре 1928 года отказался от директорства в Библиотеке Академии наук, а в марте 1929 года – и от директорства в Пушкинском Доме.

В 1929 году на мартовской сессии Академии наук СССР был избран академиком-секретарём Отделения гуманитарных наук и членом Президиума Академии наук.

В январе 1930 года был арестован вместе со своей младшей дочерью Марией по подозрению «в активной антисоветской деятельности и участии в контрреволюционной организации». Спустя полтора года выслан в Самару, где и скончался.

Многогранная деятельность С. Ф. Платонова уже неоднократно являлась предметом научных изысканий. Не обойдён вниманием историков, археологов, краеведов и сюжет, связанный с его пребыванием в Воронежской губернии².

Актуальность же обращения к нему вновь обусловлена тем, что в работах моих предшественников содержатся различные, подчас диаметрально противоположные, оценки археологической составляющей в научной деятельности С. Ф. Платонова. Для аргументации своей точки зрения авторы используют, в том числе, и некоторые из источников, отражающих события конца июня – августа 1909 года, когда С. Ф. Платонов находился в уездном городе Валуйки Воронежской губернии. В связи со сказанным, на мой взгляд, есть потребность более детального рассмотрения «воронежского» эпизода в жизни С. Ф. Платонова.

Документирован он достаточно полно. К периоду пребывания семьи Платоновых в Валуйках относятся семь писем из опубликованного эпистолярного наследия С. Ф. Платонова (№№ 257 – 263)³, еще два письма этого же времени фигурировали в специальной статье без введения в научный оборот их полного текста⁴, одно письмо впервые публикуется в данной работе. Кроме того, участие С. Ф. Платонова в губернских и уездных мероприятиях июня – августа 1909 г. отражено в газетных и журнальных публикациях⁵, отчетной документации⁶, дневниковых записях его жены⁷, кратком отчете самого С. Ф. Платонова⁸ и

² Акиншин А. Н. С. Ф. Платонов и воронежцы // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. СПб., 2011. С. 486 – 489; Митрофанов В. В. Археологические занятия С. Ф. Платонова // Российская археология. 2011. № 1. С. 166, 167, 168; Тихонов И. Л. С. Ф. Платонов и А. А. Спицын // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. СПб., 2011. С. 351; Щербаченко В. И. Валуйский биографический словарь. Белгород, 2002. С. 16 – 18, 112.

³ Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками. В 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 125 – 130.

⁴ Тихонов И. Л. С. Ф. Платонов и А. А. Спицын. С. 351.

⁵ Празднование 200-летнего юбилея Полтавской победы // Воронежский телеграф. 1909. 28 июня. № 143; N. По губернии. Гор. Валуйки // Воронежский телеграф. 1909. 19 августа. № 183; Известия Императорской Археологической Комиссии. Прибавление к Вып. 34 (Хроника и библиография. Вып. 17). СПб., 1910. С. 84 – 85.

⁶ Отчет о деятельности Воронежского общества народных университетов за 1909 год. Воронеж, 1910. С. 5.

⁷ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 3. Д. 5749. Л. 17; опубл.: Митрофанов В. В. Археологические занятия С. Ф. Платонова. С. 166.

⁸ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1351. Л. 1; опубл.: Митрофанов В. В. Археологические занятия С. Ф. Платонова. С. 168.

научной заметке А. А. Спицына⁹. К настоящему времени лишь некоторые нюансы пребывания Платоновых на воронежской земле остаются не вполне выясненными.

Точной даты прибытия С. Ф. Платонова в Воронежскую губернию мне пока неизвестно, но, учитывая, что с 20 мая по 17 июня 1909 года он вместе со своими воспитанниками из педагогического института находился в путешествии по Греции и Турции¹⁰, а 26 июня уже состоялась его первая публичная лекция в Валуйках¹¹, она укладывается в весьма краткий промежуток времени. Отъезд из Валук зафиксирован в письмах точно: «...Думаю, что до 15 августа не успеем соскучиться...», «...Домой будем 19-го августа...»¹². Таким образом, Сергей Федорович провел с семьей в Воронежской губернии чуть меньше двух месяцев. Посещение воронежского края было предпринято, по его собственным словам, «...нарочно для того, чтобы отдохнуть в совершенном удалении от служебных дел...»¹³.

О причинах, побудивших С. Ф. Платонова принять решение провести летние месяцы на юге Воронежской губернии, высказался А. Н. Акиншин, предположивший, что он приехал по приглашению И. А. Блинова (в то время возглавлявшего Сенатский архив в Петербурге, владельца имения в Валуйском уезде) и остановился в доме у его брата С. А. Блинова. Последний инициировал выступление С. Ф. Платонова с публичными лекциями в рамках отмечавшейся в губернии 200-летней годовщины Полтавской битвы (26 июня – в здании Валуйского женского училища; 29 июня – в Зимнем театре в Воронеже) и во время работы уездных учительских курсов в Валуйках (в первой половине августа)¹⁴. Для учителей начальных народных училищ и всех интересующихся были организованы и раскопки одного из курганов, находящегося поблизости. Косвенным подтверждением правоты такого предположения может служить также факт последующей пересылки именно С. А. Блиновым фотоматериалов, отражающих результаты работ С. Ф. Платонова в Валуйках (в статье А. Н. Акиншина не указано на это обстоятельство – Е. З.)¹⁵.

Нет никаких оснований утверждать, что С. Ф. Платонов прибыл из Петербурга в Валуйки во главе целой археологической экспедиции специально для проведения раскопок¹⁶. Напротив, программа участия С. Ф. Платонова в уездном съезде учителей, особенно в части организации полевых археологических работ, надо полагать, согласовывалась с ним уже непосредственно в Валуйках, подтверждением чему могут служить его реплики из писем. Так, в письме к В. Г. Дружинину от 4 июля он пишет: «...Я плохо собрался на лето и не имею «обстановки» для каких-либо работ здесь...»¹⁷. Ситуация еще более проясняется с учетом просьбы к А. А. Спицыну о необходимости присылки печатных руководств по археологическим раскопкам, высказанной немногим позже¹⁸. Надо полагать, не имея возможности отказать гостеприимным хозяевам, С. Ф. Платонов и дал свое согласие на организацию раскопок. Его отношение к ним очень рельефно иллюстрируется отрывком из письма к В. Г. Дружинину от 6 августа: «...Представь себе: я, пожалуй, здесь произведу раскопку заведомо плохого курганчика – для демонстрации сего дела, а равно существующих здесь «майdanов», членам учительского съезда, существующего с 1 августа в Валуйках...»¹⁹.

⁹ А. С. Раскопка кургана в г. Валуйках // Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 35. СПб., 1910. С. 131.

¹⁰ Степанов С. Л. Экскурсия женского Педагогического института в Константинополь и Афины // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1909. № 11. С. 51 – 61.

¹¹ Акиншин А. Н. С. Ф. Платонов и воронежцы. С. 486.

¹² Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками. С. 126, 129.

¹³ Там же. С. 126.

¹⁴ Акиншин А. Н. С. Ф. Платонов и воронежцы. С. 488 – 489.

¹⁵ Митрофанов В. В. Археологические занятия С. Ф. Платонова. С. 166 – 167.

¹⁶ Щербаченко В. И. Валуйский биографический словарь. С. 16 – 18, 112.

¹⁷ Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками. С. 126.

¹⁸ Тихонов И. Л. С. Ф. Платонов и А. А. Спицын. С. 351.

¹⁹ Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками. С. 130.

Вскоре после отправки этого письма и был раскопан один курган «на выгоне города Валук» «недалеко от вокзала» («майданы» не копали – Е. З.)²⁰. Хроника проведенных работ нашла отражение в публикации газеты «Воронежский телеграф»²¹ (затем она была перепечатана «Известиями Императорской Археологической Комиссии»²²) и дневниковых записях жены Платонова Надежды Николаевны²³, а научные результаты – в рукописном отчете С. Ф. Платонова²⁴ и на его основе – в публикации А. А. Спицына²⁵.

Раскопки носили показательный характер, а потому были организованы соответствующим образом. «13 августа профессор Санкт-Петербургского университета С. Ф. Платонов закончил чтение лекций по русской истории, читавшихся им в здании женского приходского училища. За несколько дней до этого под его же руководством начата была раскопка кургана за городом, около станции железной дороги, и на 14 августа к месту раскопки были приглашены учащиеся начальных народных училищ, прибывшие в город Валуйки на курсы, устроенные уездным земством. Раскопка была прекращена тогда, когда докопались до скелета. Прибывшим к месту раскопки учащимся профессор прочитал краткую лекцию сначала о способе разрытия курганов, а затем о времени погребения открытого скелета, характера погребения, к какому племени относился погребенный и проч. По словам профессора, погребение это относится ко времени около 3000 лет назад. После лекции профессору на прощанье был поднесен букет из живых цветов. Перед началом лекции приглашенным фотографом было сделано несколько снимков с места раскопки и со скелета»²⁶.

В процессе раскопок под курганом было обнаружено два погребения. Одно из них, лучшей сохранности, было совершено в неглубокой яме. Скелет лежал на правом боку, головой на юго-восток. Костяк был посыпан слоем охры, вокруг него «проходила рамка из кусочков кремня и известняка, шириною до 1 вершка». Это захоронение относилось, по терминологии того времени, к «погребениям с окрашенными костяками» (в современном понимании археологических реалий, учитывая особенности погребального обряда, вероятно, к кругу древнеямных древностей эпохи ранней бронзы – Е. З.); от другого сохранились только фрагменты конечностей скелета. Из сопровождающего инвентаря найдены лишь «два отдельных черепка от двух сосудов»²⁷. Как сообщал «Воронежский телеграф», «полуразрушенный череп скелета профессор взял с собой, а остальное опять закопали»²⁸.

На другой день после окончания работ семья Платоновых покинула Валуйки. В данной связи представляется необходимым уточнить следующее утверждение И. Л. Тихонова: «После окончания этих раскопок Спицын писал Платонову: «Спасибо за сведения о Майдане. Они удовлетворительны, но мы, археологи, ведь не сытая утроба – кое-что хорошо бы знать еще»; далее следовал целый ряд вопросов относительно устройства насыпи и конструкции валов»²⁹. Это письмо, датированное июлем 1909 года, предшествовало раскопкам. К тому же, как явствует из приведенных выше источников, исследован был курган, а не майдан. Учитывая интерес А. А. Спицына к майданам как самостоятельной категории древно-

²⁰ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 3. Д. 5749. Л. 17; А. С. Раскопка кургана в г. Валуйках // Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 35. СПб., 1910. С. 131.

²¹ N. По губернии. Гор. Валуйки // Воронежский телеграф. 1909. 19 августа. № 183.

²² Известия Императорской Археологической Комиссии. Прибавление к Вып. 34 (Хроника и библиография. Вып. 17). С. 84 – 85.

²³ Митрофанов В. В. Археологические занятия С. Ф. Платонова. С. 166.

²⁴ Митрофанов В. В. Археологические занятия С. Ф. Платонова. С. 168.

²⁵ А. С. Раскопка кургана в г. Валуйках // Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 35. СПб., 1910. С. 131.

²⁶ N. По губернии. Гор. Валуйки // Воронежский телеграф. 1909. 19 августа. № 183; Известия Императорской Археологической Комиссии. Прибавление к Вып. 34 (Хроника и библиография. Вып. 17). СПб., 1910. С. 84 – 85.

²⁷ А. С. Раскопка кургана в г. Валуйках. С. 131.

²⁸ N. По губернии. Гор. Валуйки // Воронежский телеграф. 1909. 19 августа. № 183.

²⁹ Тихонов И. Л. С. Ф. Платонов и А. А. Спицын. С. 351.

стей, характеристике которых он посвятил вышедшую тремя годами ранее отдельную работу³⁰, раскопанный объект никак не мог быть им назван «майданом».

Ситуацию проясняет обнаруженное мною в рукописном архиве Института истории материальной культуры Российской Академии наук письмо С. Ф. Платонова А. А. Спицыну, датированное 4 июля 1909 г. Важность этого документа определяется еще и тем обстоятельством, что большинство писем, адресованных А. А. Спицыну, погибло во время пожара в его квартире³¹. Поскольку до сих пор документ цитировался лишь частично³², приводим его текст полностью.

4/VII. 09.

Дорогой А[лександр] А[ндреевич]! Целую заочно Вас и Ваших. Как Вы ратовали в Костроме? Как живете, как здоровы? А о нас ведайте, что благополучны: Летним делом: Я дошёл до забвения грамоты и потому писать почти разучился. Однако скажу, что Царьград великолепен и я рад, что увидел его. Хороша и Агтика, и Саламин, и Элевзин! Впечатлений много. Теперь сидим и отдыхаем на хороших местах. Наехали(?) с Наденькою то, что изображено на обороте. Стоит ли больше мерить и описывать? Всего хорошего! Сердечно Ваш С. Платонов

Адрес: г. Валуйки Воронеж. губ.

PS. А хороши меловые горы и столбы по Дону!

На обороте схематичное изображение «майданчика» окружностью 101 – 102 шага в 2 верстах от Валук, по левому берегу реки Валуй у дер. Пушкарка³³.

Очевидно, что в ответном письме А. А. Спицын и просит подробнее охарактеризовать обнаруженный Платоновыми майдан. Были ли в итоге получены Спицыным дополнительные сведения на этот счет, пока установить не удалось.

Современные исследователи научной деятельности С. Ф. Платонова неоднозначно оценивают место в ней археологических изысканий. Излишне патетически звучат, на мой взгляд, суждения в этой связи В. В. Митрофанова, который полагает, что «интерес к археологии С. Ф. Платонов пронес через всю свою творческую жизнь»; «при любой возможности, особенно во время своих летних отпусков, любил заняться раскопками курганов»; «приведенные факты (в указанной заметке – Е. З.) позволяют его считать не только археологом-любителем, но и археологом-профессионалом»³⁴.

Гораздо более взвешенной мне представляется точка зрения И. Л. Тихонова, считающего, что «С. Ф. Платонов непосредственно археологией не занимался, за исключением нескольких эпизодов ...Небольшими эпизодами и экскурсиями на показательные раскопки во время археологических съездов и ограничивался опыт С. Ф. Платонова по части полевой археологии. Однако следует иметь в виду, что в то время археология понималась значительно шире, чем сейчас: как комплекс вспомогательных исторических дисциплин, исследующих разнохарактерные источники, и не только вещественные»³⁵. При таком подходе, конечно, вполне оправданным выглядит привлечение именитого историка к сотрудничеству в разного рода сообществах археологической направленности, в том числе и его многолетнее пребывание на посту руководителя славяно-русского отделения Русского Археологического Общества. В этом же ключе следует рассматривать и взаимодействие С. Ф. Платонова с провинциальными исследователями древностей.

Возвращаясь к событиям 1909 года, отмечу, что почти двухмесячное пребывание Сергея Федоровича Платонова в Воронежской губернии осталось единственным его посещением этого края, однако достаточно интенсивные научные контакты с воронежски-

³⁰ Спицын А. Майданы // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. Т. VIII. СПб., 1906. С. 1 – 28.

³¹ Тихонов И. Л. С. Ф. Платонов и А. А. Спицын. С. 349.

³² Акиншин А. Н. С. Ф. Платонов и воронежцы. С. 487.

³³ Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 5. Д. 396. Л. 234 – 234 об.

³⁴ Митрофанов В. В. Археологические занятия С. Ф. Платонова. С. 166, 167, 168.

³⁵ Тихонов И. Л. С. Ф. Платонов и А. А. Спицын. С. 351.

ми историками и краеведами продолжались вплоть до трагических событий последних лет его жизни³⁶.

ON ARCHAEOLOGICAL WORK OF SERGEI FEDOROVICH PLATONOV (EXCAVATIONS OF 1909 IN VALUIKI)

E. Y. ZAKHAROVA

**Voronezh State
University**

e-mail: ez@hist. vsu. ru

The article is dedicated to one of the episodes in life of famous Russian historian Sergei Fedorovich Platonov (1860 – 1933) – his stay in Voronezh guberniya in summer, 1909. While he was on a family holiday in a district town of Valuiki, he performed demonstrative excavations of one of burial mounds for participants of teachers' courses. The actuality of this subject is determined by the fact that historians estimate an archaeological element in scientific activity of S. F. Platonov very ambiguously. In order to implement a more balanced approach to this issue, the author has analyzed the events in Valuiki with maximum consideration of sources known by now. Moreover, the article introduces a S. F. Platonov's letter from Valuiki to a prominent Russian archaeologist A. A. Spitsin, which helps to correct the event history as it has been described up to date.

Key words: Sergei Fedorovich Platonov, Voronezh guberniya, Valuiki, archaeological works, burial mounds, maidans, excavations.

---

³⁶ Подробнее по этому вопросу см.: Акиншин А. Н. С. Ф. Платонов и воронежцы. С. 484 – 492; Митрофанов В. В. Сотрудничество С. Ф. Платонова с историками Воронежского края // Вестник Нижневартского государственного гуманитарного университета. Серия «Исторические науки». Вып. 4. 2010. С. 33 – 42.

УДК 94(47). 084. 3; 94(47). 084. 5

ПРИЧИНЫ ДЕФОРМАЦИИ РЫНКА ТРУДА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ ПЕРИОДА НЭП

С. В. БОГДАНОВ
М. И. КУЧЕРЕНКО

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: dr. bogdanov_sv@mail.ru

В статье анализируются особенности становления и функционирования рынка труда в период реализации новой экономической политики. Выявляются институциональные особенности и причины деформации этого социально-экономического института в советской России. Рассматривается динамика безработицы в стране.

Ключевые слова: безработица, рынок труда, биржи труда, Орграспредотдел ЦК

Переход России к рыночной экономике обусловил формирование специфического института регулирования спроса и предложения на такой товар как рабочая сила – рынка труда. Стремительный демонтаж плано-централизованной экономики усугубил спад промышленного производства и привел к значительному сокращению спроса на рабочую силу. Вчерашний дефицит трудовых ресурсов в одночасье сменился появлением безработицы – социально-экономического явления, при котором определенная часть трудоспособного населения не может найти себе работу.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что формирующийся с начала 1990-х гг. российский рынок труда в определенной степени как в кривом зеркале отражает многие изъяны, которые были характерны для этого института периода существования новой экономической политики. В этой связи изучение рынка труда 1920-х гг. через призму взаимоотношений: власть – безработица – общество является на наш взгляд вполне актуальным.

Кронштадтские события в начале 1921 г., антоновский мятеж на Тамбовщине, многочисленные крестьянские стихийные выступления явились красноречивым свидетельством не только губительности, но и опасности продолжения политики «военного коммунизма». X съезд РКП(б) в условиях острейшей внутрипартийной борьбы в марте 1921 г. принял политическое решение о переходе к новой экономической политике (нэп)¹.

НЭП означала допущение в экономическую сферу частного, иностранный капитал на правах концессии, существенный пересмотр всей политики в области труда и занятости населения, основ социального страхования, в том числе, и на случай безработицы.

Новая экономическая политика свидетельствовала о переходе от жестко централизованной экономики к рыночной, но с сохранением значительных регуляционных механизмов в руках у государства. Однако разрешение частного предпринимательства, допущение иностранного капитала означало возникновение принципиально иной ситуации в экономике и неизбежное возрождение рынка труда.

Основные регуляторы рынка труда – спрос и предложение рабочей силы постепенно вытесняли административно-принудительные меры регулирования рабочей силы, доказавшие свою жизнеспособность в условиях ожесточенного военного противостояния, но оказавшиеся совершенно неприемлемыми в период мирного строительства. Сохранение прежнего мобилизационного механизма регулирования рабочей силы было нецелесообразным в силу его низкой эффективности в условиях нового экономического курса и пересмотра всей политики труда и занятости.

Согласно сведениям наркома труда В. В. Шмидта, уже в ноябре 1921 г. только в 56 губерниях РСФСР и Украины насчитывалось около 420 тыс. безработных. При этом прогнозировалось увеличение количества безработных в городах за счет притока туда дополнительной рабочей силы из сельской местности².

¹ См.: Десятый съезд Российской Коммунистической партии: стенографический отчет (8-16 марта 1921 г.). М., 1921.

² Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5451. Оп. 5. Д. 519. Л. 25.

Рост заработной платы в промышленности на протяжении второй половины 1921-начала 1922 гг. способствовал притоку рабочей силы на городской рынок труда. За короткий промежуток времени былой дефицит рабочей силы сменился ее избытком. Уже к августу 1921 г. количество вакантных рабочих мест вплотную приблизилось к числу ищущих работу. К концу осени 1921 г. и первым месяцам зимы 1922 г. началось неуклонное снижение потребности предприятий в дополнительных кадрах³.

По данным только 52 губернских городов, количество безработных в течение 1922 г. с 160 тыс. человек в начале года возросло до 641 тыс. человек к концу года⁴.

Система хозрасчета привела к тому, что промышленные предприятия были поставлены в условия, при которых излишний балласт рабочей силы способствовал снижению финансовых показателей и уменьшал заработную плату квалифицированным работникам и административному аппарату. Зарплата каждого работника теперь напрямую зависела от двух факторов: эффективности производства и количества работников. Естественно, такая ситуация в определенной степени стимулировала промышленные предприятия к росту производительности труда, совершенствованию производства, но она и не могла не вызвать процесса «выталкивания» из производственных коллективов малоквалифицированных рабочих, женщин, молодежь, как правило, не имевшую практического опыта.

К началу 1923 г. в советской России без работы уже оказалось 625 тыс. человек, среди них 30% служащих, 19% чернорабочих, 12% квалифицированных рабочих. На каждые 100 человек, оказавшихся без работы, в среднем приходилось только 29 рабочих мест. Период безработицы в среднем составил около трех месяцев⁵.

Насущным встал вопрос о возрождении бирж труда, ликвидированных Советским правительством в начале 1919 г. Совет Труда и Обороны своим постановлением от 13 июля 1923 г. утвердил положение о биржах труда. В их функции входила регистрация безработных, содействие в трудоустройстве, оказание им материальной помощи⁶.

НЭП серьезно обострил ситуацию с безработицей в стране. Замедленные темпы роста промышленного производства вызвали постоянно растущую безработицу. «В 1923 году количество безработных, как сообщалось, достигло миллиона. Но официальные сведения отражают лишь положение членов профсоюзов и тех, кто был зарегистрирован на биржах труда и получал скудные пособия по безработице. Статистика не учитывала неквалифицированных рабочих, особенно бывших крестьян, которые искали случайных заработков в городах, главным образом в строительной промышленности. Если нэп спас крестьянина от катастрофы, — делает вывод авторитетный английский историк Э. Карр, — то он же поставил промышленность и рынок труда на грань хаоса»⁷.

Согласно расчетам Госплана СССР, в 1923 г. число селян, вышедших на рынок труда городов страны в поисках работы, составило 18% от всего количества ищущих работу, в 1924 г. наблюдалось незначительное увеличение всего на один пункт, в 1925/26 г. — 34%, в 1926/27 г. — 23%, в 1927/28 г. — 24%⁸.

Постоянное увеличение числа безработных серьезно обострило ситуацию с выплатой пособия по безработице. Делегация британских профсоюзов, побывавшая в Москве в 1924 г., в своем докладе сообщала, что из-за острой нехватки финансов на нужды социального обеспечения только 15-20% безработных получали регулярное пособие⁹.

Проблема дефицита средств для выплаты пособий по безработице стала практически повсеместным явлением. Так, «Курская правда» в октябре 1926 г. писала: «В 1-ом полугодии в фонде помощи безработным было 1160 руб. Сумма эта составила, главным образом, из остатков от прошлогодних поступлений. Новых поступлений за полгода было

³ ГАРФ. Ф. 382. Оп. 4. Д. 421. Л. 261; Ф. 5451. Оп. 6. Д. 308. Л. 54.

⁴ Ледаев Д. Безработица в СССР и борьба с ней (1917-1927 гг.) // Вопросы труда. 1927. № 10. С. 109.

⁵ Заславский И. Занятость и рынок труда при нэпе // Социалистический труд. 1989. №10. С. 89.

⁶ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 7. Д. 325. Л. 55.

⁷ Карр Э. Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917-1929. М., 1990. С. 63.

⁸ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 26. Д. 182. Л. 44.

⁹ Карр Э. История Советской России. Кн. 1. Том 1 и 2. Большевицкая революция. 1917-1923. М., 1990.

только 619 руб. Во второй половине года фонд безработных будет значительно больше. За первые три месяца второго полугодия в этот фонд уже поступило 740 руб.»¹⁰.

И, тем не менее, получение статуса безработного в крупных городах было довольно привлекательным, т. к. влекло за собой наличие ряда льгот: коммунальные платежи, поездки в городском транспорте, квартплата, уменьшение налоговых удержаний. Это обстоятельство способствовало притоку на биржи труда значительного количества граждан, не изъявлявших действительного желания получить работу. Так, на учете бирж труда страны к 1 января 1924 г. уже числилось 1240 тыс. человек, что практически в два раза было больше, нежели на 1 января 1923 г.¹¹

Таким образом, с момента отхода политического режима от политики «военного коммунизма» и перехода к новому экономическому курсу безработица стала постоянным фактом советской действительности.

Однако рынок труда периода нэпа оказался во многом гипертрофирован не только собственно многоукладным характером экономики, но и целым комплексом субъективных обстоятельств, predetermined доктринальными установками большевиков:

1) отношение к безработице партийно-хозяйственного номенклатурного аппарата не как к органическому следствию существования рыночных отношений, санкционированных самой же партией большевиков, а как «наследию прошлого», «случайному» явлению;

2) отказ со стороны государства от мобилизационно-принудительных способов регулирования трудовых ресурсов наложил на слабость механизмов противодействия безработице экономическими методами, что фактически способствовало неуклонному росту данного явления на протяжении всего периода существования нэпа. Слабость экономических мер, как правило, компенсировалась усилением административных;

3) политика «недопущения» частного в значительное количество экономических сфер и отраслей народного хозяйства существенно ограничивала созидательный потенциал предпринимательства, в том числе и в плане создания дополнительных рабочих мест – реального способа противодействия безработице. Само же занятие частным предпринимательством со второй половины 1920-х гг. с точки зрения социально-экономических условий функционирования было крайне нестабильным;

4) создание фактически «тепличных» условий для партийной номенклатуры в плане защищенности от угрозы безработицы. Сам же принцип номенклатурного подбора и расстановки руководящих кадров, довольно часто совершенно не способных обеспечить эффективное управление, приводил к снижению эффективности производства и продуктивной занятости трудовых ресурсов.

В чем же выражалась двойственность политики большевиков в отношении безработицы в 1920-е годы?

Сохранение «ножниц цен» между промышленной продукцией и сельскохозяйственной являлось неизбежным следствием как политики большевиков, связанной с реконструкцией промышленности, так и попыткой сохранения и расширения социальной опоры в лице рабочего класса. В стране, где подавляющее большинство населения проживало в деревнях, и было связано с сельским хозяйством, политика «ножниц цен» неизбежно вела к выталкиванию из сельской местности рабочей силы, которая искала себе больших заработков в городах. Правящая партия неоднократно указывала на данное обстоятельство.

На XV Всесоюзной конференции ВКП(б) (26 октября-3 ноября 1926 г.) было констатировано «наличие значительных кадров безработных, несмотря на рост промышленности и на вовлечение в государственную промышленность в течение последнего года свыше 400 тыс. новых рабочих»¹².

Так, «Курская правда» от 22 июля 1926 г. в подборке статей под рубрикой «На бирже труда» писала: «Безработица в городе неуклонно растет. В мае было 3722 безра-

¹⁰ Курская правда. 1926. 22 октября.

¹¹ Ледаев Д. Указ. соч. С. 109.

¹² Пятнадцатая конференция ВКП(б). Москва 26 октября – 3 ноября 1926 г. / КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 3. С. 381.

ботных, в июне эта цифра повысилась до 4152, а на 1 июля зарегистрировано биржей труда уже 5012 человек»¹³.

Постоянное увеличение рядов безработных, снижение авторитета господствующей партии, которая в глазах простого обывателя была не способна «навести порядок в стране», заставлял государственные органы использовать быстрые и эффективные, на их взгляд, меры. С 1923 г. стали практиковаться постоянные чистки картотек безработных на биржах труда страны. По итогам этих мероприятий количество безработных, состоявших на учете, уменьшалось иногда на половину. Например, после проверки Царицынской биржи труда инспектирующими специалистами НКТ одновременно с учета было снято 1815 человек, которые, как было сказано в заключении проверяющих, «действительными безработными не являются»¹⁴. Однако эти мероприятия были направлены на борьбу не с причинами, а со следствием такого явления как безработица.

Одним из факторов, серьезно ограничивавшим формирование полноценного рынка труда в 1920-е гг., явилась политика партии большевиков по отношению к предпринимательству. X съезд партии, вынужденный принять новую экономическую политику, дал определенную свободу экономической деятельности предприятиям и частным лицам. Только с октября по декабрь 1921 г. частниками было выбрано 185 тыс. патентов, в первом полугодии 1922 г. – около 450 тыс. и во втором полугодии – 522 тыс. патентов¹⁵.

В первой половине 1920-х гг. частный капитал занял довольно прочные позиции в торговле. Так, в деревенской розничной торговле частный капитал составлял 83%, тогда как кооперативный – 10, а государственный – 7%. В городах частный капитал получил меньше распространения, хотя оперировал там несравненно большими суммами. В целом по стране он составлял в оптово-розничной торговле 50,4%¹⁶.

Масштабное «обуржуазивание» страны не могло не беспокоить правящую партию. ЦК РКП(б) в письме губкомам и обкомам в 1922 г. отмечал: «Рост капиталистических отношений как в городе, так и в деревне, укрепление частной торговли, дифференциация крестьянства и т. д. ставят нас перед лицом опасности усиленного воздействия буржуазной и мелкобуржуазной идеологии на рабочие и крестьянские массы и перед попытками использования этих масс как орудия капиталистической реставрации»¹⁷. Стремление к сохранению «идеологической чистоты» со стороны большевистского руководства серьезно деформировало рынок труда на протяжении всего периода существования НЭПа.

Неблагоприятные условия, в которые было поставлено предпринимательство в период НЭПа, также негативно сказывались на формировании полноценного рынка труда. Политика государственных органов в отношении нэпманов со второй половины 1920-х гг. характеризовалась все большим давлением и созданием препятствий для этого социального слоя. Между тем, влияние, которое частные предприниматели оказывали не только на горожан, но на общество в целом, было огромным. Нэпманы постоянно втягивали в орбиту предпринимательской деятельности членов других социальных групп.

Высшая партийно-государственная номенклатура в нэпманах видела исключительно «антисоциалистический элемент», не желая обращать внимание на тот непреложный факт, что предпринимателями было создано значительное количество рабочих мест. Для бюджетов многих малых городов и сельских населенных пунктов налоговые платежи нэпманов являлись основным источником их существования и развития.

Непоследовательная, но все же поощрительная политика большевистского правительства в отношении мелких хозяйчиков в первой половине 1920-х гг., сменилась на комплекс мер их ограничения и вытеснения в конце 1920-х гг. Неустойчивость предпринимательства в советской России была предопределена изначально враждебным отношением партии большевиков к частной собственности, занятости в несоциалистическом секторе экономики. Рецидивы «военного коммунизма» вначале робко давали о себе

¹³ Курская правда. 1926. 22 июля.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 382. Оп. 4. Д. 1154. Л. 145.

¹⁵ Крон Ц. М. Частная торговля в СССР. М., 1926. С. 10.

¹⁶ Тринадцатый съезд РКП(б): стенографический отчет. М., 1924. С. 404.

¹⁷ Цит. по: Вестник МГУ. Серия 9. История. 1976. № 4. С. 5.

знать, а затем они опять стали системообразующим принципом государственной политики занятости населения, проводимой сталинским руководством.

Утвердившийся в начале 1920-х гг. номенклатурный принцип подбора и расстановки руководящих кадров имел и еще одну сторону, о которой высшее партийное руководство предпочитало хранить молчание для рядовых членов партии, тем более для беспартийных. А именно – защиту партийных функционеров различного уровня от угрозы безработицы. В условиях нарастающей безработицы, конкуренции рабочей силы, коммунисты проигрывали в квалификации и опыте беспартийным работникам. Промышленность начинала развиваться «не по-коммунистически», не по решениям и резолюциям съездов.

Так, еще в самом начале 1921 г. согласно постановлению ЦК РКП(б), принятому в связи с докладом комиссии по проверке правильности использования коммунистов в хозорганах ВСНХ, и в связи с массовой демобилизацией из Красной Армии, для уменьшения безработицы среди коммунистов, партийными органами предлагалось в те или иные учреждения и предприятия определенное количество коммунистов.

Наркоматам постоянно шли напоминания, вплоть до конкретных циркуляров и указаний от партийных органов на предмет «бережного и внимательного отношения к пролетарским кадрам». Например, анализ безработных коммунистов по Москве в 1926 г. показал, что из 1469 безработных 1022 лишились работы в результате сокращения штатов, реорганизации аппарата управления¹⁸.

Другие руководители учреждений, хозяйственные руководители, не желая навлекать на себя партийный гнев, нередко создавали для них фиктивные должности, лишённые реального содержания работы, часто «выдвигали» подобных работников с одной только целью – избавиться от «активного бездельника».

В условиях безработицы коммунисты не особенно волновались о потере работы. Рядовые коммунисты, в основной своей массе, распределялись не через биржи труда, а губкомы, райкомы и укомы партии. Среди коммунистов прочно утвердилось мнение – партийное распределение есть средство получения работы, хотя бы и путем административного нажима на руководителей учреждений.

Справочные сведения из многих регионов страны в 1926 г. показывали, что причинами безработицы среди коммунистов являлись слабая их квалификация, чаще всего – отсутствие какой-либо квалификации или образования вообще. На совещаниях Орграспредотдела констатировалось, что «люди пришли в партию, а делать ничего не умеют»¹⁹.

В сельскохозяйственных районах безработными являлись, главным образом, батраки и бедняки. Находясь в селах на различных выборных должностях, после очередных выборов, где давление райкома ослабевало, их не избирали на новый срок. Для этих людей, совершенно не способных к хозяйственной трудовой деятельности, служба являлась основным источником существования. Лишь у некоторых из них имелись небольшие посеи, или хозяйства. Подобные работники жили за счет имущих, выдавая им за взятки, угощения, необходимые справки и разрешения. Уездные и сельские ответственные работники, пользуясь своим положением, применяли и наемную силу в своем хозяйстве.

Вчерашние безлошадные крестьяне, не способные работать в деревне на выборных должностях, как потерявшие авторитет, но не желавшие идти на рядовую работу, пополняли ряды безработных в городе. Не имея никакой квалификации, но уже разращенные властью, они претендовали только на руководящие роли. Причем дело настолько прочно вошло в практику, что в случае отправления их на биржу труда местным партийным комитетом, они шли с апелляцией в вышестоящие партийные инстанции, вплоть до ЦК с жалобой на местные парторганы. Так, практика подыскивания работы для коммунистов ставила их в более привилегированное положение, по сравнению с беспартийными.

Партийные и государственные органы на протяжении всего периода существования нэпа неоднократно объявляли борьбу с «кумовством», «протекционизмом» при трудоустройстве на работу, продвижении по службе. Между тем, практически повсеместно

¹⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 67. Д. 242. Л. 18.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 352. Л. 54, 57, 58, 50, 61, 63; Оп. 69. Д. 140. Л. 30.

сами партийные, государственные, правоохранительные органы необоснованно вмешивались в работу бирж труда, рассматривая их как орган «всеобщего собеса», для оказания помощи абсолютно всем «социально-обездоленным и социально-исправляемым элементам»²⁰. Но при этом, члены партии пользовались безусловным приоритетом при направлении на работу.

Методы устройства на работу были различными. На Кубани созывали совещания хозяйственников при партийных комитетах, вызовы отдельных руководителей учреждений для разрешения вопросов о возможности использования безработных коммунистов. В Грозном окружком постановил: обязать заведующих биржей труда посылать коммунистов-безработных на работу в первую очередь. Но здесь возникали другие трудности. Работники биржи, желая поострее направить коммунистов на работу, обманным путем приписывали члену партии, в присутствии других безработных, не ту профессию, которой тот обладал. Поэтому, побыв на работе 5-6 месяцев, коммуниста, «осваивавшего дело, но не освоившего его», отправляли вновь на биржу, и все начиналось сначала.

Донской окружком напрямую занимался функциями биржи труда. В Воронеже, Смоленске поступали значительно проще – губком распределял коммунистов путем расписывания по отдельным учреждениям коммунистов в порядке разверстки²¹.

Значительная часть коммунистов быстро освоились со своим «господствующим положением в обществе». Нередко они смотрели на биржу труда как на лишнюю инстанцию, т. к. как считали райком коммунистической биржей труда. В этом отношении их притязания мало чем отличались от притязаний партийной господствующей элиты. «Дай работу, я – коммунист», требовали они, при этом ссылались на циркуляр № 85 о распределении коммунистов, отлично зная все его положения. Среди значительной части коммунистов появилась новая тенденция – страсть к переездам. Она объяснялась тем, что по положению данного циркуляра, вновь прибывшему коммунисту подыскивалась не только работа, но и выдавались деньги на переезд, подъемные, по мере возможности обеспечивались жилищем.

«Странствующие коммунисты», «коммунисты на колесах» называли подобных гастролеров в Орграспредотделе ЦК, но вновь и вновь выдавали путевки. Изо дня в день они сидели в приемной, постоянно жалуясь на неразумное их использование на местах и требуя более ответственной работы. А на местах провалившегося работника в нескольких областях работы, вновь возвращали в Москву, превращая Орграспредотдел ЦК, как говорили сами сотрудники в «свалочное место», «центральную свалку», «партийную свалку», «проходной двор»²².

Давая обобщающую оценку деятельности Орграспредотдела ЦК С. В. Косиор на XV съезде партии говорил, что Орграспредотдел является «...до известной степени не только органом, подбирающим кадры работников, но и отдушиной, «своего рода биржей труда для некоторых групп работников»²³.

Орграспредотдел был настолько завален огромным количеством записок, звонков относительно устройства на работу (из райкомов, Секретариата, «отдельных товарищей»), а наплыв становился настолько огромным, это в ЦК всерьез предлагали из приемной убрать женщину-секретаря, заменив его мужчиной, так как «...робких очень мало, все неробкие и все идут».

Впрочем, надо ли говорить о рядовых коммунистах, шедших проторенным путем, когда высшее партийное руководство уже с 1920 г. буквально было задавлено звонками, письмами, записочками с просьбой устроить на работу того или иного человека. Записочки «с ком. приветом», или просто «приветом», рекомендации по телефону «свой парень», «парень, что надо», служили лучшей гарантией устройства на работу.

Массовый поток записок шел, например, к Г. К. Орджоникидзе с просьбой не только собственного назначения на руководящую работу в Москве, иные крупные города, но и своих друзей, членов их семей²⁴. Вот характерное письмо К. Ворошилова к Г. Ор-

²⁰ ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 24. Д. 113. Л. 71.

²¹ Известия ЦК ВКП(б). 1927. № 30-31. С. 1; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 444. Л. 19; Оп. 69. Д. 139. Л. 52.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 373. Л. 31; Оп. 69. Л. 374; Д. 140. Л. 91, 97.

²³ XV съезд ВКП(б): стенографический отчет. М. -Л., 1928. С. 114.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 16. Д. 100. Л. 1, 4, 5, 10, 11; Оп. 24. Д. 261. Л. 1.

джоникидзе с просьбой устроить на работу доктора-хирурга. Он хороший парень и «отличный хирург ... отрежет тебе все, что надо. Но хочет жить в Тбилиси, а жене нужен университет»²⁵.

Обобщая подобную практику устройства на работу, помощник заведующего Орграспредотдела ЦК Чужин говорил: «Значительное количество запросов из провинции идет за счет элементов личной связи, протекционизма и поощрения тяги в Москву, которая существует в провинции»²⁶.

Сколько людей из-за подобного «радения» оставались без работы и средств к существованию, вызывая непонимание, а нередко и ненависть к коммунистам. Вот что писал Л. Лобов в письме к тому же Орджоникидзе, прослуживший 6 лет в Красной Армии и демобилизованный пом. ком. взвода. «... Куда ни кинься, везде говорят, что ты не партиец. Когда голодный и холодный воевал, тогда везде допускали, а теперь завоевали, и нет допуска и некуда жаловаться...»²⁷.

Такие люди не путешествовали по стране за казенный счет, а соглашались на любую работу, лишь бы иметь средства к существованию. На одном из совещаний Секретариата ЦК, состоявшемся в феврале 1927 г., один из секретарей райкомов с горечью говорил, что в условиях безработицы беспартийные должны были «раболепствовать, склоняться перед руководителями, чтобы их не уволили»²⁸.

Право на первоочередное получение коммунистами работы, несмотря на существовавшую критику, сохранялось в партии на протяжении всех 1920-х гг. Так, в проекте резолюции по итогам проверки постановки распределения партейл на местах от 18 января 1927 г. В. Молотов высказался против четкой формулировки о распределении коммунистов через биржи труда, так как это грубо, предлагая заменить на формулировку «на общих основаниях», «на условиях членства профсоюзов»²⁹.

Таким образом, угроза безработицы была не столь страшной для определенных социальных групп, не взирая в большинстве своем на их низкую квалификацию и образовательный уровень. Партийно-хозяйственная номенклатура оказалась поставленной как бы вне границ действия стихийных рыночных сил и колебаний рынка труда.

5 декабря 1929 г. в «Правде» было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О росте кадров рабочего класса, состоянии безработицы и мероприятиях по ее ослаблению»³⁰. Появление постановления ЦК ВКП(б), специально посвященного состоянию безработицы в стране, было весьма симптоматично. Да и сам тон, и стилистика этого партийного документа во многом были отличными от предшествующих. Виновные в существовании безработицы были названы – биржи труда и сами безработные, добровольно не желающие трудиться.

Считая безработицу явлением во многом искусственным, советское руководство не желало видеть базисных причин ее существования. Взяв курс, на индустриализацию, к тому же постоянно подхлестывая ее контрольные цифры к завышению, партийное руководство нуждалось в огромных трудовых ресурсах. В этих условиях безработица все больше превращалась для партийной элиты в искусственный анахронизм.

Те силы, в высшем партийно-государственном руководстве СССР, которые выступали за необходимость дальнейшего продолжения политики НЭПа, оказались в одиночестве. Новый нарком труда А. М. Цихон, сменивший на этом посту Н. А. Угланова, обвиненного в правом уклоне, повторял вслед за И. В. Сталиным, что безработицы в стране фактически нет.

В конце лета – начале осени 1930 г. усиливается отход от экономических методов регулирования безработицы в сторону административно-политических. Биржи труда подлежали реорганизации в службы по плановому распределению рабочей силы, а выплаты пособий по безработице прекращались.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 16. Д. 100. Л. 1, 4, 5, 10, 11; Оп. 25. Д. 93. Л. 1.

²⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 69. Д. 136. Л. 144.

²⁷ Там же. Ф. 85. Оп. 25. Д. 667. Л. 1.

²⁸ Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2815. Л. 23.

²⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 69. Д. 140. Л. 100.

³⁰ Постановление ЦК ВКП(б) О росте кадров рабочего класса, состоянии безработицы и мероприятиях по ее ослаблению. 5 декабря 1929 г. // Правда. 1929. 5 декабря.

С началом форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства был осуществлен переход от государственно-рыночной экономики к тотально огосударственной. Командно-административная экономическая модель отбросила спрос и предложение на рабочую силу как регуляторы рынка труда; в затратно-экстенсивной экономике спрос на рабочую силу всегда существовал, причем в значительных масштабах. В таких условиях больше не оставалось причин для воспроизводства безработицы. Основными механизмами функционирования советского рынка рабочей силы вплоть до конца 1980-х гг. стали жесткие директивные задания, план.

CAUSES OF STRAIN THE LABOR MARKET IN SOVIET RUSSIA NEP PERIOD

S. V. BOGDANOV
M. I. KUCHERENKO

*Belgorod National
Research University*

*e-mail: dr. bog-
danov_sv@mail.ru*

The paper analyzes the features of formation and functioning of the labor market during the implementation of the New Economic Policy. Identified institutional characteristics and causes deformation of the socio-economic institution in Soviet Russia. The dynamics of unemployment in the country.

Key words: unemployment, labor market, labor market, labor exchanges, Orgraspredotdel of Central Committed of Bolshevik Party.

ОТЗВАН АНАРЕТЕНА
04.09.2019

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 32:001.5

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИЛОЖЕНИЯ ПАРАДИГМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Ю. А. ШЕЙКО*Национальный университет
«Киево-Могилянская академия»,
Украина**e-mail: j. schejko@gmail.com*

В статье ставится проблема приложимости парадигмальной модели Т. Куна к политической науке, предлагается парадигмальная схема эволюции знания о политическом.

Ключевые слова: парадигма, политическая наука, политическое, общий образец, эволюция науки, индустриальный Модерн, рефлексивный Модерн.

Понятие парадигма является упроченным в научном обращении. При этом нельзя говорить о едином закрепившемся значении данного термина. Но обычно парадигма означает просто систему взглядов либо концепцию. При этом довольно редко встречается четко сформулированная классификация парадигм, хотя данный термин является концептуализированным в истории науки уже более пятидесяти лет.

Томас Кун (Thomas S. Kuhn), который ввел понятие парадигма в научное обращение для описания истории развития науки, признал в 1969 году, через 7 лет после написания своей основной работы «Структура научных революций», что данный термин зажил своей собственной жизнью¹. В этом есть и вина самого Т. Куна, поскольку он не придерживался единого понимания парадигмы: так, например, квантовая механика для него является парадигмой для разных научных сообществ, причем разной парадигмой; это объясняется тем, что одна метатеория может направлять несколько разных традиций нормальной науки, которые частично пересекаются, но не идентичны².

Слово «парадигма» было выбрано Т. Куном, поскольку оно означает признанную модель или схему, но не этот первоначальный смысл является определяющим для сущности парадигмы в науке³. Даже Джон Васкес (John A. Vasquez), использующий теорию Т. Куна в своих исследованиях, определяет парадигму как фундаментальные допущения, которые ученые выдвигают касательно исследуемого мира⁴. При этом сам Т. Кун определяет парадигму как универсально признанные научные достижения, которые на протя-

¹ Kuhn Th. S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago and London, 1996. P. 187.

² Ibid. P. 50.

³ Ibid. P. 23.

⁴ Vasquez J. The Realist Paradigm and Degenerative versus Progressive Research Programs: An Appraisal of Neotraditional Research on Waltz's Balancing Proposition// The American Political Science Review. December 1997. Vol. 91. № 4. P. 900.

жении определенного периода снабжают конкретное научное сообщество модельными проблемами и решениями⁵.

Для понимания этого определения необходимо рассмотреть основные положения парадигмальной модели развития науки. В отличие от традиционного взгляда на историю развития науки как кумулятивного процесса, Т. Кун радикально изменяет подход, за что его впоследствии жестко критиковали, но именно благодаря новому подходу он смог сформировать свою модель парадигмального развития науки. Т. Кун исходит не из внутринаучных и эпистемологических факторов, а из социально-психологических: центральное место в организации и развитии науки принадлежит научному сообществу (*scientific community*), в которое входят люди, получившие схожее образование и профессиональную подготовку, учились по одинаковой литературе и практикующие определенную научную специальность. Именно такое сообщество является исключительно ответственным за следование определенному набору общих целей и подготовку преемников⁶. Роль научного сообщества состоит в возникновении уверенности в существовании ответов на вопросы, из каких фундаментальных объектов состоит мир, как эти объекты взаимодействуют между собой и какие вопросы правомерно задавать касательно этих объектов⁷.

Рассмотрим, какие компоненты парадигмы выделяет Т. Кун. Это: (1) символические генерализации, а именно суждения, при использовании которых не возникает вопросов или разногласий⁸, они функционируют частично как законы, но вместе с тем и как определения символов, с помощью которых эти законы формулируются⁹; (2) метафизические элементы парадигмы – общие убеждения относительно онтологических и эвристических моделей (напр., теплота – кинетическая энергия частиц, составляющих тело)¹⁰; (3) ценности¹¹, которые касаются не предмета дисциплины, а методологии, научной честности и т. п.; (4) образцы для подражания – чаще всего это конкретные проблемы-решения, которые студенты встречают и изучают с самого начала своего обучения¹².

Именно парадигму как общий образец (*shared exemplar*) Т. Кун определил как наибольшую новизну своей концепции¹³ – он считает, что научное знание заключается не столько в теориях и правилах, сколько в проблемах, которые позволяют овладевать умениями при работе с ними¹⁴. В отсутствие таких образцов выученные теории и законы имеют ограниченное эмпирическое значение¹⁵. Именно в этом состоит одна из центральных проблем политической науки, поскольку студенты в основном получают теоретические знания и накашливают фактаж по отдельности, а не с самого начала учатся работать с эмпирическим материалом определенным образом.

Следует отметить, что термин парадигма используют классики общественных наук: Толкотт Парсонс¹⁶, Юрген Хабермас¹⁷, Иммануил Валлерстайн¹⁸ и др., а в рамках политических наук понятие парадигмы более-менее закрепилось в теории международных отношений, поскольку в ней можно говорить о более явной теоретической стройности – вместо разнообразия теорий и подходов она состоит из серий теорий, которые укладываются в три основных парадигмы или программы: реализм/неореализм, либерализм/неолиберализм и конструктивизм. Но даже в теории международных отношений нам не удалось найти полноценного исследования с применением теории Т. Куна.

⁵ Kuhn Th. S. *The Structure of Scientific Revolutions*. P. x.

⁶ Ibid. P. 177.

⁷ Ibid. P. 4-5.

⁸ Ibid. P. 182.

⁹ Ibid. P. 183.

¹⁰ Ibid. P. 184.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. P. 187.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid. P. 188.

¹⁶ Parsons T. *Sociological Theory and Modern Society*. New York, London, 1967.

¹⁷ Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns*. Band I: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. Frankfurt am Main, 1995. S. 455.

¹⁸ Wallerstein I. *Die Sozialwissenschaft „kaputtgedenken“: Die Grenzen der Paradigmen des 19. Jahrhunderts*. Weinheim, 1995.

Следует также обратить внимание на фундаментальное отличие между природным и социальным мирами: если фундаментальные законы физического мира остаются неизменными, а смена парадигмы означает лишь сдвиг в том, как исследователи видят мир, то социальная реальность как таковая подвержена изменениям – например, современное глобализированное общество принципиально отличается от сословного общества позднего средневековья. Следовательно, в общественных науках нужно различать два уровня изменений: эмпирический и аналитический, между которыми есть взаимосвязь, но не прямая. Изменения в науке вызываются как внутренними (внутринаучными), так и внешними (трансформация социальной реальности) факторами.

Еще одна методологическая проблема, которую мы рассмотрим в данной статье, касается того, чем отличается символическая генерализация от общего образца. Мы полагаем, что необходимо отличать символические генерализации от общих образцов тем, что первые представляют собой формы, которые всегда имеют две стороны, а последние – как символы, которые являются единствами различия. Таким образом, символическую генерализацию мы будем понимать как связь между понятиями. Продемонстрируем это на примере: в парадигме раннего Модерна допустимым вопросом является «Как возникает общество?», ответ на который дается с помощью общего образца «социальный контракт» и символической генерализации «противопоставление природного и гражданского состояния». Хотя Томас Гоббс, Самуэль Пуфендорф, Джон Локк, Жан-Жак Руссо и другие понимали природное и гражданское состояния, а также социальный контракт по-разному, но при этом использовали их как общие образцы для решения проблемы, как сформировалось общество. Нормативные, критические и оценочные суждения являются разновидностями символических генерализаций, поскольку они имплицитно предусматривают различие или противопоставление – например, рассмотрение демократии как чего-то положительного является следствием противопоставления демократии и авторитаризма.

Сформулируем коротко схему эволюции научного знания о политическом – мы выделяем три парадигмы: раннего Модерна, индустриального Модерна и рефлексивного Модерна. В раннем Модерне фундаментальная картина общественного мира является статичной, по поводу него возможным является эмпирико-аналитическое знание вечных истин, в соответствии с которыми и следует организовывать общество – в этом и состоит идея политики. Основными допустимыми вопросами являются: как создается общество, какова природа общества и государства, как обустроить общество рационально и правильно, в соответствии с природой и правом, как управлять обществом. Вопрос возникновения общества решается с помощью символической генерализации противопоставления между природным и гражданским состояниями и образца общественного договора. Вопрос устройства общества и государства решается при помощи образцов механизма и семьи соответственно. Используются также такие образцы: разум, каузальность, универсальность, природа, право, суверенитет, добрая полиция, педагогика для правителя, советы правителю.

Индустриальная и Французская революции знаменуют начало следующей эпохи, в которой как общественная реальность функционирует по-другому, в силу чего и понимают ее совершенно по-другому. В индустриальном Модерне вступают в игру и приобретают решающее значение стихийные процессы: индустриализация, урбанизация, формирование капитализма, революции, национализм, формирование идеологий, восстания, демонстрации, забастовки, стачки и др. Соответственно формулируется проблема, как если не взять под контроль, то хотя бы смягчить стихийность и непредсказуемость этих процессов. Следовательно, символические генерализации боязни неконтролируемости этих процессов и придания им осмысленности вызывают формулирование таких общих образцов как прогресс, рынок, организм, логика истории, диалектика, исторический материализм, а в самой сфере политики – национальное государство, бюрократия и бюрократизация, институализация, позитивное право, права и свободы, разделение властей, население, равенство, братство. Центральной символической генерализацией является противопоставление государства и гражданского общества. В рамках парадигмы индустриального Модерна можно выделить три основные исследовательские программы:

политического либерализма, экономического либерализма-марксизма, а также позитивизма.

С 60-х годов XX века происходит формирование парадигмы рефлексивного Модерна, в которой политическая ассоциация уже не является данной, а требует постоянного конструирования с помощью политического участия, и теперь доминирует символическая генерализация не страха перед стихийными процессами, а положительного восприятия их в форме новых общественных движений. Формируется символическая генерализация разведения государственного и политического, с которой связаны образцы государства всеобщего благосостояния, космополитического государства, коммуникативной власти, субполитики, дискурса и делиберативной политики, общественности, побочных последствий политики. Допустимым вопросом, который отображает все остальные проблемы, является вопрос политического как такового, или что выделяет политическую подсистему общества из общественной окружающей среды.

THE APPLICABILITY OF THE PARADIGM MODEL IN POLITICAL SCIENCE

I. O. SHEIKO

*National University
«Kyiv-Mohyla Academy», Ukraine*

e-mail: j. schejko@gmail. com

In article is put a problem of Kuhn's paradigm model applicability in political science and is offered a paradigm schema of evolution of knowledge about the political.

Key words: paradigm, research program, political science, the political, shared exemplar, scientific evolution, industrial Modernity, reflexive Modernity.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

О. С. МОРОЗОВА

*Рязанский государственный
университет имени
С. А. Есенина*

e-mail: mos2309@mail.ru

В статье рассматривается методология применения избирательной инженерии. Обозначается ряд причин для изменения норм, регулирующих формирование органов государственной власти и местного самоуправления. Рассмотрены вопросы политико-правового становления избирательной системы и критерии ее оценки.

Ключевые слова: избирательная инженерия, избирательная система, итоги выборов.

Выбор избирательной системы является одним из важнейших и наиболее сложных решений, которые необходимы при существовании демократии¹. Поскольку в зависимости от организации избирательной системы институт выборов может либо способствовать конструктивному развитию политической системы, когда обеспечивается открытость, конкуренция и ответственность политических сил, или деструктивно влиять на политическую сферу, когда ограничивается политический плюрализм, устанавливается клановость политики и атомизация политических сил².

Особенно остро это вопрос стоит в новых демократиях, где поиск наиболее справедливой избирательной системы связывается с процессами демократизации, преодоления наследия тоталитарного прошлого, достижения основных стандартов демократического наследия.

Политико-правовое становление избирательной системы, в том числе и в нашем государстве, в основном обусловлено решением вопроса политической элитой о сохранении власти. Избирательная система рассматривается как правовое средство, закрепляющее власть между определенными общественно-политическими силами, исключающее из политической борьбы конкурентов или затрудняющее их участие и сохраняющее возможность административного контроля над осуществлением избирательных процедур.

Дискуссии вокруг избирательных систем, применяемых на практике, всегда желательны, и относятся они к разряду «вечных». Многоаспектность явления порождает различные точки зрения по выбору оптимального и эффективного типа избирательной системы, взаимодействия избирательной и партийной систем и т. п. Но вопросы определения критериев оценки законодательно спроектированной избирательной системы не нашли своего отдельного комплексного исследования³.

Избирательная система – это часть институциональной основы государства, она тесно связана с конституционной, политической и партийной системами, и результат ее действия будет различным в разных политико-правовых и партийных реалиях⁴. Выбирать избирательную систему нужно не в вакууме, а с учетом национальных конституционных и политических особенностей. В связи с этим необходимо отметить, что в разных странах выбор типа избирательной системы зависит от способа организации государственной власти, формы государственного устройства, национального состава общества, его традиций и культуры, и, естественно, влияния внешних факторов.

¹ Морозова О. С. Влияние типа избирательной системы на функционирование политической системы // Теория и практика общественного развития. 2013. №2. С. 175-179.

² Гришин Н. В. Избирательная система как институт артикуляции политических интересов общества // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 2. С. 042-049.

³ Морозова О. С. Критерии оценки качества представительности избирательных систем // Там же. С. 67-72.

⁴ Гришин Н. В. Институт выборов и российская государственность // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3. С. 405-411.

Введение той или иной избирательной системы – это не просто юридический вопрос, а в определенной степени результат расстановки политических сил в обществе. Это наиболее политизированная составляющая избирательного законодательства. Указанное обстоятельство связано с тем, что определяющую роль в правовой регламентации избирательных процедур играют политические партии, представленные в парламенте, и если понимать законодательное проектирование выборов как установление порядка, определяющего условия конкурентной борьбы, то фактически правила соревнования определяют наиболее сильные конкуренты, что не может считаться справедливым подходом в демократической стране.

Перманентное изменение избирательного законодательства в РФ является ярким примером политизации процесса разработки избирательных законов, поскольку одновременно является воплощением двух противоположных тенденций: с одной стороны, стремлением ведущих политических сил закрепить определенные политические предпочтения, полученные во время нахождения во власти, с другой – попытки менее влиятельных объединений обеспечить себе место в будущем парламенте. Но в новых демократиях реформы законодательства о выборах часто приводят к непредсказуемым политическим последствиям, которые влияют, в том числе и на тех, кто был их инициатором. Такая "результативность" законодательного проектирования вызвана неустойчивостью партийной системы, изменчивостью избирательных предпочтений, а также преувеличением собственной поддержки.

Существует большое разветвленное древо вариантов возможной избирательной системы, поэтому ее законодательное проектирование необходимо начинать с определения критериев, которым должна соответствовать демократическая избирательная система и которые резюмируют то, чего законодатель желает достичь, чего избежать и каким предпочитает видеть представительный орган. Тип избирательной системы это, как правило, выбор между желаемым и тем, что объективно достигаемо.

В связи с этим возникает вопрос о соотношении между собой свободы выбора законодателем определенной конфигурации избирательной системы и тех критериев, которым она должна соответствовать. Среди ученых присутствуют разные точки зрения, расставляются не одинаковые акценты по приоритетности, но большинство сходится в одном, что определенные ценностные политико-правовые рамки законодательного проектирования избирательных систем должны быть установлены.

Определяя критерии оценки избирательной системы, необходимо опираться на принцип верховенства права, на идею социальной справедливости, свободы, равенства. Избирательная система в трансформационных обществах является эффективным инструментом коррекции выбранной стратегии государственного и социального развития, и именно в соответствии с этих позиций она должна рассматриваться в ходе проектирования.

В качестве безусловных и обязательных здесь выступают два основных критерия, которые должны учитываться при определении избирательной системы. Первый из них сводится к тому, что избирательная система должна приводить к определенным, сознательно рассчитанным и известным последствиям реализации телеологических установок системного свойства. В частности, при любых условиях целью избирательной системы должна быть структуризация парламента в соответствии с потребностями и стратегий развития социума и государства. Второй основной критерий – ясность и адекватность избирательной системы, поскольку именно в этой плоскости лежат корни легитимности выборов в частности и власти вообще.

Наилучшей для каждого общества является избирательная система, которая как можно полнее отвечает требованиям этого общества. Кроме этого, избирательная система должна быть эффективной, чтобы приносить наибольшую пользу обществу. Эффективность же должна оцениваться по следующим показателям: 1) способствует ли система установлению работоспособного правительства; 2) обеспечивает ли она справедливое представительство; 3) уважаются ли должным образом права меньшинств; 4) несут ли ответственность избранные депутаты перед своими избирателями.

В соответствии с этими показателями не существует совершенной системы, но каждое общество должно стремиться к созданию такой избирательной системы, которая бы как можно больше соответствовала этим критериям.

Таким образом, оптимальная избирательная система на парламентских выборах должна обеспечить: права и свободы граждан на всех стадиях избирательного процесса; пропорциональное представительство (по географическому, функциональному, структурному признакам); осознание избирателем значения его голоса на выборах; устойчивую связь между депутатом и избирателем; решение конфликтов в обществе и парламенте; эффективность работы парламента, формирование парламентского большинства и конструктивной оппозиции; формирование эффективного и стабильного правительства; укрепление роли политических партий в обществе; ограничение административного влияния исполнительной власти на выборах.

При всех других недостатках оптимальной будет та избирательная система, которая обеспечивает права и свободы человека и гражданина в избирательном процессе. Это основной принцип, и все остальные являются производными от него.

Основаниями для выбора той или иной избирательной системы в конкретных правовых и общественно-политических условиях должны быть определенные критерии: правовой, политологический, общественный.

Правовой критерий (конституционности) предполагает соблюдение определенных правовых предпосылок. В частности речь идет о соблюдении основных принципов избирательного права, содействии реализации основных избирательных прав граждан.

Нельзя игнорировать влияние избирательной системы на общественно-политические процессы, в частности структурирование политического спектра общества, вопрос стабильности правительства (при его парламентском формировании) и другие феномены, изучаемые политической наукой. В связи с этим можно говорить об учете фактора целесообразности при определении избирательной системы по тем или иным желаемым результатам, которые могут быть вызваны ее применением. Отсюда политологический аспект, т. е. достижение соответствия между общественно-политическими целями, которые считаются необходимыми.

Общественный критерий (справедливости), который предусматривает общественное восприятие (или не восприятие) избирательной системы, связан с ее понятностью (степенью сложности) и способностью рядового гражданина самостоятельно проверить принципы распределения мандатов на основании результатов голосования. Важно соблюдение всех критериев в их совокупности, в частности политологический принцип целесообразности должен рассматриваться как достижение общегражданских (а не узко эгоистических) целей.

Отметим также, что во время законодательного проектирования избирательной системы необходимо идти от обратного: сначала необходимо определить приоритетные цели, желаемые политико-правовые результаты для общества и государства от внедрения избирательной системы, а уже потом искать и анализировать, какая именно ее вариация наилучшим образом соответствует поставленным задачам.

Выбор системы по одному критерию не может быть оптимальным, и только их комбинация позволит учесть аксиологическую, телеологическую и технологическую составляющие избирательной системы.

Рассматривая критерий конституционности применительно к российской действительности, предполагается достижение соответствия избирательной системы общим принципам конституционализма, принципам избирательного права, признанным международно-правовым избирательным стандартами и нормами Конституции РФ. Среди общих принципов конституционализма, которым должна соответствовать избирательная система, необходимо отметить принцип верховенства права (как соответствие принципам социальной справедливости, свободы, равенства, гуманности), демократизма (как организации публичной власти на основе народовластия, выборности представительных органов публичной власти, свободного и равного участия граждан и их объединений в управлении государством, урегулирования социально-политических конфликтов на основе компромисса и консенсуса) и приоритета прав человека и гражданина (как гарантирование и защита прав и свобод человека и гражданина в соответствии с международно-правовыми стандартами). Несмотря на то, что избирательные системы являются чрезвычайно важным конституционно-правовым и политическим институтом, который оказывает влияние на публичную власть, традиционно его положения не регламентируются

конституциями стран (в том числе и России), а предусматриваются текущим законодательством. С одной стороны, это позволяет избирательной системе быть более гибкой, чувствительной и быстро реагировать на объективные политические потребности. Но с другой стороны, отсутствие конституционных предписаний, определяющих основные элементы избирательной системы, защищенных усложненной процедурой внесения изменений в Основной закон, открывает путь к конъюнктурному реформированию.

В процессе эволюции избирательного права указанную дилемму пытались решить путем закрепления определенных международно-правовых стандартов, которыми необходимо руководствоваться при законодательном проектировании избирательной системы. В частности, Всеобщая декларация прав человека (1948 г.) провозгласила, что воля народа должна быть основой управления, эта воля должна проявляться в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве, путем тайного голосования или с помощью других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования (п. 3 ст. 21)⁵. В Протоколе № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1952 г.) указано, что "Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются проводить свободные выборы с разумной периодичностью путем тайного голосования в таких условиях, которые обеспечивают свободное волеизъявление народа в выборе органов законодательной власти" (ст. 3)⁶. В Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (29 июня 1990 г.) к элементам справедливости отнесены необходимые для полного выражения достоинства, присущего человеческой личности, равных и неотъемлемых прав всех людей свободные выборы, которые должны проводиться через разумные промежутки времени путем тайного голосования или равноценной процедуры свободного голосования в условиях, обеспечивающих на практике свободное выражение мнения избирателями при выборе своих представителей (п. 5)⁷.

В Декларации "О критериях свободных и честных выборов" (1994 г.), указано, что в любом государстве полнота власти может происходить только с волеизъявления народа, выраженного в настоящих, свободных и честных выборах, организуемых через регулярные периоды на основе всеобщего, равного и тайного избирательного права (статья 1)⁸. Согласно Руководству по выборам, принятого Венецианской комиссии "За демократию через право" к основным избирательным принципам отнесены: всеобщность, равенство, свобода, секретность, непосредственность и регулярность проведения⁹.

Оценивая избирательную систему по критерию конституционности, разработчики анализируют ее со следующих позиций: основывается ли избирательная система на конституционных и избирательных принципах; реализуются ли избирательные права и законные интересы граждан и субъектов избирательного процесса более полно; будут ли восприниматься результаты выборов как легальные.

При исследовании избирательной системы по критерию политической целесообразности важно осознание ее действия как механизма влияния на политическую ситуацию. Избирательная система должна быть оптимальной, адекватной конкретным социально-политическим условиям и эффективной в достижении поставленных политико-правовых целей.

⁵ Всеобщая декларация прав человека . Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеей ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

⁶ Протокол № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Париж, 20 марта 1952 г.) (с изменениями от 11 мая 1994 г.) ETS N 009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440801/2440801.htm>

⁷ Документ от 29 июня 1990 года "Документ Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ" [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kazakhstan.news-city.info/docs/sistemsp/dok_permdo.htm

⁸ Декларация о критериях свободных и справедливых выборов (Принята на 154-й сессии Совета Межпарламентского союза, Париж, 26 марта 1994 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/about/library/books/download/sbornik/813-856.pdf>

⁹ Существующие обязательства по проведению демократических выборов в государствах-участниках ОБСЕ. Варшава октябрь 2003 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.osce.org/ru/odhr/elections/42931>

В таком случае очевидной становится необходимость анализа избирательной системы с точки зрения последствий, к которым приводит (или не приводит) ее внедрение, среди которых следует отметить, во-первых, содействие эффективности и стабильности публичной власти. Бесспорно, что одна только избирательная система не обеспечивает стабильность и эффективность публичной власти, но результат ее действия влияет на эти отношения. Возможность высших органов публичной власти эффективно выполнять свои функции, частично связана с наличием политически дееспособного большинства в представительном органе, что, в свою очередь, зависит от избирательной системы.

Вторым последствием можно назвать обеспечение избирательной системой формирования ответственной публичной власти и подотчетности индивидуальных ее представителей. Ответственность – один из краеугольных камней представительной демократии, ее отсутствие может привести к долговременной социально-политической нестабильности. Избиратели должны иметь возможность влиять на формирование представительных органов, делая выбор в пользу той или иной партии. В свою очередь, подотчетность на индивидуальном уровне должна предусматривать возможность избирателей эффективно контролировать избранников на предмет невыполнения обещаний, которые были заявлены во время предвыборной кампании, или определения тех, кто оказался некомпетентным и неспособным эффективно работать.

Мажоритарная избирательная система традиционно рассматривается как максимизирующая возможности избирателей по подотчетности представителей. Такая связь становится незначительной, когда избиратели могут ориентироваться только на список, выдвинутый избирательным объединением. При этом пропорциональная система с открытыми списками позволяет избирателям выражать предпочтение определенным кандидатам в избирательном бюллетене. Все это ведет к стимулированию укрепления партийной системы, усилению роли партий в общественно-политическом процессе.

Развитие политических партий как проектов под одного лидера – это еще одна тенденция, которая может быть реализована или, наоборот, заблокирована законодательным проектированием избирательной системы. Избирательная система должна исключать политические партии с минимальным уровнем поддержки, поскольку их участие может привести к такой партийной фрагментации и конфигурации представительного органа, на которую избиратели не рассчитывали. Кроме того, должна обеспечиваться сменяемость политического состава парламента и формирование действенной оппозиции. Избирательная система должна препятствовать развитию ситуации "победитель получает все", которая делает правящие силы не воспринимающими другие точки зрения и безучастными к потребностям оппозиционных избирателей.

Эффективная публичная власть опирается не только на тех, кто имеет большинство, но не менее важная роль в демократическом государстве отводится оппозиции. Избирательная система должна обеспечивать наличие жизнеспособной оппозиции, которая может критически оценивать эффективность деятельности законодательной и исполнительной власти, эффективно представлять и защищать права меньшинства. Оппозиция должна быть реальной, конструктивной альтернативой власти.

По критерию легитимности избирательная система оценивается с точки зрения интересов общества и отдельного избирателя. Т. е. при выборе избирательной системы необходимо учитывать не только собственные пожелания депутатов, но и общественное мнение. Критерий легитимности дает ответ на вопрос: является ли избирательная система понятной для избирателя, предоставляет ли избирателям возможность влияния на персональный состав представительного органа, позволяет ли минимизировать потерю голосов избирателей, обеспечивает ли репрезентативность представительного органа, способствует ли решению социальных конфликтов. Избирательная система должна предусматривать понятную конституционно-правовую технологию голосования, и только в этом случае она будет эффективной и стабильной.

Обеспечение указанного признака зависит от таких составляющих как: содержание голоса, структура избирательного бюллетеня, доступность мест для голосования, актуализация данных реестра избирателей, секретность голосования. Слишком много сложностей могут привести к недоразумениям со стороны избирателей и впоследствии к недоверию результатам выборов. Но также нельзя недооценивать способности избира-

телей в понимании и успешном применении широкого спектра различных избирательных систем. Чаще избиратели, как показывает мировой опыт, готовы к сложным способам голосования, чтобы максимально полно выразить свои политические предпочтения.

Избирательная система стремится к максимизации влияния избирателей на политическую сферу. Участие в голосовании возрастает, если от его результатов реальный вектор политики государства возрастает значительно. Избиратели должны быть уверены, что их голос осуществляет реальное влияние как на состав представительного органа, так и на формирование правительства. Если избиратель знает, что политическая партия или кандидат, которого он предпочитает, не получит мандата, то стимул голосовать пропадает.

В мажоритарных избирательных системах и в пропорциональных избирательных системах с высоким проходным барьером «потерянные голоса» могут составить значительную долю в общенациональном голосовании. С указанным обстоятельством тесно связан признак репрезентативности представительного органа, который раскрывается, прежде всего, через социальную репрезентативность, то есть представительный орган должен быть в определенной степени «зеркалом нации» и должен выглядеть, чувствовать, думать и действовать как народ в целом, иметь в своем составе и женщин, и мужчин, молодежь и пожилых людей, богатых и средний класс, представителей различных религиозных и этнических групп. Необходимы и географическая репрезентативность, то есть каждый регион должен иметь своего представителя, который является подотчетным избирателям определенной территории; идеологическая репрезентативность, понимаемая как обеспечение идеологического многообразия в представительном органе и партийно-политическая репрезентативность, что проявляется в отражении партийно-политической ситуации в стране.

Избирательная система должна по возможности учитывать и представлять все существенные общественные интересы в представительном органе, учитывать все значимые оттенки общественной палитры в деятельности законодательного органа.

Избирательная система – это не только способ конституирования выборных органов, но и инструмент решения социальных конфликтов, средство обеспечения социально-политической консолидации. Некоторые модификации избирательной системы стимулируют политические партии искать поддержку не только на своем электоральном поле, но и поощрять избирателей иной идеологической направленности. При этом политическая платформа, предвыборная программа партии становятся менее расколотыми и исключительными, более унифицированными и содержательными. С другой стороны, избирательная система будет поощрять избирателей в поиске за пределами своих привычных предпочтений среди политических партий, традиционно представляющих другие группы избирателей. Такое поведение избирателей порождает компромисс и общественное согласие. Системы, которые предоставляют избирателям возможность ранжировать кандидатов или выбирать с использованием открытых списков имеют больший потенциал в преодолении социального предубеждения избирателей. Законодательное проектирование избирательной системы позволяет если не уменьшить напряженность в обществе, то хотя бы не допускать ухудшения ситуации.

Следует обратить внимание, что не менее важен и способ законодательного проектирования избирательной системы. Использование избирательной инженерии должно происходить открыто, на конституционных основаниях, механизм реформирования должен быть понятным, а политические стимулы общественно значимыми. Несмотря на то, что узкопартийные и личные предпочтения неизбежны при обсуждении вопроса о выборе избирательной системы, все же избирательная инженерия должна основываться на широкой межпартийной и общественной поддержке.

Процесс проектирования, в который вовлечены все или почти все заинтересованные лица, включая избирателей и средства массовой информации, скорее всего, приведет к более адекватному и эффективному результату, чем решение, воспринимаемое как мотивированное личными интересами и принятое только провластным большинством. Все субъекты избирательного процесса должны быть уверены, что избирательная система будет использоваться справедливо, и даст им шанс на успех при открытой конкурентной борьбе на выборах. Те, кто проигрывают, не должны прийти к выводу, что причиной тому стала несправедливая, предвзятая избирательная система. Восприятие избирательного

законодательства как совокупности неравных правил игры является признаком слабости и будущей нестабильности политической системы.

Избирательная система обязана быть максимально нейтральной по отношению ко всем политическим партиям и кандидатам, но не должна быть открыто дискриминационной к любой группе интересов.

Кроме того, избирательные системы должны быть достаточно чуткими, чтобы эффективно реагировать на изменения политической обстановки. Даже в устойчивых демократиях поддержка основных партий редко бывает стабильной, а в новых – политика почти всегда динамична, поэтому политическая сила, которая выиграет от избирательной инженерии на одних выборах, не обязательно получает такой же результат на следующих. Поэтому избирательную систему нужно разрабатывать не под влиянием ситуативной политической конъюнктуры, а с прицелом на длительное стабильное использование.

Понятно, что с течением времени избирательные системы неизбежно придется вновь адаптировать к новым политическим, демографическим и законодательным тенденциям и потребностям. Все избирательные системы создают победителей и тех, кто проиграл, но когда система уже принята, она становится частью политической среды и не всегда в будущем легко достигнуть консенсуса для корректировки тех проблемных ситуаций, которые она порождает.

Новая избирательная система, как правило, является продуктом серьезных переговоров между политическими силами. Без явного политического конфликта в качестве катализатора, в будущем более вероятны кулуарные договоренности, чем фундаментальные реформы, поэтому необходимо, чтобы система сразу проектировалась максимально справедливой. Количество людей в политических кругах и в обществе в целом, которые понимают возможные последствия применения определенной избирательной системы, как правило, весьма ограничено. Это осложняется и тем, что действие избирательных систем на практике зависит от незначительных законодательных нюансов, которые понятны только специалистам.

Для рационализации процесса законодательного проектирования избирательной системы целесообразно максимально полно объяснять ее правовые и технологические детали, например, с помощью прогнозирования и моделирования показывать последствия изменения величины избирательных округов или потенциальное влияние на представительство политических партий.

Выбор избирательной системы в определенной степени зависит от затрат и административных возможностей страны, поэтому при законодательном проектировании необходимо учитывать как наличие организационных, в том числе человеческих ресурсов, в частности опытных организаторов выборов, так и финансовые возможности государственного бюджета¹⁰. Следует понимать, что простота и короткий срок избирательного процесса не всегда равняются эффективности. Избирательная система, на первый взгляд кажущаяся затратной и сложной с точки зрения администрирования, в перспективе может способствовать обеспечению стабильности в стране и демократической консолидации.

В заключении отметим, что применение избирательной инженерии в части законодательного проектирования избирательной системы – одно из ключевых, главных вопросов национального конституционного законодательства, одно из фундаментальных нормативно-прагматических действий в построении демократии. Варибельность избирательных систем и результатов их применения обуславливают необходимость выделения научно обоснованных критериев, которые будут мерилom конституционности, легитимности, политической целесообразности и основанием осуществления окончательного рационального, взвешенного выбора соответствующих технологических механизмов. Ж. П. Жакке справедливо считал, что выбор избирательной системы не может рассматриваться в качестве нейтральной операции, поскольку результаты выборов варьируются в зависимости от системы и ее применения. Выбор системы оказывает влияние не только

¹⁰ Морозова О. С. Государственное финансирование политических партий как метод электорального таргетирования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. №2. С. 259-266.

на избрание представителей, но также на характер и количество политических партий, а в более широком смысле – и на политический режим¹¹.

Избирательная инженерия должна осуществляться с учетом конкретно-исторических условий развития государства, уровня правовой и политической культуры в обществе, стабильности партийной системы, под внимательным наблюдением международного сообщества с учетом положений международных актов. Главное при осуществлении законодательного проектирования избирательной системы руководствоваться не узкопартийными конъюнктурными интересами, а интересами народа как единственного источника власти.

DESIGNING OF THE ELECTORAL SYSTEM WITH USE OF ELECTORAL ENGINEERING

O. S. MOROZOVA

*Ryazan State University named
for S. A. Yesenin*

e-mail: mos2309@mail.ru

In article is examined the methodology of application of electoral engineering. A number of the reasons for change of the norms regulating formation of authorities and local government is designated. Questions of politico-legal formation of an electoral system and criteria of its estimation are examined.

Keywords: electoral engineering, an electoral system, results of elections.

---

¹¹ Жакке Ж. П. Конституционное право и политические институты: Учебное пособие. М., 2002. С. 75.

ИНФОРМАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛОББИРОВАНИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЛОББИРОВАНИЯ

В. В. СУМСКАЯ

*Управление Государственной
казначейской службы Украины
в Червонозаводском районе
г. Харькова*

e-mail: vsumska@mail.ru

В статье раскрываются особенности информационного лоббирования как информационно-политической технологии, проводится комплексный анализ форм, методов и стратегий информационного лоббирования, даются практические рекомендации относительно информационной поддержки институционализации лоббирования в постсоветских государствах.

Ключевые слова: лоббирование, информационное лоббирование, информационно-политическая технология, институционализация лоббирования.

Спецификой постсоветского политико-административного пространства является то, что в большинстве случаев социальные группы интересов здесь не могут быть группами давления, тогда как существующие группы давления не выражают социальные интересы. Для российской и украинской политических систем характерна ситуация, когда на процесс принятия государственно-управленческих решений существенное влияние оказывают акторы, действующие внутри самой политической системы, чья деятельность носит, в основном, узкокорпоративный характер. Здесь, главным образом, работают институциональные группы давления, представляющие собой часть государственного аппарата либо имеющие с ним тесные корпоративные отношения.

Кроме того, существующая политическая система опирается на блок памяти и ценностей, где преобладают законсервированные тоталитарные политические традиции взаимоотношений между властью и обществом. Если в западных политических системах правящая элита рассматривается как главный субъект принятия решений на основе различных источников информации, к которым относятся и группы давления, то в политических условиях постсоветских государств не хватает коммуникативных каналов между элитой и окружающей средой. Все это приводит к тому, что в общественном сознании на уровне стереотипов лоббирование рассматривается как составная часть коррупционных процессов.

Этот факт явно сдерживает институционализацию лоббирования в Украине и России, поскольку отсутствует необходимое общественное давление для этого. Соответственно, требуется изменение общественного мнения в нужном направлении – формирование понимания лоббирования как важной составляющей политических и государственно-управленческих процессов, которая уменьшает уровень коррупции, а не способствует ее развитию. То есть в данном случае речь идет о лоббировании лоббирования, причем это лоббирование является информационным.

Некоторые авторы также предлагают говорить не об информационном лоббировании, а о «лоббирование в СМИ», объясняя это тем, что одна из наиболее популярных систем критериев определения видов лоббирования – это его определение по ветвям власти: законодательной, исполнительной и судебной. Однако многими признается, что современные СМИ являются «четвертой властью», поскольку они не просто информируют население, а играют роль надинститута, опосредованного элемента между тремя другими ветвями власти, независимость которых друг от друга вызывает потребность в посреднике. Кроме того, СМИ выступают посредником между политическими институтами и гражданским обществом. Таким образом, СМИ можно рассматривать как автономный политический институт, а их работников как властителей, поэтому если кто-то оказывает на них давление, то это можно считать фактом лоббистской активности.

Эта точка зрения понятна и логична, однако мы все же отдаем предпочтение термину «информационное лоббирование», поскольку сейчас СМИ является лишь одним из каналов распространения необходимой информации.

Следует отметить, что специалистами уже достаточно давно признается важная коммуникативная роль лоббирования в социальных взаимодействиях. При этом выделяют две основные формы коммуникации в рамках лоббистской деятельности. Во-первых, это коммуникация посредством использования неформальных контактов, которая предусматривает, что посредником в таком виде коммуникации является человек, владеющий технологией «Know how» (знать как) + «Know who» (знать того, кто именно может быть полезным). Во-вторых, это коммуникация, осуществляемая через использование средств массовой информации, которая предусматривает, что соответствующее давление на властные институты осуществляется путем формирования благоприятного для группы интересов общественного мнения. И именно второй вид коммуникации, на наш взгляд, можно назвать информационным лоббированием.

В. Егоров и Д. Ионин определяют информационное лоббирование как спланированные информационные усилия, которые формируют и поддерживают определенную коммуникацию, направленную в конце концов на принятие того или иного ключевого решения¹. При его реализации наблюдается опосредованный характер общения групп интересов с объектом давления в результате высокой степени автономности информационных продуктов после их попадания в массовые информационно-коммуникативные системы. Поэтому в системе информационного лоббирования необходимо выстраивать и поддерживать такую систему коммуникаций, которая с большей степенью вероятности могла бы гарантировать, что сообщение, формируемое информационным лоббистом, дойдет до адресата и будет адекватно декодировано и воспринято. А это, в свою очередь, требует от информационного лоббиста не только выстраивания, но и контроля функционирования системы «группа интересов - лоббист – инструмент – объект воздействия»².

Зарубежные авторы Дж. Брайант и С. Томпсон, говоря об информационном лоббировании, используют более широкий термин «коммуникационная кампания», определяя ее как комплексные усилия по информированию, убеждению или мотивации изменения поведения широкой аудитории, ограниченные во времени, осуществляемые с помощью информационной деятельности через каналы массовой и межличностной коммуникации³. Основными характеристиками информационной кампании, у истоков которой стоит политическая элита, по мнению этих авторов, являются: комплексность, целеустремленность, влияние на массовое сознание, скоординированные действия, использование каналов СМИ, четкие временные рамки. Таким образом, исходя из задач нашего исследования, информационную кампанию можно определить как форму организации в выделенных временных рамках информационно-коммуникационных взаимодействий, осуществляемых для достижения определенной цели, принятие необходимых решений и решения существующих проблем.

Каналами информационного воздействия выступают каналы как межличностной, так и массовой коммуникации. Общественная поддержка важных решений мобилизуется с помощью информационно-коммуникационных технологий, которые создают в обществе определенную политическую реальность и влияют на поведение и представления людей. В этом помогают и определенные методы воздействия на подсознание человека, получившие широкое применение в конце XX – начале XXI века, такие как информационная перегрузка (когда огромные объемы сообщений не позволяют индивиду вычленивать тенденции), нейролингвистическое программирование, политика «двойных стандартов» в области семантики сообщений и др.

Информационные кампании предусматривают расширение зоны информации вокруг какой-то проблемы, присвоение ей оценочного содержания, усиление влияния на общество, изменение или переориентацию поведения индивида, делают население объектом для манипуляций, позволяя конструировать для него определенную реальность посредством политических установок, определяющих общественное восприятие ситуации. Эти установки формируются на основе базовых факторов культуры того или иного этноса (символов, стереотипов, мифов, традиций, ритуалов, языка, идеологии и др.) с ис-

¹ Егоров В. В., Ионин Д. А. Информационный лоббизм как социально-политический феномен // Известия УрГУ. 2008. №2 (21). С. 130.

² Там же. С. 132.

³ Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М., 2004. С. 272.

пользованием принципов и методов управления информационными потоками, новостного менеджмента, информационного воздействия, а также организации общественно – политического дискурса. При этом всю совокупность современных методов организации политического дискурса можно в зависимости от учета потребностей объекта воздействия условно разделить на маркетинговые и немаркетинговые. Маркетинговые методы учитывают потребности реципиента. К ним относятся политическая реклама, PR, переговорный процесс и т. п. Немаркетинговые методы учитывают преимущественно интересы коммуникатора, и к ним относятся пропаганда, агитация, манипуляции, метод резонанса и т. п.

Использование PR как формы информационного лоббирования связано с современной тенденцией заимствования методов, технологий и инструментов из частного сектора в публичный. В эффективной PR – кампании как инструмент неизбежно используются лоббистские приемы и, наоборот, PR-кампании разворачиваются как средства достижения лоббистских целей. Таким образом, появляется перспектива расширения средств и методов, используемых в лоббистской деятельности за счет инструментария PR, поскольку лоббирование – это не только коммуникация с представителями власти, но также и технологии организации массовых акций, экспертных заключений, проведение медийных компаний и т. д.

Так, одной из PR-технологий, широко используемых в лоббировании, является создание информационных поводов, то есть событий, которые могут вызвать ажиотажный интерес у публики, и поэтому всегда освещаемые в СМИ. Как примеры информационных поводов может быть организация круглого стола, конференции или любого другого публичного мероприятия, с приглашением на него ведущих представителей экспертного сообщества, политической и деловой элиты, публичные действия какого-либо политика или общественного деятеля и т. п.

В использовании PR-технологий лоббисты постсоветского пространства широко используют опыт своих западных коллег, в первую очередь из США, где в рамках узаконенной лоббистской деятельности рождаются новые технологии влияния на общественное мнение и органы власти. Хотя в США лоббирование является неотъемлемой частью национальной политической культуры, но в последнее время лоббисты сталкиваются с все более строгим правовым регулированием этого процесса, законодатели – с требованиями большей ответственности перед избирателями, а крупные компании – с массовой практикой судебных исков против них.

В результате в западных странах произошел переход от традиционного (прямого, персонального) лоббирования к лоббированию с помощью кампаний «grass-roots», т. е. использование больших масс людей для создания иллюзии массовой поддержки своих требований. Наличие у субъектов давления постоянных «карманных» групп населения, групп поддержки, обученных действовать как специально для достижения какой-то цели, так и постоянно и самостоятельно, есть сейчас почти обязательным для достижения своих интересов. Таким образом, происходит своеобразная игра ролями: профессиональными (лоббиста, специалиста по связям с общественностью, организатора массовых акций и т. д.) и социальными, когда общественные инициативы и PR-проекты все теснее соотносятся друг с другом до того, что становятся такими, что их трудно различить.

Подобное характерно и для рекламы, в том числе и социальной. Массовая реклама уступает место так называемым «интегрированным маркетинговым коммуникациям», что предполагает формирование единой многоканальной синхронизированной коммуникации, ориентированной на установление адресных, желательно двусторонних, отношений с различными целевыми аудиториями, для каждой из которых подбирается своя модель общения и готовится индивидуальное послание. В частности, можно успешно использовать в лоббировании промоушн-технологии. Так, Л. Уэлс и Е. Уинт отмечают, что сейчас в мире широко применяются следующие промоушн-технологии: реклама в специализированных изданиях, участие в массовых мероприятиях, осуществление информационных миссий общего характера, проведение информационных семинаров, прямая рассылка или телемаркетинг, проведение специализированных информационных миссий, проведения исследований с последующей презентацией их результатов, предоставление консультаций, оказание помощи в составлении заявок и получении раз-

решений на определенную деятельность, оказание услуг сопровождения⁴. Все эти пром-технологии в той или иной степени можно использовать в лоббировании. Все это стало причиной появления тенденции «внутренней социализации» лоббирования⁵, которое переходит от формального к реальному общению, апеллируя к творческой активности потребителя.

Вследствие указанного возникает перспектива расширения и обогащения инструментария российских и украинских лоббистов за счет разнообразия технологических схем с использованием PR, наработанных западными коллегами. Хотя при этом следует упомянуть и о такой проблеме. PR-технологии, как и другие коммуникативные технологии, пришедшие к нам из западных стран, часто несут в себе информацию о той социальной среде, в которой и для которой они были созданы. Перенесенные же на постсоветскую почву, они действуют в совершенно ином социокультурном контексте. Одно дело, например, лоббирование с помощью grass-roots в американском обществе, где участие в добровольных ассоциациях, контакты со своим конгрессменом и судебная защита составляют норму социального поведения, и совсем другое – использование этих лоббистских технологий в российском или украинском социальном контексте. Не находя в современной действительности соответствующих обычаев и социальных сетей, PR-технологии начинают имитировать искомую публичность, связи с общественностью пытаются заменить собой общественные связи и общественную дискуссию.

Поэтому развитие в России и Украине новых для этих стран социальных и политических технологий, которое наблюдалось в середине 1990-х годов, сейчас столкнулось с ограниченностью качественного спроса. Именно незрелость, недостаточная сложность, часто примитивность социального контекста затрудняют развитие качественных новых социальных коммуникаций, в том числе переход от предвыборного «имиджмейкерства» к стратегическим PR-проектам и репутационного менеджмента, от простого персонального лоббирования до высоких социальных технологий. Однако, на наш взгляд, глобализация современного мира и развитие информационных технологий должны в ближайшее время дать новый толчок спроса на новые социальные технологии, в том числе и в сфере лоббирования.

Информационная война является наиболее агрессивной формой информационного лоббирования. Появление этой формы связано с тем, что часто единичные информационные сообщения не могут создать устойчивой коммуникации и много целей требуют постоянного и в определенной мере интенсивного информационного сопровождения, которое ведет к множественному тиражированию целей через СМИ и общественное сознание. Иными словами, востребованность информационных войн как формы информационного лоббирования интересов связана с необходимостью создания устойчивой информационной коммуникации для среднесрочной и долгосрочной репрезентации позиции центра интересов. Причем если раньше «информационные войны» воспринимались как исключительно политический инструмент, а научная и публицистическая литература применяла этот термин в основном к внешнеполитическим противостояниям, то на сегодня информационные войны становятся важным внутриполитическим и экономическим инструментом, хотя все еще сохраняют при этом репутацию «грязного» инструмента лоббирования⁶.

Это не удивительно, если посмотреть на особенности осуществления информационных войн. Так, в управлении информационными потоками при информационных войнах часто применяется ограничение доступа общественности и прессы к определенной информации по этой теме; координация деятельности частных и управление работой государственных СМИ; негласное наказание за распространение нежелательных сведений; информационное поощрение сотрудников СМИ при соблюдении определенных неофициальных правил работы; расширение присутствия в информационном пространстве через создание новых СМИ.

⁴ Уэлс Л., Уинт Э. Маркетинг страны: пром-технологии как средство привлечения иностранных инвестиций. М. 2005. С. 46-48.

⁵ Субочев В. В. Социальное лоббирование, политические партии и группы давления // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2001. Вып. 17. С. 63.

⁶ Егоров В. В., Ионин Д. А. Указ. соч. С. 132.

Кроме того, в информационных войнах часто и широко применяются немаркетинговые технологии пропаганды, агитации, резонанса, а также такие методы манипуляции общественным сознанием, как символизация, мифологизация, персонификация, создание образа врага, проведение исторических параллелей, расстановки информационных акцентов, фабрикация событий, применение специальных лингвистических приемов, создание информационной перегрузки, установка новостной повестки дня, визуальная и вербальная организация медиа-контента с опорой на определенный круг источников информации и т. п.⁷ Применение этих технологий и методов позволяет создать определенный эмоционально-оценочный контекст восприятия определенной проблемы, что приводит к массовой общественной поддержке.

Независимо от используемых видов информационного лоббирования оно может реализовываться с помощью трех основных стратегий (или их комбинаций): «побуждение», «предотвращение» и «конструирование имиджа». Первая стратегия предусматривает организацию максимально широкой поддержки обществом необходимых решений при одновременной стимуляции граждан на их реализацию, вторая направлена на переключение внимания общества от обсуждения непопулярных проблем, третья нацелена на формирование благоприятного имиджа. Очевидно, что для информационной поддержки лоббирования целесообразно выбрать именно третью стратегию.

И, конечно же, в информационном лоббировании необходимо учитывать уровень развития современных информационных технологий, которые можно рассматривать как элемент и функцию информационного общества, направленную на регулирование, сохранение, поддержание и совершенствование системы управления общества, которое все больше приобретает вид сетевого. Поэтому если в течение многих веков информация и знания передавались на основе правил и предписаний, традиций и обычаев, культурных образцов и стереотипов, то сегодня главная роль в этом процессе принадлежит технологиям, которые упорядочивают потоки информации на глобальном и локальном уровне. Не вызывает сомнения тот факт, что информационные технологии активно внедряются и играют ключевую роль во всех сферах общественной жизни. Так, с помощью информационных технологий оценивается текущая социально-политическая и экономическая ситуация, прогнозируются сценарии и направления развития общественных процессов, делается выбор и обоснование наиболее приемлемых решений по наиболее актуальным проблемам и т. д.

Следует признать, что, несмотря на активное развитие информационного общества, многие «традиционные» управленцы смотрят на него исключительно с технико-технологической точки зрения, недооценивая значение его гуманитарной и политической составляющих⁸, важных для развития гражданского общества и коренного изменения отношений между государством и обществом.

Нельзя сводить информационное общество к формуле: это общность, где знания и информация являются товаром⁹, хотя бы из тех соображений, что сами по себе информация и знания ничего не стоят, поскольку они приобретают свойства товара, во-первых, когда ими обладает человек как производительная сила, во-вторых, когда они повышают квалификацию работника, его производительность труда, расширяют его кругозор, экономическую и политическую грамотность, в-третьих, информация и знания только тогда становятся товаром, когда работник представляет себя на рынке труда и его знания приобретают свойства товара, а главное, когда информация и знания оцениваются, учитываются в расходах на производимый работником реально-стоимостный продукт, в его себестоимости и получаемом прибыли. В информационном же обществе субстратом становится «информационный человек», то есть человек, обогащенный полезной информацией и знаниями, способствующими повышению эффективности материального и гуманитарного, духовного роста, экономической и социально-политической активности¹⁰. Таким образом, информация и человек в неразрывной связи являются базовыми единицами информационного общества.

⁷ Почепцов Г. Г. Информационные войны. К., 2000. С. 17-26.

⁸ Информационная политика: Учебник / Под общ. ред. В. Д. Попова. М., 2003. С. 237.

⁹ Попов В. Д. Информационный фактор финансового кризиса (аналитическое эссе). М., 2009. С. 14.

¹⁰ Попов В. Д. Указ. соч. С. 11.

Через развитие информационных технологий и особенно сети Интернет принципиальным образом меняется и институт лоббирования, поскольку возможность объединиться «по интересам» и лоббировать свои интересы непосредственно исключает необходимость в реальном посреднике, поскольку его можно заменить виртуальным посредником. При этом использование компьютерных сетей как инструмента лоббирования приводит к потере решающего значения профессионализма лоббиста, а конкуренция связей и стимулов уступает место конкуренции качества информации и умение с ней работать.

В связи с этим, одним из наиболее популярных методов лоббирования в Интернете становится проведение пропагандистских кампаний. И, несмотря на частое игнорирование общественного мнения властью, а также на существование простых и эффективных путей представительства интересов через прямое лоббирование в органах исполнительной власти, пропагандистские кампании как эффективный метод лоббирования определенных общественных или групповых интересов становятся все более популярными в России и Украине. При этом простой технологии лоббирования является тиражирование в Интернет или определенных его сегментах нужной информации, что привлекает массовое внимание к актуальной проблеме, готовя таким образом основу для обоснованного принятия определенного политического решения. Причем можно использовать несколько подходов для организации лоббистского давления.

Во-первых, использовать информацию, размещенную в Интернет, не для непосредственного воздействия на лиц, принимающих решения, а для создания благоприятной среды для использования других технологий, для формирования необходимой общественной мысли. Так, можно вспомнить, что во время проведения масштабной лоббистской кампании по введению обязательного страхования автогражданской ответственности кроме технологий прямого лоббирования во многих Интернет-изданиях и на специализированных форумах размещались материалы «из жизни», подтверждающие необходимость введения страхования.

Во-вторых, непосредственно влиять на лиц, принимающих решения, посредством размещения определенной информации на специализированных Интернет-ресурсах, которые поставляют информацию для политической элиты. Наиболее распространенный пример такого непосредственного воздействия – это так называемые «открытые письма», которые публикуются в Интернет-изданиях. В большинстве случаев целью подобных писем является не только и не столько необходимость донести до лиц, принимающих решения, определенную информацию. Публикуя в Интернет-изданиях открытое письмо, субъект лоббирования скорее преследует цель привлечь внимание общественности к существующей проблеме, поднять общественный резонанс, позиционировать проблему как имеющую глобальный характер и большую значимость, соответственно, организовать ее массовое обсуждение. Все эти меры должны стимулировать лиц, принимающих решения, к которым обращено письмо, на решение этой проблемы. Хотя, следует отметить, что при этом обязательным условием действенности этой технологии является публичность лица, принимающего решение, для которой общественное мнение является значимым фактором.

В нашем случае целесообразно использовать первый подход, поскольку нас интересует, в первую очередь, преодоление негативного общественного мнения относительно лоббирования.

Кроме всего прочего лоббирование через Интернет усиливает два важнейших звена лоббистской кампании: мобилизация сил и поиск необходимых данных. Мгновенная мобилизация сил возможна посредством использования электронной адресной книги с мгновенной рассылкой и координацией действий в режиме «виртуальной реальности». В свою очередь, постоянный мониторинг событий создает возможность быть в курсе происходящего, в режиме реального времени, независимо от местоположения на земном шаре. Современные компьютерные службы и поисковые системы позволяют иметь полную информацию по всем кругу вопросов одновременно. Эта задача облегчает то, что практически каждая современная организация (не важно, публичная или частная) имеют свой сайт, на котором размещают общую информацию, основные новости, отчеты, обращения руководства и т. п. Можно использовать эту возможность для отслеживания отношения различных организаций к лоббированию.

Кроме того, все большее распространение получает так называемая «электронная демократия» (наиболее известным проявлением которой является электронное управление), которую можно эффективно использовать для информационного лоббирования, поскольку она подразумевает использование гражданами информационных, а также телекоммуникационных технологий для участия в законодательно предусмотренных действиях по управлению делами государства и местных сообществ.

Таким образом, речь идет о внедрении информационных технологий в технологии политические, а точнее об их сращивании и превращении в информационно-политические технологии. Как известно, политические технологии – это совокупность наиболее целесообразных приемов, способов, процедур реализации функций политической системы, направленных на повышение эффективности политического процесса и достижения желаемых результатов в сфере политики¹¹. Политические технологии включают как приемы достижения немедленного локального кратковременного результата, так и получение глубинного, глобального, длительного эффекта. Использование тех или иных политических технологий определяет эффективность политического управления, регулирования политических процессов, устойчивость политической системы и всего политического пространства¹². В этом контексте информационное лоббирование в узком смысле вполне можно определить как информационно-политическую технологию.

Еще раз отметим, что в России и Украине в общественном сознании на уровне стереотипов лоббирование рассматривается как составная часть коррупционных процессов. Этот факт явно сдерживает институционализацию лоббирования, поскольку отсутствующий необходимое общественное давление для этого. Соответственно, нужно изменение общественной мысли в нужном направлении – формирование понимания лоббирования как важной составляющей политических и государственно – управленческих процессов, не содействующей коррупции, а наоборот ее уменьшающей. Для этого целесообразно использовать информационное лоббирование как информационно-политическую технологию, которое будет лоббировать само лоббирование как необходимый в современных демократических условиях политический институт.

INFORMATION-POLITICAL LOBBYING AND INSTITUTIONALIZATION OF LOBBYING

V. V. SUMSKAYA

*Office of the State Treasury Service
of Ukraine in Chervonozavodskoy
district of Kharkiv, Ukraine*

e-mail: vsumska@mail.ru

The article describes the features of information lobbying as political information technology, gives a comprehensive analysis of the forms, methods and strategies of information lobbying and provides practical recommendation on the informational support of the institutionalization of lobbying in the post-Soviet states.

Keywords: lobbying, information lobbying, information and technology policy, the institutionalization of lobbying.

¹¹ Анохин М. Г. Политические технологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. 2000. № 2. С. 103.

¹² Там же.

УДК [329.78:328](470+571)

РОЛЬ МОЛОДЕЖНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

И. Н. ГУКОВА*Белгородский государственный национальный исследовательский университет**e-mail: Gukova_I@bsu.edu.ru*

В статье показана роль молодежного парламентаризма, как формы молодежного самоуправления, в развитии общественно-политической активности современной российской молодежи. Проанализированы формы молодежного парламентаризма, наиболее часто встречающиеся в российской практике. Приведены примеры эффективного функционирования института молодежного представительства при органах государственной власти и местного самоуправления в РФ. Выявлены проблемы, с которыми сталкиваются молодежные представительные структуры сегодня.

Ключевые слова: молодежный парламентаризм, молодежное представительство, молодежное самоуправление, молодежный парламент, молодежное правительство, общественная молодежная палата, молодежная политика.

Проблемы интеграции молодежи в общественно-политическую жизнь всегда были в центре внимания политиков, научной общественности. Только ответственная и социально активная молодежь может стать гарантом гражданского общества и демократического государства в России. Важно, чтобы сегодня молодые граждане были готовы к активному взаимодействию с государством, участию в решении различных проблем, существующих в современном обществе. В связи с этим одним из приоритетных направлений государственной молодежной политики на всех уровнях (муниципальном, региональном, федеральном) является развитие социальной активности молодых людей, гражданского самосознания через их участие в деятельности молодежных парламентов, правительств, иных консультативно-совещательных структур, созданных при органах законодательной и исполнительной власти разного уровня¹.

Однако механизм участия молодежи в управлении государством сегодня несовершенен. Доля молодых граждан в органах законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органах местного самоуправления крайне мала. В то же время необходимость налаживания сотрудничества государственных и муниципальных органов власти с молодежью, молодежными общественными объединениями и другими организациями, средствами массовой информации в интересах решения молодежных проблем огромна².

Для решения обозначенных проблем необходимо формирование действенных структур по защите прав и законных интересов молодежи. Шагом в этом направлении стал феномен молодежного самоуправления. Молодежное самоуправление – это форма управления, предполагающая активное участие молодежи в подготовке, принятии и реализации управленческих решений, затрагивающих ее жизнедеятельность, защиту прав и интересов молодых людей. Оно включает в себя школьное, студенческое самоуправление, а также самоуправление, осуществляемое через создание при органах государственной и муниципальной власти особых консультативно-совещательных структур молодежи, часто обозначаемых понятием «молодежный парламентаризм».

Молодежный парламентаризм – это система представительства прав и законных интересов молодежи как особой социальной группы, основанная на создании и функционировании при органах государственной власти и местного самоуправления специальной

¹ Министерство образования и науки Российской Федерации. Поддержка молодежных и детских общественных объединений, консультативно-совещательных структур молодежи, органов молодежного самоуправления [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mon.gov.ru/children/anob/str-mol.doc>

² Бабинцев В. П., Морозова Т. И., Сапрыка В. А., Бояринова И. В., Шмигирилова Л. Н. Государственная молодежная политика в России. Белгород. 2011. С. 90.

общественной консультативно-совещательной структуры молодежи в виде молодежного парламента, молодежного правительства, молодежной палаты, молодежного совета.

Целью развития молодежного парламентаризма является привлечение молодежи к активному участию в жизнедеятельности государства, разработке и реализации им эффективной молодежной политики путем представления законных интересов молодых граждан и общественно значимых идей в различных молодежных общественных консультативно-совещательных структурах.

Среди задач развития молодежного парламентаризма можно выделить следующие: формирование действенного механизма представительства и защиты законных интересов молодежи в органах государственной власти и местного самоуправления; обеспечение эффективного сотрудничества представителей молодежи, молодежных и детских общественных объединений с органами государственной власти и местного самоуправления; создание системы молодежных парламентов и других представительских общественных молодежных институтов в Российской Федерации, которые позволяют формировать активную гражданскую позицию молодежи и налаживать ее диалог с государством и обществом на основе партнерских отношений; создание условия для консолидации молодежи (на уровне РФ, субъектов РФ) для участия в реализации государственной молодежной политики; создание условий для системного выявления социально активных молодых людей, потенциальных и уже состоявшихся лидеров, обеспечения их дальнейшего становления и роста; создание системы подготовки кадров молодежных парламентов и иных молодежных общественных консультативно-совещательных структур, направленной на формирование кадрового потенциала органов законодательной и исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления³.

Для решения цели и задач при развитии молодежного самоуправления необходимо учитывать такие принципы как приоритет защиты прав молодежи и ее объединений; доступность и открытость системы молодежного парламентаризма для участия в ней любого молодого человека; легитимность создания, функционирования и развития различных форм молодежного самоуправления; использование научного подхода к развитию молодежного парламентаризма; свободный выбор форм молодежного парламентаризма в каждом регионе и муниципальном образовании, отвечающих социальным потребностям и законным интересам молодежи соответствующей территории; участие непосредственно самой молодёжи в лице её активных представителей в процессе выработки, принятия и реализации решений в области государственной молодежной политики и другие⁴.

Среди функций, выполняемых органами молодежного представительства является представление интересов молодежи в органах власти; участие в нормотворческой деятельности, прежде всего в сфере государственной молодежной политики; подготовка молодых кадров; проведение общественно полезных мероприятий; просветительская деятельность.

На сегодняшний день молодежные парламентские структуры созданы и действуют в большинстве регионов Российской Федерации. Например, Молодежный Парламент Республик Коми, Бурятии, Мордовии, Алтайского края, Молодежный парламент при Государственном Совете Чувашской Республики, Молодежный парламент при Законодательном Собрании Красноярского края, молодежные парламенты Кузбасса, Архангельской, Волгоградской, Вологодской, Курганской, Новосибирской областей, Общественная молодежная палата при Законодательном Собрании Ивановской области, Молодежный парламент при Совете народных депутатов Амурской области, Молодежная Парламентская ассамблея Калининградской области, Общественный молодежный парламент при Самарской Губернской Думе, Общественный молодежный парламент Рязанской области, Общественная студенческая Дума Тюменской области, Молодежное правительство Ярославской области, Совет молодежных организаций (Молодежный парламент) Нижегородской области, Общественная молодежная палата Свердловской области, молодежные

³ Молодежные парламенты России. Рекомендации по развитию молодежного парламентаризма в Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mparlament.ru/documents/o2.rar>

⁴ Там же.

парламенты Санкт-Петербурга⁵. За последние годы были созданы молодежные общественные консультативно-совещательные (представительные) структуры в Белгородской, Курской, Липецкой, Тамбовской, Орловской, Тульской областях.

Названия, структура, способы организации и финансирования молодежных представительных структур в различных регионах достаточно разнообразны. Их основополагающим признаком является то, что это общественное объединение молодых граждан, созданное при государственном органе и имеющее в качестве основной цели защиту интересов молодого поколения, его гражданское, политическое и правовое образование через консультативно-совещательную деятельность.

Учитывая опыт развития молодежного парламентаризма в Российской Федерации, можно выделить его следующие формы.

Молодежные парламенты при органах законодательной власти. Данная организационная форма характеризуется тем, что молодежные парламенты создаются на основе решения органа законодательной власти и действуют на основании утвержденного им Положения. Являясь общественным консультативным (совещательным) органом, они участвуют в разработке нормативно-правовых актов, и других документов в сфере государственной молодежной политики. Примером такой формы молодежного парламентаризма являются молодежные парламенты Воронежской, Орловской и Курской областей. В данном случае члены молодежного парламента избираются от максимального возможного количества территорий, образовательных учреждений, других организаций, молодежных общественных объединений. Определение регламента работы, в частности принятия решений, осуществляется самостоятельно молодежным парламентом. В структуру парламента входят комитеты, комиссии и другие рабочие органы, перечень и состав которых определяется внутренними документами, регламентирующими деятельность молодежного парламента.

Достоинством такой формы является то, что молодежные парламенты получают официальный статус, предоставляемый законодательной властью. В данном случае ни одна общественная организация не сможет претендовать на монопольное использование созданного органа молодежного самоуправления в своих интересах. Данный статус молодежного парламента упрощает процесс принятия и прохождения его решений, через орган власти, при котором он существует. Кроме того, члены молодежных парламента приобретают в органах законодательной власти определенный управленческий опыт, пополняя кадровый резерв административно-политической элиты страны.

Молодежные парламенты и правительства, функционирующие при органах исполнительной власти. Примеры создания таких парламентских структур существуют в различных регионах Российской Федерации. Они действуют при мэре города, комитете или отделе по молодежной политике города или региона. Однако понятие «парламент» подразумевает организацию взаимодействия с органами законодательной (представительной) власти. В данном случае молодежное правительство действует на основании постановления губернатора или правительства субъекта Российской Федерации, утверждающего его структуру, цели, задачи и функции, которое в установленном порядке участвует в работе органов исполнительной власти, реализует конкретные программы и проекты. При этом Молодежное правительство как орган управления формируется на основе открытого конкурса, выборов или путем назначения⁶. Например, Молодежное правительство Белгородской области создано в 2000 году в целях содействия в обучении и формировании кадрового резерва управленческих структур области, привлечения студентов высших учебных заведений, аспирантов, молодых управленцев, проживающих в области, к решению задач, стоящих перед правительством администрации области. Оно осуществляет свою деятельность в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и Белгородской области и является совещательным органом при главе администрации области, функционирующим на общественных началах. Формирова-

⁵ О развитии молодежного парламентаризма в субъектах Российской Федерации. Инструктивное письмо Министерства образования Российской Федерации от 24 апреля 2003 года. №2 // Бюллетень Министерства образования Российской Федерации. 2003. №6. С. 38-51.

⁶ Самсонов С. И. Реализация региональной молодежной политики в Курской области в конце XX - начале XXI века // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2007. N 18. С. 87.

ние Молодежного правительства формируется на конкурсной основе из молодых людей (студентов и аспирантов вузов), молодых управленцев до 35 лет, проживающих в области. В качестве целей деятельности Молодежного Правительства рассматривается содействие в обучении и формировании кадрового резерва для управленческих структур области.

В компетенцию Молодежного правительства входит разработка проектов программ развития экономики, социальных отношений, участие в реализации базовых направлений государственной молодежной политики региона. Молодежное правительство имеет право разрабатывать и предлагать проекты нормативных актов и предложений по проблемам, относящимся к компетенции Молодежного Правительства, организовывать совещания, консультации, круглые столы и другие мероприятия с приглашением представителей государственных и иных органов и организаций; создавать экспертные и рабочие группы по вопросам своей компетенции.

Молодежное правительство формируется на конкурсной основе. Численный состав каждого департамента, управления, отдела Молодежного правительства определяется департаментами правительства администрации области. Руководящим органом Молодежного правительства является Совет Молодежного правительства, в который входят председатель, его заместители – начальники департаментов Молодежного правительства. Работой Совета руководит председатель Молодежного правительства.

Таким образом, Молодежный парламент во взаимодействии с органами законодательной и исполнительной власти призван разрабатывать социальные программы для молодежных общественных объединений. Цель таких программ – создание для молодежи возможности участия в общественно-политической жизни, принятии и реализации управленческих решений, а также в осуществлении контроля при их исполнении. Формы осуществления данной программы разнообразны: общественные молодежные приемные, организация мониторингов в молодежной среде, создание теле- и радиопередач, ведение рубрик на страницах периодической печати, организация клубов, диспутов, рекламных кампаний и т. п.

При всем разнообразии форм молодежного парламентаризма главное их предназначение состоит в выявлении и представлении интересов молодежи на уровне регионов Российской Федерации и повышении эффективности участия молодежи в жизни области, района, города. Рассматриваемые молодежные парламентские структуры позволяют эффективно формулировать и доводить проблемы, интересы и ожидания молодежи до законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти, органов местного самоуправления. Это способствует достижению конкретных социальных и экономических результатов, вовлечению молодых граждан в общественно-политические процессы, повышению общей правовой культуры и гражданской активности молодежи. Перед молодежным парламентаризмом должна стоять задача формирования консолидированного социального заказа молодежи государству. Это достигается различными формами работы. Например, общественные приемные для молодежи призваны сформировать перечень молодежных проблем, а мониторинги в молодежной среде позволяют оценить эффективность управленческих решений.

Отмечено положительное отношение граждан к подобной форме проявления общественно-политической активности молодежи. По результатам исследования, проведенного в регионах ЦФО, половина испытуемых полагает, что молодежные парламенты и иные молодежные парламентские структуры являются благоприятным полем для выявления молодых лидеров, интересующихся общественно-политической и управленческой деятельностью. Через эти формы и методы работы в рамках системы молодежного парламентаризма молодые люди могут получать необходимые академические знания и приобретать практические навыки управленческой работы. В то же время 25% респондентов констатируют, что молодежные парламенты формируют группы единомышленников с активной жизненной позицией, готовых поддержать и совместно реализовывать идеи и программы органов государственной власти и местного самоуправления, направленные на развитие региона (муниципального образования). Это условие формирует коллективное начало и обеспечивает межличностную гармонизацию взаимоотношений в молодежной среде. 25% опрошенных считают, что практическая работа молодых людей и их знакомство с законодательной, управленческой и общественной деятельностью является

важным компонентом подготовки грамотных специалистов, способных решать жизненно важные проблемы молодежи⁷.

Молодежные общественные палаты являются важным шагом в развитии молодежного парламентского движения. Создание Общественной молодежной палаты при Государственной Думе Федерального Собрания РФ относится к 2001 году. Палата создана для изучения проблем молодежи в России, своевременного реагирования на них органов государственной власти, содействия деятельности Государственной Думы РФ в области законодательного регулирования прав и законных интересов молодежи, подготовки рекомендаций по решению проблем российской молодежи.

Общественная молодежная палата при Государственной Думе Российской Федерации – это совещательный, консультативный орган, осуществляющий свою деятельность на общественных началах. Ее основная цель – содействие деятельности Российского парламента в области законодательного регулирования прав и законных интересов молодежи. Молодежная палата создана на добровольной основе из представителей общественных молодежных палат (молодежных парламентов) при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации. В соответствии с положением в ее состав входит только по одному представителю от общественных молодежных палат (молодежных парламентов), официально созданных при законодательных органах государственной власти Российской Федерации. Регламентированы возрастной ценз для членства в Общественной молодежной палате – до 30 лет и срок действия полномочий – он составляет один год.

Деятельность Общественной молодежной палаты ведется в комиссиях, которые организуют работу по направлениям своей деятельности с соответствующими комитетами и комиссиями Государственной Думы. Заседания палаты проводятся три раза в год. При необходимости могут быть организованы внеочередные заседания. Молодежная палата разрабатывает и принимает рекомендации для рассмотрения в соответствующих комитетах Госдумы. Во многих регионах Российской Федерации созданы и функционируют региональные молодежные общественные палаты.

К форме молодежного представительства также относятся *Молодежная парламентская ассамблея*, действующая при Совете Федерации Федерального собрания Российской Федерации и представляющая собой верхнюю молодежную парламентскую палату и *Молодежная Дума России*.

Молодежная ассамблея – это постоянно действующий совещательный орган при Совете Федерации Федерального собрания Российской Федерации. В состав ассамблеи входят представители региональных молодежных парламентов. В структуре ассамблеи функционирует Совет по взаимодействию Совета Федерации с молодежными парламентами субъектов Российской Федерации и молодежными общественными объединениями.

Молодежная Дума России создана в январе 2002 года как молодежная парламентская структура, объединяющая представителей различных молодежных общественных и политических структур из регионов Российской Федерации. Молодежная Дума представляет собой дискуссионный механизм для обсуждения актуальных общественно-политических вопросов и выработки согласованных решений. Она сотрудничает с ключевыми структурами, занимающимися молодежной политикой и молодежным парламентаризмом в стране: Общественной молодежной палатой и Советом по делам студентов при Государственной Думе РФ, Российским союзом молодежи, департаментом по молодежной политике Минобразования РФ и др. Депутаты Молодежной Думы организуют слушания по молодежным проблемам, принимают участие в качестве соорганизаторов в мероприятиях других молодежных структур федерального и регионального уровня. Ведется международное сотрудничество с организациями ближнего и дальнего зарубежья. Молодежная Дума РФ играет роль единой коммуникативной площадки для представителей молодежи различной политической ориентации, для выработки и последующего лоббирования согласованных решений по наиболее важным социально-политическим проблематикам.

⁷ Самсонов С. И. Указ. соч. С. 88.

С целью развития молодежного парламентаризма в 2005 году в России создан *Центр развития молодежного парламентаризма*, аккумулирующий опыт работы команды молодых лидеров из разных регионов России по развитию молодежного парламентского движения. Центр осуществляет деятельность по привлечению молодежи к активному участию в жизнедеятельности государства и общества, к развитию территорий, на которых она проживает, разработке и реализации эффективной молодежной политики путем представления законных интересов молодых граждан и общественно значимых идей в различных молодежных общественных консультативно-совещательных структурах, прежде всего – молодежных парламентах.

Опыт работы молодежных парламентских структур в субъектах Российской Федерации показал эффективность их деятельности по привлечению молодежи к решению различных социальных проблем. В ряде российских регионов молодежные парламенты (думы, советы, палаты, правительства и др.) Имеют реальное право выступать от лица всей молодежи, активно взаимодействуют с властью, активизируют позицию молодежи в решении своих проблем. В настоящее время органы молодежного представительства при органах законодательной и исполнительной власти становятся реальным аккумулятором идей молодежи и содействуют реализации молодежной политики на региональном и муниципальном уровнях.

THE ROLE OF YOUTH PARLIAMENTARISM IN THE DEVELOPMENT OF SOCIAL AND POLITICAL ACTIVITY OF MODERN RUSSIAN YOUTH

I. N. GUKOVA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: Gukova_I@bsu.edu.ru

The role of youth parliamentarism has been shown in the article as a form of youth autonomy in the development of social and political youth activity. The most frequently occurring in Russian practice forms of youth parliamentarism have been analyzed. Examples of effective operation of institute of youth representation in representation in bodies of state authorities and local self-government in Russia Federation have been given. Problems faced by youth representative structures today have been found.

Key words: youth parliamentarism, youth representation, youth autonomy, youth parliament, youth government, public youth chamber, youth policy.

RUSSIA`S SOFT POWER IN 'NEAR ABROAD' IN THE POLISH OFFICIAL AND EXPERT DISCOURSES*

V. V. VASILENKO

*Belgorod National
Research University*

e-mail: Vasilenko_V@bsu.edu.ru

The article deals with Russia`s soft power in the Polish official and expert discourses. Poland is of particular interest given her active part in the EU policies towards many countries of the post-Soviet space, the historically embedded perception of a danger from the east and the trend of the Russian-Polish rapprochement in the recent years. The author comes to conclusion that Russia`s most fruitful investments into her soft power potential are likely to be in the area which escaped securitization – people-to-people contacts in education and research.

Keywords: Russia, soft power, 'near abroad', 'common neighbourhood', Poland, European Union.

The objective of this paper is to reveal how Russia`s soft power is framed in the Polish official and expert discourses. Debates around the term, as well as relevance of the "context in which the relationship exists,"¹ that prominent U. S. scholar and statesman Joseph Nye who coined the term 'soft power' a couple decades ago particularly insists on, and articulated problems to pin down this kind of power² make me consider the subject-matter within a broader context of Russia`s foreign policy in her 'near abroad' / Russia-EU 'common neighbourhood'.

Why Poland? This country was often considered as a Russian rival in the space currently termed as 'near abroad', 'the region of CIS' or 'common neighbourhood'³ – this thinking dates back to the times of the Polish-Lithuanian Commonwealth. As an EU member-state, Poland stresses her role of a policy-maker in regard to the EU Eastern neighbours and she, many scholars rightly point out, is quite successful in it. At the same time Poland has been, probably, the most active among the EU member-states of Central and Eastern Europe in raising awareness in the European Union, and also across the Atlantic, about different aspects of insecurity/danger connected with Russia. So her active position on region-making and the historically embedded perception of a danger from the east make her scrutinize closely the developments in the Eastern neighbourhood and come up with her take on policy solutions.

In my opinion, it is fruitful to look at the Polish understanding of Russia`s soft power and its assessment (e. g. how the structure of Russia`s soft power arsenal, particular mechanisms of her influence and attraction are seen), as well as her role in the region, because this kind of research might:

- help understand the peculiarities of Russia`s soft power and how it works, if it does;
- given the recent trend of the Russian-Polish reconciliation, reveal whether the Polish authorities and experts see a room for more trust and cooperation in the neighbourhood;

* The paper is prepared with the support of the European Studies Institute at MGIMO-University (research grant).

The Editor: the article was written in early autumn 2013, therefore, the political crisis in Ukraine which started in November 2013 is not covered in the paper. It is worth noting that the variant of how the European Union and Russia should constructively develop their relations in regard to the situation in Ukraine and, broader, the clashed integration projects which is now (January 2014) being discussed by the EU authorities (and especially promoted by Germany) was, according to the author, among the solutions suggested by Polish experts in September 2013.

¹ Nye, Joseph. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, 2004. P. 2.

² For an outline of problems with soft power measurement see, for example: Radikov I., Leksyutina Ya. "Miagkaia sila" kak sovremenniy atribut velikoi derzhavy // *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 2. February 2012. Pp. 19-26.

³ I shall employ primarily the term 'near abroad' originated in Russia, as it highlights the peculiarity of Russia`s approach and is widely used in policy analyses and public narrative, though the term has been removed from the Russian official discourse (see details in: Shishkina O. V. *Vneshnepoliticheskie resursy: Rossiya i ES na prostranstve "obshchego sosedstva"*. Moscow, 2013. P. 19). The 'region of CIS' is mainly characteristic of the academic discourse. At the same time I shall use 'near abroad', region/area of CIS' and 'common neighbourhood' coined in the EU as interchangeable (when the context allows). Besides, I use the term 'soft power' without quotation marks in English following the established practice.

– highlight what the Polish officials and experts think about Russia and her prospects and also about some other key countries in the post-Soviet space (e. g. Ukraine).

In terms of methodology I draw on adaptations of the discourse analysis to foreign policy and Europeanization studies by the Danish scholars Henrik Larsen and Kennet Lyngaard. Thus, discourses create a certain ‘space of possibility’ for decision-makers which is both constraining and enabling, this is the basis on which policy preferences, interests and goals are constructed⁴. The ideas of Ernesto Laclau and Chantal Mouffe who stress incomplete character of any social totality (including identity) are also relevant⁵.

The chronological period for analysis – the years of 2009-2013. To be more precise, from inaugurating the Eastern Partnership (EaP), then the first significant Poland`s say in the EU neighbourhood policy (together with Sweden), in May 2009 to the present (September 2013), when the “milestone” Vilnius EaP summit is due in late November and the renewed infrastructure of the Russian-Polish relations started to work, including the Centers for Dialogue and Understanding in both countries.

Primary texts: Poland`s official documentation related to foreign policy; on-line open-access analytic material of the Polish Institute of International Relations – a think tank which closely cooperates with Poland`s Ministry of Foreign Affairs, at the same time opinions expressed by its experts might also give a broader picture of possibilities.

1. *A note on Russia`s soft power*

Much has already been said about Russia`s potential in developing soft power by both domestic and foreign experts, and here I would like to highlight a few points in the discussions.

It has become a commonplace to argue that Russia does not possess proper resources to become a successful player in this field, primarily because her socio-political model can hardly be called attractive – in fact, a key prerequisite according to the well-known definition by Joseph Nye⁶. It is worth noting that Nye himself clearly joined the debate with his 2013 article in “Foreign Policy” stressing that this was what Russia, as well as China, “don`t get about soft power”<sup>7</sup>. However, it does not seem to hamper Russia`s (and China`s) endeavors on this way. They rather tend to come up with their adapted definitions of the term, which also imply that developing soft power capabilities is considered as a certain response to a “Western intervention”⁸.

From the second half of 2000s there have been visible efforts of the state to increase Russia`s institutional capacities in this sphere: e. g. NGO “Russkii Mir,” aimed primarily at the support of compatriots who live abroad, and the Institute of Democracy and Cooperation with offices in New York and Paris were established in 2007⁹; agency “Rossotrudnichestvo” was founded in 2008, new public diplomacy institutions, the A. M. Gorchakov Foundation and the Russian International Affairs Council (RIAC), were created a couple of years later, etc. ¹⁰ Finally, the commitment to develop Russia`s soft power potential came to the programmatic documents, as the 2013 edition of Russia`s Foreign Policy Concept clearly indicates. One might regard it as a certain success of the Russian conduct in this field that recently, while some scholars

⁴ See, for example: Larsen H. British and Danish European Policy in the 1990s: A Discourse Approach // European Journal of International Relations. 1999. No. 4. P. 453.

⁵ Torfing, Jacob. New Theories of Discourse. Oxford, 1999. Pp. 6-7.

⁶ “Soft power is not merely the same as influence ... It is also the ability to attract...”. “The soft power of the country rests primarily on three resources: its culture (in places where it is attractive to others), its political values (where it lives up to them at home and abroad), and its foreign policies (when they are seen as legitimate and having moral authority)”. See: Nye, Joseph. Soft Power: The Means to Success in World Politics. P. 6, 11.

⁷ Nye, Joseph. What Russia and China Don`t Get about Soft Power // Foreign Policy. 29 April 2013. Available at: http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/04/29/what_china_and_russia_don_t_get_about_soft_power; Simons, Greg. Russian Public Diplomacy in the 21st Century: Structure, Means and Message. Paper prepared for the conference “Russia and the World” (Helsinki, 23-24 October 2013). P. 6. I am grateful to the author for sharing the paper with me.

⁸ Kosachev, Konstantin. The Specifics of Russian Soft Power // Russia in Global Affairs. 7 October 2012. Available at: <http://eng.globalaffairs.ru/number/The-Specifics-of-Russian-Soft-Power-15683>; Makarychev, Andrey. Hard Questions about Soft Power: A Normative Outlook at Russia`s Foreign Policy. DGAPanalyse kompakt. Nr 7. October 2011. P. 3.

⁹ IDC`s main objective is to monitor the situation with human rights in Western Europe and the U. S.; its branches` web-sites: <http://www.indemco.org/>; <http://www.idc-europe.org/>

¹⁰ See in more detail in: Lebedeva M. M. Sotsial`no-gumanitarnoe izmerenie mezhdunarodnykh otnoshenii v ATR // Mezhdunarodnye protsessy. 2013. No. 1. Pp. 6-7.

keep avoiding application of the term ‘soft power’ to Russia,¹¹ quite a few researchers tend to define as soft power a pretty wide range of Russia’s policies, not exactly in line with its classical understanding¹². It certainly should also be attributed to the concept’s spreading all over the world, but what is important is that Russia has become a legitimate player in this field.

Russia’s efforts and the definition of ‘soft power’ in the 2013 Concept highlight that Russia borrowed a part of Nye’s concept combining it with reasonable Soviet practices, as the Russian expert, Editor in Chief of “Russia in Global Affairs” journal, Fedor Lukyanov stresses¹³. At the same time he and some other scholars point to Russia’s accentuated pragmatism and, of course, less resources available which make it difficult to extract the fruits the Soviet Union was able to ripe.

While there are definitely different addressees of this country’s soft power policy, these activities are first of all aimed at her diverse ‘near abroad’¹⁴. The underlying assumption of Russia’s various policies, including that of soft power, in CIS area is well rendered by Igor Torbakov: “according to the Kremlin’s geopolitical outlook, Russia can successfully compete globally with the United States, China or the European Union only if it acts as a leader of the regional bloc”¹⁵. Here it is also relevant that Russia’s pragmatic understanding of soft power, with the stress on its understanding as power, is highlighted by the specified negative effects (e. g. in the 2013 Foreign Policy Concept) when it is employed by other actors. This approach cannot be very operational for the Russian authorities in persuading CIS neighbours about the intended common good with no harm to their sovereignty and at the same time does not imply particular care about how Russia’s activities in her ‘near abroad’ might be seen by the other, external, actors in the region – the reason is likely to be this country’s position of the insider in the post-Soviet area giving her some kind of monopoly¹⁶. Yet, it is worth noting that ‘near abroad’ countries attach much importance to balancing between different actors as a way of maintaining their independence.

Over her soft power channels, Russia is keen to deliver her CIS neighbours a message that she does not have imperial designs, and the promoted integration schemes do serve the purpose of modernization of all the parties involved which is far from easy against this backdrop¹⁷. At the same time the latest integration project, the Customs Union of Belarus, Kazakhstan and Russia in effect from 2010 (and the associated project of the Common Economic Space was launched in 2012),¹⁸ definitely demonstrates that Russia is able to learn – with all its drawbacks it is a forward-looking initiative with efforts to establish real integration, that is, a qualitatively new policy. As such, it has become a challenge for the EU in its Eastern neighbourhood policies.

2. *Russia’s ‘near abroad’ or ‘common neighbourhood’: regionalization of the space*

To get a better understanding of Poland’s policies and approaches in ‘common neighbourhood’, it is worth looking first at how this space is regionalized.

Except ‘common neighbourhood’, the region is conceptualized as a part of ‘New Eastern Europe’ with Russia being the other part of it. The name is identical to the proto-region concept which came up as a result of the Group on Difficult Matters Resulting from History of the Russian-Polish Relations’s work¹⁹. Peculiarity of the latter is that both Russia and Poland are integral parts of it. Former PISM director, Stanislaw Debski, is a member of the team promoting the

¹¹ As, for instance, a British scholar James Sherr in his book “Hard Diplomacy and Soft Coercion: Russia’s Influence Abroad” published in 2013. Information about the book is available at: <http://www.chathamhouse.org/publications/books/archive/view/191955>

¹² See, for instance: Dragneva, Rilka and Wolczuk, Katarzyna. Russia, the Eurasian Customs Union and the EU: Cooperation, Stagnation or Rivalry? Russia and Eurasia Programme policy brief. August 2012. P. 2.

¹³ Lukyanov, Fedor. *Depardieu protiv progressa*. January 2013. Available at: <http://www.gazeta.ru/column/lukyanov/4929549.shtml>

¹⁴ Makarychev, Andrey. *Hard Questions about Soft Power: A Normative Outlook at Russia’s Foreign Policy*. DGAPanalyse kompakt. Nr 7. October 2011. P. 5.

¹⁵ Torbakov, Igor. *The “Eurasian” Orientation and its Discontents: A Note on the Debates over Russia’s International Identity and National Interest*. Paper prepared for the conference “Russia and the World” (Helsinki, 23-24 October 2013). P. 8. I am grateful to the author for sharing the paper with me.

¹⁶ Makarychev, Andrey. *Regionalism and Identities in the Common Neighbourhood: European and Russian Discourses*. CEURUS EU-Russia Papers. No. 10. October 2013.

¹⁷ See, for example: Kosachev, Kostantin. *The Specifics of Russian Soft Power*.

¹⁸ I shall talk about the Customs Union of Belarus, Kazakhstan and Russia, as most debates in the neighbourhood (first of all Ukraine’s choice) develop around it, and hereinafter shall mention it as the Customs Union.

¹⁹ It is being studied by the Russian scholars based at MGIMO-University, which is especially involved into the Group’s activities, in cooperation mostly with Polish, Ukrainian and Byelorussian researchers.

research project based on this concept and its results²⁰. Meanwhile, it is unlikely that this understanding might soon become a part of the Polish domestic discourses. Poland's authorities and experts consider 'New Eastern Europe' as the countries on the eastern border of Poland and, broader, of the post-Soviet space, except the Baltic states, – in fact, the target audience of the transformation experience from 'old' Eastern Europe which nowadays strives to identify itself as Central Europe. This meaning is implied in the official and expert discourses and is represented, for example, by a relatively new and dynamic journal project bearing the same name, 'New Eastern Europe,' which is based in Krakow. The journal is funded *inter alia* by Poland's Ministry of International Affairs and serves also as a venue for PISM experts²¹.

With the intensified EU-Russia integration projects' competition in 'near abroad'/'common neighbourhood' the region is increasingly perceived as uneven. One can see two logics present – transformational and pragmatic (geopolitics-, security- and economy-centered). The first one has become especially relevant on the eve of the Vilnius EaP summit to be held in late November 2013 – not only viability of Poland's role in EU policy, but also that of the EU as a normative power is considered to be at stake there. Its significance can also be highlighted, for example, by the Polish experts' talk about the EU double standards in Moldova, the critical country in terms of the European Union's normative power success, in order to support the EU-sponsored modernization path²². So for Poland it is pivotal to set the priorities right. Non-EU Eastern Europe is on the top of the agenda: different opinions about what country is the most significant – Moldova as the most successful in transformation or more strategically important Ukraine making an important choice. Interestingly, Belarus has been receiving more attention in this discourse with the implication that she is the one prone to the transformation influence due to the urgent necessity of structural reforms²³. South Caucasus as such is given less priority, only Georgia is put forward as an exceptional case – she is mostly being rated second in her transformation efforts among EaP²⁴. Probably, the reasons are Poland's limited possibilities to make a difference here, as well as overall admittance of little EU leverage in this area (with disappointing Armenia's choice and rather indifferent Azerbaijan). PISM experts conclude that it does make sense to distinguish among their neighbours, and, therefore, to develop a two-speed Partnership²⁵. At the same time Central Asia, not included in EaP, is definitely getting more attention as an important sub-region, or region-in-the-making, on the post-Soviet space. Transformation logics here give way to geopolitical, security and economic considerations with particular stress on Kazakhstan which is seen as a valuable potential economic partner. One can also reveal a look at possibilities of the more EU political engagement with attention to Kazakhstan's (as well as Belarus's in other sub-region) moves aimed at her increasing independence from Russia²⁶.

While in previous years one can discern Poland's disappointment in the Visegrad Group (V4) format both within the EU and in her Eastern policy, in the last two years this regional forum, borrowing Andrey Makarychev's term, reactualized²⁷. With a few V4 successes in the EU politics (energy security, EU funding, distinct contribution to hard security), Poland, now its recognized leader, increased her reliance on this regional group. She strives to unite her Visegrad Group partners over the Eastern policy for V4 to become truly an EU bridge to the Eastern neighbourhood, to

²⁰ Here I mean 'Vostochnaya Evropa. Perspektivy' journal's editorial board (web-site: www.newprospects.ru) and, after the journal ceased functioning in 2012, the RIAC projects dealing with the proto-region in question.

²¹ See, for example: Sasztowt K. Russia's Policy towards Armenia: Big Stick and Small Carrot // *New Eastern Europe*. 5 Sept. 2013. www.neweasterneurope.eu

²² Sobjak, Anita. Is Moldova Tired of Being the Success Story of the Eastern Partnership? Policy paper No. 20 (68). July 2013. P. 2.

²³ See, for example: Dyer, Anna Maria, Ryabova, Natalia. Belarus in the CES: Advantages and Disadvantages of Economic Integration. Policy paper No. 24 (72). August 2013.

²⁴ Kaca, Elzbieta, Dudzinska, Kinga, Zubeł, Karolina. A Competitive Two-Speed Policy: The Eastern Partnership beyond 2013. Policy paper No. 27 (75). September 2013. Pp. 3-4.

²⁵ Kaca, Elzbieta et al. A Competitive Two-Speed Policy: The Eastern Partnership beyond 2013.

²⁶ See, for example: Zasztowt, Konrad. The Consequences of the Eurasian Integration of Kazakhstan for Its Economic Relations with the EU. Bulletin No. 27 (360). 15 March 2012; Wnukowski, Damian. Poland's Export and Investment Opportunities in Kazakhstan. Bulletin No. 95 (548). 13 September 2013; Dyer, Anna Maria, Kosciński, Piotr. The Presidential Election in Venezuela: Will Russia and Belarus Lose an Ally? Bulletin No. 36 (489). 5 April 2013.

²⁷ Makarychev, Andrey. Regionalism and Identities in the Common Neighbourhood: European and Russian Discourses. CEURUS EU-Russia Papers. No. 10. October 2013. P. 4.

be more precise, the EaP vanguard, which is able to contribute to its transformation, creating the Visegrad Group's own political identity ("Central European mission") and thus increasing their influence in the EU. Yet, Russia is seen as a constraint in the V4 eastern policy potential, though as such not easy to instrumentalize, due to her "smart bilateralism"²⁸.

3. *Conceptual approach to Russia's role in world politics and in 'near abroad'/'common neighbourhood'*

The key document which highlights the fundamentals of Poland's policy towards Russia is, of course, 'Poland's Foreign Policy Priorities' adopted in spring 2012²⁹. Here there are basically two aspects in Poland's policy towards Russia: as towards a great power and, separately, a player in 'common neighbourhood'. When looking at the first one, one can reveal that Russia's role is presented as both destabilizing (increase in defence spending, while "Europe is going in the other direction"³⁰), and opening up more space for Poland at the level of great powers and key international institutions' dialogue ("participation in mutual confidence building measures between the West and Russia,"³¹ including e. g. "Warsaw's stressing its vision of EU Partnership for Modernization"³² and at the same time contributing to EU-Russia visa regime liberalization). In regard to the second aspect there appears less room for maneuver in relations with the Russian Federation – there is only one way: cooperation with modernizing Russia while the EU accession prospect (and significant EU development assistance) is available for most of the 'neighbours', first of all Ukraine, Moldova and Georgia³³. Ukraine here is specified as a "strategic partner"³⁴ – it resembles the term "priority partner" about this neighbouring country in the recent edition of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation³⁵.

PISM experts definitely seek to address both aspects of their neighbour's policies. There is a growing trend in their activities and analyses to frame Russia's role in the international system as an "emerging power," along with China and other BRIC countries, with the stress to develop a trilateral cooperation format Germany – Russia – Poland³⁶. This is one of the ways to deal with the increasing multipolarity which, a widely shared assumption, is seen as a dangerous tendency. In regard to Russia's role in the neighbourhood the expert discourse has been developing approximately along the above mentioned lines, however, giving more nuanced picture and sometimes a hint to new solutions.

4. *'Near abroad'/'common neighbourhood' as a security concern*

The 'common neighbourhood' matter has an accentuated security dimension, especially visible in 2009-2011 – then it was directly connected with Poland's anxieties about new NATO Strategic Concept³⁷ and Russia-Ukraine gas supply crises. Here, how PISM experts put it, Poland attempts "to build a secure environment for the EU"³⁸.

One can see two models of argument present – 'common neighbourhood' as a space divided between EU and Russian spheres (or zones) of influence and as a space of positive-sum-game cooperation. The former makes justified the Russian analysts' opinion voiced, for example, by INSOR experts about a threat of "military power vacuum" on the post-Soviet space³⁹.

²⁸ Kalan, Dariusz. East of Center: Can the Visegrad Group Speak in One Voice on Eastern Policy? Policy paper No. 5 (53). February 2013. Pp. 1,7,8; Sobjak, Anita. Conclusions of the Polish V4 Presidency and the Challenges Beyond It. Bulletin No. 71 (524). 2 July 2013.

²⁹ Polish Foreign Policy Priorities 2012-2016. March 2012. Available at: www.msz.gov.pl

³⁰ Ibid. P. 4.

³¹ Ibid. P. 6.

³² Ibid. P. 18.

³³ See, for example: Ibid. P. 12.

³⁴ Ibid. P. 18.

³⁵ Kontsepsiya vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii. 12. 02. 2013. Available at: www.mid.ru

³⁶ Gradzuik, Artur, Kugiel, Patryk (red.). Polska w wielobiegunowym swiecie. Szanse i perspektywy rozwoju stosunkow Polski z glownymi mocarstwami wschodzancymi. Raport. Lipiec 2012; Trialog project Deutschland-Polska-Rossija launched in 2013. Available at: www.pism.org.pl

³⁷ See, for example: NATO Member States and the New Strategic Concept: An Overview. Report. May 2010. P. 5.

³⁸ Eastern Partnership: A Strategy for 2011 and Beyond. Report. Warsaw, 2010. P. 5.

³⁹ See, for example: Arkhitektura evroatlantskoi bezopasnosti / Ed. by I. Yu. Yurgens, A. A. Dynkin, V. G. Baranovsky. Moscow, 2009. P. 109; Sikorski, Tomasz. Strategic Vacuum in Central Asia – a Case for European Engagement? Strategic File No. 15. April 2011.

Poland, together with the Baltic states and some V4 countries, has been quite successful in instrumentalizing Russia's military moves and cooperation in the neighbourhood in promoting in NATO her vision of security⁴⁰. The latter focuses on Russia's involvement in cooperation in the neighbourhood; it is mostly developed in joint analyses with participation of the Russian experts. For instance, in 2011 the Polish and Russian experts⁴¹ highlighted the room for cooperation between the two countries in Russia's joining EaP projects. The report includes some ideas of the Russian expert discourse: economic cooperation on the lines of the European Economic Area with the stress on Russia's comprehensive modernization. These are linked to a more security-oriented component comprising every country's "right to decide freely about joining alliances" and "rejection of the idea of spheres of influence"⁴². In 2012 an international group of experts pointed to the need to overcome "emerging institutional divide" on the OSCE space calling for positive involvement of the Collective Security Treaty Organization and the Customs Union in multilateral cooperation⁴³.

By and large, one can see less attention and anxiety about Russia in the neighbourhood in late 2011-2013 with a direct connection to security. This, in my opinion, is determined by four factors (in order of relevance) – consolidation of the EU energy market with a few EaP countries joining the Energy Community, EU financial crisis, good results in promoting the Polish 'hard security' concerns in NATO and EU and a trend of the Russian-Polish rapprochement. The first one relieves, to a certain extent, Polish energy security-related concerns, though recently it is coupled with disappointment in Ukraine's and Moldova's performance in the Energy Community. The crisis in the European Union, on the one hand, made the Poles more inward-looking, concentrating on the successful EU reform,⁴⁴ on the other – the Polish economic 'wonder' attributed the country a higher profile among EU member-states. This, in turn, gives the Poles more confidence about their role in the European Union. The new, constructive, trend in the Russian-Polish relations after the tragic event of April 2010 adds to the positive dynamics, however, its impact is limited – the centuries-old mistrust and stereotypes and the pragmatic interest in 'othering' Russia in hard security and energy matters do not facilitate in achieving a substantial progress. At the same time the success in this area is perceived as an important Poland's asset also contributing to improvement of her image in Europe⁴⁵. Yet, this is the area where Russia seems to be losing a possibility of developing her soft power. Even a cursory comparison of the Centers of Dialogue and Understanding projects is not to Russia's advantage: the Polish Center has a definite and well thought-out research and educational exchange programme and a clear set of the research foci, unlike the Russian one demonstrating rather a broad interest in events promoting cooperation in the old-fashioned manner lacking the engaging component which was, for example, successfully applied along the lines of "new public diplomacy" in case of RIAC⁴⁶.

5. *The Eastern Partnership and Russia's soft power in 'near abroad'*

The Eastern Partnership is central in PISM experts' analyses, as well as official rhetoric concerning EU's, and Poland's, role in the Eastern neighbourhood.

At first the Polish experts tended to consider EaP – which, as is known, originated from the Polish-Swedish initiative – as the most promising instrument for the EU cooperation with Russia. Prospects of the 'Partnership for Modernization' initiated by the European Commission did not receive positive assessment⁴⁷ and soon slipped from the analyses, though there are references to it in the official discourse. To my mind, main reasons for this kind of approach are

⁴⁰ See e. g.: Dwyer, Anna Maria. The Russian-Belorussian "West 2013" Military Exercise: An Alliance against External Enemy? Bulletin No. 102 (555). 27 September 2013.

⁴¹ Mostly from MGIMO-University.

⁴² Eastern Partnership – A New Momentum for the EU-Russia Relations. Report. Warsaw, 2010.

⁴³ Towards a Euro-Atlantic and Eurasian Security Community. From Vision to Reality. IDEAS report. July 2012. IDEAS – Initiative for the Development of a Euro-Atlantic and Eurasian Security Community.

⁴⁴ See a much resonated Poland's Foreign Minister Radoslaw Sikorski's speech "Poland and the Future of the European Union". Berlin, 28 November 2011. Available at: https://dgap.org/sites/default/files/event_downloads/radoslaw_sikorski_poland_and_the_future_of_the_eu_o.pdf

⁴⁵ Gradziuk, Artur, Kugiel, Patryk (red.). Polska w wielobiegowym swiece. S. 29.

⁴⁶ Simons, Greg. Russian Public Diplomacy in the 21st Century: Structure, Means and Message. P. 19.

⁴⁷ Cwiek-Karpowicz, Jaroslaw. EU-Russia Relations One Year After the Partnership for Modernization. Bulletin No 61 (278). 7 June 2011; Idem and Formuszewicz, Ryszarda. Partnership on Modernization: the EU's New Initiative Towards Russia. Bulletin No. 43 (119). 18 March 2010.

that in such a format there is little room for special status for Russia (highlighted by such forms of cooperation as 'common spaces' or 'partnership for modernization') and at the same time much room for Poland's transformation experience which is considered her primary soft power instrument in 'common neighbourhood'. Russia's projects were not considered successful, while her influence in the neighbourhood was rather framed as illegitimate due to her inclination to direct control. Russia's different policies were scrutinized in terms of her various foreign policy tools what lead to their certain securitization (e. g. civic nuclear capacities, the Russian Orthodox Church's activities on the post-Soviet space⁴⁸).

With development of the Customs Union and EaP there appeared a more complex picture comprising now a number of elements of which it is important to highlight the two. On the one hand, the Polish experts keep appropriating the Western discourse picturing Russia as an extra-regional actor taking advantage of the EU weakness in terms of traditional power in order to control the region and continue the status quo which implies that Russia is unattractive to her neighbours⁴⁹. On the other hand, in 2013, Russia appears at times as an actor more powerful than EU in the area which can best be defined as soft power, which means that the European Union is outplayed in the domain perceived as its own with such instruments, as free-movement-of-people regime, language, cultural and religious ties⁵⁰.

As I see it, this is clearly the example when the context is especially relevant. In recent years 'near abroad' / 'common neighbourhood' countries have been experiencing influences and projects of both Russia and the EU. While at the outset it seemed to many that the choice is, in fact, obvious for EaP states (except Belarus) – the EU-sponsored modernization path which opened up many important possibilities, now there are quite a few reservations about that. The feeling of at least most of the Eastern Partnership countries is best described by the British scholar Philip Hanson: they face the two rather unattractive options⁵¹. The 2012 and 2013 PISM analyses, primarily authored by Igor Lyubashenko who looks at EaP Eastern European states' internal affairs, render an important message: the countries at first deemed as the most promising, Ukraine and Moldova, do not demonstrate particular success in their approaching to the EU in terms of norms and legislature mainly due to the logics of their economic and political (first of all Ukraine's) post-Soviet development, and little here could be attributed to Russia's traditional power influence. Among such conditions one can name energy-intensive economies, outdated infrastructure in many areas which makes its renovation according to the EU standards very costly and also socially painful, oligarchic structures in Ukraine, unstable political process, etc. ⁵² Besides, the EU policy did not meet people's expectations about its anticipated positive results⁵³. Against this background, integration with Russia looks less consuming and more understandable with the visa-free regime that proved its significance.

One can see that the two projects of region-building in CIS area – promoted by Russia and the EU – are based on a zero-sum-game principle, despite this country's distant future-oriented designs of the EU and the Eurasian Economic Union creating one space, as well as the European Union's talk that the Association Agreements (including DCFTAs) can hardly hamper the Customs Union's activities and can bring only positive results. PISM analyses confirm this point, while also arguing that Russia's project in fact opens up more room for the EU influence – in promoting modernization which the European Union, and Poland in particular, can more effectively deal with⁵⁴.

---

⁴⁸ Cwiek-Karpowicz, Jaroslaw. Role of the Orthodox Church in Russian Foreign Policy. Bulletin No. 109 (185). 9 August 2010.

⁴⁹ Makarychev, Andrey. Soft Power, Regionalism and Common Neighbourhoods: Russia's Potential in a Competitive Environment // Bilge Strateji. Cilt 5. Sayı 8. Bahar 2013. Ss. 48-49.

⁵⁰ See, for instance: Kaca, Elzbieta et al. A Competitive Two-Speed Policy: The Eastern Partnership beyond 2013. P. 2.

⁵¹ Contribution of Philip Hanson, associate fellow of the Russia and Eurasia Programme at Chatham House, to the seminar "EU's Relations with Eastern Neighbourhood". The Uppsala Center for Russian and Eurasian Studies, 15 October 2013.

⁵² See, for instance: Lyubashenko, Igor. Start of Negotiations on a Free Trade Agreement between the European Union and Moldova. Bulletin No. 10 (343). 1 February 2012; Sobjak, Anita. Is Moldova Tired of Being the Success Story of the Eastern Partnership? Policy paper No. 20 (68). July 2013; Lyubashenko, Igor. Ukraine's first Year in the Energy Community: Restart Needed. Policy paper No. 28. April 2012.

⁵³ Lyubashenko, Igor. Perception of European Integration in Ukraine. Bulletin 42 (375). 25 April 2012.

⁵⁴ Dynier A. M., Ryabova N. Belarus in the CES: Advantages and Disadvantages of Economic Integration. Policy paper. August 2013.

Russia's policies in 'near abroad' are not often defined as 'soft power' in the policy analyses in question – in 2012-2013 there appeared a few mentions, however, there is a special study prepared for an influential German think-tank; earlier though they were also termed 'public diplomacy'. In Polish experts' view, Russia has a wide range of soft power tools: visa-free regime and CIS nationals' access to her labour market, language, cultural and religious (now with more positive interpretation) ties, debates about Eurasian integration and even vast energy resources⁵⁵. Jaroslaw Cwiek-Karpowicz, a leading PISM expert on Russia, argues that there is a problem in their implementation, as they can only bring attraction and, therefore, results if Russia introduces serious internal reform making her model of political and socio-economic transformation appealing to her neighbours⁵⁶.

Here the image of Russia as a "real soft power in the post-Soviet area" and the one of "modernizing Russia," with which large-scale EU cooperation is possible, indeed coincide. One can reveal that such a scenario is not seen as a matter of the near future: there given no consideration to what is to be done with the two integration projects in the neighbourhood in this case – it is somehow implied that all the disputes will be automatically resolved.

Yet, there has recently been voiced a practical present-oriented solution, obviously, prompted by the Russian trade restrictions towards Ukraine in August 2013. PISM expert, Ievgen Borobiev, suggested that the EU part in eventual similar cases should be an institutional arrangement dealing with DCFTA-related disputes with the countries of the Common Economic Space. This, in turn, would result in "closer engagement with the Eurasian Economic Commission, until now shunned by the EU"⁵⁷. Thus, it would mean that both projects come into contact – it includes also that Russia recognizes the EU as a region-building player in the CIS area.

Conclusions

This analysis confirms the argument voiced by a few scholars that competing region-building projects influence one another, and there is a correlation in their development. On the example of Russia's and EU's projects in the CIS area, to my mind, it makes sense to talk about their co-building the region. And it is only logical to acknowledge this situation by, to a certain extent, connecting them e. g. on the lines suggested by the PISM expert. It would mean, of course, that both actors, Russia and the EU, would recognize the legitimacy of each other's projects in 'near abroad/ 'common neighbourhood'. Russia does not have the monopoly in the CIS region not only because of the EU's and other actors' activities there, but also because her neighbours are not willing her to have it. But it is also important that most of them are not willing that Russia goes away completely. This makes the Russian soft power politics in the region more successful than such a classical player in this field, as the EU would expect.

The Polish discourses about Russia's role in the neighbourhood develop rather in the framework of (neo)realist thinking – quite expectedly given the historical context of bilateral relations. They deal a lot with a significant 'hard power' on the border inclined to domination with her different foreign policy tools being applied to support her capabilities in this domain – it means, therefore, less sovereignty/security for her neighbours both in 'common neighbourhood' and the EU. There is a certain demand for such Russia's role in Poland. At the same time one can see a trend of less securitization of particular factors and more look at possibilities of cooperation in recent years.

It is significant that 'common neighbourhood' and the EU success here is very important in terms of Poland's EU identity and, consequently, a possibility to have a say in the EU politics. Russia can rather hamper this. However, it might mean that Poland, in fact, would be more realistic than the EU as a whole and come up with more practical initiatives to have a solution that might be called a success.

In my opinion, it is advisable, also in connection with the previous points, for Russia to take into account how her actions in the CIS could be interpreted in Poland and also invest

---

⁵⁵ Cwiek-Karpowicz, Jaroslaw. Limits to Russian Soft Power in the Post-Soviet Area. DGAPanalyse No. 8. July 2012; Kaca, Elzbieta et al. A Competitive Two-Speed Policy: The Eastern Partnership beyond 2013; Sobjak, Anita. Is Moldova Tired of Being the Success Story of the Eastern Partnership?

⁵⁶ Cwiek-Karpowicz, Jaroslaw. Limits to Russian Soft Power in the Post-Soviet Area.

⁵⁷ Borobiev, Ievgen. The Embargo that Never Was: How Should the EU Respond to Russia's "Message" to Ukraine? Bulletin No. 97 (550). 19 September 2013.

more in developing her potential in the area that escaped securitization in regard to the neighbourhood – people-to-people contacts in education and research. This will contribute to both Russia`s modernization and improvement of her image on the international arena.

МЯГКАЯ СИЛА РОССИИ В «БЛИЖНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ» В ПОЛЬСКИХ ОФИЦИАЛЬНОМ И ЭКСПЕРТНОМ ДИСКУРСАХ

В. В. ВАСИЛЕНКО

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Vasilenko_V@bsu.edu.ru

В статье рассматривается «мягкая сила» России в польских официальном и экспертном дискурсах. В фокусе внимания – Польша в связи с активным участием руководства этой страны в разработке политики ЕС в отношении ряда государств постсоветского пространства, исторически сложившегося восприятия опасности с востока, а также тенденции российско-польского сближения последних лет. Автор приходит к выводу, что инвестиции России в развитие потенциала «мягкой силы» будут наиболее плодотворны в области, которая избежала секьюритизации – контакты между людьми в сфере образования и исследований.

Ключевые слова: Россия, «мягкая сила», ближнее зарубежье, общее соседство, Польша, Европейский союз.

К ВОПРОСУ О ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ

В. Н. ШИЛОВ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Shilov@bsu.edu.ru

Анализируются два основных направления внешней политики современной Украины: евроинтеграция и сближение с Таможенным союзом. В качестве главных внутренних факторов выбора вектора геополитической ориентации рассматриваются состояние экономики современной Украины, ценности и интересы ее основных социальных групп. Показываются внешние факторы ориентации: интеграционная политика Евросоюза и экономическая помощь со стороны России.

Ключевые слова: Украина, Евросоюз, Россия, Таможенный союз, Евразийский союз, евроинтеграция, евразийская интеграция.

В общей проблеме реинтеграции постсоветского пространства вопрос об Украине, ее геополитической ориентации, всегда имел решающее значение. Не случайно, ибо это вторая по численности постсоветская республика, обладающая обширной территорией и занимающая удобную в климатическом и геополитическом аспектах юго-западную часть бывшего СССР. Вхождение Украины вначале в Таможенный союз, а затем, соответственно, в Евразийский экономический союз существенно усилило бы эти интеграционные образования, укрепило бы их авторитет. Но политическое руководство Украины неоднократно заявляло о своей приверженности европейскому выбору, видя в качестве конечной желанной цели вступление в Евросоюз.

В последнее время вопрос об интеграционных устремлениях Украины обострился. Это связано с заявленным намерением политического руководства Украины подписать Соглашение об ассоциации с Евросоюзом, затем с отказом в конце ноября 2013 г. от подписания, при ссылаях на то, что подписание соглашения повлечет за собой многомиллиардные убытки для Украины. Это было пусковым механизмом массовых протестов в столице и ряде регионов. Страны Запада, прежде всего США, активно поддержали данные протесты, в том числе в финансовом и организационном отношении. В конечном итоге произошел государственный переворот, итогом чего была утрата реальной президентской власти В. Януковичем и формирование нового состава правительства.

На сегодняшний день промежуточность Украины, неопределенность перспектив ее геополитического и геоэкономического тренда, несмотря на приход к власти явно прозападной политиков команды, подписание ею политической части Соглашения об ассоциации с Евросоюзом¹ и конфликт с Россией по поводу присоединения ею бывшей украинской территории – Крыма, остается. С одной стороны курс на Запад, а с другой – экономическая зависимость от Востока, от России. В связи с этим интересно разобраться в мотивах действия политических акторов, прежде всего украинских, в обстоятельствах, над которыми они часто не властны, попытаться спрогнозировать развитие ситуации².

Разумеется, не все зависит экономики, но начать нужно именно с нее, ибо обстоятельствами экономического характера определяются в значительной мере и цели политических акторов и, главное, возможности их реализации. И здесь нужно сказать, что в экономическом плане проект «суверенная Украина» не удался. Можно согласиться с мыслью, что «за минувшие после развала СССР два десятилетия Украина не смогла воспользоваться своим богатейшим потенциалом для того, чтобы построить мало мальски конкурентоспособную экономику»³. В 1990 г. «Украина входила в первую десятку веду-

¹ Подписание экономической части Соглашения об ассоциации, где и содержатся положения, к введению которых Украина не готова, перенесено на более поздний срок.

² Подобные прогнозы являются предметом многих научных дискуссий. Например, см.: Круглый стол. Современное состояние и перспективы внутриполитического развития Украины: основные сценарии // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 9.

³ Якубян В. Распад Украины состоялся – 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1742408.html#ixzz2mzDhADaV>

щих стран мира. Ее ВВП составлял 2 процента общемирового, превосходил в расчете на душу населения среднемировой на 11 процентов. Сейчас Украина производит лишь 0,2 процента мирового ВВП и среднедушевой показатель на 40 процентов ниже среднемирового...»⁴ Объем ВВП в 2012 году составил лишь две трети от уровня 1990-го⁵. Украина попала, наряду с Киргизией Молдавией, Таджикистаном, «в разряд экономически несостоявшихся постсоветских государств, которые ... не достигли душевого уровня ВВП 1990 года и в период 1993–2010 годов, когда основной «трансформационный шок» был уже позади, развивались медленнее других... Украина, стоявшая на момент распада СССР по чистому материальному продукту на душу непосредственно рядом с Россией, Прибалтикой и Белоруссией, сегодня где-то в середине списка по душевому ВВП — чуть хуже Туркменистана, чуть лучше Грузии»⁶.

Но из этих фактов можно делать разные выводы. Так некоторые представители украинской политической элиты, говорят о том, что вопреки стремлению северного соседа – России Украина выстояла и что падение производства это плата за свободу и независимость Украины, и что ради светлого европейского будущего можно еще какое-то время претерпеть лишения. Нужно согласиться с мнением В. И. Пантина и В. В. Лапкина о наличии среди украинских элит консенсуса относительно евроинтеграции и дистанцирования от России⁷. Дистанцироваться от России, СНГ, Таможенного союза – это значит избавиться от проклятий прошлого, избавиться от неприглядного настоящего. А вхождение в Европу – это гарантия прогресса и процветания. Таково преобладающее мнение в кругах украинской элиты.

Подобной геополитической ориентации находятся вполне разумные обоснования. Развитый Запад с его современными технологиями и налаженным бытом видится выигрышнее России с ее сравнительно невысоким уровнем развития, экономическими и прочими проблемами. Кроме того политические элиты действуют вполне рационально, следуя логике упрочения своей власти. Для политической элиты главное – самостоятельность, возможность не делить власть с кем-то. Союз с Россией, Евразийский Союз несет в себе угрозу утрату самостоятельности элиты, ибо в данном случае экономическая зависимость от северного соседа неизбежно повлечет за собой зависимость политическую. Бизнес элита Украины опасается также не выдержать конкуренции с российскими олигархами и утратить ведущие позиции в экономике страны.

Встает вопрос, почему подобных опасений не возникает по отношению к Евросоюзу, который напоминает федеративное государство, где страны, члены этого объединения во многих вопросах передали часть своего суверенитета центральным органам ЕС. К утрате значительной доли суверенитета в сфере экономике ведет и подписание Украиной Соглашения об ассоциации с Евросоюзом. Кроме отсутствия опыта подчиненности Брюсселю (своеобразной столице ЕС, центру общеевропейских структур) при наличии многовековой подчиненности Москве и связанной с этим идеализацией европейского центра есть еще одно важное основание, носящее этнокультурный характер. Само становление украинского государства связано с самоопределением украинской этнической нации. В сохранении и развитии украинской культуры, украинского мира состоит высший смысл украинского государства, в этом одна из основ легитимности политической власти в Украине, как национально-идеологической легитимности. На протяжении всего постсоветского периода политическое руководство страны сочетало курс на упрочение украинской гражданской нации с формированием нации-государства, то есть подведением под гражданскую нацию единой этнической украинской основы⁸. С этой целью принимались меры по расширению сферы применения украинского языка и вытеснению языков других этносов, проживающих в Украине. Прежде всего, речь идет об ограничении использования русского языка. И нужно отметить, что определенные успехи в деле этнической украинизации гражданской территориальной украинской нации имеются: увеличилась доля людей, как владеющих украинским языком, так и считающих этот язык родным

⁴ Витренко Н. М. Евразийская интеграция как шанс выживания // Свободная мысль. 2013. № 4. С. 39-40.

⁵ Там же. С. 42.

⁶ См.: Журавлев С., Ивантер А. Нефть, капитал и диктатура // Эксперт. 2012. № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2012/01/neft-kapital-i-diktatura/>

⁷ Пантин В. И., Лапкин В. В. Тенденции политического развития современной Украины: основные риски и альтернативы // Полис. 2013. № 5. С. 138.

⁸ Миллер А. И. Политика строительства нации-государства на Украине // Политическая наука. 2010. № 1.

языком, усовершенствована украинская научная терминология⁹ и др. Но, тем не менее, сфера распространения русского языка остается большой: в телевизионном пространстве доминирует русский язык, среди печатных СМИ также преобладают русскоязычные. Независимое украинское государство оказалось малоэффективным средством развития украинской культуры, украинского мира, во многом, в силу своей экономической несостоятельности. Не хватает денег для издания книг на украинском языке, для производства украиноязычных фильмов, телесериалов. А при свободной конкуренции, там, где нет государственного диктата, дотаций со стороны государства, русский язык и русская культура часто вытесняют украинский язык и украинскую этническую культуру. В этом плане евразийство нежелательно для украинской этнической культуры. Сближение с Россией будет означать, вне зависимости от официальной позиции руководства России, стимулирование вытеснения украинской культуры и украинского языка из культурного пространства самой Украины в силу расширения возможностей для актуализации русского языка в общении, как между гражданами всех стран будущего Евразийского союза, так и между гражданами Украины. В случае евразийской интеграции Украина может в плане культуры стать второй Россией, а украинский этнос в далекой перспективе ассимилируется русским этносом: украинский мир не выдержит конкуренции с русским миром. Подобные ассимиляторские процессы уже имели место, когда Украина была частью Советского Союза.

В то же время в пространстве Евросоюза доминирующим языком является английский, весьма далекий от того чтобы стать языком повседневного общения в самой Украине, поэтому в нем не видится угроза для украинского языка и украиноязычной культуры, для украинского мира. Так на некоторых международных научных конференциях в Украине официальными рабочими языками являются только украинский и английский, когда русский язык видится как некий досадный реликт советской эпохи: на этом уровне евроинтеграция уже состоялась.

Особенно остро опасность русификации ощущает украинская интеллигенция, которая живет комфортно в рамках украиноязычного пространства. В масштабах общего русскоязычного евразийского пространства она будет поставлена в условия конкуренции, будет часто ощущать себя второсортной, в чем-то униженной. Нечто подобного пытаются избежать все приверженцы украинского языка и украинской культуры. Зачем такой межгосударственный союз, который ставит под сомнение высший смысл суверенного украинского государства – обеспечить условия для расцвета украинской этничности? Зачем такой межгосударственный союз, в котором люди граждане Украины с развитым этническим самосознанием будут унижены, переходя при общении со своего родного языка на русский язык? В той или иной формулировке эти вопросы возникают при обсуждении темы евразийской интеграции.

«А что было бы в случае, если бы Украина присоединилась к Таможенному союзу, инициированному Россией? – спрашивает корреспондент немецкой газеты «Die Welt» Г. Гнаук экс-президента Украины В. Ющенко. Тот отвечает: «Это, по сути, предложение признать свой колониальный статус... это приглашение в рабство»¹⁰. Между тем, если, заключая соглашение об ассоциации с Евросоюзом, Украина будет обязана выполнять решения Евросоюза, не имея возможности влиять на их принятие, то в рамках Таможенного союза все основные решения принимаются путем консенсуса при равенстве голосов. Как отмечает С. Глазьев «Когда мы начинали процесс строительства Таможенного союза, у России в Комиссии ТС было 57 процентов голосов. После того как ТС был построен, было принято решение перейти к ЕЭП при равенстве голосов. Таким образом, Россия добровольно отказалась от большинства при принятии решений, при этом именно у нас 85 процентов экономического потенциала ТС»¹¹. В положении равноправного члена была бы и Украина, если бы она вступила в Таможенный Союз, но в этом случае ей бы пришлось все время доказывать, как это сделал экс-президент Украины Л. Кучма, что «Укра-

⁹ Так все диссертации на соискание ученых степеней и авторефераты к ним пишутся исключительно на украинском языке.

¹⁰ Ющенко В. Россия хочет нас колонизировать [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/sngbaltia/20131128/215183260.html#ixzz2lwtw9lUE>

¹¹ Власова О. Драма ассоциации (Интервью с С. Глазьевым) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2013/45/drama-assotsiatsii/>

ина – не Россия»¹². Если при вступлении в Таможенный союз чувство национального (в плане этнического) достоинства ущемляется, то в при сближении с Евросоюзом оно стимулируется: в данном случае украинское становится первосортным европейским по отношению к второсортному евразийскому («таежному»)¹³ русскому. Во многом, поэтому активисты «евромайдана», свергнувшие власть В. Януковича, называли свой протест, наряду с прочим, «революцией достоинства».

Мотивы национального достоинства и, связанная с ними ставка на сближение с Евросоюзом, и задачи экономического развития страны, достижение личного материального благополучия не всегда корреспондируют друг с другом. И здесь нужно отметить разницу в приоритетах различных групп населения Украины.

Если говорить о политической элите, то ее личное материальное благополучие мало зависит от уровня экономического развития страны. Главный мотив ее деятельности – это овладение властью и ее сохранение. Поэтому аргументы экономического характера или акценты на чувстве национального достоинства актуализируются ею в зависимости от условий политической борьбы¹⁴.

Для большей массы русскоязычного населения Юго-востока Украины мотивы национального (этнического) достоинства мало актуальны. Для него важно материальное благополучие: оно готово быть другой Россией. Оно помнит, что в составе Российской империи (СССР), украинцы было этносом, наравне с русским этносом, образующим империю. Для него ясно, что евразийская интеграция влечет за собой новые рабочие места и рост производства¹⁵.

Запад Украины традиционно является приверженцем украинской этнической культуры, охвачен русофобией, в материальном плане он является дотационным регионом, по существу, иждивенцем за счет индустриального Востока. Значительная часть населения занята «отходничеством»: работают в иных странах, материальное благосостояние их лишь частично зависит от уровня экономического развития их региона и Украины в целом. Все это приводит к тому, что здесь идеи национального (этнического) достоинства превалируют.

Следует особо выделить интеллигенцию, ее верхние страты. Материальные условия ее жизни значительно лучше, нежели остальной части населения. Референтные группы Украины, как номенклатура в СССР, особым образом поддерживаются политическим режимом, как группы, воспроизводящие дух украинского патриотизма. Так работники вузов, средств массовой информации имеют доходы примерно равные с доходами своих российских коллег, в то время как средняя заработная плата в Украине примерно в 2,5 раза ниже, чем в России. Для научных работников, работников СМИ и иных групп, значимых в плане формирования общественного мнения, существуют особые «пенсионные законы», в силу чего пенсия украинского профессора в 1. 5-2 раза выше пенсии российского профессора, в то время как средний размер пенсии в Украине в 2 раза ниже, чем в России¹⁶. Многие представители интеллигенции получают зарубежные гранты для проведения исследований, для зарубежных поездок. Можно сказать, что эти слои интеллигенции (речь не идет о рядовых учителях и врачах) не разделяют судьбу украинского народа в целом и не связывают свои жизненные перспективы с тем или иным состоянием экономики страны. В случае резкого ухудшения ситуации они готовы эмигрировать на Запад, как это сделали в начале 90-х годов многие представители либеральной интеллигенции России. Именно в Киеве сконцентрированы наиболее прозападно настроенные слои интеллигенции. Они также были массово представлены на «евромайдане». Процесс

¹² Кучма Л. Д. Украина – не Россия. М., 2003.

¹³ Противники вхождения Украины в Таможенный союз, часто иронично его обозначают как «таежный союз».

¹⁴ Например, такие заметные фигуры на политической арене Украины как Ю. Тимошенко и А. Яценюк, не будучи этическими украинцами, делают акцент на необходимости расширения сферы применения украинского языка. Этим они идут навстречу пожеланиями своего электората – жителей Запада и Центра Украины.

¹⁵ При евразийской интеграции, по подсчетам экономистов, должен наблюдаться рост ВВП Украины, в силу чего в ближайшие 10 лет Украина получила бы 200 млрд. долларов дополнительно. См.: Витренко Н. М. Указ. соч. С. 45-46.

¹⁶ В связи с падением после государственного переворота курса гривны ситуация меняется и положение привилегированных групп населения Украины ухудшается, что несомненно, изменит их отношение к действующей политической власти не в лучшую сторону.

евразийской интеграции создание Таможенного (Евразийского) союза расценивается многими из них, например дипломатом и публицистом Юрием Щербаком, как «безумная путинская фантазия воссоздать российскую империю»¹⁷. Профессор Степан Трохимчук пишет о том, что «новое вхождение Украины в Путинскую империю зла было бы предательством ею всего человечества, потому что тогда и империя стала бы настоящей угрозой человеческой цивилизации»¹⁸.

Запад, при более узком рассмотрении Европа, являются в плане развитости экономики и стандартов жизни идеалом не только для Украины, но и для России. «Европейское качество» – это в России рекламный штамп для обозначения некоего образца, высшего качества. Россия сотрудничает с Европой, Евросоюз является главным торговым партнером России. Россия нуждается в технологиях и инвестициях с Запада. Но при этом и политическая элита, и население России избавились от иллюзий относительно того, что «Запад поможет», причем бескорыстно, как в свое время Россия по-братски помогала союзным республикам и странам социалистического лагеря и социалистической ориентации. Взаимовыгодное сотрудничество – вот максимум на что может рассчитывать Россия в отношениях с Западом. У украинской политической элиты и значительной части населения Украины иллюзия относительно доброго и бескорыстного Запада остались. Предполагается, что стоит только стать «своим» для Запада, доказать свою верность, как эта помощь будет оказана. Видимо, можно согласиться с мнением испанской журналистки Пилар Бонет, наблюдавшей за событиями последних месяцев в Украине, что «сегодняшняя Украина, в некоторой степени, «мир детей»», когда политики – лидеры власти и оппозиции не несут ответственности за свои решения»¹⁹, и, добавим, полагают, что любые их пожелания должны кем-то быть бесплатно и сиюминутно исполнены.

Как отмечают многие специалисты, надежды на обязательный быстрый прогресс в ходе евроинтеграции не оправдан. Некоторые страны сочетали евроинтеграцию с серьезными успехами в области экономики, здесь примером может быть Польша²⁰, у других, как у Хорватии, движения в ходе евроинтеграции продвижения вперед не было²¹. Главное – это внутренние силы страны, а помощь других стран является лишь неким дополнением.

Несомненно, Евросоюз хотел бы иметь Украину в качестве некоего подвластного ему пространства, он опасается, что сближение Украины с Россией чрезмерно усилит последнюю, поэтому он готов пойти на определенные дополнительные меры стимулирования прозападной ориентации Украины. Подобные же желания есть и у США. Но какова цена вопроса? Торг между Украиной и Западом начался еще при В. Януковиче. Просьбы о помощи последовали со стороны и нового политического руководства Украины. И неясно, какая сумма будет реально предоставлена. Во-первых, возможности Запада ограничены: почти все страны Евросоюза и США живут с дефицитом бюджета и дефицитом платежного баланса, поэтому лишних денег у них нет. Во-вторых, сами проводя политику экономии, они будут требовать нечто подобного и от Украины, как условия предоставления ей помощи. Общее мнение таково: Украина слишком много тратит. Украина давно живет не по средствам (за счет кредитов субсидируется и население, и производство). В силу этого, кредит от МВФ дается лишь на условии повышения налогов, сокращения расходов госбюджета путем снижения зарплаты бюджетникам и повышения цены на газ для населения. Принятие жестких мер экономии, несомненно, вызовет значительное социальное напряжение в стране.

В настоящее время ситуация в Украине меняется революционным образом. Многие политики и политические деятели говорили и говорят о возможности раскола страны. Общим местом в этих рассуждениях являлись идеи о цивилизационном разломе Украины, о разном историческом пути, о разной геополитической ориентации Запада и Востока Украины. Кроме культурной близости в преобладающей мере русскоязычного Востока и Юга Украины к России отмечалось и то, что экономика этих регионов особо

¹⁷ Щербак Ю. Найпозитивніший результат 2013 року – народження української політичної нації // День. 2013. № 239-240. 27-28 грудня. С. 14.

¹⁸ Трохимчук С. Как нас «обрабатывают» // День. 2013. № 229-230. 13-14 декабря. С. 13.

¹⁹ Лубчак В. Не-детский Майдан // День. 2013. № 229-230. 13-14 декабря. С. 18.

²⁰ См.: Синицина И. С., Чудакова Н. А. Итоги системной трансформации в Польше (1989 – 2012) // Свободная мысль. 2013. № 5.

²¹ Об этом см.: Адоманис М. «Механизм сближения» ЕС не работает [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/sngbaltia/20131127/215160685.html#ixzz2lrBnz45>

тесно связана с экономикой России. Россия является главным зарубежным потребителем производимой там продукции. Разрыв связей с Россией означает закрытие ведущих предприятий, затухание целых отраслей. Поэтому если резкая переориентация на Евро-союз вызовет разрыв связей с Россией, почти инстинктивной реакцией самозащиты Востока и Юга Украины будет обособление от Украины в целом и восстановление связей с Россией с целью самовывживания.

Запад Украины на обособление от Востока Украины по собственной инициативе не пойдет. В составе большой Украины ему вполне комфортно. Без экономической поддержки Востока он не проживет. Дотации с Востока Украины составляют большую часть областных бюджетов Запада Украины, что вызывает упреки со стороны восточных областей в иждивенчестве²². Запад Украины также боится, что оставшись вне большой Украины, он неизбежно будет поглощен Польшей, где многие считают Запад Украины исторически исконной восточной окраиной Польши (частью ее «восточных крес»²³).

Смена власти в Украине, победа прозападных сил, находящихся под контролем украинских ультранационалистов уже привела к потере Украиной Крыма и вхождению последнего в состав России. Ущемление прав русскоязычного населения, его боязнь нашествия национал-радикалов вызвали массовые протесты в южных и восточных регионах Украины. Они проходят под лозунгами федерализации Украины, предоставления Юго-востоку страны большей автономии, придания русскому языку статуса государственного. Стремительное ухудшение экономической ситуации в Украине также является серьезным испытанием ее на прочность.

Кроме развилки, в развитии ситуации в плане геополитической ориентации Украины, связанных с внутривластными событиями (отстранение от власти В. Януковича, предстоящие новые выборы президента, выборы в Верховную Раду, возможное возвращение В. Януковича, формально остающегося легальным президентом страны, на политическую сцену Украины, акции национал-радикалов и др.), следует отметить развилки, вызванные действиями внешнеполитических акторов, как с Запада, так и с Востока. Как было уже отмечено, финансовая помощь Запада будет строго дозирована. Он в целом не готов к большим расходам на Украину. Украина ему нужна как средство сдерживания России, но Россия для него уже не враг, а лишь не всегда удобный оппонент, раздражающий своей самостоятельностью: но за это много платить не стоит.

Иное дело Россия. Для нее значимость Украины больше. Относительно независимое рыночное пространство, состоящее из стран примерно с одинаковым уровнем развития, которые взаимовыгодно обмениваются товарами, может сложиться при численности населения 300-400 млн. Таможенный (Евразийский) союз вместе с Украиной даст примерно 220 млн. Наличие Украины повысит эффективность экономик всех стран, входящих в региональное объединение, сделает их более независимыми от мировой рыночной конъюнктуры. Выгоды, измеряемые миллиардами долларов в год, будет иметь и Украина. Укрепление Таможенного (Евразийского) союза, привлечение в него Украины – это для России вопрос выживания в глобальной рыночной конкуренции. Как пишет украинский исследователь А. В. Кузнецов «...экономическая реинтеграция (регионализация) на постсоветском пространстве становится единственным реальным способом противостояния России и Украины вызовам глобализации... Альтернативой может быть только дальнейшее вытеснение Украины и России на общеевропейскую цивилизационную периферию»²⁴.

Важен вопрос и обеспечения безопасности. Для России не страшна евроинтеграция Украины сама по себе, для России опасно вхождение Украины в НАТО, когда ракет-

²² По этому поводу мэр г. Донецка заявил следующее: «... областной бюджет Тернопольской области зарабатывает 243 млн. 984 тыс. грн., а дотации из госбюджета – 630 млн. 063 тыс. грн. ... Ивано-Франковская область зарабатывает 341 млн. 938 тыс. грн., а 776 млн. 532 тыс. грн. – дотация выравнивания из госбюджета. Львовская область – 878 млн. 243 тыс. грн. зарабатывает, а 1 млрд., 358 млн. 253 тыс. грн. – получает из госбюджета. В эти дотации входят оплаты по льготному проезду, пособия для детей и прочее».

См.: Падающая экономика, сланцевая революция, атака на сепаратистов из Галичины: Донбасс в 2013 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1751476.html#ixzz2p3BO7NgI>

²³ Подробнее об этом см.: Восточные Кресы [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C2%EE%F1%F2%EE%F7%ED%FB%E5_%CA%F0%E5%F1%FB

²⁴ Кузнецов А. В. Геоэкономические риски Украины и России в условиях разобщенности // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 7. С. 37.

ные установки с ядерным оружием окажутся на расстоянии нескольких километров от границы России. Хотя в Конституции Украины зафиксирован ее внеблоковый статус, но все в этом мире меняется. В том числе и конституции. Вполне возможно на заключительных этапах евроинтеграции (лет через 15-20) перед непосредственным вступлением в Евросоюз от Украины потребуют сделать этот шаг – войти в военную структуру НАТО или даже просто предоставить свою территорию для размещения военной инфраструктуры НАТО. Последнее может произойти и значительно раньше – в ближайшие годы.

Важно еще одно обстоятельство. Многие предприятия военно-промышленного комплекса России еще с советского периода тесно связаны с предприятиями Украины. И при осуществлении обширной программы модернизации вооруженных сил России важно, чтобы отношения между Россией и Украиной были союзническими. В противном случае России придется тратить финансы и время на разворачивание непосредственно в самой России предприятий, которые бы дублировали украинские аналоги²⁵.

Но зависимость России от кооперации с Украиной не является критической, и у России есть возможность дать адекватные ответы на угрозы, экономического и политического характера, которые могут возникнуть при углублении интеграции Украины с Евросоюзом. Этим обстоятельством определяется то, что большинство экспертов и населения России или сдержанно, или неодобрительно отнеслись к факту помощи России Украине в виде снижения цены на газ и закупки на 15 млрд. долларов долговых обязательств Украины. У большинства экспертного сообщества²⁶ и населения²⁷ России нет доверия к Украине как к надежному партнеру. Общее мнение таково: есть смысл помогать Беларуси, как союзнику России, но нет смысла это делать по отношению к устремленной в Евросоюз Украине. У населения России есть опасения, что современная Россия повторит опыт Советского Союза, который безвозмездно помогал многим странам, не получив ничего взамен. Еще в большей мере недоверие к Украине возросло после смены власти в Украине, которую в России расценивают как государственный переворот, в силу чего новая власть не рассматривается как легитимная.

На сегодняшний день Украина находится в предбанкротном состоянии, она не в состоянии расплачиваться за газ, полученный от России, к тому же с апреля 2014 г. почти в 2 раза повышена цена на газ. Сумма кредитов, которые выданы украинским получателям российскими банками, приближается к 30 млрд. долларов²⁸. Нужно иметь в виду, что главный рычаг давления Украины на Россию это газопровод, ведущий в Европу. Украина в силу этого могла диктовать России цены на получаемый ею и газ или вообще не платить за него, делая так называемый «несанкционированный отбор газа»²⁹. После введения в действие газопровода «Северный поток» значение украинского газотранспортной системы значительно снизилось. К концу 2015 г. запланирован ввод в эксплуатацию газопровода «Южный поток», который со временем будет пропускать ежегодно 60 млрд. кубометров газа в год при том, что через нынешнюю газотранспортную систему

²⁵ Подобный процесс уже идет. Так почти полностью решен вопрос о замене вертолетных двигателей, поставляемых запорожским «Мотор Сич», двигателями, изготавливаемыми в России. См.: Россия вытеснит «Мотор Сич» с рынка вертолетных двигателей. Известия. 2012, 12 декабря. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/542011>

²⁶ Так известный российский политолог Сергей Караганов в газете «Ведомости» пишет следующее: «Украина в своем нынешнем состоянии, в Таможенном союзе или в «Евразэс», если вдруг там окажется, будет их разваливать и тянуть вниз. Да и заплатить за такую ориентацию Украины нереально. Денег не хватает, их все равно проедят, бросившись затем «к Европе». См.: Караганов С. Европа, Россия и схватка за Украину [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/18618171/shvatka-za-ukrainu#ixzz2kdbbyrkj>

²⁷ Согласно социологическим опросам «Левада-центра» целиком или скорее положительно к решению российских властей снизить на треть цену на газ для Украины относятся 30% опрошенных, а 56% — отрицательно и резко отрицательно. Решение российских властей — дать Украине заем из фонда национального благосостояния на сумму \$15 млрд. — еще менее популярно, его поддерживает в общей сложности 20%, а против — 65%. См.: «Евромайдан» и судьба Украины в представлениях россиян [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levada.ru/26-12-2013/evromaidan-i-sudba-ukrainy-v-predstavleniyakh-rossiyan>

²⁸ Об этом президент РФ В. Путин говорил на пресс-конференции по итогам российско-итальянских межгосударственных консультаций в ноябре 2013 г. См.: Российско-итальянские межгосударственные консультации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://президент.рф/новости/19701>

²⁹ Об истории «газовых войн» см.: Метленко Е. А. «Газовый» конфликт между Россией и Украиной: опыт разрешения в 1992-1999 годах // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2012. № 19(138). Выпуск 24.

(ГТС) Украины транспортируется в Европу 90 млрд. кубометров. Тогда ГТС Украины становится почти ненужной³⁰. В этом случае Россия сможет предъявить Украине иск об оплате 19 млрд. долларов штрафных санкций за нарушение договора с «Газпромом» об условиях получения газа: речь идет о большом недоборе газа со стороны Украины, в то время как договор был заключен по принципу «покупай или плати»³¹. Подобные обстоятельства ставят Украину серьезную зависимость от России. Поэтому вполне возможно, что Украина, образно говоря, обратившись лицом на Запад, будет пятиться на Восток. Ситуация может кардинально измениться лишь в том случае, если помощь Запада будет значительной: речь идет о десятках и даже сотнях миллиардов долларов.

Факт экономической зависимости Украины от России противниками евразийской интеграции, расценивается как давление России на Украину, в значительной мере потому, что на сегодняшний день Россия не видится со стороны значительной части Украины неким заманчивым образцом, к которому надо добровольно стремиться. Россия еще не определилась сама собой, процесс ее самоидентификации на основе консервативно-традиционных ценностей, с акцентом на защиту прав большинства, противопоставляемых ценностям безбрежного либерализма с его приоритетом прав меньшинства, только начинается. Темпы ее экономического развития крайне скромны, сектор высоких технологий очень мал, основу ВВП составляют сырьедобывающие отрасли, что позволяет недоброжелателям России называть ее «сырьевым придатком Китая». Есть проблемы и в преодолении коррупции, развитии гражданского общества, обеспечении прав и свобод граждан, не удается покончить с терроризмом.

Как и в случае с Украиной, успешность внешней политики России зависит от успехов ее внутренней политики. Динамика развития России вполне положительна и есть вера в дальнейший успех. Нужно эту веру в собственную успешность внушить и противникам интеграции с ней. И здесь главное не использование «мягкой силы», работа над ее имиджем за рубежом³², что, несомненно, надо делать, а реальные достижения в глобальном соперничестве народов, стран, регионов, их экономик и культур. Уважение может вызывать не только «европейское», но и после бурного успеха азиатских стран и «азиатское»³³. Надо чтобы «евразийское» также заслужило доверие и уважение.

TO THE QUESTION ON GEOPOLITICAL ORIENTATION OF MODERN UKRAINE

V. N. SHILOV

Belgorod National Research University

e-mail: Shilov@bsu.edu.ru

Two basic directions of foreign policy of modern Ukraine are analyzed: eurointegration and rapprochement with the Customs union. As the main internal factors of a choice of a vector of geopolitical orientation the condition of economy of modern Ukraine, values and interests of its basic social groups are examined. External factors of orientation are shown: the integration policy of the European Union and the economic help from Russia.

Keywords: Ukraine, European Union, Russia, Customs union, Eurasian union, eurointegration, eurasian integration.

³⁰ См.: Киев почти отчаялся остановить "Южный поток" [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1743463.html>

³¹ Об этих 19 млрд. в качестве упрека ныне действующей власти говорил экс-президент Украины В. Ющенко в интервью немецкой газете «Die Welt» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/sngbaltia/20131128/215183260.html#ixzz2lwtw9lUE>

³² Об использовании «мягкой силы» для стимулирования пророссийских настроений в Украине см.: Воронов К. Россия – Украина – Евросоюз: новый раунд "Большой игры" [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1749650.html#ixzz2oUrc6Yqg>; Шимов В. Пророссийский потенциал на Украине деморализован и дезорганизован [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1741022.html#ixzz2mc9unlzW>

³³ См.: Пантин В. И., Лапкин В. В. Указ. соч. С. 133.

УДК [321. 01:323. 1](470+571)

КОНЦЕПЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ-ЕВРАЗИИ

М. Б. ЗАКИРОВ*Луганский национальный
университет
имени Тараса Шевченко*

e-mail: zmb@rambler.ru

В работе раскрывается сущность евразийской критики западничества. Определены экономические и геополитические особенности России – Евразии. Проведен анализ взглядов ведущих деятелей евразийского политического движения на проблему достижения межнационального и религиозного согласия в многонациональном государстве.

Ключевые слова: государство, народ, Россия, эмиграция, политическая теория, евразийство, национальные отношения.

На современном этапе развития постсоветских государств самым естественным образом произошла актуализация творческого наследия Российского Зарубежья. Построение новых моделей государственного, политического и общественного развития настоятельно требует внятного теоретического обоснования, опирающегося на творческое наследие наших предшественников.

Евразийство занимает особое место в общественной мысли Российского Зарубежья. Оно во многом продолжило российские политические традиции и в то же время предлагало совершенно новую трактовку истории российского государства и народа. Сегодня особая актуальность евразийского учения заключается в том, что оно детально разрабатывает геополитическую модель развития России как единого культурного, политического и экономического пространства для всех евразийских народов. Причем их выводы основываются на детальном изучении истории и анализе географических, климатических, национальных и религиозных особенностей Евразии. С этой точки зрения политологическое исследование евразийства имеет наряду с теоретической и серьезную практическую значимость.

Одной из ключевых идей евразийства является отрицание европоцентризма, традиционно популярного среди определенной части российской интеллигенции. Сторонники европейской модели отстаивают исключительную роль так называемой «старой Европы» в развитии современного мира, подают ее как пример для подражания и, таким образом, противопоставляют всем иным, априори менее совершенным моделям развития. На эту особенность указывал Н. Н. Алексеев, который характеризовал «западничество» не просто как стремление использовать западную культуру, но как отрицание особого мира собственной культуры во имя западной¹. Говоря о сущности западничества, он приводит слова морского агента Петра I Федора Салтыкова: «Российский народ такие же чувства и рассуждение имеет, как и прочие народы, только его довлеет к таким делам управлять»². А вот как управлять? Тут же дается и рецепт. В России «должно быть все, как в Англии сделано»³. Вот так вот, и ни больше и ни меньше, а «как в Англии». И ни национальные, ни культурные, ни экономические, ни географические особенности западникам не указ и не препятствие.

Эти слова деятеля петровской эпохи, по мнению Н. Н. Алексеева и есть квинтэссенцией русского западничества, в котором содержится вся его философия, теория и практика⁴. Следует отметить, что выводы мыслителя в наше время не только не утратили своей актуальности, а наполнились новым содержанием. В современной политической науке и практике постсоветских республик достаточно широко распространены многочисленные настроения и идеи, объединенные в свое время термином «западничество». Нередки призывы отбросить многовековой совместный опыт как чужеродный, отсталый,

¹ Алексеев Н. Н. Русское западничество // Путь. 1929. №15. С. 81.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

насильственно навязанный и потому неестественный. Причем противостоять этим призывам в современном мире значительно сложнее.

Современный нам Запад существенно отличается от того, каким его видел мыслитель в 20-х годах прошлого столетия. «... Никогда не было одного Запада, – пишет Н. Н. Алексеев. Западный мир состоял из нескольких малых миров, каждый из которых по-своему строил свою жизнь, как, например, мир латинский, англо-саксонский, германский... Запад католический и феодальный, Запад буржуазно-демократический, Запад пролетарский и социалистический»⁵. Наличие нескольких борющихся между собой «малых западных миров», по мнению мыслителя, раскалывало русское западничество и провоцировало борьбу сторонников различных западных начал.

Современная нам Европа многие из указанных мыслителем различий преодолела, а многие сумела завуалировать, вследствие чего и нынешние западники объединились в своем отрицании общего евразийского опыта. Однако сохранились негативные характерные западничеству черты: процессы, протекавшие в Европе органично в результате развития социальных, исторических и национальных начал, у нас превращаются в борьбу различных политических, экономических и научных групп. Реальные интересы общества, таким образом, зачастую заменяются либо клановыми интересами, либо, как писал Н. Н. Алексеев, «верой в доктрины, исповедуемые отдельными интеллигентскими группировками. Бытовое и жизненное содержание борющихся начал было заменено внутренней логикой принципов и теорий»⁶.

Эта борьба зачастую происходит в форме противопоставления по формуле «или – или». В отличие от западников евразийцы предлагают совершенно иной алгоритм взаимодействия культур. В своем учении они не противопоставляют, а стремятся объединить. Как подчеркивал П. Н. Савицкий, евразийцы стремятся дать «духовный синтез восточных и западных начал»⁷. Объединительная роль России в пределах Старого света предопределена и исторически, и географически. Основной задачей «России – Евразии», по мнению П. Н. Савицкого, является превращение в единое органическое целое всей совокупности культур Старого материка, тем самым снимается проблема противостояния Востока и Запада. «Это обстоятельство еще недостаточно осознано в наше время», – пишет философ⁸. К сожалению, мы вынуждены констатировать, что это обстоятельство не осознано и сегодня. Особенно ярко этот факт прослеживается на примере Украины. На протяжении практически всей новейшей истории независимого украинского государства политическая элита Украины пытается определить вектор внешнеполитического развития. Причем борьба ведется именно вокруг понятий Восток – Запад, Азия – Европа. Мы видим явное противопоставление и немногочисленные голоса, призывающие к осознанию неразрывного евразийского единства, тонут в многоголосом хоре апологетов как европоцентризма, так и их противников.

Евразийцы подчеркивают особенность русской культуры и геополитики в одновременной и равномерной ее «обращенности» как к Востоку, так и к Западу. Отсюда вывод: «Поле зрения, охватывающее в одинаковой и полной степени весь Старый Свет, может и должно быть русским, по преимуществу полем зрения»⁹. Евразийцы предлагают свою точку зрения на географию Старого Света. По их мнению, действительное право называться «срединным государством» имеет именно Россия, а вовсе не Китай, как его традиционно называли китайские ученые. Исходя из этого положения, и Европа, и Азия в одинаковой степени представляют собой окраины Старого Света. Причем в этой системе Россия и не Европа, и не Азия, поскольку собственно Европа, с точки зрения П. Н. Савицкого – все, что лежит к западу от русской границы, а Азия – все то, что лежит к югу и юго-востоку от нее. Исходя из этого, Урал, по мнению П. Н. Савицкого, не играет той разделяющей роли, которую ему приписывает географическая «вампика». Действительно, и до, и после Урала мы наблюдаем одни и те же природные и климатические зоны, а

⁵ Алексеев Н. Н. Русское западничество // Путь. 1929. №15. С. 82.

⁶ Там же.

⁷ Савицкий П. Н. Географические и геополитические основы евразийства // Классика геополитики, XX век. М., 2003. С. 679.

⁸ Там же. С. 680.

⁹ Там же.

соответственно вынуждены признать, что явных объективных различий между частями России нет. Таким образом, подчеркивает П. Н. Савицкий, Урал не разъединяет, а наоборот связывает «Доуральскую и Зауральскую Россию»¹⁰. Россия предстает перед нами как единое культурно-экономическое пространство, свободное от вымышленных и неестественных границ.

Выводы свои ученый обосновывает климатическими и географическими особенностями России – Евразии, которые и составляют ее геополитическое своеобразие. Бесконечные степные и лесные равнины обуславливали постоянную миграцию населения, перемешивание культур и этносов, вынуждали к обмену и хозяйственной кооперации жителей степей и лесов. В результате на территории Евразии столетиями формировалось своеобразное «братство народов», свободное от противопоставления «высших» и «низших» рас. А попытки искусственного «западничества» могут разрушить традиционное сотрудничество евразийских народов.

В то же время следует подчеркнуть, что евразийцы не были склонны идеализировать прошлое. Они прекрасно осознавали, что объединение евразийских народов и скифскими царями, и монгольскими ханами, и императорами российскими было далеко не всегда мирным. Но теперь степень экономического и культурного развития народов, их многовековое сосуществование позволяет в противовес предыдущей эпохе войн и насилия провозгласить эпоху культурного творчества и сотрудничества. Само евразийское «месторазвитие» приучает евразийские народы к общему делу, и их назначение своим примером увлечь другие народы на путь созидания нового мира, свободного от расовых, культурных или религиозных различий.

В становлении единого культурного и религиозного пространства евразийцы подчеркивали исключительную роль православия. Именно в православии истоки и содержание не только русской национальной культуры, но и культуры евразийской. И даже нехристианская часть евразийской культуры, которая лишь идет к христианству, идет именно по пути православия и к православию. Причем, подчеркивает Л. П. Карсавин: «Евразийство исходит из понимания православия, как единственной непорочной Церкви, рядом с которой католичество и протестантство определяются как разные степени еретических уклонов»¹¹.

Исходя из этого посыла, евразийцы приходят к утверждению, что православие не является всего лишь «восточной» формой христианства. Будучи религией огромного евразийского пространства, именно православие имеет право и должно быть «единственной вселенской Церковью». Однако вознесение православной церкви над всеми иными не означает отрицание других церквей, а наоборот подчеркивает и утверждает множественность самобытных культур через их иерархию, которую «венчает православная евразийско-русская». Таким образом, достижение религиозного согласия в поликонфессиональном евразийском государстве будет обеспечиваться: во-первых, иерархией церквей, ведущее место в которой будет занимать православие; во-вторых, признанием и уважением к самобытной религиозной культуре неправославных евразийских народов; и в-третьих, постепенным, исподволь, без малейшего нажима вовлечением их в общеевразийское православие, вовлечение, побуждаемое исключительно объективным экономическим, политическим и культурным единством евразийского пространства.

Следует подчеркнуть, что в своем стремлении создания культурного единства евразийцы не пытались абсолютизировать ни русскую, ни евразийскую культуры. Они их не противопоставляют, не подменяют и не развивают одну за счет другой. Говоря о «туранском элементе», о «наследии Чингизхана», евразийцы, по мнению Л. П. Карсавина, лишь расширяют старую русскую проблематику в сторону других евразийских народов. Таким образом, задачу свою евразийцы видели в переоценке традиционных представлений о цивилизационных связях и наследии. Они стремятся выделить и акцентировать свое внимание на неисследованном, на том, что либо стыдливо замалчивалось «европоцентристами», либо отменялось как чуждое или второстепенное славянофилами.

¹⁰ Савицкий П. Н. Географические и геополитические основы евразийства // Классика геополитики, XX век. М., 2003. С 684.

¹¹ Карсавин Л. П. Ответ на статью Н. А. Бердяева об «Евразийцах» // Путь. 1926. № 2. С. 125.

Оценивая истоки российской культуры, Л. П. Карсавин подчеркивал, что евразийцы не считают античность универсальной основой человеческой культуры¹². Но в общей структуре российской культуры азиатская и античная составляющая, по их мнению, все таки преобладает над европейской. Более того, в европейском влиянии для России много вреда, в частности, это относится к коммунизму, который евразийцы, впрочем, как и многие другие представители иных политических течений эмиграции, считали исключительно европейским продуктом. И даже более того, ядом, отравившим российское общество, которое в отличие от европейского именно в силу его чужеродности, не нашло в себе соответствующего противоядия.

Одной из сложнейших задач создания единого евразийского государства является решение национального вопроса. По мнению Н. С. Трубецкого проблема гармоничного развития межнациональных отношений и достижения национального согласия в Российской империи решалась через признание принадлежности всей территории государства «единому хозяину – русскому народу, возглавляемому своим русским царем»¹³. Революции 1917 года сначала ликвидировали самодержавие, а затем и само российское государство. Построенное на его обломках советское государство за основу объединения отдельных республик взяло ряд факторов. Первым и основным фактором является общий социальный идеал – социализм. Именно общая цель построения социализма объединяет республики в одно целое. Однако, учитывая исторический опыт, следует признать, что одного этого фактора для преодоления национализма, сепаратизма и объединения явно недостаточно. В мире существует огромное количество совершенно самостоятельных и даже враждующих между собой государств, которые в принципе стремятся к одному и тому же социальному идеалу, население которых исповедует одну и ту же религию и обладает схожей культурой.

В качестве второго фактора объединения и «противоядия» против сепаратизма и национализма, по словам Н. С. Трубецкого, большевики использовали классовую ненависть и пролетарскую солидарность. Перед лицом внутренних и внешних врагов, для сохранения и защиты своей власти пролетариям всех народов СССР и необходимо объединяться в одно государство¹⁴.

Наличие постоянной угрозы позволяет практически неограниченно применять силу против противников объединения. Поскольку всякое проявление сепаратизма неизбежно ослабляет пролетарское единство перед внешней и внутренней угрозой, а проявление национализма также может рассматриваться как сепаратизм, работающий на руку буржуазии – основному врагу пролетариата. В тоже время: «честолюбие каждого народа до известной степени польщено тем, что в пределах той территории, которую он населяет, язык его признан официальным, административные и иные должности замещаются людьми из его среды, и зачастую и самая область официально называется по населяющему ее народу»¹⁵.

Далее, проводя параллель с Российской империей, Н. С. Трубецкой приходит к выводу, что в целом модель межнациональных отношений осталась прежней. В новой реальности лишь произошла замена «единого хозяина всей государственной территории», каковым ранее признавался русский народ во главе с русским царем, на пролетариат, возглавляемый коммунистической партией.

Однако это основание государственного единства не может обеспечить устойчивость государства в перспективе. С одной стороны само явление пролетариата как угнетаемого класса и соответственно классовая борьба – явление временное. Уже с победой социализма в одной отдельно взятой стране, значительная часть опасности для диктатуры пролетариата в виде внутренних классовых врагов будет изжита. В этом случае, отмечает Н. С. Трубецкой, «чтобы оправдать свое существование, центральному правительству приходится искусственно раздувать опасность, угрожающую пролетариату, приходится

¹² Там же. С. 126.

¹³ Трубецкой Н. С. Общевразийский национализм // Евраз. хроника. Париж, 1927. Вып. 9. С. 24.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 25.

создавать объекты классовой ненависти в лице новой буржуазии с тем, чтобы натравливать пролетариат на этот класс и т. д. »¹⁶.

Это, на первый взгляд частное определение русского мыслителя, по сути оказалось не только удивительно точным отражением конкретно-исторического процесса, но и воистину пророческим. В нескольких словах вместились и тезис об усилении классовой борьбы, и партийные чистки, и уничтожение «врагов народа», и борьба с диссидентскими движениями, и преследование деятелей науки и искусства, и «холодная война», и еще многое, что, в конечном счете, предопределило и сделало возможным в течение всего нескольких лет извратить в сознании людей выстраданный несколькими поколениями социальный идеал. Позволило взорвать государство изнутри и добиться того, что люди практически единогласно выступили за разрушение с таким трудом созданного и сохраненного государства в обмен на призрачное будущее, которое для многих так и осталось призраком.

Выдающийся русский мыслитель четко обозначил и еще один недостаток коммунистической национальной политики, который в конечном итоге способствовал и возрождению национализма и развитию сепаратизма народов СССР. А именно, народы в рамках своих национальных республик свыкаются со своим новым положением, формируется национальная политическая и хозяйственная элита, которая стремится оградить себя от постороннего влияния. По мере развития общества в новых социально-экономических реалиях классовые различия стираются, и объединительная идея диктатуры пролетариата теряет свою силу. На этой почве буйным цветом расцветает и национализм, и сепаратизм. Именно по такому сценарию, подкрепленному жаждой наживы, огульной критикой существующего строя и массивной пропагандой буржуазных ценностей, развивались события последних лет существования СССР.

Как уже нами отмечалось выше, работы евразийцев актуальны не только с точки зрения ценности их теоретических изысканий. Они ценны главным образом глубиной анализа фактов, исторических закономерностей и точностью прогнозов. Еще большую практическую ценность труды евразийцев приобретают с той точки зрения, что они не ограничивались лишь критикой существующих порядков. Они разрабатывали не менее аргументированные и детальные модели построения нового общества. В том числе и модели национальных отношений. С точки зрения евразийцев для сохранения единого государства на территории бывшей Российской империи необходимо наличие единого «субстрата государственности». Этот субстрат, отмечает Н. С. Трубецкой, может быть национальным или классовым.

Выше мы детально рассмотрели аргументацию мыслителя относительно жизнеспособности и стойкости государственного организма, основанного на классовом принципе. Исходя из вышеизложенного, следует обратить внимание на национальный фактор утверждения государственного единства. Интересен ход мыслей евразийцев, которые собирались утверждать единство полиэтничного государства через национальный принцип. Причем Н. С. Трубецкой настаивает: «Прочное и постоянное объединение возможно ... только при наличии этнического субстрата»¹⁷. Следует отдать должное евразийцам, которые хоть и исходили в своих планах на будущее устройство российского государства из исторических традиций, но в то же время понимали, что возврата к прошлому нет. И восстановление государственности произойдет на новом, ином уровне. Поэтому они и подчеркивали, что в новых реалиях русский народ не сможет выполнять той интегрирующей роли «хозяина всей государственной территории», которую он выполнял в Российской империи.

В качестве национального «субстрата» нового евразийского государства может и должна стать вся совокупность народов, населяющих это государство, и эта «многонациональная нация», объединенная своим общим национализмом, и станет тем самым фундаментом будущей евразийской государственности. «Эту нацию,- пишет Н. С. Трубецкой,- мы называем евразийской, ее территорию – Евразией, ее национализм – евразийством ... Каждый гражданин евразийского государства должен сознавать не только то, что он принадлежит к такому-то народу (или к такой-то разновидности такого-то народа), но и то, что самый этот народ принадлежит к евразийской нации. И национальная гордость этого

¹⁶ Там же. С. 26.

¹⁷ Трубецкой Н. С. Общевразийский национализм. С. 28.

гражданина должна находить удовлетворение как в том, так и в другом сознании. ... общеевразийский национализм должен явиться как бы расширением национализма каждого из народов Евразии, неким слиянием всех этих частных национализмов воедино»¹⁸.

На наш взгляд эта идея евразийцев не нова, и в истории известны случаи подобных попыток. В частности, синойкизм легендарного греческого героя Тесея, который пытался из разрозненных древнегреческих племен сформировать единое афинское общество. И совершенно в таком же ключе, как ни странно, действовало и политическое руководство СССР, которое трудно обвинить в использовании творческих наработок ученых эмигрантов. Но, тем не менее, «новая историческая общность – советский народ» – чем не евразийская нация? А слова знаменитой песни эпохи комсомольских ударныхстроек – «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз» звучат как лозунг евразийского национализма. Национализма, который раздвинул пределы национальных домов и улиц до масштабов всей Евразии.

Однако история учит, что путь этот очень сложный, и движение по нему сродни движению по лезвию ножа. Евразийцы прекрасно осознавали необходимость проведения широкой подготовительной работы, направленной на внедрение в сознание народов осознания общности исторических судеб, и именно эта общность, а не панславизм, панисламизм или пантуранизм должен в будущем стать скрепляющим фактором единой евразийской нации. Достичь этой цели можно только путем перевоспитания самосознания народов Евразии. А здесь, как подчеркивал Н. С. Трубецкой, непочатый край работы для философов, публицистов, поэтов, писателей, художников, музыкантов и для ученых самых различных специальностей.

Евразия, пишет Н. С. Трубецкой, – есть географическое, экономическое и историческое целое. Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом, прочно связались в один громадный клубок, который нельзя распутать, так что отторжение одного народа из этого единства может быть произведено только путем искусственного насилия над природой и должно привести к страданиям»¹⁹. Свидетелями именно такого хода событий мир стал на переломе тысячелетий. Причем процесс отторжения еще далек от окончательного завершения, и острота поднимаемых проблем не снижается уже на протяжении четверти века.

Оригинальная оценка особенностей развития российского государства, тщательно подобранная аргументация, детальная разработка проблем религиозной, национальной и культурной жизни, удивительно точный прогноз и непосредственный выход многих тезисов евразийцев на современные проблемы подтверждает безусловную актуальность их творческого наследия. Исходя из этого, значительный интерес представляет изучение евразийской модели государственного устройства, концепции межгосударственных отношений, принципов формирования и деятельности органов власти и самоуправления.

THE CONCEPT OF GEOPOLITICAL AND NATIONAL AND CULTURAL DEVELOPMENT OF RUSSIA-EURASIA

M. B. ZAKIROV

*Luhansk Taras Shevchenko
National Univesity*

e-mail: zmb@rambler.ru

In the work it is dealt with the essence of the Eurasian criticism of Westernism. It is defined economic and geopolitical features Russia-Eurasia. It is conducted the attitudes of leading thinkers Eurasian political movement on the problem of achieving inter-ethnic and religious harmony in multi-ethnic state.

Key words : state, nation, Russia, emigration, political theory , Eurasianism , national relations.

¹⁸ Там же. С. 29.

¹⁹ Там же. С. 30.

НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ И СКЛАДЫВАНИЕ ОСНОВ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА

З. Э. ШУЛЬЦ

*Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского*

e-mail: nuar1@yandex.ru

В статье рассматривается вклад Н. Макиавелли в изучение проблем радикальных форм социального протеста. С одной стороны, итальянскому мыслителю приписываются слова и выводы, которых он не делал, с другой – упускается исследователями тот вклад, который Макиавелли внес в основу изучения нескольких направлений исследований социального протеста.

Ключевые слова: Макиавелли, социальный протест, теория революции, психология бунта.

О Никколо Макиавелли (другое написание – Макьявелли, Niccolo Machiavelli) много написано, но еще больше – не написано. В этой статье мы затронем ряд вопросов, которые обычно проходятся вскользь исследователями, а именно: изучение Никколо Макиавелли проблем социального протеста, актуальность изучения которого становится все более актуальным в свете событий в странах бывшего СССР, Северной Африки и Ближнего Востока в последнее десятилетие.

После «Политики» Аристотеля исследовательская мысль о бунтах и общественных смутах надолго затихла. Средневековых мыслителей больше привлекали вопросы богословия, схоластики и морали, интерес к политике и изучению общества возобновился только через 17 веков после Аристотеля (384–322 гг. до н. э.), и этот интерес был связан с двумя именами в истории: итальянского политика и писателя Никколо Макиавелли (1469–1527) и английского мыслителя, создателя «Утопии» (идеального государства, первого после Платона) Томаса Мора (1478–1535). Ни того, ни другого тема социального протеста, как таковая, не интересовала, однако они спровоцировали интерес к политике и социальным движениям, а Макиавелли оставил след и в изучении радикальных форм социального протеста, однако его наследие в этих вопросах плохо изучено.

Никколо Макиавелли – итальянский мыслитель, философ, писатель и политический деятель последней трети XV – первой трети XVI века, человек, которого можно с полным основанием считать наравне с Платоном и Аристотелем одним из первых политологов. По выражению французского политика и философа Жана Бодена («Метод легкого познания истории», 1566 г.) «Макиавелли соединил в себе знание произведений древних философов и историков с практическим опытом». ¹ Плодами творчества Никколо Макиавелли, помимо писем и литературных работ, стали три произведения: «Государь» (написан в 1513 г.), «Рассуждения по поводу первой декады Т. Ливия» (написано между 1513 и 1519 гг.), «Флорентийская история» (написана между 1520 и 1525 гг.).

К Макиавелли по-разному относились современники и потомки: от ненависти и запрета его книг до признания за ним новых начал в государствоведении и политологии. ² Этот ореол создал образ, или даже образы, живущие отдельной от прототипа жизнью. Вокруг фигуры знаменитого итальянца всегда пылали страсти, как при жизни, так и, особенно, после смерти, ему приписывались дела, которые он не делал, слова, которые не произносил, идеи, которые не отстаивал. Яркий пример – это знаменитый принцип, приписываемый Макиавелли, «Цель оправдывает средства», ставший крылатым выражением, «клеймом» «макиавеллизма», символом беспринципности, при том, что ни эта фраза, ни ее подобие в произведениях итальянского мыслителя XVI века не встречаются: мысли, высказанные в произведениях «Государь» и «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», близки к этому лозунгу, но никогда в точности не совпадают с ним. (Первым из

¹ Боден Ж. Метод легкого познания истории. М., 2000. С. 134.

² Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1977. С. 401; Монтень М. Опыты. В трех книгах. 2-е изд. Книга 1-2. М., 1979. С. 652.

философов и обществоведов этот принцип сформулировал английский философ Томас Гоббс (1588-1679) в трактате «О гражданине»,³ а наиболее близко к конечной формулировке, сохранившейся в истории, обозначил ту же мысль французский математик и философ Блез Паскаль в «Письмах к провинциалу» (1656-1657 гг.)⁴.

Существует точка зрения, что с Макиавелли начинается изучение революций, которым итальянский мыслитель «уделял много внимания»⁵. Однако изыскание на эту тему приводит к выводу, что подобное утверждение – не более чем попытка приписать известному автору то, что ему не принадлежит. Слово «*revoluzioni*» у Макиавелли используется один раз – «Il Principe» («Государь») в главе XXVI (последняя)⁶. В английских изданиях осуществлена прямая замена на «*revolution*»⁷. В русских изданиях используется значение «переворот». И у Макиавелли, и в переводах имеется ввиду именно переворот, «*revoluzioni*» и «*revolution*» используются как обычное слово «переворот» в языке и не имеет статуса термина. В таком статусе «революция», как термин и понятие, требующее определения, появилось позже Макиавелли.

Впервые термин «революция», именно в качестве термина, с точки зрения политической и социальной революции, насколько удастся проследить, возникает в конце XVI – начале XVII в., и автором этого термина можно считать английского философа Фрэнсиса Бэкона (1561-1626). Термин «революция» («*revolution*», «*revolutio*») встречается и в латинских, и в английских текстах Бэкона и обозначает «политический переворот»⁸. Именно с Фрэнсиса Бэкона начинается эпоха размышлений о революциях. За Бэконом использование этого термина подхватили англичанин Т. Гоббс (Левиафан, 1651 г.)⁹ и шотландец Д. Юм¹⁰. В английском языке в XVI в. слово «революция» в значении «оборот» и «переворот» получает широкое распространение. Именно английский язык породил термин «революция», при этом, возможно, что на применение его к социально-политическим событиям, а не к обращению небесных тел, как было ранее, повлияло единственное упоминание в «Государь» Макиавелли, который был популярен в Англии XVI-XVII вв.

Макиавелли рассматривал бунт как противоположность порядку – состояние, которое вызывается правильным правлением. Он не изучает бунт (его внимание уделено больше заговорам и дипломатии), но не может обойти его стороной, рассматривая его как наказание правителям при ненадлежащей политике. Макиавелли выдвинул принцип стабильности власти в государстве. С точки зрения итальянского мыслителя, основой «власти во всех государствах – как унаследованных, так смешанных и новых – служат хорошие законы и хорошее войско. Но хороших законов не бывает там, где нет хорошего войска, и наоборот, где есть хорошее войско, там хороши и законы...»¹¹. В начале XX в. другой итальянец – социолог Вильфредо Парето – перефразировал эту идею в постулат, «что всякое правление покоится на согласии и силе»¹².

³ Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 289-290.

⁴ Паскаль Б. Письма к провинциалу. К., 1997. С. 142.

⁵ Pettee G. Revolution – Typology and Process // *Revolution: Yearbook of the American Society for Political and Legal Philosophy*. N. Y., 1967. P. 11

⁶ См.: Machiavelli N. *Il Principe Di Niccolo Machiavelli*. Italia, 1814. P. 100; Machiavelli N. *Il Principe Di Niccolo Machiavelli. Testo critic con introduzione e note a cora di Giuseppe Lisio*. In Firenze, 1899. P. 118; Machiavelli N. *Il Principe, Discorsi Sopra La Prima Deca di Tito Livio di Niccola Machiavelli. Premessevi le considerazioni del Prof. Andrea Zambelli sul libro del Principe. Terza impressioni*. Firenze, 1880. P. 77.

⁷ Machiavelli N. *Il Principe by Niccolo Machiavelli*. Oxford., 1891. P. 368; Machiavelli N. *Machiavelli's Prince*. Translated with Introduction by W. K. Marriot. London, New York, 1908. P. 213; Machiavelli N. *The Historical, Political, and Diplomatic Writings of Niccolo Machiavelli*. In 4 volumes. Vol. II. Boston, 1882. P. 86; Machiavelli N. *The Prince by Niccolo Machiavelli*. Oxford, 1913. P. 193; Machiavelli N. *The Prince by Niccolo Machiavelli*. Translated into English by Luigi Ricci. Garden City Press, 1921. P. 105; Machiavelli N. *With an Introduction by Henry Cust M. P.* Volume I. London, 1905. P. 355.

⁸ Bacon F. *Lord Bacon's Essays or Counsels Moral and Civil*. In Two Volumes. London, 1720. Vol. I. P. 356; vol. II. P. 22; Bacon F. *The Works of Francis Bacon, Baron of Verulam, Viscount St. Alban and Lord High Chancellor of England in Five Volumes*. London, 1765. Vol. I. P. 524; vol. IV. P. 90, 283; vol. V. P. 119, 210. В русском переводе нет этого термина: Бэкон Ф. Сочинения... Т. 2; Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII. М., 1990.

⁹ Гоббс Т. Сочинения... Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 544. То же в англ. оригинале: Hobbes T. *Leviathan or the Matter, Forme, & Power of a Common-wealth Ecclesiasticall and Civill*. By Thomas Hobbes of Malmesbury. London, 1651. P. 445.

¹⁰ Юм Д. Сочинения в двух томах. Т. 1. М. 1996. С. 164, 592, 601; т. 2. С. 71, 498, 502, 648, 662.

¹¹ Макиавелли Н. Государь. С. 44.

¹² Парето В. Трансформация демократии. М., 2011. С. 140.

Макиавелли первым рассмотрел психологию толпы с точки зрения бунта. Во-первых, итальянский мыслитель обратил внимание на особенность, которую необходимо использовать правителям: народ «легко поддается на заманчивые призывы и великие обещания», видимостью блага его можно повести за собой даже навстречу гибели»¹³. Во-вторых, он оставил предсказание, опередившее века и описавшее фактически события Английской, Великой Французской и Русской революций: «Когда народ вышел из повиновения, то это его безумство не столь страшно, и сегодняшнее зло не так пугает, как возможные последствия, потому что такие смуты рождают тиранов»¹⁴.

В-третьих, Макиавелли оставил характеристики поведения толпы, которые, как и предыдущие его выводы, были использованы французским мыслителем Гюставом Лебоном в знаменитой «Психологии толпы»¹⁵, а через это произведение всеми авторами, кто хоть в какой-либо степени касался этих вопросов или связанных с ними.

«...нет ничего ужаснее, – писал итальянец, – чем разнузданная и неуправляемая толпа, а с другой стороны, нет ничего слабее ее, ведь, несмотря на поднятое ею оружие, с ней легко справиться, лишь бы ты сумел укрыться от первого натиска, потому что, когда горячие головы немного поостынут и каждый задумается о том, что нужно возвращаться домой, они станут опасаться за собственную участь и искать спасения в бегстве или примирении. И если такая возбужденная толпа желает избежать опасности, ей надо будет избрать из своей среды вождя, чтобы он руководил ею, поддерживал единство и позаботился о защите...»¹⁶

Люди, храбрые в толпе, и чувствующие свою силу, по одиночке становятся трусливы и слабы. Неизбежность наказания выступает сдерживающим фактором (но для осуществления этого наказания правителю необходимо обладать достаточной силой)¹⁷. Социальный протест без лидера Макиавелли называет не опасным, страшиться правителям необходимо тогда, когда движение есть кому возглавить.¹⁸ Самой сильной движущей силой народного недовольства Макиавелли называет утрату свободы или пользовавшегося любовью государя, если тот еще здравствует¹⁹.

Таким образом, несмотря на то, что проблемы социального протеста и его радикальных форм интересовали великого итальянца лишь постольку, поскольку через них он мог изобразить «правила» правления, и по вопросам бунтов и смут он оставил лишь несколько замечаний, ему удалось оказать грандиозное влияние на все последующее изучение проблем социального протеста. Во-первых, Макиавелли дал толчок появлению термина «революция» у Фрэнсиса Бэкона и, таким образом, «встал у истоков» целого направления научных исследований, известных с середины XIX в. как «теория революции»²⁰, а с первой трети XX в., связанного с такими именами как Питирим Сорокин, Лайфорд Эдвардс, Крэйв Бринтон и Джордж Петти²¹. Во-вторых, наблюдения и выводы Макиавелли легли в основу «Психологии толпы» Г. Лебона. Идеи и принципы этой работы определили весь XX век с точки зрения технологий работы с толпой и технологий управления социальным протестом. Существует распространенное мнение, что Гитлер и Муссолини скрупулезно воплотили идеи Лебона в жизнь, а многие части «Майн Кампф» являются копированием из «Психологии толпы»²². «Его работы читала вся образованная Европа. «Психология толп» лежала на письменном столе В. И. Ленина. Труды Лебона интересовались Теодор Рузвельт, Муссолини, Де Голль»²³. Кроме того, абсолютно все ав-

¹³ Макьявелли Н. Государь. С. 213.

¹⁴ Там же. С. 229.

¹⁵ Лебон Г. Психология толп // Лебон Г., Тард Г. Психология толп. М., 1998.

¹⁶ Макьявелли Н. Государь. С. 224.

¹⁷ Там же. С. 223.

¹⁸ Там же. С. 224.

¹⁹ Там же. С. 224.

²⁰ Bailey T. A Discourse on the Causes of Political Revolutions. London, 1830. P. 3; Clark J. The History and Theory of Revolutions. From the Princeton Review for April 1862. Philadelphia, 1862; Yeaman G. H. Revolutions. A Lecture. Louisville, 1861.

²¹ Brinton C. The Anatomy of Revolution. N. Y., 1938; Edwards L. P. The Natural History of Revolution. Chicago, 1927; Pettee G. S. The Process of Revolution. N. Y., 1938; Sorokine P. A. The Sociology of Revolution. Lippincott, 1925.

²² Московичи С. Век толп. М., 1998. С. 58.

²³ Дружинин В. Я. Лебон и Тард: два взгляда на развитие общества // Лебон Г., Тард Г. Психология толп. М., 1998. С. 10.

торы, затрагивающие вопросы социальной психологии, цитировали Лебона и ссылались на его идеи и выводы, которые, таким образом, дошли до начала XXI в. почти в неизменном состоянии²⁴. Все эти работы, появившиеся в течение XX в., несут в себе «родовые» черты работы Лебона, повторяя принципы и подходы, и, волей или неволей, осознанно или нет, развивая принципы, заложенные в основание этой работы итальянцем Никколо Макиавелли.

Таким образом, несколько замечаний Макиавелли оказали большее влияние на все последующие столетия изучения бунтов и революций и технологий управления этими радиальными формами социального протеста, чем развернутые наблюдения и выводы Аристотеля в «Политике», так же несправедливо забытые потомками.

NICCOLO MACHIAVELLI AND FORMATION OF THE SOCIAL PROTEST THEORY FUNDAMENTALS

E. E. SHULTS

*Lobachevsky State
University
of Nizhny Novgorod*

e-mail: nuap1@yandex.ru

In article is examined the contribution of N. Machiavelli in the study of problems of radical forms of social protest. On the one hand, the Italian thinker ascribed to the word and the conclusions he did not pronounced, on the other – overlooked by researchers of the contribution that Machiavelli has made a basis to study several areas of research of social protest.

Keywords: Machiavelli, social protest, theory of revolution, psychology of rebel.

---

²⁴ См. напр.: Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии. М., 1994. С. 41, 71, 73-74, 76, 354; Московичи С. Век толп. С. 57-58 и др.; Он же. Машина, творящая богов. М., 1998. С. 86 и др.; Ольшанский Д. В. Психология масс. СПб., 2002. С. 7, 14; Сорокин П. А. Социология революции. М., 2005. С. 174-175; Хевеши М. А. Толпа, массы, политика: Историко-философский очерк. М., 2001. С. 39-40, 52, 55; Ясперс К. Власть массы // Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. М., 2007. С. 45.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Белобородова И. Н.** – доцент кафедры истории и мировой политики Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, кандидат исторических наук
- Белоусов С. В.** – заведующий кафедрой всеобщей истории, историографии и археологии Пензенского государственного университета, доктор исторических наук, доцент
- Богданов С. В.** – профессор кафедры истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук
- Буранок С. О.** – доцент, старший научный сотрудник НОЦ «Актуальные проблемы новейшей истории и политики» Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова, кандидат исторических наук
- Василенко В. В.** – доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Венцова М. И.** – аспирант кафедры всемирной истории Донецкого национального университета, Украина
- Витрив К. В.** – аспирант кафедры классической филологии Львовского национального университета им. Ивана Франка, Украина
- Гукова И. Н.** – ассистент кафедры культурологии и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Дюкарев В. А.** – аспирант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Закиров М. Б.** – докторант кафедры политологии и правоведения Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, Украина, кандидат исторических наук, доцент
- Захарова Е. Ю.** – доцент кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета, кандидат исторических наук
- Золотарева А. А.** – соискатель кафедры всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета
- Колотушкин А. А.** – аспирант кафедры российской истории Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Краюшкина Е. И.** – аспирант кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого
- Кузнецов В. В.** – аспирант кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета
- Кучеренко М. И.** – аспирант кафедры истории Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Малкин С. Г.** – доцент кафедры всеобщей истории Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, г. Самара, кандидат исторических наук
- Морозова О. С.** – старший научный сотрудник кафедры государственного и муниципального управления и политических технологий Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, кандидат политических наук

- Назаренко Е. Ю.** – аспирант кафедры истории России Воронежского государственного университета
- Никитин Ю. А.** – доцент кафедры истории и философии истории Института философского образования и науки Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова, г. Киев, Украина, кандидат исторических наук
- Перепелицын А. В.** – профессор кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета, доктор исторических наук
- Сайко М. Н.** – доцент кафедры государственной службы, истории и политологии Буковинского государственного финансово-экономического университета, г. Черновцы, Украина, кандидат исторических наук
- Семичева Е. А.** – доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Сумская В. В.** – главный специалист-юрисконсульт Управления Государственной казначейской службы Украины в Червонозаводском районе г. Харькова, Украина
- Терещенко Д. А.** – доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Курского филиала Российского государственного торгово-экономического университета, кандидат исторических наук
- Узлик И. Г.** – декан гуманитарного факультета Частного учреждения образования «Институт современных знаний имени А. М. Широкова», г. Минск, Беларусь, кандидат исторических наук, доцент
- Фирсова Л. В.** – аспирант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Чикаидзе Ц. М.** – доцент кафедры новой, новейшей истории и исторической политологии Северо-Осетинского государственного университета, г. Владикавказ, кандидат исторических наук
- Шеенко И. А.** – аспирант кафедры российской истории Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шейко Ю. А.** – аспирант кафедры политологии Национального университета «Киево-Могилянская академия», Украина, магистр политологии
- Шилов В. Н.** – профессор кафедры культурологии и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук
- Шульц Э. Э.** – докторант кафедры международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат исторических наук
- Эюпова Д. Г.** – аспирант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ярцев С. В.** – доцент, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, кандидат исторических наук

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в двух экземплярах:

- по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный национальный исследовательский университет;
- по электронной почте редакторам разделов: «Актуальные вопросы отечественной истории» – shatohin@bsu.edu.ru (Шатохин Иван Тихонович – заместитель главного редактора); «Актуальные вопросы всеобщей истории» – bolgov@bsu.edu.ru (Болгов Николай Николаевич); «Актуальные вопросы политологии» – Shilov@bsu.edu.ru (Шилов Владимир Николаевич – заместитель главного редактора); «Актуальные проблемы экономики» – Lomovceva@bsu.edu.ru (Ломовцева Ольга Алексеевна – заместитель главного редактора); ответственный секретарь серии журнала – vasilenko_v@bsu.edu.ru (Василенко Виктория Викторовна); сайт журнала: <http://unid.bsue.edu.ru/unid/res/pub/index.php>.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ИНФОРМАТИКА» ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ»

В материалы включается следующая информация:

1) УДК научной статьи; 2) аннотация статьи (не более 1200 знаков); 3) ключевые слова; 4) сведения об авторах (Ф. И. О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны); 5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук); 6) текст статьи; 7) ссылки.	}	на русском и английском языках
	}	на русском языке

Технические требования к оформлению текста

1. Текст набирается в Microsoft Word 2000/2003. Лист – А4, портретный. Без переносов.
2. Поля:
  - правое – 1,5 см;
  - левое – 3,0 см;
  - нижнее – 2,0 см;
  - верхнее – 2,0 см.
3. Шрифт:
  - гарнитура: текст – **Georgia**; УДК, название, ФИО автора – **Impact**;
  - размер: в тексте – **11 пт**; в таблице – **9 пт**; в названии – **14 пт**.
4. Абзац:
  - отступ 1,25 мм, выравнивание – по ширине;
  - межстрочный интервал – одинарный.
5. Ссылки:
  - номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
  - нумерация – автоматическая, сквозная;
  - текст сноски внизу каждой страницы;
  - размер шрифта – 9 пт.
6. Объем статей: до **8 страниц (Georgia, 11 пт)**.
7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.
8. Требования к оформлению статей, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи

УДК 65. 01

**КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЮ РЕГИОНА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ¹****А. В. ИВАНОВ¹⁾****Л. Н. ПЕТРОВ²⁾***¹⁾ Департамент экономического развития Белгородской области**²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет**e-mail: bor@bsu. edu. ru*

При выборе пути инновационного развития необходимо учитывать возможные риски и ограничения социально-экономического развития, продуцированные перспективами постепенного вступления России в единое мировое экономическое пространство. В работе рассмотрены ключевые вызовы развитию России и регионов на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: глобализация, вызовы развитию, риски и ограничения социально-экономического развития, региональная политика.

В последние годы в российском обществе обозначился явный дефицит долгосрочного (на 10-15 и более лет) видения перспектив развития национальной экономики¹.

**KEY CHALLENGES TO REGION DEVELOPMENT
IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY****A. V. IVANOV¹⁾****L. N. PETROV²⁾***¹⁾ Department of Economic Development, Belgorod Region**²⁾ Belgorod National Research University**e-mail: bo@bsu. edu. ru*

Choosing a way of innovative development it is necessary to take into account the risks and restrictions of socio-economic development, produced by prospects of the gradual introduction of Russia into the whole world economic space. There considered key challenges to development of Russia and its regions for the long-term prospect.

Keywords: globalization, challenges to development, risks and restrictions of socio-economic development, regional policy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ*Иванов А. В.*

— кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и права Белгородского государственного университета 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: dizelsnab@mail. ru, тел. 33-22-44

¹ Караганов С. А. XXI век и интересы России // Современная Европа. 2004. №3. С. 6; Айналов Д. В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900. С. 2.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на 2-х страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Расположение начала таблицы.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Продолжение таблицы, расположенное на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

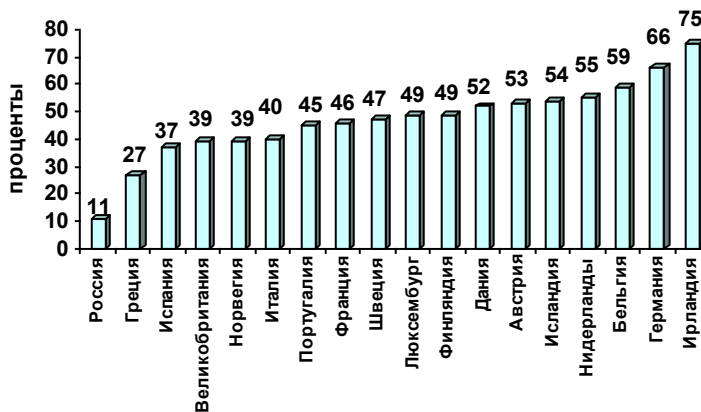

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

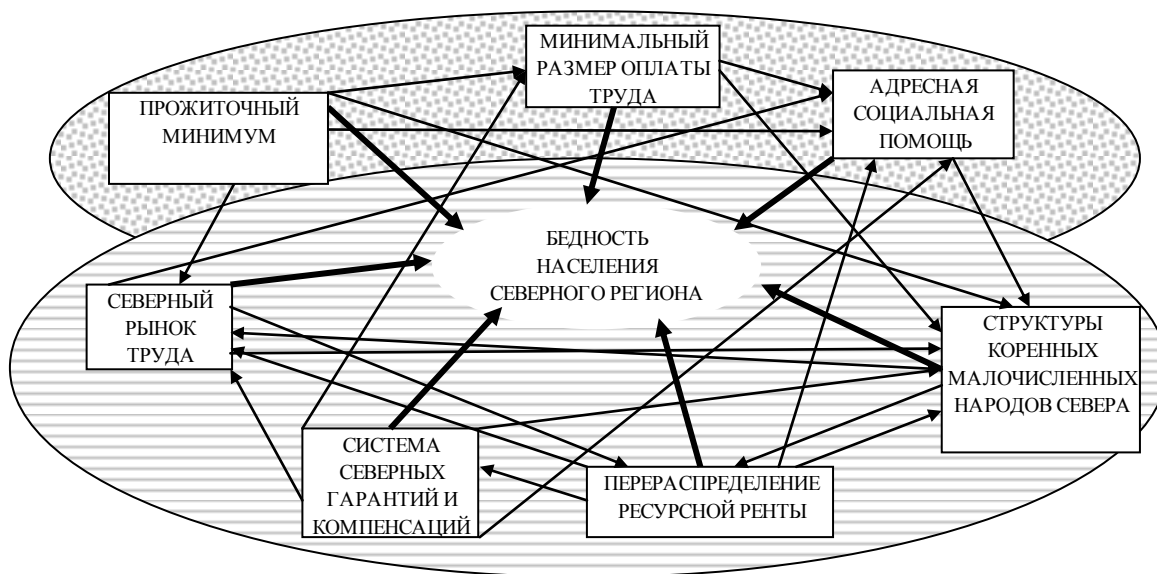

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.

За публикацию рукописи в журнале «Научные ведомости Белгородского государственного университета» плата с авторов не взимается.